THE HORUS HERESY

Graham McNeill

FULGRIM

Visions of treachery

The latest instalment in the best-selling Horus Heresy series

Annotation

Сериал «Warhammer 40000» открывает для русского читателя завораживающий мир будущего, разительно отличающийся от того, как его представляли классики научной фантастики. Сочетание готики и космического боевика, высоких технологий и магии создает неповторимую атмосферу этого сериала, завоевавшего сердца миллионов поклонников во всем мире!

То было легендарное время. Великий Крестовый Поход нес свет Имперских Истин в самые темные уголки Галактики, человечество стремилось объединить разрозненные миры и стереть чуждые расы с лица Истории.

А он стремился к совершенству. Фулгрим, примарх Легиона Детей Императора, видел цель своей жизни в достижении идеала во всем — в войне, искусстве, знании. Но как-то не подумал, что дойти до абсолюта — значит, дойти

до края. А то, что обитает за краем, имеет свои представления о границах дозволенного...

- Грэм Макнилл
  - Действующие лица
  - Часть первая
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
  - Часть вторая
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
  - Часть третья
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
  - Часть четвертая

- 16
- 17
- 18
- 19
- 20

- Часть пятая
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25

Грэм Макнилл
Фулгрим
Образы предательства

Действующие лица

Дети Императора

Фулгрим — примарх

Эйдолон — лорд-командир

Веспасиан — лорд-командир

Юлий Каэсорон — капитан Первой роты

Соломон Деметр — капитан Второй роты

Марий Вайросеан — капитан Третьей роты

Саул Тарвиц — капитан Десятой роты

Люций — капитан Тринадцатой роты

Чармосиан — капеллан Восемнадцатой роты

Гай Кафен — заместитель Соломона Деметра

Ликаон — советник Юлия Каэсорона

Фабий — апотекарий

Железные Руки

Феррус Манус — примарх

Габриэль Сантар — капитан Первой роты

Каптай Балхаан — капитан «Феррума»

Примархи

Хорус — Воитель, примарх Легиона Сынов Хоруса

Вулкан — примарх Легиона Саламандр

Коракс — примарх Легиона Гвардии Воронов

Ангрон — примарх Легиона Пожирателей Миров

Мортарион — примарх Легиона Гвардии Смерти

Другие космодесантники

Эреб — первый капеллан Легиона Несущих Слово

Имперская армия

Тадеуш Файль — лорд-командующий

Прочие персонажи

Серена д'Анжело — художник-портретист

Бекья Кински — композитор и музыкант

Остиан Делафур — скульптор

Коралин Асеник — актриса театра

Леопольд Кадмус — поэт

Ормонд Бракстон — эмиссар Администратума Терры

Эвандер Тобиас — архиварius на борту «Гордости Императора»

Эльдары

Эльдрад Ультран — прорицатель Ультве

Кираэн Златошлемный — призрак-повелитель Ультве

Часть первая
Непревзойденный воин

Пережитые испытания венчает триумф, а боль в сердце наполняет радостью. Чтобы познать истинное счастье, необходимо многое испытать, двигаться вперед и совершенствоваться. Нельзя достичь успеха без исправления ошибок, попрания невежества и несовершенства. Чтобы увидеть свет, надо пройти сквозь тьму.

Примарх Фулгрим.
Достижение
совершенства

Совершенство достигается не в тот случае, когда нечего добавить, а когда нечего отнять.

Остиан Делафур,
мастер камня

Единственно истинный рай — это тот, что для нас утрачен...

Пандор Зенг,
философ,
предположительно
живший в Аютархе-9
Индонезийского блока

1
Сольный концерт
Увидеть сущность
Лаэран

— Для каждого из нас, — говаривал Остиан Делафур в тех редких случаях, когда его вынуждали высказаться о своем таланте, — опасность заключается не в том, что стоящая перед нами цель слишком высока и мы не можем ее достичь, а в том, что цель слишком низкая и мы ее поражаем.

Затем он скромно улыбался, старался отойти на задний план и увернуться от дальнейших разглагольствований, ощущая неловкость от лести и изнемогая от всеобщего внимания.

Только здесь, в захламленной студии, в окружении разбросанных повсюду резцов, молотков и рашпилей, которыми он отсекал кусочки тратора, творя свои шедевры, Остиан чувствовал себя комфортно. После нескольких часов

созерцания он отошел от каменного блока, стоявшего в центре студии, и провел рукой по лицу и коротким, сильно вьющимся темным волосам.

Сверкающий прямоугольник белого мрамора возвышался почти на четыре метра, и его поверхности еще не касался резец скульптора. Остиан обошел вокруг глыбы, провел серебряными руками по шероховатой поверхности, угадывая природную структуру мрамора и намечая место первого удара. Сервиторы доставили мрамор из грузового отсека «Гордости Императора» еще неделю назад, но до сих пор скульптор лишь рассматривал камень, намечая пути освобождения шедевра от каменной кожуры.

Мрамор был доставлен на флагманский корабль Детей Императора из каменоломни Проконессус, что на Анатолийском полуострове, где добывалась большая часть материалов для постройки и украшения Императорского дворца. Глыбу вырубали вручную на горе Арарат, чьи крутые и неприступные

склоны были известны богатыми залежами чистого белого тратора. Ценность этого блока не поддавалась исчислению, и только благодаря личному вмешательству примарха Детей Императора она попала на корабль Двадцать восьмой экспедиции.

Остиан знал, что многие называют его гением, но сам он считал свои руки лишь инструментом для высвобождения уже живущего в траторе образа. Его умение — скульптор из скромности не называл его талантом — заключалось в том, чтобы еще до первого прикосновения резца к камню увидеть полностью законченное произведение, скрытое внутри. Нетронутый тратор мог принять любую форму, возникшую в мозгу художника.

Остиан Делафур был худощав, с тонким серьезным лицом и узкими пальцами, заключенными в серебристый металл. Эти пальцы сверкали, словно ртуть, и вечно вертели какой-нибудь инструмент или любой подвернувшийся предмет, словно руки жили своей собственной жизнью независимо от воли их

хозяина. Под длинным белым балахоном скульптора скрывались отлично сшитый костюм и кремовая рубашка, и этот официальный наряд совершенно не соответствовал неприбранной мастерской, где Остиан проводил большую часть времени.

— Теперь я готов, — прошептал Остиан.

— Надеюсь, что так, — раздался за его спиной женский голос. — Если ты опоздаем на концерт, Бекья закатит истерику, ты же знаешь, как она относится к своим выступлениям.

Остиан улыбнулся:

— Нет, Серена, я хотел сказать, что готов приступить к работе.

Повернувшись к Серене д'Анжело, похожей на одну из устрашающих матрон, так прекрасно сыгранных Коралин Асеник, он развязал тесемки балахона и стащил его через голову. Женщина недовольно поморщилась, окинув взглядом царящий в студии беспорядок. Остиан знал, что ее мастерская была образцом опрятности. С одной стороны строго по тонам

выстраивались тюбики с краской, с другой — кисти, мастихины и палитры, без единого пятнышка и сверкающие, словно только что вынутые из упаковки.

Серена была небольшого роста и обладала тем типом красоты, который заставлял ее недоумевать по поводу любого проявления внимания со стороны мужчин, и вместе с тем она была величайшим художником в ордене летописцев. Кое-кто предпочитал пейзажи Келанда Роже, путешествующего с Двенадцатой экспедицией Робаута Жиллимана, но Остиан был уверен, что Серена превзошла Роже в мастерстве.

«Даже если она сама этого и не подозревает», — подумал он, украдкой глянув на ее руки, прикрытые длинными манжетами платья.

Для сольного концерта Бекьи Кински Серена выбрала длинное вечернее платье из керулеанского шелка, с невероятно жесткой баской, подчеркивающей грудь. Длинные иссиня-черные волосы, свободно распущенные, спускались до талии, обрамляя продолговатый овал лица и

темные раскосые глаза.

— Ты прекрасно выглядишь, Серена, — сказал он.

— Спасибо, Остиан. — Серена подошла ближе и поправила его воротничок. — А вот ты как будто спал в своем костюме.

— Это хороший костюм, — запротестовал Остиан, пока она развязывала и вновь старательно затягивала аккуратный узел на его галстуке.

— Хороший — еще не отличный, мой дорогой, — сказала Серена. — Тебе это известно. После этого проклятого концерта Бекья возгордится еще больше, и я не хочу, чтобы она сказала, что мы, художники, смущали ее своим неопрятным богемным видом.

Остиан усмехнулся:

— Да, она скептически относится к прикладным видам искусства.

— Это все от изнеженного воспитания в ульях Европы, — заметила Серена. — Скажи, я правильно поняла: ты готов приступить к работе?

— Да, — кивнул Остиан. — Готов.

Теперь я вижу, что скрывается внутри. Мне осталось только освободить его.

— Что ж, я думаю, лорд Фулгрим будет рад это узнать, — сказала Серена. — Как я слышала, он просил изволения самого Императора, чтобы доставить этот камень с Терры.

— О, пожалуйста, не надо на меня давить, — попросил Остиан, когда Серена отошла от него, убедившись, что скульптор выглядит должным образом.

— Все будет прекрасно, дорогой. Ты и твои руки скоро заставят этот мрамор петь.

— А как твоя работа? — спросил Остиан. — Получается портрет?

Серена вздохнула:

— Продвигается понемногу, но лорд Фулгрим так жаждет боя, что у него почти не остается времени, чтобы мне позировать.

Остиан заметил, что Серена бессознательно начала почесывать ладони.

— С каждым днем, пока я смотрю на незаконченную работу, она мне все больше и больше не нравится. Мне кажется, что

надо бы начать все заново.

— Не надо, — сказал Остиан, разжимая ее руки. — Ты преувеличиваешь. Все хорошо, и, как только Лаэран будет покорен, лорд Фулгрим сможет позировать тебе столько, сколько нужно.

Она улыбнулась, но Остиан понимал, что Серена с трудом сдерживается. Он пожалел, что не в состоянии развеять меланхолию, овладевшую душой Серены, и предотвратить вред, который она наносит самой себе.

— Пойдем, — только и сказал он. — Нельзя заставлять Бекью ждать.

Остиан не мог не признать, что Бекья Кински, музыкально одаренное дитя из европейского города-улья, была весьма привлекательной женщиной. Буйные синие волосы на ее голове напоминали ясное летнее небо, а черты лица свидетельствовали о хорошей наследственности и квалифицированной хирургической коррекции. Хотя, по мнению Остиана, чрезмерное количество декоративной косметики только

отвлекало внимание от ее естественной красоты. Чуть ниже линии волос он заметил вживленные акустические устройства, а с головы свисало несколько тончайших проводков.

Бекья обучалась в лучших академиях Терры, а затем стажировалась в недавно открытой Консерватории, хотя, по правде говоря, время, проведенное в этом заведении, можно было считать потраченным зря. Преподаватели Консерватории уже не могли научить ее ничему, чего бы она не знала. Люди слушали ее оперы и композиции во всех уголках Галактики, и ее музыкальный талант был просто за рамками каких-либо сравнений. Ее музыка наполняла душу светом и, казалось, могла бы двигать горы.

На борту «Гордости Императора» Остиан уже дважды встречался с Бекьей, и каждый раз ее чудовищно раздутое эго и непомерно высокое самомнение вызывали у него неприязнь. Но по какой-то неведомой причине Бекья, казалось, благоволила ему.

Бекья, в многослойном платье под

цвет волос, в одиночестве сидела на приподнятой сцене в противоположном конце концертного зала. Она опустила голову и внимательно осматривала клавесин, соединенный с множеством акустических излучателей, расположенных на стенах через равные промежутки по всему залу.

Концертный зал представлял собой широкое, отделанное темными панелями помещение с порфировыми колоннами, освещенное неяркими люминесцентными сферами на гравитационных генераторах. Мозаичные стеклянные окна с изображениями Астартес Легиона Детей Императора в пурпурно-красных плащах занимали одну стену, а вдоль второй стояли траморные бюсты, по слухам высеченные самим примархом.

Остиан мысленно пообещал себе позже осмотреть их внимательнее.

Зал собрал около тысячи слушателей. Некоторые пришли в бежевых одеждах летописцев, другие — в строгих черных мундирах адептов Терры. Кое-кто выделялся сшитыми на заказ мундирами,

брюками с лампасами и высокими черными сапогами, что выдавало представителей имперской знати. Они специально присоединились к Двадцать восьмой экспедиции, чтобы послушать выступление Бекьи.

Были среди слушателей и солдаты Имперской Армии: старшие офицеры в шлемах с плюмажами из перьев, копейщики кавалерии в золотых колетах и блюстители дисциплины в красных плащах. В концертном зале царило смешение всевозможных цветов, а бряцание шпор по деревянному полированному полу перекликалось со звоном парадных сабель.

Многообразие мундиров поразило Остиана.

— Как могут все эти офицеры находить время для посещения подобных мероприятий? — удивился он. — Разве мы не находимся в состоянии войны с чужеродной нацией?

— Дорогой мой Остиан, время для искусства всегда найдется, — ответила Серена, принимая два хрустальных кубка искрящегося вина от одного из ливрейных

лакеев, беспрестанно снующих по залу. — Война, безусловно, жестокая госпожа, но она ничто в сравнении с музыкой Бекьи Кински.

— Не вижу причин, почему я должен здесь находиться, — заметил Остиан, пригубив вино и наслаждаясь освежающей прохладой напитка.

— Она же сама тебя пригласила, дурачок, а перед просьбой Бекьи мало кто может устоять.

— Но она мне даже не нравится, — возразил Остиан. — Почему я должен обращать внимание на ее приглашение?

— Потому что ты ей нравишься, глупый, — сказала Серена и шутливо ткнула его в бок локтем. — Надеюсь, ты понимаешь, что это значит.

Остиан вздохнул:

— Не могу понять, как это могло случиться. Я едва ли перекинулся парой слов с этой женщиной. Она редко позволяет ввернуть хоть словечко кому-нибудь из своих собеседников.

— Можешь мне поверить. — Серена ласково дотронулась своей изящной ручкой

до его запястья, — ты и сам хочешь здесь быть.

— В самом деле? Просвети меня на этот счет.

— Ты ведь еще ни разу не слышал, как играет Бекья, не так ли? — с улыбкой спросила его Серена.

— Я слышал ее записи.

— Мальчик мой! — Она театрально закатила глаза, словно падая в обморок. — Если ты своими ушами не слышал игру Бекьи Кински, ты не слышал ничего! Тебе понадобится несколько носовых платков, поскольку слезы будут литься ручьями! А перед выступлением следует принять успокоительное, чтобы не слишком лихорадило от восхищения!

— Прекрасно, — буркнул Остиан, уже жалея, что не остался в своей мастерской с глыбой мрамора. — Что ж, я остаюсь.

— Не сомневайся, — усмехнулась Серена. — Ты об этом не пожалеешь.

Шум голосов в зале постепенно стал стихать. Серена отняла свою руку от запястья Остиана и прикоснулась пальцем к губам. Скульптор оглянулся, ища

причину наступившей тишины, и увидел, что в концертном зале появилась высокая фигура в белом одеянии, с длинными светлыми волосами.

— Астартес... — выдохнул Остиан. — Я не думал, что они настолько огромны.

— Это Первый капитан Юлий Каэсорон, — пояснила Серена, и в ее голосе он уловил нотку самодовольства.

— Ты с ним знакома?

— Да, он попросил меня написать его портрет, — просияла Серена. — Мне стало известно, что он покровительствует искусствам. Он очень приятен в общении и обещал информировать меня о предоставляющихся возможностях.

— Возможностях? — переспросил Остиан. — Что это за возможности?

Серена не успела ответить, поскольку люмосферы, постепенно сбавляя яркость, погасли и по залу пронеслось нетерпеливое шиканье. Взглянув в сторону сцены, Остиан заметил, что Бекья положила руки на клавиатуру клавесина.

Едва акустические излучатели и точности воспроизвели и усилили начало

мощной увертюры, Остианом внезапно овладело непреодолимое романтическое чувство.

А потом представление началось, и шторм звуков обрел очертания мелодии и развеял неприязнь Остиана к Бекье. Сначала он услышал отдельные капли дождя, потом поднялся симфонический ветер, и вот уже вовсю разбушевался ливень. Он слышал звон и шелест воды, хлещущие порывы бури и грохотание грома. Остиан даже поднял голову, почти ожидая увидеть над головой тяжелые тучи.

Музыка крепла, и в зале заметались голоса тромбонов, пронзительные стоны флейт и громогласные удары литавр, они сливались в страстную симфонию, повествующую дивную эпическую историю на каком-то прекрасном и очень ясном языке, хотя позже Остиан совершенно не мог вспомнить, о чем была эта песня.

К оркестру присоединились голоса вокалистов, хотя на сцене не было никого, кроме Бекьи, а музыка продолжала греметь, призывая к миру, радости и

братству людей.

Душа Остиана воспарила, а затем была низвергнута в пропасть, и он ощутил на своем лице слезы отчаяния, но мощная кульминация симфонии снова подняла его в небеса.

Он искоса взглянул на Серену и понял, что и ее обуревают те же чувства, отчего возникло желание привлечь ее к груди и разделить радостный восторг. Остиан снова перевел взгляд на сцену: Бекья раскачивалась, словно сумасшедшая, ее сапфировые волосы рассыпались по лицу, а пальцы кружили над клавишами, как танцующие дервиши.

Внезапно внимание Остиана отвлекло какое-то движение в рядах восхищенных слушателей. Он заметил, как какой-то аристократ в серебряном нагруднике и синем флотском мундире с высоким воротником, наклонившись, прошептал своей спутнице несколько слов.

В то же мгновение музыка смолкла, и Остиан вздрогнул, как от удара. Музыка не просто смолкла — ее словно вырвали из сердца. Обрушившаяся на зал тишина

породила в его груди болезненную пустоту и яркую ненависть к невоспитанному аристократу, чье поведение стало причиной преждевременного конца.

Бекья встала из-за инструмента. Ее грудь в изнеможении вздымалась, а на лице пылал огонь несдерживаемой ярости.

Она с ненавистью вперила взор в аристократа.

— Я не буду играть для таких свиней! — крикнула она.

Мужчина в гневе вскочил со своего места:

— Я не потерплю оскорблений, женщина! Перед тобой Палджор Дорджи, шестой маркиз клана Терравал и патриций Терры. Изволь относиться ко мне с почтением!

Бекья плюнула на подмостки:

— Ты хвастаешься тем, что досталось тебе по прихоти рождения. А я создала себя сама. Здесь тысячи аристократов Терры, и только одна Бекья Кински!

— Я требую, чтобы ты продолжала концерт, женщина! — закричал Палджор

Дорджи. — Ты не представляешь, сколько веревочек пришлось натянуть, чтобы меня включили в состав этой экспедиции, и все ради того, чтобы послушать твою игру!

— Не знаю и не желаю знать, — бросила Бекья. — Такой гений, как я, достоин любой цены. Удвойте ее, утройте, и вы даже отдаленно не узнаете стоимости того, что услышали сегодня вечером. Но это несущественно, поскольку я больше не буду играть.

Зал горестно загудел, умоляя возобновить концерт. Но Бекья Кински была не склонна уступать просьбам публики, пока от входа в концертный зал не раздался еще один могучий голос:

— Госпожа Кински!

Все головы повернулись на этот властный оклик, и Остиан, увидев, кто успокоил толпу, почувствовал, как лихорадочно забилось его сердце. В дверях стоял Фулгрим Фениксиец.

Еще ни разу в жизни взгляд Остиана Делафура не останавливался на более могущественном создании, чем примарх. Его доспехи цвета аметиста сверкали,

словно только что вышли из оружейной мастерской, золотые полосы на нем блестели солнечными лучами, и каждая пластина брони была украшена искусной чеканкой. Длинный кольчужный плащ ниспадал с плеч, а высокий пурпурный ворот и крыло имперского орла, распростертое над левым плечом, оттеняли черты бледного лица.

У Остиана тотчас возникло желание высечь статую Фулгрима из мрамора. Он понимал, что прохладный камень превосходно передаст оттенки светящейся кожи примарха, доброжелательный взгляд, улыбку, спрятавшуюся в уголках глаз, и мерцающую белизну рассыпавшихся по плечам волос.

Все присутствующие в восторге от совершенства, к которому никто и не надеялся приблизиться, склонили головы перед величием Фулгрима.

— Ты не хочешь играть для маркиза, так, может, согласишься сыграть для меня? — спросил Фулгрим.

Бекья Кински кивнула, и концерт продолжился.

Впоследствии сражение за Атолл-19 будут описывать как незначительную стычку, предшествующую зачистке Лаэрана, прелюдию к грядущей битве. Но для штурмгруппы Второй роты Детей Императора под командованием Соломона Деметра это сражение оказалось гораздо более жестоким и напряженным, чем простая стычка. Зеленые раскаленные стрелы энергетических зарядов со злобным воем проносились по извилистым улицам, плавили углы зданий и разрушали боевые доспехи атакующих Астартес при первом же касании. Яростный треск огня и пронзительный свист проносящихся ракет смешивались с тяжелым грохотом болтерной стрельбы и завыванием горнов коралловых башен. Соломон вел своих Астартес по лабиринту переходов и улочек на соединение с отделениями Мария Вайросеана.

Витые башни из прозрачного коралла над их головами издавали рев, словно какие-то гиганты трубили в раковины морских моллюсков, а ряды гладких,

окаймленных бортиками окошек напоминали акустические отверстия музыкальных духовых инструментов. Весь атолл был образован из этого почти невесомого, но чрезвычайно прочного материала, и адепты Механикум горели желанием разгадать, каким образом гигантские сооружения держатся над поверхностью безбрежного океана планеты.

Из неприятно изощренных строений ксеносов неслись визгливые крики, вторя реву самих башен, а отвратительный скрип ползущих отовсюду врагов служил фоном этой какофонии.

Соломон Деметр пригнулся у волнистой колонны из розового с прожилками коралла и ловко вогнал очередную обойму в свой сделанный по заказу болтер. Все поверхности оружия и внутренний механизм были вручную доработаны личным оружейником капитана. Скорострельность болтера лишь в малой степени превосходила серийное оружие, но зато болтер ни разу не дал осечки, а Соломон был не из тех людей, кто готов доверить свою жизнь не

доведенному до совершенства изделию.

— Гай! — громко окликнул он своего заместителя, Гая Кафена. — Ради Феникса, куда пропало отделение Сантеарона?

Его лейтенант покачал головой, и у Соломона вырвалось проклятие. Значит, лаэры уже перехватили направляющийся к ним мотострелковый отряд. Этим лаэрам нельзя отказать в сообразительности. Он с сожалением вспомнил о тягостной утрате флангового отряда капитана Аэсона, после чего обнаружилось, что лаэры каким-то образом сумели вывести из строя вокс-связь. Сама мысль о том, что ксеносы способны на столь неистовое сопротивление Легиону Астартес, казалась нелепой, но это лишь побуждало воинов Фулгрима уничтожать их с еще большей яростью.

Соломон Деметр являл собой истинное воплощение Астартес. Его темные волосы были острижены очень коротко, почти наголо, кожа потемнела под лучами бесчисленных солнц, а

подвижные черты лица только подчеркивали крепкие скулы. Он счел ниже своего достоинства надевать шлем, к тому же не хотел, чтобы его приказы по вокс-сети прослушивались лаэрами, а если любой из их снарядов попадет в голову, он все равно будет мертв, в шлеме или без него.

Теперь, когда Соломон знал, что на помощь воздушных сил рассчитывать не приходится, пришло понимание, что его штурмовикам придется несладко. Продолжать атаку без должной подготовки и поддержки претило его стремлению к порядку и совершенству, но он не мог не признать, что шанс самостоятельно справиться с возникшей ситуацией его приятно возбуждает. Некоторые командиры утверждали, что им часто приходится сражаться, не имея в своем распоряжении желаемого количества воинов, но для большинства Детей Императора такое положение считалось неприемлемым.

— Гай, нам придется все сделать самим! — закричал Деметр. — Обеспечь

плотную стрельбу, не дай этим ксеносам поднять головы!

Кафен кивнул и короткими четкими жестами передал приказ отделениям, рассредоточенным среди руин площадки, которую только в насмешку можно было бы назвать зоной высадки.

Позади все еще дымился разгромленный штурмкатер, чье крыло еще на подходе было снесено вражеской ракетой, и Соломон знал, что удержаться в воздухе и дотянуть до летающего атолла им помогли только чудо и мастерство пилота. Он с содроганием представил себе, что все они могли погрузиться в толщу бескрайнего океана и навеки затеряться среди затопленных руин древних городов Лаэрана.

Десант не стал для лаэров неожиданностью, и вот уже семь воинов больше никогда не смогут сражаться. Соломон не имел понятия, какие потери несут другие подразделения, но не сомневался, что им пришлось не легче, чем его штурмовикам. Он рискнул выглянуть из своего укрытия. Слегка

искаженные пропорции и округлые очертания колонны, за которой он стоял, оставляли странное впечатление. Да и все остальные конструкции на этом атолле вызывали раздражение всех его чувств — и бурная неумеренность цвета, и странные формы, и шум, оскорблявший слух откровенным неистовством.

Его взгляду открывалась широкая площадь, в центре которой в небо бил столб испепеляющей энергии, окруженный ослепительно сиявшим коралловым кольцом. На всех атоллах были разбросаны десятки подобных сооружений, и адепты Механикум считали их главной причиной того, что летучие атоллы не падают в океан.

На Лаэране почти не осталось суши, и захват атоллов без их разрушения должен стать ключом к успеху всей последующей кампании. Эти островки тверди впоследствии могли превратиться в отправные точки для всех атак, и сам фулгрим объявил, что источники энергии, удерживающие атоллы в воздухе, должны быть захвачены любой ценой.

Соломон заметил и лаэрских воинов, скользивших у основания энергетического столба, — их передвижения были плавными, но в то же время неимоверно быстрыми. Первый капитан Каэсорон лично поручил Второй роте обеспечить безопасность площади, и Деметр на крови поклялся, что не подведет.

— Гай, забирай своих людей, и направляйтесь к площади справа. Не высовывайтесь. У них наверняка там тоже имеются заслоны, чтобы вас задержать. Передай Телонию, чтобы он то же самое повторил с левой стороны.

— А ты? — отозвался Кафен, с трудом перекрикивая грохот стрельбы. — Куда ты пойдешь?

Соломон усмехнулся:

— Куда же еще, как не в центр? Я возьму с собой отряд Чармосиана, но не раньше, чем отделение Голдоары займет подходящую позицию. Никто не должен трогаться с места, пока не будет обеспечена достаточно плотная огневая поддержка, чтобы я мог выдвинуться вперед.

— Капитан, — засомневался Кафен, — не сочти за оскорбление, но ты уверен, что это правильный выбор?

Соломон передернул затвор своего болтера.

— Ты слишком заботишься о «правильном» выборе, Гай. Мы просто должны хорошенько разобраться в ситуации и учесть все возможные последствия.

— Ну, если ты так считаешь... — протянул Кафен.

— Да, я так считаю! — рявкнул Соломон. — Вероятно, нам не удастся на этот раз действовать по науке, но, клянусь Кемосом, мы справимся! А теперь передай приказы.

Соломон, ощущая знакомое возбуждение, предшествующее очередной схватке с врагами, подождал, пока команды будут переданы воинам его роты. Деметр знал, что Кафен не одобряет действий не по правилам, но Соломон был твердо уверен, что в таких тяжелых обстоятельствах воины закаляются и приближаются к совершенству,

воплощенному в их примархе.

Сержант Чармосиан поравнялся с Соломоном, а его ветераны собрались вокруг, прячась в тени ближайших зданий.

— Сержант, ты готов? — спросил Соломон.

— Всегда готов, сэр! — ответил Чармосиан.

— Тогда вперед! — крикнул Деметр, услышав грохот огневой поддержки отделения Голдоары.

Гул и взрывы крупнокалиберных снарядов словно открыли ему путь и послужили сигналом к действию. Соломон выскользнул из укрытия и устремился к потрескивающей энергетической башне.

Навстречу Астартес взметнулись зеленые стрелы вражеских снарядов, но было ясно, что стрельба ведется наугад, — прикрывающий космодесантников огонь был настолько мощным, что лазеры предпочли не высовываться. По обеим сторонам от Соломона грохотали болтерные выстрелы, и он понял, что Кафен и Телоний тоже пробиваются к площади. Вслед за ним бежали ветераны

Чармосиана, стреляя на ходу с бедра.

Едва Деметр подумал, что, возможно, удастся подобраться к энергетическому столбу, не встретив особого сопротивления, как лаэры бросились в контратаку.

Объединенные в одну нацию лаэры были первой народностью, с которой столкнулись Дети Императора после того, как расстались с Лунными Волками на триумфальном Улланоре. Радостные возгласы того знаменательного дня до сих пор звенели у них в ушах, и зрелище собравшихся на торжество примархов оставило незабываемые воспоминания в сердце каждого из Детей Императора.

Во время братского прощания с Фулгримом Хорус назвал этот день окончанием и одновременно — началом, поскольку теперь он стал регентом Императора, Воителем и командующим всеми имперскими силами. После возвращения Императора на Терру ему были переданы миллиарды воинов и право разрушать миры.

Воитель...

Этот титул был новым, учрежденным специально для Хоруса, и примархам еще только предстояло осознать его значение, ведь им придется подчиняться приказам своего брата, которого еще недавно они считали равным.

Дети Императора с радостью приняли это назначение, поскольку они давно считали Лунных Волков своими братьями. Из-за ужасного несчастного случая при формировании Легиона Дети Императора были почти уничтожены, но Фулгрим, подобно фениксу, смог возродить свой Легион, за что и получил прозвище Фениксиец. В период восстановления, пока Фулгрим заново создавал свой Легион, он и несколько уцелевших Астартес почти целое столетие сражались бок о бок с Лунными Волками.

С Терры и родного мира Фулгрима, Кемоса, были набраны новые рекруты; Легион быстро вырос и под покровительством Хоруса превратился в одну из самых могущественных армий в

Галактике.

Сам Хорус признал, что Легион Детей Императора — лучший из тех, с кем ему приходилось сотрудничать.

Теперь, имея за плечами опыт нескольких десятилетий войн, Дети Императора имели достаточно сил, чтобы самостоятельно продолжить Великий Крестовый Поход и проложить в Галактике свою дорогу, и впервые за сто лет им предстояло самостоятельно вести борьбу с ксеносами.

Воины Легиона жаждали испытать себя в бою, и Фулгриму не терпелось наверстать время, потраченное на восстановление сил, он стремился раздвинуть границы Империума и показать, насколько отважны и сильны его воины.

Первый контакт с лаэрами состоялся в тот момент, когда один из передовых кораблей-разведчиков Двадцать восьмой экспедиции обнаружил признаки цивилизации в окрестностях двойной звезды, а затем определил, что здесь образовалось высокоразвитое общество.

Поначалу чуждая раса не проявляла открытой враждебности к имперским силам, но, когда к их родному миру был выслан отряд разведчиков, лаэры решительно воспротивились намерениям Двадцать восьмой экспедиции. Небольшой, но мощный военный флот чужаков атаковал имперские суда на подступах к центральной планете и уничтожил их все до единого, не потеряв при этом ни одного своего корабля.

Из той скудной информации, что удалось собрать до трагического столкновения, адепты Механикум смогли узнать, что народ называет себя лаэрами, а их технологии могут сравниться, а кое в чем и превзойти технологии Империума.

Большая часть населения лаэров была сконцентрирована на коралловых городах-атоллах, курсирующих в небесах Лаэрана. По всем признакам эта океаническая планета лишилась своих материков после таяния полярных ледяных шапок. Теперь из бескрайнего океана, занимающего почти всю поверхность мира, торчали только отдельные пики,

когда-то бывшие вершинами самых высоких гор.

Чиновники из Совета Терры постановили, что, поскольку завоевание столь развитой расы может стать слишком долгим и дорогим мероприятием, мир можно превратить в протекторат Империума. Но Фулгрим отмел все их доводы одной, ставшей знаменитой фразой:

— Только человечество способно на совершенство, а для любой чуждой расы иметь идеи и технологии, сравнимые с человеческими, просто недопустимо. Нет, лаэры заслуживают только уничтожения.

И после этого началась зачистка Лаэрана.

2
Врата Феникса
Орея будет править
В пламени

Из всех кораблей Двадцать восьмой экспедиции «Гордость Императора» был самым величественным. С выкрашенной в пурпур броней с золотыми вставками, в окружении эскорта из судов сопровождения, боевых крейсеров, челноков и армейских транспортов, он царственно парил на орбите сапфирового мира Лаэран.

Кораблестроители Юпитера заложили его киль сто шестьдесят лет назад, за проектированием и постройкой лично наблюдал главный фабрикатор Марса, а каждый компонент вручную приводился в соответствие с чрезвычайно строгими требованиями. На сооружение корабля ушло вдвое больше времени, чем это требовалось для любого другого судна такого же тоннажа, но флагманский корабль примарха III Легиона Детей

Императора невозможно строить в спешке.

Дислокация Двадцать восьмой экспедиции представляла собой образец маршевого построения. Все корабли ошвартовались над Лаэраном в безукоризненном порядке, как того требовала военная доктрина, и ни один вражеский летательный аппарат не мог ускользнуть от внимания «Хищников» имперской флотилии. Суда лаэров, которые доказали свою опасность в столкновении с разведывательным отрядом, благодаря превосходству сил экспедиции и военному мастерству фулгрима, были превращены в обломки и теперь, подобно поясу астероидов, вращались вокруг шестой планеты системы.

Хотя мир внизу был известен как Лаэран, его официальным названием стало «номер Двадцать восемь — три», поскольку это был третий мир, приведенный к Согласию Двадцать восьмой экспедицией. Учитывая яростное сопротивление, оказанное штурмгруппе

явно несогласными обитателями, такое переименование можно было счесть слегка преждевременным, но Согласие было неизбежным, и употребление нового названия посчитали вполне допустимым.

По обе стороны от флагмана примарха двумя часовыми застыли «Андроний» и «Мужество Фулгрима» — оба были одеты в пурпурно-золотую броню, оба имели на своем счету немало славных побед. Звенья «Хищников» курсировали от одного корабля к другому, сопровождая к «Гордости Императора» всех высших офицеров, поскольку теперь, когда вражеский флот был уничтожен, примарх собирался раскрыть планы по дальнейшему устирению этого мира.

Противоречивые эмоции были непривычны такому человеку, как Первый капитан Юлий Каэсорон, и в сложившейся ситуации он чувствовал себя довольно неловко. В парадной пурпурной тоге и лацерне красного цвета, в сопровождении своего советника Ликаона и трех посыльных, несущих его шлем, меч и край

мантии, он представлял собой весьма внушительную фигуру, быстрым шагом направляющуюся к Гелиополису.

С шеи Каэсорона на золотой чеканный нагрудник брони спускалась цепочка с подвеской из огненно-красного янтаря. Патрицианские черты лица не отражали ни малейшего намека на внутреннее беспокойство — обнаружить свою тревогу значило открыто признаться в сомнениях по поводу действий примарха, а это было бы недопустимой оплошностью.

Вся эта процессия шествовала по широкому торжественному переходу с высокими ониксовыми колоннами и светлыми простенками из прохладного травертина между ними, на которых золотыми буквами излагалась славная история Великого Крестового Похода и повествования об одержанных победах. «Гордости Императора» изначально предстояло стать наследием Фулгрима, и даже ее стены несли на себе историю Империума.

Вдоль всего коридора стояли статуи героев Легиона, а картины в золотых

рамах, пожертвованные летописцами экспедиции, добавляли к холодной торжественности помещения ярких красок.

— Куда мы так спешим? — спросил Ликаон, он тоже был в сверкающих полированных доспехах, хотя и не таких роскошных, как у Первого капитана. — Мне казалось, что примарх обещал подождать твоего прихода и только потом открыть свои планы относительно дальнейшего курса экспедиции.

— Обещал, — бросил Юлий и ускорил шаг, к большому неудовольствию своих спутников. — Но для того чтобы выполнить его требования, я должен как можно скорее спуститься на Двадцать восемь — три. Месяц, Ликаон! Он хочет, чтобы Лаэран был приведен к Согласию всего за один месяц!

— Люди готовы, — заверил его Ликаон. — Мы сможем это сделать.

— Я в этом не сомневаюсь, Ликаон, но смерть пожнет немалую жатву. Слишком дорогая цена.

— Штурмкатера в полной

готовности стоят на пусковых рельсах и ждут только твоего слова, чтобы отправиться на Лаэран.

— Я знаю, — кивнул Юлий. — Но нам придется подождать приказа примарха, чтобы начать высадку.

— Даже после того, как штурмгруппа капитана Деметра уже спустилась на поверхность? — спросил Ликаон, глядя на караульных Астартес с копьями, стоявших вдоль всего перехода через равные промежутки.

Хоть они и стояли неподвижно, словно статуи, в каждом угадывалась готовность к мгновенному действию, отличавшая всех воинов Детей Императора.

— Даже теперь, — подтвердил Юлий. — Было бы аполитично начинать полномасштабную кампанию без консультации с другими офицерами экспедиции, так что высадка штурмгруппы означает лишь предварительную разведку боем, а не старт всей кампании.

Ликаон пожал плечами и покачал

головой:

— Какой смысл беспокоиться о мнении офицеров экспедиции? Примарх отдает приказы, и их дело поступать так, как он считает нужным. Это единственное, что имеет значение.

Хотя Юлий и был согласен со словами Ликаона, он не стал отвечать и лишь мысленно посетовал, что не ему довелось вести воинов передового отряда. Он успел прослушать первые донесения Соломона и Мария, ведущих в этот момент тяжелые бои за летучий клочок суши, известный под названием Атолл-19. И чем больше поступало информации, тем сильнее разгорался его гнев.

Но примарх приказал ему присутствовать на военном совете, где будут обсуждаться планы Двадцать восьмой экспедиции в войне против ксеносов, а такие приказы невозможно игнорировать.

Юлий уже знал, что скажет фулгрим своим старшим офицерам, и у него до сих пор перехватывало дыхание от стелости и размаха планов примарха. Не

надо было носить звание Первого капитана Детей Императора, чтобы предугадать реакцию офицерского корпуса.

— Хватит разговоров, мы уже пришли, — сказал он, завидев впереди грандиозные Врата Феникса — высокий бронзовый портал, на котором изображалась символическая передача фулгриту императорского орла.

Орел был личной эмблемой Императора, и в знак особого расположения повелитель приказал, чтобы только воины III Легиона Фулгрита носили его изображение на своих доспехах. Честь, оказанную Детям Императора, было невозможно переоценить. При виде портала Юлий ощутил в душе прилив гордости и поднял руку, чтобы коснуться отчеканенного на нагруднике доспехов изображения величественной птицы.

Перед Вратами Феникса тоже стояли часовые, и при приближении Первого капитана они низко поклонились, стукнув в пол древками копий; тем временем огромные бронзовые створки плавно раздвинулись, выпустив наружу луч

яркого света и гул голосов.

Юлий с уважением кивнул стражникам и вошел в Гелиополис.

Соломон рывком повернул болтер навстречу летящему по воздуху существу, которое грозило разорвать его надвое своими когтями. Палец тотчас нажал на курок, и дуло выплюнуло очередь снарядов. Искры и брызги желтой крови запятнали пурпурно-золотые доспехи, а враг бесформенной рваной грудой рухнул на землю. Но за ним последовали другие, и вскоре вся площадь кишела ксеносами.

Внешне лаэры очень сильно отличались друг от друга, их биологические формы явно зависели от принадлежности к различным родам войск. За короткий промежуток времени, проведенный в этом океаническом мире, Соломон видел крылатых особей, амфибий и множество других вариантов основных форм аборигенов. Были ли эти различия следствием генетической мутации или появились в результате действий инженеров-биологов, Соломон не знал, да и

не очень-то хотел знать.

Те, с которыми он сражался сейчас, были высокими, чрезвычайно гибкими монстрами со змеиным туловищем в нижней части, что было общим для всех лаэров, и одетым в серебряные доспехи мускулистым торсом, из которого торчали две пары конечностей. В верхней паре рук они держали длинные, искрящие энергетическими разрядами клинки, по форме напоминавшие сабли, а на нижних конечностях имелись энергетические узлы, выпускающие смертоносные зеленые лучи. Круглые головы лаэров напоминали головы насекомых — с блестящими фасетчатыми глазами и выступающими мандибулами, которые при атаке издавали резкий визг.

Соломон крутился на одном месте и стрелял в каждое извивающееся тело, выползающее из глубоких укрытий, вырытых в толще кораллового атолла. Ветераны отделения образовали по обе стороны от капитана изогнутую линию, и каждый воин целенаправленно пробивался к назначенному заранее месту, с каждым

шагом оттесняя лаэров в центр площади, к потрескивающему столбу энергии.

Дети Императора неудержимо прорывались через кричащие руины парящего над океаном города, болтерные снаряды рассекали воздух, и взрывы разбрасывали осколки кораллов. Без внутренней вокс-связи Соломон не мог узнать, как справляются Кафен и Телоний, но он доверял их опыту и отваге и надеялся вскоре увидеть их на площади. Соломон сам одобрил назначение в штурмгруппу обоих отделений и, что бы с ними теперь ни случилось, чувствовал свою ответственность.

Из ранее не замеченного туннеля неожиданно полыхнуло зеленое пламя, и трое Астартес остались лежать на земле — их броню и плоть поразил заряд электрохимической энергии.

— Противник на фланге! — крикнул Соломон, и его воины отреагировали на новую угрозу с отточенной сноровкой.

Едва из укрытия появились лаэры, на них обрушились дружные залпы болтерного огня. Первые из Детей Императора,

встретившие врага, быстро уступили свои позиции товарищам и теперь перезаряжали оружие.

Соломон с гордостью наблюдал за их безукоризненным боевым строем — недосягаемым идеалом для воинов любого другого Легиона. Для Детей Императора были неприемлемы неудержимые всплески ярости, характерные для Волков Русса, или буйная демонстрация силы, как у всадников Джагатая Хана. Легион Фулгрима воевал согласно холодному, клинически точному расчету и побеждал благодаря своему превосходству и дисциплине.

Справа от Соломона к небу взметнулся гриб мощного взрыва, послышался треск разбитого коралла, и витая башня-раковина рухнула в облаках огня и дыма, а ее отвратительные трубы, разбившись вдребезги, наконец-то замолкли. Дети Императора уже прошли по площади около сорока метров, их строй уже приближался к центральному углублению и засыпанному обломками открытому пространству.

Энергетический столб был уже так близко, что они ощущали исходящий от него жар, и Соломон отдал приказ окружить объект, но лаэры возобновили контратаки. Их силуэты мелькали среди руин разрушенных строений, смертоносные зеленые лучи и болтерные снаряды беспрестанно пересекали площадь во всех направлениях, воздух разрывали оглушительные взрывы.

На Детей Императора устремилась живая лавина — змеиные туловища с завораживающей скоростью скользили по неровной поверхности, и Соломон понял, что время перестрелок закончилось. Он бережно положил свой болтер у ног и выдернул из спинных ножен цепной меч.

Как и болтер, клинок был в значительной степени усовершенствован в оружейной мастерской «Гордости Императора» под строгим надзором Мария Вайросеана. И лезвие, и рукоять стали намного длиннее, чтобы увеличить дальность поражения и обеспечить возможность двуручной хватки. Эфес украшали распростертые крылья, а

венчала рукоять бронзовая голова могучего орла.

Соломон нажал кнопку активации.

— Обнажить клинки! — громко приказал он.

Дети Императора синхронным плавным движением обнажили мечи, и в солнечных лучах одновременно сверкнули десятки лезвий.

Лаэры обрушились на Детей Императора волной сверкающего серебра и ртути, ощетинившейся тысячами лезвий и когтей, и Астартес шагнули им навстречу, чтобы сразиться лицом к лицу. Выкованная на Марсе сталь столкнулась с чужеродными клинками, и лязг оружия пронесся по всему городу.

Соломон пригнулся, уворачиваясь от нацеленного в голову удара, уклонился от второго клинка лаэра и тотчас вонзил меч в щель между доспехами и нижней, змеиной частью туловища. Зубцы меча забуксовали в костях позвоночника, но Соломон продолжал налегать на рукоять, пока не разрубил врага надвое.

Его воины сражались со спокойной

сосредоточенностью, они были уверены в своем превосходстве и видели рядом с собой своего командира. Соломон выдернул меч из тела убитого чужака и шагнул вперед. Остальные Астартес следовали его примеру и пробивали путь беспощадными ударами мечей.

Первым предупреждением о надвигающейся угрозе стали внезапный сильный толчок, от которого вздрогнула земля, и последующий глухой гул. Потом мир качнулся, и атолл сильно наклонился. Соломон не удержался на накренившейся площади и скатился в одну из бесчисленных воронок, оставленных на площади взрывами.

Он осмотрелся в поисках причины такого поведения атолла и ничего не увидел, но с обеих сторон площади по-прежнему доносились звуки ожесточенного сражения. Если верны предположения Адептус Механикум и атолл поддерживают в небе энергетические столбы, то, похоже, один или несколько таких источников на атолле разрушены.

Поднявшись, Соломон убрал меч в

ножны и стал карабкаться по каменистому склону воронки. Едва он добрался до верхнего края, как волосы на затылке зашевелились в предчувствии опасности. Взглянув вверх, он увидел над кромкой силуэт лаэра.

Соломон потянулся за мечом, но лаэр оказался проворнее и набросился, не дав возможности обнажить оружие.

Юлий Каэсорон сотни раз бывал в Гелиополисе, но каждый раз красота и величие зала, его уходящие вверх стены из светлого камня, ряды статуй на золоченых пьедесталах, поддерживающие широкий сводчатый купол потолка, лишали его дара речи. Искусная мозаика, слишком далекая, чтобы рассмотреть детали, украшала своды купола, а между рифлеными пилястрами из зеленого мрамора свисали шелковые пурпурные с золотом знамена.

Из центра купола падал яркий луч сфокусированного звездного света и ослепительно блестел на мозаичном полу. Отполированные кусочки мрамора и

кварца, добавленные в раствор при заливке пола, превращали его в темное зеркало, словно отражавшее космическое небо. В лучах света плясали мельчайшие пылинки, и воздух был наполнен дымом ароматических воскурений.

От стен круглого зала спускались ряды траморных скамей. Здесь заседал совет Фулгрима и было достаточно места, чтобы разместиться двум тысячам человек, хотя на сегодняшнем военном совете собралось не более четверти от этого количества. В самом центре светящегося столба стояло кресло из полированного черного тамора, и с этого трона лорд Фулгрим давал аудиенции своим воинам и выслушивал их петиции. Хотя примарх еще не удостоил собрание своим присутствием, даже пустое кресло свидетельствовало о его могуществе.

На траморных скамьях Юлий увидел офицеров Двадцать восьмой экспедиции. Он направился к своему месту в самом нижнем ряду, приветствуя на ходу тех, кого знал в лицо, и отмечая тревожные

взгляды, которые вызывала его алая лацерна. Те, кто имел опыт службы с Детьми Императора, не могли не знать, что этот плащ означал готовность воина отправиться в сражение.

Юлий не стал реагировать на взгляды любопытствующих и занял положенное ему место, забрав у посыльных свой шлем и меч. Он обвел взглядом собравшихся; на нижних скамьях Гелиополиса в красно-серебряных доспехах сидели офицеры Имперской Армии. Их близость к креслу примарха свидетельствовала о высоком ранге военных.

Лорд-командующий армией Файль сидел в окружении своих адъютантов и помощников. Лицо этого сурового человека было страшно обезображено многочисленными шрамами, а всю левую часть черепа закрывала стальная пластина. Юлию ни разу не приходилось с ним разговаривать, но он много слышал о командующем. По слухам, это был опытный военачальник, откровенный человек и неутомимый солдат.

Позади армейских офицеров, на среднем уровне, расположились адепты Механикум, они, казалось, неуютно себя чувствовали в ярком свете Гелиополиса. Надвинутые капюшоны скрывали верхнюю часть их лиц, и Юлий, насколько мог вспомнить, ни разу не видел, чтобы они обнажали головы. При мысли об окружавшей их дурацкой секретности и приверженности ритуалам он неодобрительно поджал губы.

Рядом с механикумами сидели летописцы — мужчины и женщины в светлых форменных платьях строчили что-то в потрепанных блокнотах и электронных планшетах, а кое-кто делал зарисовки угольными карандашами на плотных листах бумаги. Тысячи лучших художников, писателей и поэтов Империума были разосланы по всем флотилиям с целью увековечить монументальные достижения Великого Крестового Похода, но на военных кораблях их встречали по-разному. Лишь немногие Легионы одобрили присутствие гражданских лиц в непосредственной

близости от театра военных действий, однако Фулгрим объявил их присутствие великим благом и обеспечил беспрецедентную возможность присутствовать на самых секретных и важных церемониях.

Ликаон проследил за взглядом своего командира.

— Летописцы! — презрительно уронил он. — Зачем нужны эти бумагомараки на военном совете? Посмотри, один из них даже притащил с собой мольберт!

Юлий снисходительно улыбнулся:

— Возможно, он старается запечатлеть величие Гелиополиса для грядущих поколений, друг мой.

— Русс правильно о них сказал, — настаивал Ликаон. — Мы солдаты, а не объекты для сочинения стихов и портретов.

— Стремление к превосходству затрагивает не только воинские дисциплины, Ликаон. Оно включает в себя изучение изобразительных искусств, изящной словесности и музыки. Совсем недавно мне посчастливилось слушать

концерт Бекьи Кински, и ее прекрасная симфония заставила мое сердце трепетать.

— Ты опять начитался стишков, не так ли? — спросил Ликаон, качая головой.

— Как только у меня появляется возможность, я погружаюсь в «Имперские песни» Игнация Каркази, — признался Юлий. — Тебе тоже не мешало бы их почитать. Немного культуры еще никому не повредило. У лорда Фулгрита в его личных покоях стоит скульптура, сделанная для него на заказ Остианом Делафуром. И говорят, что над кроватью Эйдолона висит пейзаж кисти Келанда Роже.

— У Эйдолона? Не может быть!

— Я сам слышал, — кивнул Юлий.

— Кто бы мог подумать? — пробормотал Ликаон. — И все же, если ты не возражаешь, я предпочел бы совершенствоваться в воинском искусстве.

— Ты многое теряешь, — заметил Юлий.

Тем временем верхние ярусы амфитеатра Гелиополиса заполнились

людьми; там рассаживались писцы, нотариусы, чиновники — все те, кто служил высшим офицерам, занимавшим места ближе к центру.

— Большой сбор, — произнес Ликаон.

— Примарх Фулгрим намерен сказать свое слово, — ответил Юлий. — А это, согласись, заслуживает внимания.

Упоминание имени Фулгрима словно послужило сигналом к его появлению. Врата Феникса отворились, и в Гелиополис вошел командир III Легиона.

Вместе с ним появились два его старших лорда-командира, и собравшиеся офицеры, адепты и чиновники немедленно встали и склонили головы перед могущественным и непревзойденным воином.

Юлий поднялся вместе со всеми, и радость новой встречи с обожаемым примархом мгновенно рассеяла все его тревоги. Гелиополис заполнили восторженные аплодисменты и крики «Фениксиец!», которые прекратились только после того, как Фулгрим поднял руки и успокоил собравшихся

последователей.

Примарх был одет в светло-кремовую струящуюся тогу, и на ее фоне резко выделялась темная железная рукоять его меча, носящего имя Разящий Огонь, а сам клинок прятался в блестящих ножнах из красной кожи. На груди примарха раскинулся орел, вышитый золотой нитью, а светлые волосы были перехвачены узкой лентой цвета лапис-лазури. Позади примарха шли два величайших воина Легиона — лорд-командир Веспасиан и лорд-командир Эйдолон. Воины были в простых белых тогах, украшенных только силуэтом орла, вышитым на правой стороне груди. Суровый облик Астартес тоже взбодрил Юлия, и он почувствовал, как непроизвольно выпрямился в их присутствии.

Эйдолон, казалось, совсем не обращал внимания на собравшихся воинов, а лицо Веспасиана оставалось совершенно непроницаемым. Оба лорда-командира были при оружии — на боку Веспасиана висели ножны с мечом, а Эйдолон нес на плече свой молот.

Юлий отметил напряжение, овладевшее залом в ожидании слов Фулгрима.

— Друзья мои, — заговорил Фулгрим, усаживаясь в свое кресло перед собравшимися, и его бледная кожа озарилась звездным светом, — мое сердце радуется при виде многочисленного собрания. Слишком много прошло времени с тех пор, как мы участвовали в войне, и сейчас у нас есть возможность исправить это упущение.

Юлий, хоть и знал, что последует дальше, чувствовал в груди нарастающее волнение. Даже обычно скептически настроенный Ликаон, внимая примарху, широко улыбался.

— Мы остановились на орбите мира, населенного зловредным народом, который называет себя лаэрами, — продолжал Фулгрим. Его голос утратил свойственную Хтонии резкость, приобретенную за время службы с Лунными Волками. Изысканный акцент Старой Терры снова зазвучал в каждом слове, и Юлий понял, что наслаждается тембром

и интонациями речи примарха. — И что это за мир! По заверениям уважаемых теханикумов, он станет бесценным приобретением для нашего Императора, возлюбленного всеми.

— Возлюбленного всеми! — эхом откликнулся зал.

Фулгрим кивнул и продолжил:

— Хотя этот мир представляет для нас неоспоримую ценность, его обитатели не желают делиться тем, что подарила им слепая фортуна. Они отказываются видеть наше великое предназначение, ведущее нас от звезды к звезде, и не испытывают к нам ничего кроме презрения. Наши мирные намерения были отвергнуты с неоправданной жестокостью, и требования чести обязывают нас отплатить тем же!

Волна яростных, угрожающих выкриков захлестнула Гелиополис. Фулгрим с улыбкой приложил руку к груди, благодаря воинов за понимание и поддержку. Едва крики стали понемногу стихать, Юлий увидел, что лорд-командующий Файль поднялся со своего

места и низко поклонился примарху.

— Могу я сказать? — осведомился воин низким хрипловатым голосом умудренного опытом человека.

— Конечно, Тадеуш, ты же мой ближайший советник, — ответил Фулгрим, и суровое лицо Файля смягчилось от удовольствия слышать свое имя из уст примарха.

Юлий незаметно усмехнулся, вспомнив, насколько искусно Фулгрим мог польстить собеседнику, собираясь впоследствии огорошить его неприятными известиями и огорчительными фактами.

— Благодарю вас, мой господин, — начал Файль и положил мозолистые руки на барьер, отделявший первые ряды скамей от темного пола Гелиополиса. Едва лорд-командующий заговорил, как колонна звездного света вместе с микроскопическими искрами пылинок переместилась на него, окутав его фигуру мерцающим сиянием. — Возможно, вы не откажетесь меня кое в чем просветить?

Фулгрим улыбнулся, и в его темных глазах зажглись насмешливые огоньки.

— Я постараюсь пролить свет на твое невежество.

Файль нахмурился, но продолжал говорить:

— Вы собрали нас на военный совет по поводу дальнейшей судьбы Двадцать восемь — три, не так ли?

— Все верно, — ответил Фулгрим. — Я не могу брать на себя такую ответственность без вашего совета.

— Тогда зачем же вы высадили десант на поверхность? — с суровой настойчивостью спросил Файль.

Большинство воинов от одного присутствия примарха едва не лишались разума, но Тадеуш Файль обращался к Фулгриму словно к офицеру своего штаба, и такая бесцеремонность расшевелила в душе Юлия что-то очень похожее на гнев.

— Я слышал мнение Совета Терры о том, что покорение лаэров может стать слишком продолжительной и дорогостоящей операцией. Насколько мне известно, был озвучен срок десять лет, — продолжал Файль без паузы. — Разве не было принято решение о превращении

этого мира в протекторат Империума?

Вопрос вызвал на лице Фулгрима слабые, но безошибочные признаки раздражения, хотя он не мог не знать, что факт высадки десанта на Атолл-19 стал достоянием всей экспедиции и не мог не вызвать недоумения у воинов.

По мнению Юлия, такова была цена провозглашенной открытости действий.

— Да, был такой разговор, — согласился Фулгрим. — Но приведенные в нем аргументы оказались слишком слабыми, особенно в отношении ценности этой планеты для Империума. Проводимая внизу атака имеет целью собрать более достоверные сведения о военной мощи лазеров.

— Мой господин, для этого, я уверен, вполне достаточно факта уничтожения наших кораблей-разведчиков, — сказал Файль. — Мне кажется, что вы без всяких консультаций уже приняли решение.

— А если бы и так, лорд-командующий?! — воскликнул Фулгрим, и в его взгляде сверкнула молния. — Неужели ты способен попятиться от нахальной

кучки ксеносов? Неужели ты способен уронить мою честь, уклоняясь от битвы только потому, что она может стать слишком опасной?

Лорд-командующий Файль побледнел при этих словах примарха, сознавая, что зашел слишком далеко.

— Нет, мой господин. Все мои силы, как обычно, в вашем распоряжении.

Раздражение мгновенно исчезло с лица Фулгрима, к нему вернулось выражение обычной приветливой невозмутимости. Юлий понимал, что этот взрыв тщательно спланирован, чтобы в дальнейшем проще было манипулировать Файлем и уходить от неприятных вопросов. Фулгрим уже составил план операции, и сомнения простых смертных не могли заставить его отклониться от выбранного курса.

— Благодарю, лорд-командующий, — произнес Фулгрим. — И прошу меня извинить за излишнюю резкость. Ты вправе задавать любые вопросы, не зря ведь говорится, что характер человека лучше проявляется в вопросах, а не в ответах.

— Не стоит передо мной извиняться, — запротестовал Файль, испытывая тревогу при одной мысли, что он мог рассердить примарха. — Я высказался не по делу.

Фулгрим слегка склонил голову в сторону командующего в знак того, что его извинения приняты.

— Ты так великодушен, Тадеуш, что ты забудем о предыдущих разногласиях. Но ведь мы здесь собрались, чтобы обсудить военные планы, не так ли? Я продумал кампанию, в ходе которой Лаэран должен быть нами завоеван, и, хотя я и ценю твои советы, это война для Астартес. В скором будущем я раскрою все ее детали, но, поскольку во времени мы ограничены, прошу меня извинить, сначала я спущу своих боевых псов.

Примарх обратил свой взор на Юлия, и Первый капитан ощутил, как участился его пульс, когда чернильно-черные глаза Фулгрима остановились на его лице. Он знал, какой сейчас последует вопрос, и мечтал об одном: чтобы его люди смогли удовлетворить требования Фулгрима.

— Первый капитан Каэсорон, готовы ли твои воины нести Имперские Истины на Двадцать восемь — три?

Юлий выпрямился по стойке «смирно», и луч с купола зала окутал его своим сиянием.

— Клянусь огнем, они готовы, мой господин. Мы ждем только вашего приказа.

— Так вот, у вас есть приказ, капитан Каэсорон, — сказал Фулгрим и, сбросив накидку, продемонстрировал всем собравшимся великолепные сияющие доспехи. — Орел должен восторжествовать на Лаэране ровно через месяц!

Руки лаэра вцепились в доспехи Соломона, и на безукоризненно отшлифованной броне остались безобразные царапины, задевшие даже орла на нагрудной пластине. Земля снова качнулась под ногами, оба противника рухнули на дно воронки, и Соломон ощутил на себе вес лаэра. Из широко раскрывшихся мандибул в лицо ударили пронзительный визг и горячие брызги тускусной слюны.

Соломон тряхнул головой, чтобы очистить визор, и выбросил вперед кулак, так что под ржаво-красной кожей чужака затрещали кости. Лаэр снова закричал и сделал выпад одной из нижних конечностей, отчего его кулаки вспыхнули зеленым огнем. Соломон успел откатиться, и серебряная латная рукавица прошла сквозь камень, словно он состоял из обычного песка.

Соломон, прижавшись к самому склону, сумел выбраться из-под противника. Лаэр яростно взвыл, и акустическая волна прижала Соломона к стене. В ушах у него зазвенело, перед глазами поплыла пелена. Он попытался выдернуть меч, но не успел и до половины обнажить клинок, как лаэр снова бросился в атаку. Оба противника вновь скатились на дно, когти снова проскрежетали по броне Астартес.

В отвратительных глазах лаэра Соломон увидел отражение своего перекошенного лица, и им овладела ярость — в то время как его люди сражаются наверху, он, их командир, сидит в этой

яме! Лаэр метнул свой зеленый луч сбоку, и бедро окатило горячей болью, но Соломон изогнулся, не позволяя оружию чужака добраться до живота. Однако о свободе движений приходилось только мечтать — спиной он по-прежнему оставался прижат к крутому склону воронки.

Из мандибул лаэра вырвалась последовательность неразборчивых звуков, и, хотя наречие чужаков было ему незнакомо, Соломону показалось, что его противник получает от схватки удовольствие.

— Ну, давай! — рявкнул капитан, сильнее вжимаясь в стену.

Лаэр свернул свое змеиное туловище в кольцо и прыгнул, вытянув вперед все четыре конечности.

Соломон оттолкнулся от стены, бросаясь ему навстречу, громко лязгнули доспехи, и противники снова скатились на дно. Соломон в падении схватил одну из светящихся рук лаэра и резко вывернул вниз и назад, а локтем ударил по суставу, где рука выходила из туловища.

Брызнул фонтан вонючего ихора, и

конечность оторвалась, а Соломон, развернувшись на месте, ткнул своим трофеем в самую середину доспехов. Пылающий энергетический кулак легко пробил серебряную броню, тело лаэра изогнулось в агонии. Умирая, монстр испустил последний продолжительный вопль, и, к своему изумлению, Соломон снова услышал в нем радость.

Он с отвращением отбросил погасшую оторванную руку лаэра, только что послужившую смертельно опасным оружием. Соломон снова вскарабкался по склону до края воронки и увидел, что его воины сражаются с лаэрами, наводнившими площадь.

На мгновение ему представилась возможность оценить обстановку со стороны, и Соломон понял, что окруженные Астартес с трудом сдерживают напор чужаков. Тренированный взгляд моментально подсказал ему, что против такого количества противников его бойцам не выстоять без подкрепления. Десятки воинов уже лежали на земле, и их тела содрогались в конвульсиях, поскольку

оружие лаэров обладало способностью поражать нервные узлы.

Инстинкт подсказал ему, что его воины знают об угрозе неминуемого поражения, и при мысли о мерзких чужаках, которые осквернят тела павших Астартес Второй роты, Соломон едва не задохнулся от ярости.

— Дети Императора! — закричал он, шагая к рядам сражавшихся. — Держите строй! Я огнем поклялся Первому капитану Каэсорону, что мы овладеем этой площадью. Не посрамите себя нарушением обета!

Он увидел, как едва заметно выпрямились спины бойцов, и понял, что его люди не подведут. Астартес Второй роты ни разу не показывали спину своим врагам, не собирались отступать и теперь.

В древние времена в случае провинности или бегства от противника в отряде наказывался каждый десятый воин — его бывшие товарищи в назидание оставшимся в живых забивали их до смерти. Но, по мнению Соломона, такое

наказание было слишком мягким. Воин, побежавший от врага однажды, обязательно побежит и в следующий раз. Солотон гордился, что ни одно из отделений его роты не заслуживало этого жесткого урока. Они во всем брали пример со своего командира, а сам Солотон скорее согласился бы умереть, чем запятнать доброе имя Легиона фактом отступления.

Сражение продолжалось, и строй Детей Императора хотя и прогибался под натиском лаэров, но не разрывался. Солотон подхватил с земли болтер и вставил свежую обойму. Добежав до линий бойцов, он занял место в самом пекле боя и принялся уничтожать врагов с методичной четкостью, пока не кончились боеприпасы и не пришлось снова взяться за меч.

Он сражался, держа цепной меч обеими руками и подбадривая своих воинов, противостоящих ордам напирающих лаэров.

3
Цена победы
К центру
Хищник

Марий Вайросеан шагал по растерзанным телам лаэров и бесстрастно наблюдал, как воины Третьей роты собирают тела своих убитых и раненых братьев, готовясь продолжить наступление. На его строгом лице можно было заметить признаки неудовольствия, хотя, кто или что его вызвало, он и сам не мог бы определить, поскольку его люди, как и ожидалось, отважно сражались и план Фулгрима выполнялся неуклонно.

После того как была обеспечена безопасность зоны высадки и намеченного объекта, оставалось объединиться с силами Второй роты Соломона Деметра, и тогда Атолл-19 окажется в их руках. Но цена победы будет немыслимо высока: девять из его воинов уже никогда не смогут сражаться, их прогеноиды

вырезаны апотекарием Фабием, а многим другим по возвращении на корабли флотилии предстоит пройти долгий курс аугметической имплантации.

Пылающий энергетический столб, бывший целью Третьей роты, был отбит у противника, и Марий выделил отряд, чтобы удерживать объект, пока остальные разыскивают воинов Соломона; только вот поиски оказались труднее, чем предполагалось. На извилистых коралловых улочках Атолла-19 взрывы, стрельба и завывание витых башен создавали странное эхо, и трудности с вокс-связью не давали определить, в какой стороне идет бой.

— Соломон! — позвал он через вокс, встроенный в горло. — Соломон, ты меня слышишь?

Ответом был только треск статики, и Марий мысленно выругался. С Соломона Деметра вполне станется сбросить шлем в самый разгар сражения, чтобы лучше оценить боевую обстановку. Он покачал головой. Какой еще глупец решится идти в пекло без

соответствующей защиты?

Похоже, звуки боя доносятся с запада, но бросок в каком-либо направлении представлял собой определенную проблему. Извилистые, изгибающиеся под самыми невероятными углами улочки — если их вообще можно так назвать — змеились по атоллу бессмысленными зигзагами и могли увести от цели на десятки километров.

Перспектива бросаться в бой, не имея детально разработанного плана, сильно раздражала Мария. Этот воин привык планировать каждую атаку и каждый маневр со скрупулезной точностью, а потом неуклонно выполнять пункт за пунктом. Юлий Каэсорон как-то в шутку заметил, что ему надо было бы стать Ультрамарином, но Марий воспринял несерьезное замечание как комплимент.

Дети Императора во всех отношениях стремились к совершенству, и Марий Вайросеан ставил это стремление превыше всего. Мысль о том, что он не будет лучшим, приносила ему физические страдания. Отклонение от курса на идеал

было для него неприемлемым, и Марий давным-давно решил, что никогда не остановится на пути к этой цели.

— Третья рота! — крикнул он. — Построиться за мной!

Через мгновение воины были готовы к выступлению и образовали позади своего командира почти парадный строй, но с оружием наготове. Марий повел своих людей тем пожирающим мили шагом, которым Астартес были способны идти в течение нескольких дней и после этого все же сохраняли способность сражаться.

Блестящие коралловые стены закруглялись и поворачивали, и осколки коралла хрустели под бронированными сапогами воинов, прокладывающих дорогу через город. Марий продолжал придерживаться улицы, которая, по его мнению, больше других совпадала с направлением, откуда доносились звуки боя. По пути Астартес уничтожали отдельные группы лаэров, сражавшихся с отчаянием загнанных в угол зверей. Каждая из этих схваток заканчивалась легкой победой, поскольку ничто не могло

противостоять Третьей роте в ее движении.

Марий постоянно проверял вокс-связь, надеясь услышать хоть слово от Соломона, но в конце концов отчаялся отыскать своего брата-капитана и переключил канал:

— Кафен? Ты слышишь меня? Это капитан Вайросеан. Отзовись, если ты меня слышишь!

Из наушников шлема снова послышался треск, но затем сквозь помехи прорвался искаженный и прерывающийся голос.

— Кафен? Это ты? — спросил Марий.

— Да, капитан, — откликнулся Гай Кафен, и голос стал более различим, как только Марий свернул на следующую улочку, заваленную трупами и обломками башен.

— Где ты? — крикнул Марий. — Мы пытаемся к вам подойти, но эти проклятые улицы кружат нас по всему атоллу.

— Главный намеченный маршрут к нашему объекту оказался хорошо

защищенным, так что капитан Деметр послал нас с Телонием зайти с флангов.

— А сам, без сомнения, стал пробиваться по центру, — добавив Марий.

— Точно так, сэр, — подтвердил Кафен.

— Мы будем держать направление по твоему сигналу, но, если ты можешь обеспечить другой ориентир, чтобы обозначить свою позицию, будет еще лучше. Конец связи.

Появившаяся на визоре шлема Мария голубая точка указывала направление вокс-сигнала Гая Кафена, и он следовал за ней, но с каждым поворотом коралловой улицы яркость метки все уменьшалась.

— Нет! Проклятое место! — воскликнул Марий, когда сигнал окончательно исчез.

Подняв руку, он остановил своих воинов, и в этот момент поблизости прогремел оглушительный взрыв, и высокая витая коралловая башня рухнула в языках пламени и тучах пыли всего в трех десятках метров слева от них.

— Это, наверное, и есть ориентир, —

догадался Марий и оглянулся в поисках ведущего в том направлении прохода среди глыб коралла.

Но улицы расходились в разные стороны от места взрыва, и он понимал, что по ним он никогда не доберется до Кафена. Марий взглянул наверх, где в небе клубились волнистые облака.

— Мы пойдем поверху! Рота, за мной!

Марий начал карабкаться по стене ближайшего строения, легко отыскивая опору для рук и ног в неровной поверхности коралла. Он взбирался все выше и выше, земля постепенно отдалялась, и вскоре воины Третьей роты продолжили путь уже по крышам Атолла-19.

Остиан наблюдал за запуском первого десантного катера с палубы «Гордости Императора», испытывая одновременно восхищение и раздражение. Восхищение вызывало зрелище воистину непревзойденной боевой мощи, направленной на вражеский мир, раздражало же его то, что он был вынужден оторваться от незапятнанной

глыбы мрамора, стоявшей в его студии. Первый капитан Юлий Каэсорон известил Серену о времени запуска, и она немедленно явилась в студию Делафура и заставила его пойти на наблюдательный пункт обзорной палубы.

Он пытался отказаться, ссылаясь на занятость, но Серена оставалась непреклонной и настаивала, говоря, что он только сидит и смотрит на свой мрамор и больше ничем не занимается. Никакие его доводы не подействовали. Теперь, стоя перед бронированным стеклом обзорной палубы, он испытывал неподдельную радость.

— Правда, он великолепен? — спросила Серена, не поднимая головы от эскизного альбома, в котором ее пальцы с удивительным мастерством набрасывали рисунок.

— Он восхитителен, — согласился Остиан, глядя на ее профиль.

В этот момент вторая волна десантных кораблей, озаряя космос голубыми огнями, вылетела из шлюза, и их стальные бока блеснули в лучах солнца.

Обзорная палуба находилась несколькими сотнями метров выше, чем пусковая, но Остиан мог поклясться, что вибрации двигателей отозвались в каждой его клеточке.

Последняя группа штурмкатеров была запущена с других кораблей флотилии Детей Императора, и Остиан оторвал взгляд от Серены, чтобы на них посмотреть. Хищные птицы огненными стрелами вырвались в космос, преследуя свою добычу. Каэсорон говорил, что начинается полномасштабная операция, и, глядя на многочисленные суда, Остиан не мог ему не верить.

— Интересно, на что это похоже? — заговорил Остиан. — Целый мир, занятый одним безбрежным океаном. Я даже не могу себе такого представить.

— Кто знает? — откликнулась Серена и, не переставая работать над эскизом, отбросила с лица прядь темных волос. — Я думаю, это похоже на любое другое море.

— Отсюда мир выглядит удивительно.

Серена искоса глянула на скульптора:

— Разве ты не видел Двадцать восемь — два?

Остиан покачал головой:

— Я приехал как раз перед отправкой флотилии на Лаэран. Это первый мир, кроме Терры, который я вижу из космоса.

— Значит, ты никогда не видел моря?

— Никогда, — подтвердил Остиан, уже сожалея о своем признании.

— Ах, мой мальчик! — воскликнула Серена и оторвалась от своего альбома. — Надо постараться переправить тебя на поверхность после окончания военных действий.

— Ты думаешь, это возможно?

— Я очень надеюсь, что нам разрешат. — Серена вырвала лист из альбома и сердито бросила его на пол. — Нескольким избранным из общества летописцев удалось побывать на планете Двадцать восемь — два, и это оказалось восхитительное место: покрытые снегом горные вершины, заросшие лесами континенты, озера с водой цвета неба, а небо... О, какое там небо! С ним не сравнится даже голубой переливчатый

керулеанский шелк. Я думаю, мне там понравилось еще и потому, что именно такой я представляла себе Старую Землю. Я сделала несколько пиктов, но они не передают всей красоты. А я, к своему стыду, не сумела должным образом обработать снимки. Я пыталась, но ничего не вышло.

Говоря о неудаче в микшировании цветов, Серена, как заметил Остиан, бессознательно тыкала кончиком квилла в свое запястье, и на ее бледной коже появилось несколько чернильно-кровяных пятен.

— Я просто не смогла с этим справиться, — рассеянно закончила она, и Остиану захотелось защитить Серену от ее самой и научить ценить то, что она делает.

— Я был бы рад, если бы ты показала мне планету, если это возможно, — сказал он.

Серена моргнула и улыбнулась ему, а затем, вытянув руку, прикоснулась к щеке Остиана кончиками пальцев.

Гай Кафен поднырнул под атакующего лаэра и вонзил ему цепной меч снизу в живот, а потом поспешно выдернул, уже в крови и осколках кости. Рядом ревело пламя — в руинах разрушенных коралловых зданий догорали два разбившихся штурмкатера.

Экипаж и десанты кораблей погибли, а сильный удар едва не опрокинул поющую башню из витого коралла. Всего нескольких брошенных под расколотое основание гранат хватило, чтобы вся конструкция с грохотом осыпалась на землю. Марий Вайросеан хотел получить ориентир их позиции и если он этого не увидит, значит, их можно считать мертвецами.

Кафен со своим отделением, как и приказал капитан Деметр, пробился через заграждения лаэров, но чужаки явно предвидели фланговый маневр. В каждом укреплении притаилось по паре чудовищных воинов, выскакивающих из засады, яростно сверкая лезвиями и разбрасывая энергетические снаряды.

Сражение получалось беспорядочным

и больше походило на резню — в нем не нашлось места мастерству и опыту. Похожие на огромных змей воины то и дело кидались в самую гущу Астартес, и тогда жизнь от смерти отличала только слепая удача. Кафен уже истекал кровью от многочисленных ран, его дыхание стало неровным и прерывистым, но он по-прежнему был полон решимости оправдать доверие своего капитана.

На глазах у Кафена еще несколько лаэров, свернувшись в тугие кольца, выскользнули из подземных убежищ, и в воздухе снова замелькали смертельно опасные разряды энергии. По доспехам защелкали обломки кораллов и фрагменты разбитой брони.

— Отделение, приготовиться! — закричал Кафен, заметив позади еще троих лаэров, метавших светящиеся снаряды.

Поблизости раздались пронзительные крики, и он навел болтер на новую угрозу.

Внезапно земля под ногами дрогнула, и весь атолл с головокружительной легкостью нырнул вниз.

Гай упал на одно колено и ухватился рукой за коралловую глыбу, а из всех щелей продолжали выскальзывать лаэры. Внезапно над головой Гая просвистела очередь болтерных снарядов, и один из лаэров развалился надвое. Стрельба продолжилась, и еще несколько лаэров были уничтожены.

Гай поднял голову, чтобы посмотреть, откуда подоспела поддержка, и, увидев подходящих сверху Астартес, радостно рассмеялся. Знаки отличия на их наплечниках сообщили ему, что перед ним воины Третьей роты Мария Вайросеана.

Вскоре и сам капитан оказался рядом с Кафеном, и его болтер снова плюнул огнем, превращая замешкавшегося лаэра в фонтан кровавых ошметков.

— Рад помочь, сержант! — крикнул Вайросеан. — А где капитан Деметр?

Кафен выпрямился во весь рост и показал в конец улицы:

— Там!

Вайросеан кивнул, наблюдая, как его воины уничтожают последних защитников-лаэров.

— Значит, идем на соединение, как и было приказано, — сказал Вайросеан.

Кафен кивнул и последовал за капитаном Третьей роты.

Еще шесть воинов упали, расчлененные энергетическими лезвиями или расплавленные жаром огнедышащих орудий. Соломон уже начал жалеть о том, что сбросил шлем, безрассудно отказавшись от вокс-связи. Теперь, как никогда раньше, ему нужны были сведения о том, что творится на атолле.

Он не видел никаких признаков продвижения сержанта Телония и Гая Кафена, и, хотя воины Голдоары пытались к нему пробиться, их сил оказалось недостаточно для такого ожесточенного сражения, и они были отброшены лаэрами.

Капитану Деметру оставалось рассчитывать только на свои силы.

Соломон нанес колющий удар по мандибулам лаэрского воина, и клинок вышел из задней части головы, но космодесантник ощутил, как вес противника тянет его к земле. Он

попытался освободить лезвие, но стремительно вращающиеся зубья завязли в плотных костях лаэрского черепа.

Радостный визгливый крик заставил Деметра припасть к земле, и испепеляющий снаряд пронесся над головой, взметнув в воздух целую тучу коралловых осколков. Соломон перекатился в сторону, засекая боковым зрением, как по телам павших соплеменников в его сторону с чудовищной скоростью скользит еще один противник. Лежа на спине, Соломон изо всех сил лягнул атакующего лаэра в морду, ощутив, как от удара хрустнули жвала монстра.

Чужак хлестнул хвостом по земле и отпрянул, издав разбитой пастью страдальческий вопль. Соломон перевернулся и нанес ему еще один удар, на этот раз кулаком. Один фасеточный глаз превратился в месиво, в уши ударил очередной вопль, и в этот момент над площадью прогремели болтерные выстрелы. Второй удар кулаком пришелся в закрытую доспехами грудь, и окровавленный металл прогнулся. Лаэр

выплюнул в лицо Деметру горячую струю тускусной слюны, и Соломон яростно взревел. Красная пелена заволокла все вокруг, космодесантник схватил извивающегося монстра обеими руками, поднял в воздух и с размаху ударил головой о землю.

Чужак не переставал кричать, и Соломон снова и снова бил его головой о землю. Даже когда стихли вопли, он продолжал крошить череп врага, пока тот не превратился в кровавое месиво.

Когда наконец смерть чужака перестала вызывать какие-либо сомнения, Соломон, с ног до головы покрытый кровью врага, засмеялся, чувствуя, как жестокая радость бурлит в его собственной крови. Он шагнул к убитому лаэру, в теле которого оставил свой меч, и в этот момент болтерная стрельба возобновилась с новой силой. Мысль о том, что у его воинов должны были давно закончиться боеприпасы, не сразу пробилась сквозь кровавую пелену, окутавшую его разум.

Соломон повернулся в сторону, откуда слышалась стрельба, и тотчас

приветственно вскинул руку, безошибочно узнав силуэт Мария Вайросеана, занятого уничтожением врагов на площади. Вслед за капитаном шли воины Третьей роты. С ними — Гай Кафен со своими Астартес, и лаэры под натиском свежих сил дрогнули, их ряды утратили стройность, а воины Мария быстро раскололи их на отдельные группы.

При виде подоспевших братьев Вторая рота удвоила свои усилия, и части лаэрских тел снова полетели во все стороны. Атака лаэров захлебнулась, и, когда они поняли, что окружены, даже на их абсолютно непроницаемых лицах Соломон мог различить признаки растерянности.

— За мной, Вторая! — крикнул Деметр и бросился на соединение с отрядами своего друга Мария Вайросеана.

Его воинам не потребовалось больше никаких приказов или ободрений, они мгновенно бросились вперед, образовав боевой клин, который кровавым ножом рассек остатки вражеских построений.

Ни у кого из Детей Императора не

осталось желания являть миру образец милосердия, и через несколько минут все было кончено. Едва ветераны Вайросеана добили последних врагов, как неблагозвучное завывание витых башен прекратилось и над полем сражения наступила благословенная тишина.

Площадь огласили приветственные крики оставшихся в живых Астартес, а Соломон, вложив меч в ножны, наклонился подобрать оставленный на земле болтер. Руки и ноги болели от многочисленных ран, ссадин и ушибов, но он даже не мог вспомнить, когда их получил.

— Ты опять пошел напролом, не так ли? — раздался знакомый голос, когда он выпрямлялся.

— Верно, Марий, — не оборачиваясь, ответил Соломон. — А ты собираешься мне доказать, что это неправильно?

— Может быть. Я еще не знаю.

Повернувшись, Соломон увидел, что Марий Вайросеан снял шлем и тряхнул головой, чтобы прогнать кратковременную дезориентацию, возникающую при переходе к собственным чувствам взамен данных,

предоставляемых комплектом доспехов «Марк IV». Лицо его друга оставалось суровым, но таким оно было почти всегда, а его темные с проседью волосы слиплись от пота.

В отличие от большинства Астартес, Марий обладал узкими, тонкими чертами и лучистым взглядом, а его кожа была морщинистой и темной, словно старое дерево.

— Как я посмотрю, битва была нелегкой, — заметил Марий.

— Да, ты прав, — согласился Соломон, стирая кровь с ребристого кожуха болтера. — Эти лазеры оказались крепкими орешками.

— Точно, — кивнул Марий. — Может, тебе стоило об этом подумать прежде, чем идти по центральному проходу.

— Если бы существовал другой способ достичь цели, я обязательно его испробовал бы, Марий. Не думай, что я стал бы отказываться. Но они блокировали центр, и я послал своих людей обойти лазеров с флангов. Не мог же я позволить кому-то еще вести атаку по

центру. Это мое дело.

— К счастью, твой сержант Кафен, похоже, разделяет твои принципы.

— Он прекрасно во всем разбирается, — сказал Соломон. — Этот воин далеко пойдет, возможно, когда-нибудь станет капитаном.

— Всякое случается, хотя, на мой взгляд, он выглядит обычным линейным офицером.

— Хорошие линейные офицеры нам тоже необходимы, — заметил Соломон.

— Наверное, но линейный офицер редко стремится к самоусовершенствованию. Он никогда не достигнет совершенства, только исполняя свою работу и больше ничего.

— Не всем дано быть капитанами, Марий, — сказал Соломон. — Воины нам так же нужны, как и командиры. Люди вроде тебя, меня и Юлия поведут наш Легион к вершинам величия. Мы черпаем силу и честь у своего примарха и лордов-командиров, и наш долг передать все, чему мы у них научимся, тем, кто стоит ниже. И линейные офицеры — звенья той же

цепочки. Они получают знания от нас и передают их своим людям.

Марий, шагнув ближе, положил руку на плечо Соломона:

— Друг мой, хотя я и знаю тебя не один десяток лет, ты все еще не перестаешь меня удивлять. Только я собрался попенять на твое безрассудство, как ты преподал мне урок руководства нашими воинами.

— Что я могу сказать? Вероятно, на меня оказали влияние Юлий и его книги.

— Кстати, о Юлии, — рассмеялся Марий и показал на небо. — Похоже, он получил приказ развернуть кампанию.

Соломон взглянул в кристально чистое небо и увидел сотни кораблей, входящих в плотные слои атмосферы.

С захватом Атолла-19 первая стадия войны была выиграна, хотя об ожесточенности боев и незначительном превосходстве сил Астартес не было известно никому, кроме тех, чьи слова в будущем будут оспариваться.

На случай неожиданной контратаки

лазеров истребители спускались вместе с военными кораблями и звеньями по восемь кружили над Атоллом-19, а тяжелые армейские транспорты доставляли на поверхность орудия противовоздушной обороны и Аркайтские полки Имперской Гвардии — подчиненных командующего файля. Вскоре их красные мундиры и серебряные нагрудники заполонили всю поверхность Атолла-19.

Приземистые грузовые суда Адептус Механикум шумно приземлялись в тучах кварцевого песка и извергали из своих недр толпы молчаливых адептов в красных плащах с низко надвинутыми капюшонами. Механизмы торопились исследовать пылающие энергетические столбы, которые удерживали атолл в воздухе. Массивные землеройные машины и целые команды бурильщиков и забойщиков вгрызались в почву с единственной целью — выровнять территорию, чтобы впоследствии уложить листы пористого металла и соорудить взлетно-посадочные полосы для кораблей снабжения.

Атолл-19 должен был стать первым

плацдармом, с которого Дети Императора завоюют весь Лаэран.

Серена, сославшись на усталость, вернулась в свою каюту, а Остиан решил остаться на обзорной палубе и полюбоваться на парящую в темноте космоса планету. Чарующая красота Лаэрана и рассказы Серены о пейзажах иных миров пробудили в нем дотоле неизведанное желание. Стоять на чужой планете под незнакомым солнцем и чувствовать, как тебя овевает ветер с далеких континентов, которые никогда еще не видели людей. Желание посмотреть на Лаэран вблизи было таким сильным, что даже вызывало боль. Оно просто травило его душу.

Остиан попытался представить себе размах горизонта чужой планеты — ничем не нарушаемую линию бесконечной голубизны, изгибающуюся от гигантских волн, едва различимую границу между морем и небом. Какая жизнь может таиться в глубинах океана? Какое бедствие обрушилось на утраченную

цивилизацию и погребло ее под толщей темных вод?

Ему, уроженцу Терры, океаны которой давным-давно испарились в результате древних войн и промышленных катастроф, трудно было представить планету, на которой отсутствует земная твердь.

— Куда ты смотришь? — раздался голос над самым его ухом.

Остиан постарался скрыть удивление и обернулся к подошедшей Бекье Кински. Сегодня ее голубые волосы были собраны в тугую гладкую волну на макушке, что, как предполагал Остиан, потребовало многочасовых усилий стилиста.

Она одарила его хищной улыбкой. Остиан догадывался, что алое облегающее платье должно было играть роль повседневного наряда по сравнению с концертными костюмами, но выглядела Бекья так, будто только что вышла из бального зала Мерики.

— Здравствуйте, мисс Кински, — как можно более равнодушно постарался произнести он.

— О, прошу, называй меня Бек, как

делают все мои близкие друзья! — воскликнула Бекья, продела руку под его локоть и развернула Остиана обратно к окну обзорной палубы.

Аромат ее духов тотчас окутал его, и запах яблок застрял в горле. Декольте Бекьи было скандально низким, и Остиан мгновенно покрылся испариной, наткнувшись взглядом на едва прикрытую выпуклость ее груди.

Он поднял голову и обнаружил, что Бекья смотрит на него в упор. Остиан понял, что женщина не могла не заметить его взгляд, и тогда невыносимый жар бросился ему в лицо.

— Э-э-э... простите, я...

— Тише, мой дорогой, все в порядке, — успокоила его Бекья с игривой улыбкой, от которой Остиану стало еще хуже. — В этом нет ничего дурного, мы ведь оба взрослые люди, не так ли?

Он уставился на медленно вращающуюся внизу планету и постарался сосредоточиться на штормах в океане и атмосферных бурях, но Бекья, склонившись к нему, продолжила:

— Должна признать, мысли о войне меня возбуждают, а тебя? От них кровь бежит быстрее, я вся горю, а ты, Остиан?

— Ну... Я как-то не задумывался над этим.

— Чепуха, наверняка задумывался, — оборвала его Бекья. — Что ты за человек, если мысли о войне не пробуждают в тебе зверя? Да любой, едва подумает об этом, чувствует возбуждение. Я не стыжусь признаться, что от мысли о грохоте орудий и взрывах чувствую жар и трепет. Надеюсь, ты понимаешь, о чем я?

— Я не уверен, — прошептал Остиан, хотя слишком хорошо понял, что она имела в виду.

Бекья игриво хлопнула свободной рукой его по плечу:

— Не притворяйся бестолковым, Остиан, я тебе не поверю. Ты ужасный мальчишка, и тебе нравится меня дразнить.

— Дразнить? — удивился он. — Я не знаю...

— Ты все прекрасно знаешь, — сказала Бекья, высвободила руку и, взяв за плечи,

повернула Остиана к себе лицом. — Я хочу тебя прямо здесь, прямо сейчас.

— Что?

— Ну, не будь таким чопорным, неужели в тебе нет ни капли сладострастия? Ты ведь слышал мою музыку?

— Да, но...

— Никаких «но», Остиан, — отрезала Бекья, ткнув его в грудь длинным накрашенным ногтем, отчего Остиан прижался спиной к стеклу. — Тело держит душу в темнице, пока все пять чувств не разовьются и не разобьют оковы. Поддайся своим чувствам и открой тюрьму, чтобы душа могла вылететь на волю. Если в сексе участвуют все пять чувств, он становится поистине мистическим действом, я давно в этом убедилась.

— Нет! — крикнул Остиан, выскальзывая из-под ее руки.

Бекья шагнула за ним, но Остиан, вытянув перед собой руки, попятился. При мысли о том, что может стать игрушкой Бекьи Кински, он задрожал всем телом и затопал головой.

— Остиан, перестань глупить, — настаивала Бекья. — Можно подумать, что я собираюсь тебя ударить. Нет, разве что ты сам этого захочешь.

— Нет-нет, — выдохнул Остиан. — Я просто...

— Просто — что? — спросила Бекья, и скульптор заметил, что она искренне недоумевает.

Возможно, никому раньше не приходило в голову противиться ее желаниям, и он пытался подобрать ответ, который не оскорбил бы ее, но мозг не подкидывал никаких идей на этот счет.

— Просто... я должен идти. — Он внутренне съежился, мгновенно возненавидя презренное дрожащее существо, которым сейчас был. — Я должен встретиться с Сереной. Мы с ней... договорились.

— С этой художницей? Вы с ней любовники?

— Нет, нет, нет! — торопливо ответил Остиан. — То есть... Я хотел сказать... да. Мы очень любим друг друга.

Бекья надула губы и скрестила руки

на груди. Вся ее поза говорила о том, что теперь он для нее не больше чем грязный мерзавец. Остиан попытался сказать что-то еще, но Бекья не дала ему и рта раскрыть.

— Нет, ты можешь идти. Наш разговор окончен.

И, снова не найдясь с ответом, он повиновался и почти выбежал с обзорной палубы.

4
Скорость войны
Более длинная дорога
Братство Феникса

Зачистка Лаэрана в какой-то степени отражала стремление Фулгрима к достижению совершенства. Ведущиеся на океанической планете битвы были жестокими и безжалостными, каждая победа давалась в таких кровавых сражениях, каких еще не знала история Легиона, но скорость ведения военных действий поражала. Истребление лаэров и покорение нового мира покупались ценой жизни многих Детей Императора.

Каждый захваченный атолл быстро превращался в военную базу для последующих операций и удерживался силами Аркайтских отрядов, а космодесантники неутомимо продолжали кампанию, разработанную их примархом. Несмотря на передовые технологии лаэров, им еще не приходилось сталкиваться с

таким целеустремленным противником, как Легион Фулгрима. Благодаря до мелочей проработанному плану и предвидению примарха все усилия лаэров остановить или хотя бы замедлить продвижение космодесантников оказывались безуспешными.

Живые и убитые воины Лаэрана доставлялись на борт «Гордости Императора» для исследования, проходившего при строжайшем соблюдении карантинных мер. Тела ксеносов препарировались апотекариями Легиона, стремившимся получить как можно больше сведений о противнике. Порой существа разительно отличались от тех воинов, с которыми Астартес столкнулись на Атолле-19; среди них попадались и летающие особи с перепончатыми крыльями и ядовитыми шипами, и водоплавающие с генетически измененными легкими и зазубренными гарпунами вместо хвостов. Наличие столь кардинальных различий среди представителей одной нации приводило в изумление, а на борт корабля для изучения

доставлялись все новые и новые образцы.

С каждой новой победой воины Легиона вызывали все большее восхищение, и всевозможные произведения искусства, прославляющие их подвиги, шли от летописцев нескончаемым потоком, вскоре превратившим корабли флотилии в летающие галереи, где стены были увешаны превосходными картинами, а вдоль всех переходов стояли мраморные статуи на пьедесталах из переливающегося оникса. Были написаны целые библиотеки поэм и симфоний, а еще разнесся слух, что Бекья Кински в ознаменование грядущей победы начала писать новую оперу.

Первый капитан Юлий Каэсорон, лишенный возможности вести первую штурмгруппу, удостоился чести координировать действия всех войск под общим руководством лорда-командира Веспасиана. Хотя Эйдолон и превосходил Веспасиана в званиях, сейчас он был занят приведением к Согласию мира Двадцать восемь — два.

Война за Лаэран велась на множестве

фронтов. Дети Императора сражались на парящих в воздухе атоллах, в руинах древних городов, стоящих посреди океана, где бурный прибой бился о стены, когда-то возносившиеся на сотни метров над поверхностью суши.

Спустя несколько дней после начала кампании были обнаружены подводные города, и отделения Астартес вели бои в кромешной тьме подводных укреплений, куда не проникал луч солнца, высаживаясь с зависших над океаном крейсеров и прорубаясь сквозь толщу воды и стены строений на штурмовых торпедах.

Соломон Деметр со своей Второй ротой овладел первым из этих городов всего за шесть часов, и его план сражения удостоился похвалы самого примарха. На долю Мария Вайросеана выпали бесчисленные стычки на орбите против кораблей лаэров, уцелевших в ходе предварительных боев. Его воины брали на абордаж лаэрские суда, управляемые пилотами, телепатически связанными со своими кораблями, похожими на каких-то отвратительных паразитов.

Юлий Каэсорон координировал атаки на атоллы и изучал маршруты передвижения лаэров, до поры до времени считая их беспорядочными. На первый взгляд атоллы казались независимыми образованиями, дрейфующими над океаном Лаэрана по собственному разумению, но после тщательного анализа всех сведений Юлий заметил, что все летающие города совершали свои перемещения в пределах круга, центром которого был один определенный атолл.

Он не был ни самым большим, ни самым впечатляющим объектом среди всех остальных, но чем больше становилось известно о маршрутах других атоллов, тем явственнее обозначалось его выдающееся значение. Советники-стратеги высказали теорию, что там, вероятно, находится общее для всего Лаэрана правительство, но, когда выводы были представлены Фулгриму, он мгновенно понял истинное назначение этого атолла.

Центральный атолл не был резиденцией правительства. Он был

местом всеобщего поклонения.

Флюоресцентные лампы заливали апотекарион «Гордости Императора» ослепительным сиянием, которое причудливо отражалось в витринах застекленных шкафов и на поверхностях сверкающих стальных сосудов и боксов с хирургическими инструментами или органами. Апотекарий Фабий командовал двумя помощниками, толкавшими тяжелую каталку с телом лаэрского воина. Тело было только что изъято из ячейки морга, где постоянно поддерживалась низкая температура.

Фабий завязывал свои длинные белые волосы, такие же как и у примарха, в тугой гладкий узел, что еще больше подчеркивало резкие черты его лица и холодность темных глаз. Его скупые точные движения и отрывистые распоряжения свидетельствовали о целеустремленности и тщательно продуманной методологии. Доспехи Фабия в данный момент оставались в оружейной, работать он предпочитал в робе хирурга,

поверх которой надел плотный прорезиненный фартук, уже перемазанный темным ихором лаэров.

От привезенного тела поднимались холодные струйки пара, и Фабий удовлетворенно кивнул помощникам. Тяжелая каталка остановилась возле каменной столешницы хирургического стола, на котором лежал другой лаэр, только что доставленный с поля боя. Этот воин был убит выстрелом в голову, и его тело нисколько не пострадало. Ткани последнего образца еще оставались теплыми на ощупь и распространяли маслянистый запах. С потолка на тонких кабелях свисали гололитические панели, проецирующие бесконечные мерцающие строчки сведений прямо на стерильные стены апотекариона.

Последние несколько часов Фабий занимался еще не остывшим трупом убитого лаэра, и результаты его исследований оказались ошеломляющими. Апотекарий извлек из тела все внутренности и разложил органы, словно трофеи, на серебряных подносах вокруг

рабочего стола. Подозрение, которое возникло у Фабия еще во время атаки на Атолл-19, теперь полностью подтвердилось, и, вооружившись недостающими данными, апотекарий послал лорду Фулгриму известие о своих изысканиях.

И теперь примарх стоял у входа в апотекарион, а на почтительном расстоянии от него замерли воины Гвардии Феникса, вооруженные алебардами. Просторный светлый апотекарион в его присутствии казался тесным. Фулгрим пришел прямо с поля боя, в своих пурпурно-золотых доспехах, и еще не успокоился после яростных схваток с врагами. Война велась уже третью неделю, бои следовали один за другим, и с каждой одержанной победой Астартес оттесняли лаэров к последнему атоллу, в котором примарх опознал храм.

— Было бы неплохо услышать хорошие вести, апотекарий, — произнес Фулгрим. — Я должен завоевать этот мир.

Фабий кивнул и склонился над холодным трупом. Из встроенного в

рукавицу нартециума появился скальпель, и апотекарий разрезал нитки, скреплявшие края рассеченной грудины. Он развернул толстые лоскуты кожи и мускулов и закрепил их зажимами, чтобы открыть внутренности. Снова увидев содержимое грудной клетки лаэра, Фабий не мог удержаться от улыбки — расположение каждого органа вызывало у него восхищение. Эти существа можно было сравнить с превосходно отлаженными машинами для убийства.

— Вот, мой господин, — сказал Фабий. — Я никогда и не подозревал, что такое возможно, и, вероятно, об этом не догадывался никто другой, кроме самых исключительных теоретиков Терры.

— О чем ты? — потребовал разъяснений Фулгрим. — Не испытывай мое терпение своими загадками, апотекарий.

— Это восхитительно, мой господин, просто восхитительно, — продолжал Фабий, становясь между двумя трупами лаэров. — Я провел генетический анализ, и его результаты представляют огромный

интерес.

— Меня может интересовать только одно: наиболее эффективный способ истребления этих существ! — с легким раздражением откликнулся Фулгрим, и Фабий понял, что пора переходить к сути.

Бремя командования столь интенсивной и жестокой кампанией не могло не подействовать даже на примарха.

— Конечно, мой господин, конечно, — закивал Фабий. — Но мне кажется, вам было бы интересно узнать и то, как они жили. Из проведенных мною исследований можно сделать вывод, что лаэры в своем стремлении к совершенству не слишком отличаются от нас. — Фабий показал на раскрытые грудные клетки лаэрских воинов. — Посмотрите на эту парочку. Их геном практически идентичен, это совершенно точно — представители одного вида, одной расы. Но вот их внутренние органы... Они модифицированы.

— Модифицированы? — повторил Фулгрим. — С какой целью?

— Я могу предположить, что целью

является максимальное соответствие предназначенной им роли в лаэрском обществе, — ответил Фабий. — Эти удивительные существа генетически и химически изменяются еще при рождении, чтобы наиболее продуктивно выполнять свои функции. Вот этот, к примеру, явный воин, его центральная нервная система приспособлена действовать на самом высоком уровне функциональности в отличие от посланников, схваченных нами в самом начале военных действий. Вот, посмотрите-ка на эти железы.

Фулгрим наклонился над трупом и поморщился от чужеродного запаха:

— И в чем их особенность?

— Они предназначены для выработки и доставки на корпус лаэра особого вещества, которое мгновенно образует корку на поврежденных участках. Это позволяет закрывать раны через считаные секунды после их возникновения. Нам повезло, что капитан Деметр убил его таким точным выстрелом.

— У всех имеются такие органы? — спросил Фулгрим.

Фабий отрицательно покачал головой и показал на гололитические панели. Тотчас появились изображения препарированных тел лаэров и вращающиеся проекции их различных органов.

— Нет, далеко не у всех, — пояснил фабий. — И это вызывает еще большее восхищение. Каждый лаэр при рождении подвергается модификации, чтобы в совершенстве соответствовать роли, для которой он предназначен, будь это воин, разведчик, дипломат или даже артист. У некоторых ранее захваченных особей наблюдались увеличенные зрительные полости, обеспечивающие максимальное поглощение света. Зато другие были созданы с прицелом на физический труд. Они чрезвычайно выносливы, очевидно, это рабочие.

Фулгрим перевел взгляд на экраны, усваивая информацию со скоростью, не доступной ни одному из смертных.

— Они движутся к собственному совершенству.

— Абсолютно верно, мой господин! —

воскликнул Фабий. — Лаэры, изменяя свое физическое строение, сделали первый шаг на пути к совершенству.

— Фабий, ты веришь, что лаэры могут быть совершенными? — спросил Фулгрим, и в его голосе прозвучали предостерегающие нотки. — Следи за своими словами. Глупо было бы сравнивать этих ксеносов с творениями Императора.

— Нет-нет, — поспешно ответил Фабий. — Преобразования, проведенные в нас Императором, непостижимы, но что, если это лишь первый шаг на долгом пути? Мы — Дети Императора, и, как всякие дети, мы должны учиться ходить и самостоятельно продвигаться вперед. Что, если мы присмотримся к своей плоти с целью улучшить ее и таким образом сможем приблизиться к совершенству?

— Какие еще могут быть улучшения?! — воскликнул Фулгрим, нависая над Фабием. — За такие слова я должен был бы тебя убить, апотекарий!

— Мой господин, — заторопился Фабий, — цель нашей жизни — во всем стремиться к совершенству, а это значит,

что надо отбросить всякую брезгливость или благоговение, которые лишь ограничивают наши стремления.

— Созданное Императором уже совершенно, — заявил Фулгрим.

— Так ли это? — спросил Фабий, поражаясь собственной смелости, позволившей усомниться в совершенстве чудодейственных преобразований организмов Астартес. — Вы же помните, как наш любимый Легион едва ли не полностью был истреблен сразу же после рождения. В результате несчастного случая погибла большая часть геносемени, послужившего основой нашего создания. А вдруг в этом ужасном бедствии повинен не несчастный случай, а наше несовершенство?

— Я помню свою историю, — сердито бросил Фулгрим. — К тому времени, когда отец впервые привез меня на Терру, в Легионе оставалось не больше двух сотен воинов.

— А вы помните, что сказал Император, узнав о постигшем Легион несчастье?

— Помню, апотекарий, — ответил Фулгрим. — Мой отец сказал, что пережить несчастье лучше в самом начале жизни. Я должен был возродить Легион и восстать из пепла, подобно фениксу.

Примарх, вспоминая боль и муку давно минувших дней, пристально смотрел на апотекария, а Фабий видел в его взгляде силу и зарождающийся гнев и понимал, что затеял опасную игру. Своим откровенным разговором он вполне мог подписать себе смертный приговор, но открывшиеся перед ним возможности стоили такого риска. Постижение секретов создания Астартес стало бы величайшим делом его жизни. Если такое не стоит некоторого риска, тогда ради чего рисковать?

Фулгрим повернулся к гвардейцам Феникса.

— Оставьте нас, — сказал он. — Ждите снаружи и не заходите, пока я вас не позову.

Фабий знал, что даже на борту флагманского корабля телохранители

неохотно оставляли примарха вне поля своего зрения. Но гвардейцы беспрекословно подчинились и вышли из апотекариона.

Дождавшись, когда они закроют за собой дверь, Фулгрим снова повернулся к Фабию. Задумчивый взгляд примарха перемещался с лица апотекария на рассеченные трупы лаэров и обратно.

— Ты уверен, что сможешь улучшить геном Астартес? — спросил Фулгрим.

— Я пока не могу сказать ничего определенного, — ответил Фабий, с трудом сдерживая свой восторг. — Но я уверен в том, что стоит попытаться это сделать. Не исключено, что старания останутся безрезультатными, но в противном случае...

— Мы приблизимся к совершенству, — закончил за него Фулгрим.

— Только из-за недостатка совершенства мы можем подвести Императора, — продолжил Фабий.

Фулгрим кивнул.

— Ты можешь работать дальше, апотекарий, — сказал он. — Делай, что должен.

Братство Феникса встречалось в Гелиополисе при свете живого огня. Люди подходили по одному и парами, минуя огромные бронзовые врата, и занимали места у широкого круглого стола, поставленного в центре. Оранжевые отблески пламени курильниц отражались от высокого потолка и поверхности стола. Вокруг него через равные промежутки стояли стулья из черного дерева, с высокими спинками, и половина их уже была занята Детьми Императора в плащах с капюшонами. Отполированные доспехи сверкали, но было заметно, что они знавали лучшие дни.

Соломон Деметр увидел, как через Врата Феникса вошли Юлий Каэсорон и Марий Вайросеан, а вслед за ними еще несколько капитанов, не задействованных в сражениях. Друзья заняли места по обе стороны от него, и Соломон, приветственно кивнув, не мог не заметить их усталости, но был рад увидеть живыми и невредимыми после очередной опасной высадки на лежащую

внизу планету.

Зачистка Лаэрана оказалась нелегкой для каждого из них. На поверхности одновременно оставались три четверти состава Легиона, и в такой вымотывающей войне почти не было времени для передышки. Едва очередная рота воинов возвращалась на корабль для пополнения боеприпасов, как их снова посылали в новое сражение.

План лорда Фулгрима был блестящим и смелым, но не оставлял возможности для отдыха и восстановления сил. Даже обычно неутомимый Марий сегодня выглядел совершенно изможденным.

— Сколько? — спросил Соломон, заранее опасаясь услышать ответ.

— Одиннадцать погибших, — произнес Марий. — И я боюсь, что еще один может умереть через день или два.

— Семеро, — вздохнул Юлий. — А как у тебя?

— Восемь, — ответил Соломон. — Клянусь огнем, это чересчур жестоко. И у всех остальных ситуация не лучше.

— Если не хуже, — добавил Юлий. —

Наши роты лучшие.

Соломон кивнул. Он понимал, что Юлий и не думал хвастать, этого за ним не водилось, он просто констатировал факт.

— А вот и новая кровь, — сказал он, заметив среди членов Братства Феникса два незнакомых лица.

Оба воина несли на плечах капитанские знаки отличия, но краска на них едва успела просохнуть.

— Неблагоприятные условия не должны сказываться на командном составе Легиона, — заметил Марий. — Хороший лидер обязан оставаться в безопасности, чтобы иметь возможность вдохновлять подчиненных ему людей.

— Марий, не надо цитировать мне устав, — сказал Соломон. — Я сам присутствовал при написании этой части. В сущности, я сам принял решение идти по центру.

— А ты, случайно, не принимал решение оставаться чертовски удачливым и живым? — вмешался Юлий. — Я уже потерял счет случаям, когда ты должен

был быть убитым.

Соломон улыбнулся, радуясь, что война на Лаэране не сломила духа его приятеля:

— Знаешь, Юлий, боги войны ко мне благосклонны, и они не допустят, чтобы я погиб на этом неудачном подобии планеты.

— Не говори таких вещей, — предостерег его Марий.

— Каких вещей?

— О благосклонности богов и тому подобном, — пояснил капитан Третьей роты. — Это не соответствует духу Легиона.

— Не расстраивайся, Марий, — ухмыльнулся Соломон и хлопнул друга по наплечнику доспехов. — За этим столом есть только один бог сражений, и я сижу с ним рядом.

Марий стряхнул его руку с плеча:

— Не смейся, Соломон, я говорю серьезно.

— Я это прекрасно знаю, — огорченно кивнул Соломон. — Тебе надо немного встряхнуться, друг мой. Нельзя же

постоянно ходить с мрачными физиономиями, правда?

— Война вообще не самое веселое занятие, Соломон, — возразил Марий. — Хорошие люди погибают, а ответственность за их жизни лежит на наших плечах. Каждая смерть подрывает наши силы, а ты над этим насмехаешься?

— Мне кажется, Соломон не это имел в виду, — вмешался Юлий, но Марий не дал ему продолжать:

— Не защищай его, Юлий, он сам отвечает за свои слова, и у меня сжимается сердце, когда он веселится после гибели храбрых воинов.

Слова Мария больно задели Соломона, и он ощутил, как в ответ на замечание Мария в его душе разгорается гнев. Он ближе наклонился к капитану Третьей роты:

— Я никогда не посмел бы с легкостью относиться к тому факту, что люди гибнут, но я знаю, что, если бы не я, живых осталось бы гораздо меньше. Все мы относимся к войне по-разному, и я сожалею, если мое поведение тебя оскорбляет. Но я

такой, какой есть, и никто не заставит меня измениться.

Соломон не отрываясь смотрел на Мария, почти надеясь на продолжение неожиданно возникшего спора, но его друг только покачал головой:

— Извини меня, дружище. Бесконечные сражения настроили меня на агрессивный лад, и я постоянно ищу повода выплеснуть свою ярость.

— Все отлично, — ответил Соломон, и его гнев мгновенно испарился. — Я и сам порой не могу удержаться от насмешек, хотя и знаю, что они неуместны. И ты меня извини.

Марий протянул руку, и Соломон с готовностью ее пожал.

— Война имеет свойство выставлять нас глупцами именно в тот момент, когда мы должны служить образцом.

Соломон кивнул.

— Ты прав, — сказал он, — но я не способен придумать другого занятия. Заботы о культурном развитии я предоставляю Юлию. Кстати, как поживает банда летописцев, с которыми

ты подружился? Скольким произведениям искусства ты послужил образцом? Клянусь, Марий, скоро не останется ни одной палубы, где бы ты не рисковал наткнуться на собственную физиономию, увековеченную на холсте либо в мраморе.

— Твоя внешность, Соломон, уж точно не нуждается в запечатлении в произведениях искусства. Зачем людей пугать? — Юлий рассмеялся, успешно оборачивая привычное оружие Соломона — дружескую насмешку — против него же. — И вряд ли их можно называть бандой. Музыка госпожи Кински вызывает восхищение, и да, я надеюсь позировать для портрета кисти Серены д'Анжело. К совершенству можно стремиться в разных областях деятельности, не только в войне.

— Какое самомнение... — протянул Соломон, широко разводя руки.

В этот момент Врата Феникса вновь отворились и вошел Фулгрим — в полном боевом облачении, в доспехах, с наброшенной поверх накидкой из перьев огненного цвета. Его появление произвело, как обычно, грандиозное впечатление.

Астартес с восторгом уставились на обожаемого командира, и все разговоры за столом моментально стихли.

Все собравшиеся воины, поднявшись, склонили головы, и примарх Детей Императора занял свое место за столом. Как обычно, фулгрима сопровождали Эйдолон и Веспасиан, и их доспехи тоже были покрыты накидками из перьев. В руках лорды-командиры держали высокие посохи, набалдашниками которым служили небольшие курильницы из темного металла, горевшие неярким красным огнем.

Хотя круглый стол теоретически отвергал все различия в рангах и званиях, ни у кого не могло возникнуть и тени сомнения относительно того, кто возглавляет это собрание. В других Легионах собрания воинских лож могли проходить менее официально, но Дети Императора строго придерживались обычаев и ритуалов, поскольку повторение вело к совершенству.

— Братья Феникса, — заговорил фулгрим, — именем огня, приветствую

вас.

Бекья Кински сидела за широким столом в своей каюте и через окаймленный бронзой иллюминатор наблюдала за плывущим в космосе голубым миром. Но, склонившись над чистыми листами нотной бумаги, она едва ли замечала красоту представшей ее взору картины — после того как Остиан Делафур отверг ее, душа Бекьи оскорбленно кипела.

Хотя мальчик был неискушен и не выделялся особой физической привлекательностью, что отличало всех ее любовников в прошлые годы, но он был молод, а очарование молодости Бекья ценила выше всех остальных преимуществ. Отравить его невинность горькой искушенностью своего опыта и возраста было одним из немногих оставшихся ей удовольствий. С самых ранних лет Бекья имела возможность получить в свое распоряжение любого мужчину или женщину, и никто не осмеливался противиться ее воле. Быть отвергнутой

сейчас, когда она достигла вершин успеха, казалось немыслимым.

Гнев на Остиана, не принявшего ее предложения, сжигал душу Бекьи огнем, и она поклялась отомстить за беспримерное нахальство.

Никто еще не смел отказать Бекье Кински!

Она прижала пальцы к вискам и легонько помассировала их в надежде уменьшить головную боль, наплывающую волнами. Неестественно гладкая поверхность кожи показалась ей слишком холодной, и Бекья уронила руки на письменный стол. Хирургическая коррекция успешно скрывала все видимые признаки ее возраста, но все равно уже недалеко то время, когда человеческое искусство уже не в силах будет противостоять разрушительному воздействию времени.

Бекья взяла со стола перо, и рука замерла над листом нотной бумаги, но тонкие линейки так и остались возмутительно чистыми. Бекья сама распустила слухи о начале работы над

триумфальной симфонией, посвященной лорду Фулгриму, однако до сих пор в ее записях не появилось ни единой ноты.

Избрание в гильдию летописцев было грандиозной, но вполне ожидаемой честью, поскольку ни один человек не решился бы оспаривать непревзойденный талант Бекьи Кински. Ее выдвижение являлось логическим продолжением всей ее деятельности на музыкальном поприще и, казалось, открывало неограниченные горизонты для творчества. По правде сказать, башни Терры опостылели Бекье: одни и те же лица, одни и те же банальности — жизнь стала казаться пресной. Что могло заинтересовать ее на Терре, если она испробовала все плотские и наркотические удовольствия, которые можно было купить за деньги? Какие новые ощущения мог предложить унылый и выхолощенный мир, слишком старый мир, чтобы удовлетворить разнузданный вкус Бекьи?

Она решила, что Галактика, пробужденная и покоренная возродившимся величием человечества, предоставит ей

новые, невиданные чувства и переживания.

И поначалу так оно и было. Заново открытые миры изобиловали чудесами, а общество других талантливых людей возбуждало самолюбие, и музыка стекала с ее пальцев на нотные линейки совсем как в то время, когда она сочиняла «Симфонию ночи изгнания», принесшую Бекье почетную мантию Серебряного Меркурия.

Теперь ее уже ничто не вдохновляло, и музыка иссякла.

Парящий в космосе мир медленно плыл по своей орбите, и она лихорадочно надеялась, что его красота снова подарит ей возможность творить.

Вместе со всеми собравшимися боевыми братьями Соломон поднялся, приветствуя любимого примарха. Находиться в обществе лорда Фулгрима само по себе было великой честью, а сознание причастности к избранным доставляло особую радость.

— Мы рады приветствовать вас, наш господин и повелитель, — произнес он в унисон с остальными воинами.

Эйдолон и Веспасиан шагнули к своим местам и, прежде чем сесть, вставили жезлы в специальные подставки в подлокотниках кресел. Капитан не мог не заметить напряженность в их взглядах и задумался, что могло произойти между двумя лордами-командирами перед их появлением в зале.

Братство Феникса очень отличалось от воинских лож, существовавших в других Легионах. В те времена, когда Дети Императора сражались бок о бок с Лунными Волками, они очень подружились с воинами Хоруса и в промежутках между боями не раз обсуждали свои братства.

Ложа Лунных Волков, по существу, представляла собой сообщество, открытое для всех желающих стать его членами, неформальный кружок для откровенных разговоров, где ранг и положение не имели значения, где люди могли свободно высказывать свое мнение, не опасаясь последствий. Соломон и Марий даже как-то получили приглашение на одно из таких собраний и провели приятный вечер в отличной компании под

предводительством офицера по имени Сергар Таргост. Несмотря на несколько театральную обстановку и закрытые капюшонами лица присутствующих, собрание понравилось Соломону, но он не мог не заметить, что Марию такое неформальное общение лиц разных званий не доставило удовольствия. По традициям Детей Императора, в их ложе могли состоять только офицеры высшего звена.

Приглашения на сегодняшнее собрание были разосланы самим фулгримом, и Соломон гадал, что намерен им рассказать примарх.

— Братья мои, зачистка Лаэрана близится к завершению, — заговорил фулгрим, вызвав этими словами оживление в рядах слушателей. — Нашей атаки ожидает последний бастион ксеносов, и я сам поведу вас в это сражение. Разве не обещал я лично водрузить наше знамя на развалинах последней крепости лаэров?

— Обещал! — выкрикнул Марий, и Соломон обменялся взглядами с Юлием, поскольку оба они в голосе третьего

капитана услышали льстивые нотки.

Остальные воины после возгласа капитана Третьей роты застучали кулаками по столу, и Фулгрим поднял руку, успокаивая восторги своих воинов.

— Сражения на Лаэране не были для нас легкими, и каждому пришлось терять в боях своих братьев, — печальным тоном продолжил Фулгрим, отдавая должное горю, которое все они испытывали. — Но тем большую честь мы завоевали. Когда люди станут вспоминать эти дни и наши успехи, они могут посчитать хроники недостоверными, думая, что ни один Легион не в состоянии покорить целую расу в столь короткое время. Но мы не обычный Легион, мы избранники самого Императора, и нам одним выпала честь носить на груди изображение его орла.

Каждый из воинов в подтверждение его слов прикоснулся ладонью к нагруднику доспехов, а Фулгрим продолжил свою речь:

— Ваша отвага и ваши жертвы не останутся незамеченными, и в Галерее Героев навечно останутся имена и подвиги погибших. Я навсегда сохраню память о

них в своей душе, как сохранят ее и те, кто займет их место.

Фулгрим встал и обошел вокруг стола, остановившись возле вновь прибывших воинов. Один из них взирал на присутствующих орлиным взором прирожденного воина и сразу понравился Соломону, тогда как второй офицер, казалось, чувствовал себя неловко, став объектом всеобщего внимания. Соломон легко мог понять смущение нового члена общества, поскольку хорошо помнил, как его самого представляли Братству Феникса.

— Гибель наших братьев, как бы печальна она ни была, дает возможность другим воинам приблизиться к совершенству, занимая место павших. Приветствуйте их, братья, приветствуйте появление новых членов в наших рядах!

Двое новичков поднялись со своих мест и поклонились членам ложи, а Соломон присоединил свои аплодисменты к общей овации. Фулгрим положил руку на плечо того офицера, который выглядел

более скромным.

— Это капитан Саул Тарвиц, — произнес примарх. — Он проявил истинную отвагу, сражаясь на атоллах Лаэрана. Этот воин будет отличным пополнением наших рядов. — Затем Фулгрим повернулся к тому, кто выглядел безоглядным храбрецом. — А это, братья мои, Люций, опытный мастер меча, превосходно понимающий, что значит быть одним из Детей Императора.

Оба имени были знакомы Соломону, хотя он знал этих людей только понаслышке. Люций ему очень понравился — в нем он отчасти узнавал собственное неистовство. Но вот Тарвиц выглядел, как бы выразился Марий, обычным линейным офицером.

От Тарвица не ускользнула заинтересованность Соломона, и он уважительно склонил голову. Деметр ответил кивком и моментально понял, что в этом воине нет ни капли величия и он вряд ли многого достигнет.

Оба воина опустились на свои места, а Фулгрим, шелестя по гладким плитам

пола накидкой из перьев, снова обошел вокруг стола. Соломон посмотрел на Мария. Он внезапно понял, что примарх не испытывает желания продолжать монолог. Марий в ответ только едва заметно пожал плечами.

— Война на планете почти закончена, и после взятия последнего атолла настанет время строить планы относительно последующих странствий сквозь тьму. Я получил весточку от своего брата Ферруса Мануса, в которой говорится, что Железные Руки готовятся к новому походу, и он почтительно просит нас оказать ему помощь в борьбе с жестоким противником. Он начинает массовое наступление против врагов человечества в районе Малого Двойного скопления, и нам предоставляется шанс продемонстрировать принципы стремления к совершенству, основополагающие для нашего Легиона. После покорения лаэров мы встретимся с твоим братом в окрестностях звезды Кароллис и поможем Пятьдесят второй экспедиции, а потом отправимся к

Аномалии Пардас, как планировалось раньше.

Перспектива снова идти в бой с воинами X Легиона заставила сердце Соломона забиться чаще, и он обнаружил, что вместе со всеми радостно улыбается этой мысли. О братских узах между Фулгримом и Феррусом Манусом ходили легенды, и, несмотря на десятилетия сражений Фулгрима рядом с Хорусом, его привязанность Феррусу нисколько не ослабла и была крепче, чем между другими примархами.

— А теперь пора сказать им и обо всем остальном! — раздался пронзительный голос, и Соломон изумленно замер, не в силах поверить, что кто-то осмелился обратиться к примарху таким тоном.

Когда на этот возглас обратились многочисленные разъяренные взгляды, то оказалось, что это не кто иной, как лорд-командир Эйдолон.

— Спасибо, Эйдолон, — сказал Фулгрим, и Соломону стало ясно, что примарх с трудом сдерживается, чтобы не

указать лорду-командиру на вопиющее нарушение протокола. — Как раз к этому я и перехожу.

Необычное выступление Эйдолона повергло всех собравшихся в смятение, и обществом овладело беспокойство. Непонятное чувство стеснило грудь Соломона, он не знал, чего следует ожидать, но происходящее ему определенно не нравилось.

Фулгрим вернулся на свое место.

— К несчастью, — заговорил он, — не все из нас смогут принять участие в этой кампании, поскольку мы должны подчиняться общим требованиям Крестового Похода. Покорение Галактики и приведение миров к Согласию требуют значительных усилий, и Воитель приказал, чтобы часть наших сил была направлена на усмирение отдельных территорий, которые стремятся выйти из повиновения.

В зале раздались протестующие и разочарованные возгласы, и у Соломона при мысли лишиться возможности сражаться рядом с двумя величайшими воинами

современности перехватило дыхание.

— Лорд Эйдолон в сопровождении отряда численностью около роты на «Гордом сердце» отправится к Поясу Сатира Ланкса, чтобы удостовериться, что имперские управляющие должным образом воплощают в жизнь законы Империума. Капитан Тарвиц и капитан Люций, вам следует подготовить своих людей для немедленного перебазирования на борт «Гордого сердца». Это будет первым заданием для вас в качестве новых членов Братства Феникса, так что я не жду от вас ничего другого, кроме совершенного выполнения приказа. Я знаю, что вы меня не разочаруете.

Оба офицера отдали честь, и Соломон видел, что, несмотря на сожаление из-за невозможности дальше воевать вместе с основными силами Легиона, доверие Фулгрима наполнило их сердца радостью.

Но еще он заметил, что похожей радости не было в сердце Эйдолона, и знал, что лорд-командир, несмотря на честь сражаться под руководством Воителя и

командовать значительными силами, разочарован подобным назначением. Но поскольку сражениями на Лаэране руководил Веспасиан, другого выбора не оставалось. Соломон знал, что Эйдолон прекрасно это понимает и, окажись он на месте лорда-командира, сам испытал бы горькое разочарование.

— После вашего возвращения мы будем воспевать вашу храбрость, а сейчас давайте пировать и пить в честь грядущей победы над Лаэраном! — провозгласил Фулгрим.

Врата Феникса распахнулись, пропуская слуг с подносами, нагруженными изысканными блюдами и сосудами с вином.

— Выпьем за предстоящую победу! — крикнул Фулгрим.

5
Сбиты
Следует за «Огненной птицей»
Храм Искушения

Штурмкатера и «Громовые ястребы», поднявшиеся в воздух над последним из лаэранских атоллов, составляли одну из самых больших армад, когда-либо применявшихся в течение всего Великого Крестового Похода. В последних лучах заходящего солнца с уже захваченных атоллов взлетело девять сотен кораблей, время вылета и курс следования для каждого был рассчитан самим примархом, чтобы новая атакующая волна подходила к цели в точно назначенное время.

Истребители и бомбардировщики с завыванием поднимались в воздух в облаках коралловой пыли и реактивных газовых струй, а следом за ними поднимались штурмкатера и «Ястребы». В несколько минут небеса над всеми атоллами заполнились темными

хищными силуэтами, которые кружили подобно вороньим стаям, готовые к выполнению своей убийственной миссии. По сигналу с орбиты корабли разом изменили курс и по безоблачному синему небу устремились к своей жертве.

Фулгрим стартовал с палубы «Гордости Императора» на «Огненной птице» — боевом судне, спроектированном и построенном под его личным руководством в оружейных мастерских флагманского корабля. Размах его крыльев был больше, чем у обычного штурмкатера, их стреловидные плоскости были изящно приподняты, а слегка опущенный нос придавал кораблю сходство с хищником, готовым закогтить жертву.

«Огненная птица» ворвалась в атмосферу Лаэрана, и ее крылья окутали языки призрачного пламени, осветив тьму, словно комета.

Внутри штурмкатера Соломона все металлические части блестели позолотой, а почти все свободные поверхности были заняты мозаичными

картинами победных сражений воинов Легиона бок о бок с Лунными Волками. Солдаты в серо-стальных доспехах были изображены вперемежку с пурпурно-золотыми Детьми Императора, и Соломон, глядя на дрожащую и качавшуюся перед ним картину, внезапно ощутил укол сожаления о былом товариществе.

— От этого становится только хуже, — произнес Гай Кафен, заметив беспокойство Соломона.

— Спасибо! — крикнул он в ответ. — Я просто стараюсь не думать о стене заградительного огня, сквозь которую придется пролететь, прежде чем мы доберемся до этого проклятого атолла.

Рев двигателей, несмотря на действие фильтров шлема, заглушал почти все прочие звуки. Треск взрывов казался далеким и неясным, бронированный корпус штурмкатера обеспечивал отличную защиту от снарядов, и все же каждый из воинов хорошо знал, какую опасность они представляют.

— Мне это не нравится! — крикнул Соломон. — Я терпеть не могу полагаться

на судьбу при высадке на поле боя, когда обстоятельства выходят из-под моего контроля.

— Ты уже не раз об этом говорил, — заметил Кафен. — И когда мы летали на штурмкатерах, и когда ездили на «Рино». Но в данных условиях нам пришлось бы научиться ходить по воде, чтобы добраться до места.

— И вспомни, что случилось с ударной группой на Атолле-19, — ответил ему Соломон. — Корабль едва не разбился вдребезги о скалу! Слишком много хороших воинов погибло в пламени еще до того, как они получили возможность испытать свою боевую удачу.

— Боевую удачу? — насмешливо переспросил Кафен, покачивая головой. — Клянусь, иногда после твоих разговоров об удаче и богах войны мне кажется, что пора поставить в известность капеллана Чартосиана. Мне все это нравится не больше, чем тебе, но ведь для нашей безопасности приняты все возможные меры, не так ли?

Соломон кивнул, признавая правоту

Кафена. Лорд Фулгрим, понимая, что весь флот должен разделить с Астартес честь покорения Двадцать восемь — три, позволил подняться в воздух армейским истребителям, чтобы уничтожить самые активные батареи обороны лазеров.

Теперь большая часть противовоздушных орудий защитников атолла превратилась в груды развалин, но несколько огневых точек еще оставались в сохранности и продолжали сопротивление. Соломон перевел взгляд на длинные ряды сидений пассажирского отсека, чтобы определить, какое впечатление их беспокойный перелет оказал на воинов. К своему немалому удовольствию, он увидел, что люди спокойны, как если бы это был обычный тренировочный вылет.

Его солдаты сохраняли спокойствие, а он, несмотря на все уверения Кафена, испытывал тревогу и необходимость, по крайней мере, повидать управлявших штурмкатером пилотов. Соломон учился управлять штурмкатером и даже тренировался на более современных «Громовых ястребах», но не мог не

признать, что в лучшем случае способен вести судно лишь в благоприятных условиях.

В бой их должны везти другие, более искусные летчики, поскольку план примарха требовал абсолютной и беспрекословной точности и согласованности действий.

Соломон ударил ладонью по замку ремней, отстегивая их, и поднялся на ноги, ухватившись за латунный поручень, проходивший под потолком вдоль всего отсека.

— Я иду в рубку, — заявил он.

— Ты собираешься взяться за штурвал? — поинтересовался Кафен. — Я уже чувствую себя в полной безопасности!

— Нет, я только хочу посмотреть, что там происходит.

Кафен ничего не ответил, и Соломон зашагал к рубке. Внезапно катер содрогнулся и по корпусу застучали осколки разорвавшегося вблизи снаряда. Капитан Деметр прошел через пассажирский отсек и рывком распахнул дверь кабины пилотов.

— Сколько нам еще осталось лететь до зоны высадки? — крикнул он, перекрывая рев двигателей.

Второй пилот оглянулся.

— Две минуты! — ответил он.

Соломон кивнул, ему хотелось поговорить, но он не решался отвлекать пилотов от их работы. Ночное небо за бронированным стеклом рубки было освещено разрывами заградительного огня и артиллерийского обстрела. Истребители флотилии вели бой с уцелевшими кораблями лаэров, чтобы расчистить путь для воинов Легиона. Впереди Соломон уже видел плывущий в небе ярко освещенный остров — храмовый атолл, словно маяк, разгонял ночную тьму.

— Глупо, — пробормотал он себе под нос. — Мне надо было просто на время отключиться.

Рубку пилотов заливал дрожащий красноватый свет, и внезапно Соломону на ум пришло сравнение с морем крови. Он начал обдумывать эту мысль как возможную приметы грядущего сражения, но вскоре выбросил ее из головы — глупое

занятие. Приметы и предзнаменования существуют лишь для слабых умов, которым неведомы Имперские Истины, да для диких варваров, пытающихся объяснить для себя восход солнца и выпадение дождей.

Соломон считал себя выше неразумных суеверий, но вспомнил свою неискоренимую привычку перед каждой битвой вносить улучшения в свои доспехи и тщательно их проверять ради собственной безопасности. Он усмехнулся — кое-кто мог бы счесть и этот обычай суеверием. Но Соломон считал, что забота о доспехах и оружии — всего лишь проявление благоразумия.

Сложная паутина траекторий снарядов и взрывов полностью завладела его вниманием, и Соломон, не желая возвращаться на свое место, присел на корточки у двери рубки. Несколько мгновений он наблюдал за сложным танцем огня, но вдруг все залило ослепительное сияние, и над их штурмкатером пронеслась «Огненная птица». Огромная скорость корабля

примарха означала, что фулгрим в числе первых высадится на атолле.

Крылья «Огненной птицы» все еще были окутаны языками огня, и Соломон с улыбкой отметил, что намерение примарха начать сражение с наступлением ночи не было случайным. Алые отсветы заплясали на лицах пилотов, а Соломона вновь охватило зловещее предчувствие чего-то ужасного.

Что-то должно произойти, но не с ним лично, а с Легионом.

Внезапно штурмкатер сильно тряхнуло, первый пилот выругался, и Соломон напрягся всем телом. Удар пришелся в борт, их штурмкатер накренился и стал падать.

В памяти мгновенно всплыли картины простиравшегося под ними бездонного океана и сражений в его темной бездне. Соломон не испытывал ни малейшего желания снова спускаться в этот холодный подводный мир.

— Левый двигатель горит! — крикнул пилот. — Увеличь мощность по правому борту.

— Стабилизаторы вышли из строя. Пытаюсь скомпенсировать!

— Перекрой подачу топлива из крыла и выравнивай судно!

Штурмкатер продолжал заваливаться набок, и Соломон судорожно вцепился в край переборки. Летчики пытались выровнять судно и стабилизировать полет. На командном пульте вспыхнули сигналы тревоги, сквозь шум послышался предупредительный писк альтиметра. Голоса пилотов выдавали их напряжение, но вместе с тем Соломон видел, как опыт и долгие годы тренировок помогают им эффективно справляться с аварийной ситуацией.

Наконец штурмкатер стал понемногу выправляться, хотя красные огоньки все еще продолжали гореть на пульте и альтиметр завывал по-прежнему.

Рубку заполнило почти осязаемое чувство облегчения, и Соломон начал разжимать пальцы, едва не продавившие переборку.

— Отличная работа! — воскликнул

один из летчиков. — Мы все еще летим.

Но уже в следующее мгновение вся левая сторона штурмкатера разом заполыхала. Соломона бросило на пол, а ревущая стена огня осветила небо. Стекло рубки моментально рассыпалось, и пламя ворвалось в кабину.

Соломон ощутил жар огня на своих доспехах, но он не мог ему повредить, хотя капли расплавившегося стекла забрызгали его с ног до головы. Штурмкатер завертелся, ревущий ветер заглушил все звуки, холодный воздух пронесся по разбитой рубке и загудел в ушах.

Второй пилот каким-то чудом еще был жив, но его тело покрыли страшные ожоги, и на коже плясали язычки огня. Соломон понял, что ничем не может ему помочь. Штурмкатер сорвался в пике, и отчаянные крики летчика смешались с завыванием ветра.

Соломон успел увидеть, как навстречу ему поднялась черная стена океана, затем штурмкатер врезался в воду, и темная вода поглотила его.

Бой, доносившийся от коралловых башен, как показалось Юлию, стал еще пронзительнее, и он был поражен внезапно пришедшей в голову идеей, что это кричит от ярости сам атолл. Последние из лазеров защищали это место, но если они и испытывали отчаяние или страх, то никак этого не показывали. Эти ксеносы сражались упорнее, чем все, кого ему приходилось убивать в этой кампании.

Едва штурмкатер коснулся земли, Юлий и Ликаон мгновенно вывели на поверхность атолла воинов Первой роты, и на чудовищной терминаторской броне заплясали отблески огня.

Несмотря на то что доспехи отсекали большую часть внешних шумов, в уши мгновенно ударили крики, стрельба и грохот взрывов. Не дожидаясь приказов, Дети Императора быстро рассредоточились вокруг Ликаона, и он знал, что точно такие же сцены сейчас происходят в сотнях других мест по всему атоллу.

Снаряды чужаков уже долетали до них, но если они были способны пробить

доспехи «Марк IV», то на броне терминаторов не оставалось даже царапин.

Юлий был уверен, что, если бы таких доспехов было больше, война была бы давным-давно выиграна, но массовое изготовление комплектов тактических дредноутов только началось, и правильно ими пользоваться пока умели лишь несколько подразделений.

— Выдвигаемся! — приказал Юлий, как только его воины заняли свои места.

Терминаторы выстроились в фалангу, их болтеры и встроенные в доспехи тяжелые орудия взрывали любого встреченного на пути лаэра, оставляя за отрядом след из кровавого месива вперемешку с коралловым щебнем.

Отряды Детей Императора сжимающимся кулаком окружали храм и уничтожали его последних защитников.

Бомбардировщики флотилии оказывали поддержку наземным войскам, и тяжелые разрывные снаряды раскалывали коралловые башни, окутывая их фонтанами огня. Сразу после высадки

воинов стали прибывать и мощные транспорты: «Рейдеры», «Хищники» и «Защитники».

В общем шуме послышались тяжелые шаги, и Юлий увидел, как Древний Филанор со всего размаху пробил стену, служившую прикрытием группе лаэрских солдат, вооруженных мощными энергетическими ружьями. Копье зеленого луча тотчас уперлось в броню дредноута, и Юлий вскрикнул, опасаясь непоправимых разрушений, но могучая военная машина словно не заметила удара. Филанор схватил ближайшего лаэрского солдата и мощным движением разорвал его тело пополам, в то время как желтые струи огня из встроенного орудия выжгли из укрытия еще нескольких воинов.

Юлий со своими людьми завершил дело, послав несколько очередей снарядов в уже обожженные тела лаэров.

— Благодарю за помощь, — послышалось из дредноута. — Хотя она и не требовалась.

Внезапно поле боя зловещим сиянием залил оранжевый свет, и над головами

взвыли двигатели «Огненной птицы». Боевой катер Фулгрима уносил примарха в самое сердце боя — к храму лаэров.

— Вперед, Ликаон! — ликующе воскликнул Юлий. — Следуем за «Огненной птицей»!

На южных гористых склонах атолла Марию Вайросеану приходилось намного труднее, чем капитану Первой роты. Слишком много кораблей было сбито в этом районе, и он сознавал, что для выполнения поставленных примархом задач сил осталось опасно мало. Лаэры сражались с невиданной до сих пор яростью, их змеиные тела сплетались в целые клубки и бесстрашно устремлялись навстречу Астартес.

Дальние выходы из горных склонов затянулись мутным туманом, и Марию показалось, что он различает в нем красноватые отсветы. Может, это какое-то газовое оружие? Если так, то оно бессмысленно против Астартес, поскольку их доспехи непроницаемы для столь примитивного воздействия.

Завывание башен в этой части атолла было не слишком интенсивным, что весьма порадовало Мария. Он не мог понять, как могут лаэры существовать под воздействием столь раздражающих звуков и ярких цветов. Но попытки понять врага вели на темные пути, и он не намерен туда сворачивать.

— Отряд огневой поддержки, вперед! — приказал Марий. — Мы должны быстро расчистить себе путь. Наши братья нуждаются в нас, и я не хочу, чтобы Третью обвинили в бездействии!

Астартес, вооруженные тяжелыми орудиями, заняли позиции на развалинах коралловых башен, крупнокалиберные снаряды устремились в пелену тумана, и у Мария загудело в голове от глухих разрывов.

После предварительного обстрела, когда враг еще не мог поднять головы, наступил самый подходящий момент для начала атаки. Хоть Марий и не одобрял безрассудства Соломона, иногда не оставалось ничего другого, как занять место в центре наступающей группы.

— Отделение Колланус! Отделение Юдикус! Вперед по центру!

Юлий швырнул лаэрского солдата оземь, и энергетическое поле, окутывающее его рукавицу, мгновенно пронзило серебряные доспехи и рассекло змеиное тело почти пополам. Юлий со своими терминаторами пробил брешь в обороне лаэров, оставив на попечение апотекариев всего одного воина. Сражение оказалось жестоким, но терминаторская броня обеспечивала отличную защиту, и Юлий наслаждался ощущением своего всемогущества. Беспрепятственно проходить сквозь огонь — в этом было что-то божественное. Но Юлий быстро отбросил эти вздорные мысли.

«Огненная птица» села примерно в километре от них, а, судя по донесениям из вокс-сети, сопротивление защитников храма оставалось все таким же упорным. Воины Первой роты не могли похвастаться большой скоростью передвижения, но они были неутомимы, и при поддержке Древнего Филанора смогли

все-таки проложить себе путь к цели.

Через некоторое время Юлий понял, что чем ближе продвигаются они к центру атолла, тем заметнее тает сопротивление лаэров. Поверхность под ногами стала каменистой, часто на пути встречались крутые склоны, представлявшие отличную возможность задержать атакующих, но лаэры почему-то не воспользовались своими преимуществами.

— Ликаон, как тебе это нравится? — спросил Юлий, поднявшись на крутой коралловый склон и осматривая лежащий перед ним путь.

Впереди вздымались почти непроходимые завалы из коралловых глыб, но лаэры, похоже, уже отступили, так что проход наверняка найдется.

— Мне кажется, что они не слишком стараются нас остановить, — отозвался Ликаон. — Я уже несколько минут ни в кого не стрелял.

— Верно.

— Хотя вряд ли это повод жаловаться.

— Здесь что-то не так, — сказал Юлий. — Что-то неправильно.

— И каковы будут приказы, сэр?

По мере приближения к центру атолла вой коралловых башен становился все громче, и Юлий заметил, что извилистые переходы меж коралловых глыб, ведущие к цели, становятся уже.

«Они больше подходят для змеиных тел лаэров», — подумал он.

Крики, шипение и грохот битвы становились все ближе и сплетались в оглушительную какофонию, и Юлий удивлялся, как это лаэры еще не лишились рассудка в таком шуме.

— «Огненная птица» должна быть где-то неподалеку! — крикнул Юлий. — Рассредоточьтесь и отыщите проход в кораллах! Мы нужны нашему примарху!

Грохот битвы напомнил ему описания сражений в древних поэмах старой Терры, изобилующих преувеличениями и сгущающих краски. Они явно были написаны людьми, не участвовавшими ни в каких войнах.

Поймав себя на том, что даже в хаосе

сражения продолжает размышлять о поэзии и литературных произведениях, он мысленно пообещал себе сдерживать неподобающие фантазии. Вероятно, Соломон прав, и он слишком много времени проводит с летописцами.

— Капитан! — закричал Ликаон. — Сюда!

Юлий переключил внимание на своего адъютанта и увидел, что тот отыскал еще недавно заваленный проход, уходящий в глубь пористой массы коралла. Открывшийся коридор казался достаточно широким, хотя воинам в терминаторских доспехах все же будет нелегко по нему пройти, но Юлий надеялся, что расщелина приведет их к цели.

— Первая, вперед! — приказал Юлий и перешел на самый быстрый шаг, который позволяли тяжелые доспехи.

С болтером на изготовку Юлий повел своих воинов по сумрачному переходу, уводящему к центру атолла. Отзвуки боя рождали в коридоре странное эхо, стены оказались влажными, так что Юлию внезапно почудилось, будто они

пробираются по внутренностям какого-то огромного животного.

Непрошеная мысль неожиданно вызвала беспокойство. А вдруг кораллы лаэров живые? Неужели никто не додумался это проверить?

Он выбросил и эту мысль из головы, поскольку было уже слишком поздно что-то предпринимать.

Спустя некоторое время Юлий увидел над головой темное небо, пересекаемое трассирующими снарядами, и понял, что выход недалеко. По крайней мере он надеялся, что они попадут туда, куда направлялись. Туннель стал еще уже, и, чтобы пробиться сквозь кораллы, ему пришлось воспользоваться крепкой броней и мощью энергетической перчатки.

Юлий выскочил из туннеля в устье широкой розовой долины, на противоположном конце которой сквозь туман просвечивал грандиозный храм, увенчанный двумя шпилями. По краям долины стояли и вопили сотни зазубренных, изогнутых внутрь башен-отростков, так что долина была похожа

на горловину причудливой раковины какого-нибудь гигантского тропического моллюска.

На ближних подступах к храму темнели толпы лаэрских воинов, а в самом центре долины Юлий увидел исполинскую фигуру примарха, который прорубал себе путь мощными взмахами золотого меча по имени Разящий Огонь. Увенчанный орлиными крыльями шлем Фулгрима блестел в темноте, и при виде своего примарха Юлий ощутил прилив гордости.

Потрескивающие энергией лезвия гвардейцев Феникса окружали Фулгрима, длинные алебарды удерживали большую часть врагов на расстоянии, и вся группа понемногу продвигалась к стоящему в дальнем конце долины храму. Рядом с примархом Юлий рассмотрел массивную фигуру брата Тестиса, высоко державшего штандарт Легиона. Орел на древке знамени сиял в лучах луны белым золотом, и тяжелая пурпурная ткань развевалась и хлопала на ветру.

Юлий сразу увидел, что примарх

окружен врагами.

— Воины Первой роты! — закричал он. — Вперед, к Фениксийцу!

Повелитель Детей Императора мощными ударами меча атаковал своих врагов, и с каждым яростным взмахом один из лазеров падал замертво. Никто из противостоящих ему не оставался в живых, и потому предательская мысль о том, что сражение идет не по разработанному плану, возникла внезапно, словно ночной убийца.

Гвардия Феникса героически, как, впрочем, и всегда, билась рядом с примархом, золотые лезвия разили всякого, кто оказывался в пределах досягаемости смертоносных алебард, и бравый Тестис высоко держал знамя Легиона, отбивая любые посягательства на штандарт своим длинным мечом. Повсюду вокруг лазеры гибли под ударами мечей или под прицельным огнем болтеров. Странный, розовый туман с сильным, но не противным запахом пополз по полю сражения, завиваясь в кольца вокруг сапог

примарха. Визгу башен вторили пронзительные крики лаэров, и Фулгрим не мог припомнить другого такого неистового сражения.

Никогда ему еще не приходилось сталкиваться с подобным буйством света и звука, но, какую цель преследовала эта какофония, невозможно было даже предположить. Казалось, что центром ее был ревущий сам по себе храм. Из расщелин в его стенах, словно из окон, в воздух выплескивались громкие вопли и потоки розоватого тумана. До здания оставалось не более трехсот метров, но он понимал, что без дополнительной помощи Астартес до цели с таким же успехом могло быть три сотни световых лет.

Меч примарха рассек выскочившего навстречу лаэра от шеи до пояса, но в голове снова прозвенела тревожная мысль: а вдруг их намеренно заманили в эту проклятую долину? Розовые коралловые стены и торчащие по краям зазубренные шипы напомнили растение, увиденное во влажных болотах Двадцать восемь — два. Оно питалось крупными насекомыми —

заманивало их своими сладковатыми выделениями, а затем смыкало лепестки и высасывало из своих жертв все соки.

Рядом с Фулгримом были только воины, прилетевшие с ним на «Огненной птице». Несмотря на то что они сражались с отменной храбростью, ряды Астартес мало-помалу редели, и такой уровень потерь предполагал только один результат. Увидев, что сквозь толпы лаэров к нему пробивается Юлий Каэсорон со своей Первой ротой, Фулгрим торжествующе потряс в воздухе кулаком.

Терминаторская броня каждому из воинов придавала силу и неуязвимость танка, и, хотя обычно эти неэлегантные доспехи вызвали у примарха эстетический дискомфорт, сегодня при виде их в сердце Фулгрима вспыхнула радость.

— Вижу могучую Первую роту! — крикнул Фулгрим. — Теперь скорее вперед, мои братья, скорее вперед!

Брат Тестис, высоко подняв знамя Легиона, последовал приказу, продолжая рубить на части вражеских солдат. Фулгрим одним прыжком догнал его и

прикрыл благородного знаменосца с фланга, и гвардейцы Феникса тоже быстро сплотились вокруг своего флага.

— Следуем за Фениксийцем! — закричал позади Юлий Каэсорон, и Фулгрим рассмеялся, радуясь мастерству и отваге воинов Первой роты.

Апотекарий Фабий утверждал, будто лаэры химическим путем модифицировали свои тела в стремлении к совершенству, но они были лишь бледной тенью совершенства, воплощенного в солдатах его Легиона.

Сокрушив кулаком череп очередного лаэра, Фулгрим представил себе, каких величайших высот может достичь он и его воины на подобном пути и как горд был бы его отец, если бы увидел проявленные ими чудеса мастерства и отваги.

Лаэрский воин, прошипев что-то на своем языке, неожиданно ударил Фулгрима прямо в нагрудник. Клинок скользнул по броне вверх и прочертил царапину на золотом шлеме. Фулгрим вскрикнул, скорее от неожиданности, чем от гнева, и мгновенно ударил мечом по челюстям

врага.

Он заставил себя сосредоточиться на сражении, а не на будущих почестях и заметил, что в долину из проходов в кораллах спускаются другие его воины. Фулгрим нахмурился, отметив их опоздание, поскольку план предусматривал атаку на храм всеми имеющимися силами одновременно. Вероятно, где-то дела пошли не так, как было задумано, и его солдаты задержались. Неожиданные мысли не на шутку его встревожили, и настроение примарха померкло.

Все больше и больше Детей Императора спускалось в долину, Фулгрим и знамя Легиона все упорнее продвигались вперед, и храм был уже совсем близко. Навстречу метнулась ослепительно-зеленая вспышка огня, и Фулгрим отпрянул в сторону. Он ощутил жар вражеского выстрела, но не стал обращать внимания на недолгую боль и повернулся, чтобы встретить возникшую угрозу лицом к лицу. Но гвардейцы Феникса уже уничтожили дерзкого врага.

— Знамя падает! — раздался чей-то

крик.

Фулгрим увидел, что Тестис упал на колени и все его тело превратилось в пылающую статую, — огонь ксеносов поразил знаменосца. Штандарт Легиона выскользнул из помертвевших пальцев Тестиса и склонился к земле, а языки пламени перепрыгнули на ткань.

Фулгрим одним прыжком подскочил к Тестису, подхватил горящее знамя и высоко поднял его одной рукой, чтобы весь Легион мог видеть символ своей славы. На ветру огонь вспыхнул сильнее, в своей бездумной ярости мгновенно уничтожая то, над чем многие месяцы трудились сотни вышивальщиц. Геральдический орлиный коготь, вышитый на пурпурном шелке, растаял в пламени, и в душе Фулгрима при виде такого оскорбления поднялась новая волна гнева. Горящие лоскуты летели в лицо, но он видел, что фигура орла, венчающая древко, осталась нетронутой, словно некая высшая сила защитила ее от огня.

— Орел все еще летит! — закричал Фулгрим. — Орел никогда не упадет!

Осквернение знамени вызвало яростные крики воинов Легиона, и они с удвоенной силой ринулись уничтожать врагов. За спиной Фулгрима загрохотали болтерные залпы; обернувшись, он увидел, как Юлий Каэсорон сбил двух крылатых лаэров, посмевших приблизиться к почерневшему штандарту. Гвардейцы Феникса быстро выстроили защитный кордон, и Фулгрим шагнул к капитану терминаторов, все еще высоко держа в руке сверкающего орла.

— Капитан Каэсорон! — окликнул он Юлия. — Ты опоздал!

— Приношу свои извинения, мой господин, — сокрушенно ответил Юлий. — Найти проход в кораллах оказалось труднее, чем мы предполагали.

— Трудности не могут служить извинением, — возразил ему Фулгрим. — Совершенство должно преодолевать любые затруднения.

— Да, мой господин, — согласился Каэсорон. — Это больше никогда не повторится.

Фулгрим кивнул:

— А где Вторая рота капитана Деметра?

— Не могу сказать, господин. Он не ответил ни на один мой вызов по вокссвязи.

Фулгрим отвернулся от Каэсорона и вновь сосредоточился на битве:

— Мне потребуется помощь твоих воинов, чтобы пробить оборону храма. Следуйте за мной.

Не дожидаясь подтверждения, Фулгрим быстрым шагом прошел сквозь строй гвардейцев Феникса и снова понес в бой уцелевшего в пламени орла. Тяжелые снаряды и ракеты ударили в стены храма, на землю полетели массивные коралловые блоки, сокрушая защитников, собравшихся у основания здания.

Дети Императора образовали атакующий клин во главе с Фулгримом и бросились на лаэров. В непосредственной близости от святыни лаэрские солдаты сражались с яростью, граничащей с безумием, розовый туман окутывал их тела тонкой пеленой, а пронзительные крики наводили на мысль о неистовых

призраках из древних легенд. Лаэры стремились в бой, совершенно не заботясь о собственной безопасности, и Фулгрим мог поклясться, что некоторые из защитников просто бросались на лезвие его меча. Каждый взмах оружия исторгал потоки темного ихора и вопли, в которых, как он вспоминал позже, звучало ликование.

Вот уже над ним нависли изогнутые шпили храмовых башен, а впереди, словно пасть подводной пещеры, зиял полукруглый вход. Повсюду валялись выбитые из стен осколки кораллов, между ними скользили десятки змееподобных ксеносов, сжимавших в руках кривые сабли, и на лезвиях ярко сверкали искры энергетического поля.

Дети Императора устремились в последнюю, короткую, но кровопролитную атаку. Лаэры ответили неимоверно быстрыми ударами своих клинков. Против неестественно мощной энергии их оружия не могла устоять даже броня терминаторов, и не один воин из Первой роты Каэсорона лишился в бою конечности, а то и жизни.

Но в долину вливались все новые и новые отряды Астартес, и ничто не могло их остановить, они быстро уничтожили всех лаэров, стоявших между ними и зияющим входом в храм.

— Мы их одолели, дети мои! — закричал Фулгрим.

С сияющим на древке орлом в одной руке и золотым мечом в другой, Фулгрим проложил себе путь к лаэрскому храму.

Юлий Каэсорон убивал врагов с яростью, свойственной скорее воинам Ангрона. Стыд, вызванный упреком Фулгрима, пробудил в нем неутомимую отвагу и неистовое желание реабилитироваться в глазах примарха. Он потерял счет уничтоженным лаэрам, а затем, когда Юлий вслед за золотым орлом в руке Фулгрима ворвался в сердце кораллового сооружения, тьма окутала воина плотным покрывалом. Из-за стен храма до Юлия еще доносились грохот взрывов, болтерные очереди и лязг клинков, но с каждым пройденным шагом звуки становились слабее, словно он погружался в

океанскую бездну.

Фулгрим быстро шагал к центру храма, не замечая или не желая замечать эффекта, произведенного темнотой на его воинов. Юлий же обратил внимание, что даже гвардейцам Феникса, обычно невозмутимым при любых условиях, в этом месте стало не по себе.

Примарх назвал сооружение местом поклонения.

Подобные места были столь же противны Юлию, как и мысли о поражении, и то обстоятельство, что он находится в храме, где мятежные ксеносы молились своим ложным богам, только раздувало пламя его ненависти. Следом за Юлием в храм проникли и другие воины; они рассредоточились по залу, держа наготове мечи и болтеры на случай новой угрозы со стороны лаэров, так яростно защищавших подступы к зданию.

— Здесь обитают могущественные силы, — произнес Фулгрим, и его голос прозвучал будто издалека. — Я это чувствую.

Гвардия Феникса сомкнула ряды

вокруг примарха, но он жестом приказал им отойти, спрятал в ножны меч и, сняв увенчанный орлиными крыльями шлем, передал его ближайшему телохранителю. Гвардейцы Феникса остались в шлемах, но многие другие воины последовали примеру примарха и обнажили головы.

Юлий нажал на замки горловины и тоже снял шлем. Лицо после напряженного боя покрылось липкой испариной, и он сделал глубокий вдох, чтобы прочистить легкие от дыхательной смеси доспеха. Воздух оказался горячим и насыщенным ароматами, клубы благовоний все еще вырывались из отверстий в стенах, и Юлий, к немалому удивлению, ощутил легкое головокружение.

Астартес продолжили движение, углубляясь в храм, и темнота понемногу рассеивалась, до слуха Юлия донеслось нечто вроде безумной музыки, словно миллионы сумасшедших оркестрантов играли одновременно миллион разных мелодий. Из предполагаемого источника неистовых звуков распространялось еще и мерцающее многоцветное сияние. Даже на

таком расстоянии Юлий ощущал прохладное дыхание ветерка, что свидетельствовало о наличии впереди еще большего пространства. Он ускорил шаг, стараясь не отставать от своего примарха.

Едва Юлий приблизился к центральному залу храма, как ощутил, будто с его головы неожиданно сорвали толстое покрывало, о существовании которого он даже не догадывался, мощные потоки света и звука обрушились на его чувства, и воин невольно зажал уши ладонями.

Ослепительные лучи озаряли внутреннее пространство храма и безостановочно метались от стены к стене, безумная музыка рождала громоподобное эхо. В воздухе закружились пятна фантастических цветов, словно свет застрял во влажном ароматическом тумане, струившемся над полом. Вдоль закруглявшихся стен стояли чудовищные статуи, которых Юлий принял за богов Лаэрана, — на их бычьих головах извивались длинные рога, а из туловищ

торчали многочисленные руки. Тела статуй обвивали бесчисленные колючие обручи, грудная клетка каждого из них была прикрыта многослойной броней, но левая грудь оставалась обнаженной.

Каждый сантиметр стен был покрыт варварскими фресками, и Юлий вздрогнул, увидев на полу храма сотни извивающихся змееподобных тел, и сухой шелест их кожи казался самым ужасным звуком. Он едва не крикнул, чтобы предупредить об опасности, но быстро понял, что в этом нет необходимости, — тела лаэров тесно переплетались между собой в ужасной пародии на совокупление.

Видимо, та сила, которая заставляла находящихся снаружи лаэров сражаться с неиссякаемой яростью, не действовала на тех, кто находился внутри сооружения. Их безвольные, расслабленные позы, блестящие разноцветные тела и медленные, апатичные движения говорили о воздействии сильного наркотика.

— Что они делают? — постарался перекричать шум Юлий. — Они умирают?

— Если и так, то это не самый

неприятный способ умереть, — ответил Фулгрим, не сводя глаз от какого-то предмета в центре зала.

Юлий проследил за его взглядом и увидел, что извивающиеся лаэры окружили круглую глыбу пронизанного прожилками черного камня, на вершине которого был водружен меч со слегка изогнутым лезвием.

Лезвие меча покрывала чеканка, напоминающая мелкую чешую, а конец длинной серебряной рукояти украшал мерцающий красный камень, отбрасывающий на поверхность пьедестала причудливые блики.

— Вот что они защищали, — сказал Фулгрим.

Голос примарха показался Юлию бесконечно далеким и слабым. Глаза покалывало от дыма, а от непрерывной пляски света и звука начинала болеть голова.

— Нет, — прошептал Юлий.

Он неизвестно почему понял, что лаэры не молились в этом странном месте, а были к нему прикованы. Это не

место поклонения, а символ зависимости.

Фулгрим, не выпуская из руки увенчанного орлом древка, шагнул к лежащим лаэрам. Гвардейцы Феникса вознамерились последовать за примархом, но тот взмахом руки отослал их назад. Юлий хотел крикнуть своему господину, что здесь что-то не так, но ароматный дым внезапно заполнил его легкие, и у него перехватило дыхание, а в ушах раздался пронзительный шепот:

Пусть он возьмет его, Юлий.

Слова, едва прозвучав, тут же стерлись из памяти, удивительная немота сковала губы, в кончиках пальцев появилось приятное покалывание, а Фулгрим тем временем шагал мимо распростертых ксеносов.

С каждым шагом примарха лаэры расползались перед ним, расчищая дорожку к каменной глыбе, а как только Фулгрим дошел до меча, в памяти Юлия всплыли его слова, произнесенные при входе в храм: «Здесь обитают могущественные силы».

Он чувствовал наэлектризованность воздуха, дыхание ветра, разгуливающего в

храме, ласкающего, как шелком, обнаженную кожу, пульсацию живых стен и... крик избавления, вопль израненной и исковерканной плоти, блаженство агонии, приветствующей конец существования...

Ощущение ужаса и блаженства исторгло стон из груди Юлия, а затем лихорадочный хохот, родивший эхо в стенах здания, но, кроме его самого, казалось, никто этого не услышал. Взгляд словно заволокло пеленой, которая сопровождает боль или наслаждение, но воин видел, как пальцы Фулгрита легко сомкнулись на рукояти меча. По пещере пролетел вздох, похожий на вздох древнего ветра в бесплодной пустыне. А когда Фулгрит снял меч с каменного постамента, Юлий ощутил, как весь храм охватила дрожь — трепет ликования и свершения.

Примарх Детей Императора окинул оружие восхищенным взглядом, разноцветные блики от пляшущих огней осветили его бледное лицо. Лазеры все так же извивались на полу, их тела продолжали омерзительные волнообразные

движения, а Фулгрим высоко поднял обожженное древко знамени и водрузил на то место, откуда забрал меч.

Пляшущие огни попали на орла, и его золотые крылья отбросили сотни мерцающих бликов, а Юлий ужаснулся — ему показалось, что орел извивается и дрожит от непереносимой боли.

Фулгрим крутанул меч в руке, испытывая его балансировку, затем усмехнулся и перевел взгляд на сотни распростертых перед ним лаэров.

— Уничтожить всех, — приказал он. — Ни один не должен остаться в живых.

Часть вторая
Феникс и Горгон

6
Диаспорекс
Пылающее сердце
Юные боги

Как ни ненавистно было нынешнее положение капитану Железных Рук Балхаану, он не мог не восхищаться мастерством предводителей Диаспорекса. Почти пять месяцев они умудрялись избегать встречи с кораблями X Легиона в системе Кароллис Малого Двойного скопления, и ловкость, с которой они это проделывали, вызывала уважение даже у самых закаленных капитанов Железных Рук.

Но теперь этому пришел конец: «Феррум» и несколько сопровождающих его судов сумели отсечь пару кораблей от огромной массы вражеской флотилии и проследить их до газообразных колец звезды Кароллис, где и было положено начало этой операции.

Феррус Манус, примарх Железных

Рук, как-то горько заметил, что уничтожение Диаспорекса станет трагическим результатом их собственных действий. Корабли этой цивилизации совершенно случайно попали в поле зрения Пятьдесят второй экспедиции, когда передовые разведывательные суда обследовали западный сектор скопления и засекли необычные вокс-сигналы.

Этот район космоса включал в себя три системы, две из которых имели несколько обитаемых миров, уже возвращенных под крыло Империума после недолгого сопротивления. Удаленные космические станции в самой глубине скопления обнаружили и другие миры, на которых имелись достаточные для поддержания жизни условия, и поначалу было решено, что эти сигналы поступали из еще не покоренного участка космоса. Однако накануне принятия решения о массированной атаке эти странные сигналы снова были обнаружены, на этот раз в имперском пространстве — возле звезды Кароллис.

Примарх Железных Рук тотчас

приказал офицерам-топографам Легиона вычислить местоположение источника, и те быстро пришли к выводу, что сигналы поступают от неизвестной флотилии, свободно перемещавшейся по имперскому пространству. Поскольку ни о каком присутствии поблизости других экспедиционных кораблей Империума и речи идти не могло, Феррус Манус приказал отыскать и уничтожить чужие корабли до начала операции.

И началась охота.

Балхаан стоял у железной кафедры, служившей ему командным пультом. Средних размеров ударный крейсер верно служил Пятьдесят второй экспедиции уже полтора столетия, и шестьдесят лет он ходил под командованием Балхаана. Капитан клялся, что во всем флоте не найдется лучшего корабля и лучшего экипажа.

Корабль имел строгий, даже спартанский облик, и каждая его плоскость сверкала девственной чистотой. Украшения были сведены до необходимого минимума, и судно выглядело так, словно

только вчера сошло со стапелей марсианских доков. «Феррум» имел отличное вооружение и был достаточно быстроходен, чтобы позволить себе преследование неизвестной флотилии.

Однако охота вызвала немалые затруднения, поскольку чужие корабли совершенно не стремились быть обнаруженными. В конце концов, когда боевая баржа «Железная воля» случайно наткнулась на группу неизвестных кораблей и перекрыла им путь, происхождение таинственной флотилии стало известно.

К удивлению и радости значительного контингента экспедиционных техникумов, захваченные корабли находились под управлением представителей человеческой расы, и немедленно был проведен допрос уцелевших членов экипажей. Выяснилось, что эти суда были частью большого флота носившего название Диаспорекс, а построены еще в эпоху древней Терры.

Балхаан был прилежным студентом, интересовался древней историей Земли и

много читал об обширных колонизаторских флотилиях людей и тысячелетней золотой эпохе исследований, предшествующей периоду, когда на Галактику опустилась Древняя Тьма. Основной целью Великого Крестового Похода было как раз восстановление прав на завоевания первопроходцев, утраченные во времена Эпохи Раздора. Подобные древние флотилии первых звездных путешественников, унесшие детей Терры в самые дальние уголки Галактики, должны были остаться лишь в легендах.

И встреча с их потомками была названа самим Феррусом Манусом счастливым предзнаменованием.

При помощи информации, полученной от пленников, с обретенными братьями был установлен контакт, но, к великому отвращению большинства членов Пятьдесят второй экспедиции, в состав Диаспорекса за долгие тысячелетия вошло множество неприемлемых элементов. Древние корабли людей странствовали бок о бок с сооружениями самых различных рас, и, вместо того чтобы избавляться от

подобного соседства, правители Диаспорекса приветствовали их в своих рядах, формируя общую армаду, и все вместе исследовали космос.

Феррус, следуя духу братского всепрощения, милостиво предложил людям Диаспорекса доставить их в приведенные к Согласию миры, если они признают верховную власть Императора Человечества.

Предложение примарха было категорически отвергнуто, и на этом все переговоры прекратились.

При таком вопиющем оскорблении воли Императора у Ферруса не осталось другого выбора, как бросить Пятьдесят вторую экспедицию в праведную войну против Диаспорекса.

«Феррум» под управлением Балхаана оказался в авангарде войны примарха, и теперь капитану выпала честь нанести ответный удар представителям человечества, которые осмелились повернуться спиной к Императору и отвергли Империум. Подобно своему

кораблю, Балхаан был суровым и бескомпромиссным солдатом, как и подобало представителю воинского клана Каргуль. На протяжении пятнадцати зим он командовал флотом в ледяных океанах Медузы и знал переменчивый нрав морей, как никто другой. Ни один человек, служивший под его началом, не осмеливался ставить под сомнение его приказы, и ни один его не подводил.

Его «Марк IV» был отполирован до ослепительного блеска, и белая шерстяная накидка, расшитая серебряными нитями, ниспадала до коленей. Зеленокожий орк три десятилетия назад лишил Балхаана левой руки, и всего год назад свежеватель с Дьютрайта отсек правую руку. Теперь обе его конечности представляли собой тяжелые аугметические устройства из полированного железа, но Балхаан с радостью воспринял замену плоти на механические приспособления, поскольку любая плоть, даже плоть Астартес, со временем становилась слабой и умирала.

Получить Благословение Железа он считал благом, а не проклятием.

К обычным звукам капитанской рубки добавился взволнованный гул голосов, и капитан Балхаан простил экипажу этот шум, поскольку «Ферруту» выпало почетное право нанести первый удар. Главный обзорный иллюминатор заливало яркое желтое сияние звезды Кароллис. На мониторе мерцало множество пересекающихся линий: маршруты полетов, траектории запуска торпед, временные и пространственные векторы перехватов, и каждая из них вела к двум кораблям, находящимся в нескольких тысячах километрах от носа его судна.

От Балхаана не ускользнула ирония идущей охоты. Будучи суровым капитаном военного корабля, он, несмотря на свои служебные обязанности, все же не был бесчувственным человеком. Предстояло сражение с кораблями, управляемыми людьми, и их уничтожение означало бы утрату частицы столь любимой им истории человечества.

— Перейти на курс ноль-два-три! — приказал он, крепко сжимая железными пальцами края кафедры.

При сближении с двумя крейсерами, которые они сумели отсечь от массива Диаспорекса, капитан не позволил себе проявить никаких эмоций, но не сумел удержаться от слабой улыбки при виде спешившего к нему офицера тактической команды с электронным планшетом в напряженных пальцах.

— Ты получил расчеты для носовых батарей, Аксарден? — строго спросил Балхаан.

— Да, сэр.

— Проинформируй артиллерийскую палубу, — сказал Балхаан. — Но только после того, как подойдем к огневому рубежу, чтобы не демаскировать орудия.

— Слушаюсь, сэр, — ответил Аксарден. — А что делать с контейнерами?

Балхаан переключил изображение на камеры правого борта и увидел медленно проплывающие в направлении кормы грузовые контейнеры, сброшенные крейсерами. Вражеские корабли в попытке развить большую скорость избавились от ящиков вместе со всем их содержимым, но,

чтобы уйти от имперских судов, этого оказалось недостаточно.

— Не обращай на них внимания, — приказал Балхаан. — Сосредоточься на крейсерах. Позже мы вернемся и посмотрим, что в них.

— Очень хорошо, сэр.

Балхаан опытным взглядом прикинул расстояние до вражеских крейсеров. Они шли по плавно изогнутой траектории вокруг короны звезды, явно надеясь скрыться в электромагнитных помехах, особенно сильных на краю гало, но «Феррум» подошел уже слишком близко, чтобы его можно было сбить с толку столь нехитрым маневром.

Нехитрым...

При этой мысли Балхаан нахмурился. Вся известная ему информация о Диаспорексе позволяла сделать вывод, что капитаны этого флота весьма опытны и искусны, и если они делают вид, что поверили, будто банальная уловка может сбить преследователей со следа, — это очень подозрительно.

— С артиллерийской палубы доложили о готовности всех орудий, — отрапортовал Аксарден.

— Очень хорошо, — кивнул Балхаан, но его не покидало ощущение, что он что-то пропустил.

Два уходящих корабля внезапно разошлись в разные стороны. Балхаан знал, что ему следует приказать разогнать свое судно, пройти между ними и обстрелять противников бортовыми залпами, но он сдержал готовую сорваться команду, понимая, что здесь что-то не так.

Самые мрачные ожидания оправдались, когда закричал офицер-тактик:

— Новые цели! Множество новых сигналов!

— Во имя Медузы, откуда они выскочили? — воскликнул Балхаан, разворачивая свое тяжелое тело, чтобы взглянуть на широкие каскадные мониторы тактической группы.

На дисплеях появилась россыпь красных точек, и Балхаан, даже не

спрашивая, знал, что они находятся позади его кораблей.

— Я не уверен... — заговорил офицер-тактик.

Он еще не договорил, а Балхаан уже понял, откуда появилась эта угроза, и вернулся к командному пульту. Он вновь включил наружное наблюдение и с ужасом смотрел, как огромные грузовые контейнеры, брошенные их преследуемыми жертвами, открылись и выпустили из своих недр десятки светящихся стрел. Без сомнения, это были истребители и бомбардировщики.

— Полный вперед! — закричал Балхаан, уже понимая, что его приказ запоздал. — Сменить курс на девять-семь-ноль и запустить перехватчики. Активировать оборонительные орудия по близким целям. Всем кораблям сопровождения распределиться по периметру в оборонительный строй.

— А как же крейсера? — спросил Аксарден.

— Проклятые крейсера! — вскричал Балхаан, видя, что корабли прекратили

убегать и теперь разворачиваются навстречу «Феррум». — Они были не более чем приманкой, и я как дурак на нее купился.

Он уже слышал скрежет металла и ощущал под ногами дрожь палубы — «Феррум» отчаянно спешил развернуть орудия к новой угрозе.

— Запуск торпед! — предупредил офицер обороны. — Удар через тридцать секунд!

— Выбросить помехи! — приказал Балхаан, хотя и понимал, что запущенные с такого близкого расстояния снаряды наверняка попадут в цель.

«Феррум» продолжал выполнять поворот, и Балхаан ощутил отдачу от стрельбы оборонительных орудий, встретивших новых врагов заградительным огнем. Часть торпед будет расстреляна и беззвучно взорвется в космосе, но не все.

— Двадцать секунд до удара!

— Стоп машина, — приказал Балхаан. — Полный назад, мы сможем сбить кое-кого из них.

Это была слабая надежда, но в данной ситуации Балхаан предпочитал слабую надежду отсутствию всякой надежды.

Перехватчики как раз в этот момент срываются с аппарелей. Прежде чем устремиться навстречу врагам, они тоже сумеют сбить несколько торпед. Корабль тяжело накренился на один борт; боевой крейсер пытался развернуться быстрее, чем это было предусмотрено его конструкцией, и стоны корабля болью отзывались в сердце его капитана.

— «Железное сердце» докладывает о столкновении с вражеским крейсером. Повреждения значительные.

Балхаан вернулся к главному экрану и увидел, что корабль «Железное сердце» расцвечен огнями взрывов. Между горящим судном и его противниками беспрестанно мелькали яркие штрихи, и лишь большое расстояние и безмолвие скрывали ярость битвы.

— У нас свои проблемы, — произнес Балхаан. — У «Железного сердца» — свои.

Снова раздался голос офицера обороны, и капитан крепче сжал края

кафедры.

— До удара четыре, три, две, одна...

Торпеда угодила в правую кормовую часть корпуса, отчего корма резко вздернулась вверх, а палуба под ногами задрожала и накренилась. Замигали красные предупредительные огоньки, главный монитор потускнел, а потом и вовсе погас. Оборванные кабели рассыпали фонтаны искр, из трубопроводов вырвались шипящие облака пара.

— Доложить о повреждениях! — крикнул Балхаан, так сильно сжав края пульта, что железо не выдержало его хватки и треснуло.

Сервиторы и палубные рабочие бросились ликвидировать последствия удара, и Балхаан видел, как из-за контрольных пультов вытаскивают обгоревших офицеров в дымящихся мундирах. Он склонился к вокс-каналу артиллерийской палубы:

— Открыть огонь из всех орудий! Всем батареям — огонь!

— Сэр, — закричал Аксарден, — но некоторые из наших перехватчиков

окажутся в зоне поражения!

— Выполняй! — приказал Балхаан. — Иначе выжившим некуда будет вернуться, и потери будут еще больше. Пли!

Аксарден кивнул и захромал по искореженной палубе, чтобы отследить, как выполняется приказ капитана.

Вражеские суда скоро почувствуют, что «Феррум» еще способен драться!

Покои примарха на борту боевой баржи «Железная длань» были отделаны камнем и стеклом и казались такими же холодными и суровыми, как промерзшая тундра Медузы. Каждый раз, входя во владения своего господина, Первый капитан Сантар ощущал, как от стен веет ледяным холодом родного мира. Глыбы мерцающего обсидиана, высеченные на склонах подводных вулканов, поглощали свет, и в приемной всегда царил полумрак, а стеклянные витрины с трофеями и оружием хранили самые личные моменты жизни Ферруса Мануса.

Сантар увидел перед собой почти обнаженного примарха. Слуги омывали его

стальную плоть, наносили масло, а затем очищали тщательно отточенными ножами. Едва они заканчивали мытье одной конечности, как за дело принимались оружейники, они слой за слоем накладывали боевые доспехи, состоящие из черных полированных пластин керамита, изготовленных на Марсе самим главным адептом.

— Расскажи все еще раз, советник Сантар, — глухим от едва сдерживаемой ярости голосом произнес примарх. — Как могло случиться, что такой опытный капитан, как Балхаан, умудрился потерять три корабля и при этом не захватил ни одного врага?

— Так получилось, что его заманили в засаду, — ответил Сантар, напряженно выпрямляя спину.

Ранг Первого капитана Легиона Железных Рук и одновременно должность личного советника примарха были самой высокой честью в его жизни, и, хотя Сантар радовался каждому мгновению, проведенному в обществе возлюбленного командира, он пребывал в постоянном

напряжении, ожидая момента, когда внезапный гнев Ферруса разразится подобно ужасным и непредсказуемым бурям родного мира.

— В засаду? — фыркнул Феррус Манус. — Проклятие, Сантар, мы становимся слабаками! Месяцы погони за тенью сделали нас безрассудными и беспечными. Так не пойдет!

Феррус Манус возвышался над своими слугами, а его тело светилось белизной, словно было высечено из самой сердцевины ледника. Кожу пересекали полученные в боях шрамы, поскольку примарх Железных Рук никогда не упускал случая вдохновить своих воинов личным примером. Коротко подстриженные волосы были черными, глаза блестели, как серебряные монеты, и во всем его облике чувствовался опыт нескольких столетий войн. Других примархов можно было назвать прекрасными созданиями, красивыми людьми, уподобившимися богам благодаря принадлежности к Астартес, но Феррус Манус не считал себя одним из них.

Как и всегда, взгляд Сантара был

прикован к серебристым предплечьям примарха. Плоть его рук двигалась и переливалась, словно жидкая ртуть, каким-то образом запертая в теле и оставшаяся там навсегда. Сантар видел удивительные вещи, сотворенные этими руками. Машины и оружие, собранные или сформированные руками примарха без помощи кузнечного огня и молота, никогда не отказывали и не подводили.

— Капитан Балхаан уже на борту и готов лично принести извинения за свои промахи, кроме того, он готов подать в отставку и отказаться от чина капитана «Феррума».

— Извинения?! — бросил примарх. — Для примера остальным я должен бы получить по меньшей мере его голову.

— Не сочтите за дерзость, мой господин, — возразил Сантар. — Но Балхаан очень опытный капитан, и, возможно, ему следует назначить менее суровое наказание. Может, просто лишить его рук?

— Лишить рук? И какая мне тогда будет от него польза? — спросил примарх,

подзывая кивком слугу с нагрудником.

— В самом деле, польза небольшая, — согласился Сантар. — Но, возможно, все же больше, чем в случае лишения головы.

Феррус Манус усмехнулся, и его гнев угас так же быстро, как и разгорелся.

— Дорогой мой Сантар, ты обладаешь редкостным даром. В моей груди пылает расплавленное сердце Медузы, и временами оно воспламеняет мой гнев раньше, чем я успеваю подумать.

— Я всего лишь ваш покорный слуга, — ответил Сантар.

Феррус Манус взмахом руки остановил своих оружейников, шагнул и оказался рядом с Сантаром. Первый капитан считался высоким даже по меркам Астартес и был одет в полный боевой комплект брони, но примарх все же намного превосходил его ростом и не сводил с его лица сверкавших серебристых глаз, в которых не было видно зрачков. Сантар с трудом подавил дрожь; эти глаза, словно кусочки блестящего кварца, все видели и ничего не прощали. От тела примарха пахнуло полировочной пастой и

маслом, и Сантар ощутил, как его душа раскрылась навстречу взгляду примарха, не скрывая ни слабостей, ни промахов.

Облик Сантара был типичен для уроженца Медузы — суровое морщинистое лицо, словно утес, высеченный ветром из горного склона, глаза серые, как бури, сотрясавшие небеса родного мира. После вступления в Легион, много десятков лет назад, Сантару удалили левую руку, заменив ее бионическим механизмом. С тех пор за годы службы были заменены и обе его ноги, и оставшаяся правая рука.

— Ты для меня намного больше, чем слуга, Сантар, — произнес Феррус Манус, положив руки на наплечники своего советника. — Ты как лед, который сдерживает огонь, когда он грозит уничтожить здравый смысл, подаренный мне Императором. Ладно, если ты не советуешь лишать его головы, какое наказание предложишь взамен?

Феррус Манус, развернувшись, вернулся к своим оружейникам, а Сантар глубоко вздохнул; от близости примарха и его слов у него пересохло во рту. Он

сердито прогнал мгновенную слабость.

— Капитан Балхаан должен извлечь урок из этой неудачи, но его слабость нельзя оставлять безнаказанной. Если сместить его с поста капитана «Феррума», может пострадать моральный дух всего экипажа, а для восстановления своего доброго имени им потребуется руководство Балхаана.

— Так что ты предлагаешь?

— Нечто такое, что заставило бы его осознать ваш гнев и вместе с тем позволило бы оценить милосердие и получить шанс снова заслужить ваше доверие.

Феррус Манус кивнул оружейникам, соединяющим нагрудник с броней на спине, и опустил свои серебряные руки по обеим сторонам туловища, чтобы слуги смогли закрепить бионические механизмы, предварительно протерев все поверхности льняными полотенцами, пропитанными ароматизированным маслом.

— В таком случае я введу в команду «Феррума» одного из Железных Отцов, — сказал примарх.

— Это капитану не понравится, — заметил Сантар.

— Ему придется смириться, — ответил Феррус Манус.

Анвиларий «Железной длани» напоминал гигантскую кузницу. По периметру зала для аудиенций с шипением поднимались и падали огромные поршни, а листовое железо пола дрожало от далекого грохота молотов. Помещение, полностью отданное во власть машин и производства, было похоже на огромную пещеру, пропахшую маслом и горячим железом.

Сантар любил здесь бывать, поскольку именно в Анвиларии зарождались грандиозные планы сражений и здесь же ковались несокрушимые узы братства. Стать частью этого братства значило добиться чести, о которой многие не могли даже мечтать.

После неудачного столкновения капитана Балхаана с кораблями Диаспорекса прошло уже два месяца, но Пятьдесят вторая экспедиция с тех пор нисколько не преуспела в уничтожении

вражеского флота. Новые меры, предпринятые для наказания Балхаана, обеспечивали сохранность кораблей, но не давали возможности приблизить решающее сражение.

Сантар вместе с остальными воинами клана Аверни охранял высокие ворота, ведущие в Железную Кузницу, самое уединенное убежище примарха. Морлоки собрались в дальнем конце Анвилария, и их терминаторские доспехи отражали огонь факелов, укрепленных в железных кронштейнах на стенах. Солдаты и старшие офицеры Имперской Армии образовали единую группу с закутанными в накидки Адептус Механикум, и Сантар с уважением кивнул, встретив взгляд пылающих глаз их старшего представителя, адепта Ксантуса.

В обязанности Сантара, как капитана Первой роты, входило приветствовать примарха, и в сопровождении знаменосцев Легиона он промаршировал в центр Анвилария. Одно из знамен было личным штандартом

примарха, и на нем изображалась его победа над гигантским драконом Азирнотом, а второе несло на себе Железную Рукавицу Легиона. Все детали изображений были вышиты блестящими серебряными нитями по черному бархату, слегка обтрепавшемуся по краям, с отметинами, оставленными вражескими пулями и клинками. Несмотря на то что оба знамени повидали немало жестоких сражений, ни одно из них ни разу не падало на землю и не отступало перед врагом.

Зашипел вытекающий пар, ворота распахнулись, и в Анвиларий вошел примарх в блестящих от масла доспехах, с порозовевшей от жара кожей. За исключением терминаторов, все собравшиеся опустились на колени, приветствуя могучего примарха, несшего на усеянном шипами плече свой огромный молот, известный как Сокрушитель.

Каждая деталь черных доспехов примарха была выкована вручную, все пластины подогнаны самым тщательным образом, но подлинное величие им придавал лишь их обладатель. Заднюю

часть шеи закрывал высокий ворот из темного железа, по краям каждой пластины выделялись рельефные заклепки на серебряных полосах.

Лицо примарха казалось высеченным из мрамора, суровое выражение подчеркивалось гневно нахмуренными бровями. Феррус Манус направился к своим воинам, и все внимание в зале было приковано к его могучей фигуре беспощадного военного вождя, требующего от своих подчиненных совершенства и презиравшего слабость в любом ее проявлении.

Позади Ферруса Мануса виднелась высокая фигура Кистора, главы астропатов флотилии, одетого в кремовую с черным накидку, украшенную золотым орнаментом. С висков и макушки его гладко выбритого черепа тянулись рифленые кабели, исчезавшие в темноте металлического капюшона, сейчас висящего за плечами. Глаза Кистора излучали неяркий розовый свет, а правая рука, в знак признания его положения в Легионе Железных Рук, была заменена

аугметическим устройством. В левой руке астропат нес посох, увенчанный одиноким глазом, а на поясе поблескивал золотой пистолет, подаренный примархом.

Сантар встал перед примархом и вытянул руки, чтобы принять молот Ферруса Мануса. Примарх кивнул и опустил на подставленные руки колоссальную тяжесть, неподъемную ни для кого, кроме одного из имперских Астартес. Угольно-черная рукоять была украшена узором из золотой и серебряной проволоки, свивавшейся в летящую молнию, а сам молот имел форму орла, бьющего крючковатым клювом и сложившего за спиной крылья. Честь держать в руках оружие, выкованное на Терре руками примарха, трудно было с чем-либо сравнить.

Капитан отступил на шаг в сторону и остановился, поставив молот у своих ног, а знаменосцы заняли место за спиной своего великого предводителя, который начал обходить зал. Для Ферруса Мануса не существовало ритуалов для встреч и

собраний, он проводил военные советы в зале, лишенном мебели, отвергал формальности и приветствовал споры и вопросы.

— Братья, — заговорил Феррус Манус, — я получил известия от своих братьев-примархов.

Воины Железных Рук оживились, они всегда рады были услышать новости о своих собратьях Астартес, разбросанных по всей Галактике. Они всегда были готовы отпраздновать триумфальные победы других экспедиций, но при этом Железные Руки получали импульс к дальнейшему совершенствованию, поскольку Легион никому не желал уступать пальму первенства, разве что только воинам самого Воителя.

— Как стало известно, Имперские Кулаки Рогала Дорна отозваны на Терру, где этим воинам предстоит укрепить врата и стены Императорского дворца.

Сантар заметил озадаченные взгляды, лишь подкрепляющие его собственное изумление. VII Легион должен покинуть поля сражений Великого

Крестового Похода и вернуться в колыбель человечества? Эти славные воины по силе и храбрости не уступали Железным Рукам. Отлучение их от битв выглядело бессмыслицей.

Смущение на лицах Астартес не укрылось и от Ферруса Мануса.

— Мне неизвестно, чем вызвано такое решение Императора, — сказал он. — И я не слышал ни о каких провинностях Имперских Кулаков, которые могли бы повлечь за собой отзыв с поля боя. Им предстоит служить Императору наравне с Кустодианской Гвардией, и, хотя это великая честь, она не для таких, как мы, пока ведутся войны, которые необходимо выиграть, и есть враги, которых надо уничтожить!

Новые возгласы почти заглушили громыхание молотов, и Феррус Манус снова обошел зал, поблескивая в полумраке Анвилария серебряными руками и глазами.

— Волки Русса достигли заметных успехов, и список их побед с каждым днем растет, но я и не ожидал ничего иного от Легиона, происходящего из мира, немногим

отличающегося от нашего.

— А нет ли новостей о Детях Императора? — раздался чей-то голос, и Сантар улыбнулся, зная, что примарх всегда с удовольствием рассказывает о самом близком из своих братьев.

Ледяная маска на лице примарха растаяла, и он ответил своим воинам улыбкой.

— Есть новости и от них, друзья мои, — сказал он. — Мой брат Фулгрим уже летит сюда вместе с лучшими отделениями своей экспедиции.

Металлические стены зала вернули эхо еще более оживленных возгласов, ведь из всех Легионов Дети Императора были для Железных Рук самыми близкими друзьями. А братские узы, соединявшие Фулгрима и Ферруса Мануса, были всем хорошо известны. Два полубога не прерывали дружеских связей со дня их первой встречи.

Сантар хорошо знал эту историю — примарх так часто рассказывал ее за пиршественным столом, что он запомнил все детали, будто сам присутствовал при

их знакомстве.

Первая встреча примархов произошла под горой Народной, в величайшей кузнице Урала, когда Феррус Манус работал вместе с мастерами кузнечного дела, которые в период Объединительных войн служили клану Терравал. Примарх Железных Рук демонстрировал феноменальное искусство и чудесную силу своих рук из жидкого металла, и в этот момент в кузнечный комплекс в сопровождении гвардейцев Феникса вошел Фулгрим.

Они знали друг о друге только понаслышке, но каждый тотчас ощутил ту непостижимую связь, возникшую, наверное, еще до их появления на свет. Оба они выглядели полубогами в глазах изумленных ремесленников, и люди распростерлись ниц. Фулгрим тогда заявил, что пришел в кузницу выковать для себя самое совершенное оружие, которым намерен сражаться в грядущем Крестовом Походе.

Конечно, примарх Железных Рук не мог оставить такую хвастливую речь без

ответа, и он рассмеялся Фулгриму в лицо, а потом сказал, что обычные, слабые руки никогда не смогут соперничать с его металлическими руками. Фулгрим с царственной учтивостью принял вызов, и оба примарха, обнажившись по пояс, несколько недель работали без перерыва. Кузница дрожала от оглушительного грохота молотов, шипел охлаждаемый металл, и молодые полубоги отпускали шуточки в адрес друг друга.

Через три месяца беспрерывной работы воины выковали свое оружие. Фулгрим создал великолепный молот, способный одним ударом раздробить гору, а Феррус Манус изготовил меч с золотым лезвием, в котором навсегда сохранился жар кузнечного пламени. И меч, и молот не имели себе равных, и посмотрев на творение брата, каждый примарх признал, что произведение второго грандиознее.

Фулгрим объявил золотой меч достойным легендарного героя Нуаду Серебряная Рука, а Феррус Манус признал, что такой боевой молот достоин самого Тора-громовержца из нордических мифов.

Оба примарха без долгих разговоров обменялись оружием, чем скрепили свою вечную дружбу.

Сантар опустил взгляд на молот, лежащий в его руках. Он понимал, что для создания такого оружия потребовалось не только мастерство кузнеца. Любовь и честь, верность и дружба, смерть и отмщение... все это отлилось в прекрасную форму, а то, что изготовлено оружие любимым братом его примарха, делало молот поистине легендарным. Он снова посмотрел на шагающего по Анвиларию примарха и заметил, что лицо Ферруса Мануса опять отрачилось.

— Да, братья мои, радуйтесь, потому что сражаться бок о бок с воинами Фулгрима — великая честь, но он спешит нам на помощь, поскольку мы оказались слабы!

Все оживление вмиг пропало, и собравшиеся воины растерянно переглянулись, никто не хотел встречаться взглядом с разгневанным примархом.

— Диаспорекс по-прежнему скрывается

от нас, и в Малом Двойном скоплении еще остались миры, нуждающиеся в просветлении Имперскими Истинами. Как же может флотилия, которая старше наших кораблей на тысячу лет, до сих пор избегать сражений? Отвечайте!

Никто не осмеливался произнести ни слова, и Сантар каждой клеточкой своего мозга ощутил стыд за слабость своих собратьев. Он крепко сжал рукоять молота, ощутил его могущество стальными пальцами аугметической руки, и внезапно ответ на вопрос примарха нашелся.

— Это потому, что мы не можем справиться в одиночку, — сказал он.

— Верно! — воскликнул Феррус Манус. — Мы не можем сделать это сами. Не один месяц мы изо всех сил старались решить задачу, и теперь стало ясно, что это нам не под силу. Мы стремимся искоренить слабость во всем, но попросить о помощи — это не слабость, мои братья. Слабостью было бы отрицать необходимость помощи. Глупо продолжать безнадежную борьбу, когда есть те, кто с

радостью протянет руку помощи; и долгое время я был слеп, но сейчас прозрел.

Феррус Манус отошел назад к дверям Анвилария и положил руку на плечо астропата Кистора. Могучий примарх навис над человеком, и казалось, что такая близость колосса причиняет астропату боль.

Затем Феррус Манус протянул перед собой руку, и Сантар, держа перед собой Сокрушитель, шагнул вперед. Примарх взял молот и так легко поднял его, словно оружие было невесомым.

— Мы больше не будем сражаться в одиночку! — воскликнул Феррус Манус. — Кистор говорит, что его хор пропел о скором прибытии моего брата. Уже через неделю к нам присоединятся «Гордость Императора» и часть Двадцать восьмой экспедиции, и мы снова пойдем в бой вместе с братьями из Легиона Детей Императора!

7
Будут другие океаны
Возвращение
Феникс и Горгон

Остиан начал осторожно отсекать мелкие кусочки мрамора, но затем, когда проступила форма скульптуры, в душе вновь поднялась горечь, вызванная выходкой Бекьи Кински, и он стал откалывать целые пласты, почти не задумываясь над своими действиями. Наконец Остиан с напряжением вдохнул через маску воздух, полный мелкой мраморной пыли, и отступил от мраморной глыбы, прислонившись к ограждающим площадку стальным поручням.

Воспоминание о Бекье заставило его крепче сжать металлическую рукоятку резца и яростно сжать челюсти. Поверхность выходила не такой гладкой, как он задумал, и линии он представлял не такими резкими, но его состояние не способствовало восстановлению гармонии –

обида была слишком велика.

Он снова вспомнил тот день, когда они с Сереной рука об руку шли на пусковую палубу и беззаботно радовались перспективе познакомиться с новым миром. После победы, одержанной Детьми Императора на Лаэране или, вернее, на Двадцать восемь — три, в коридорах «Гордости Императора» царило радостное возбуждение.

Серена пришла к нему в роскошном платье и с радостным известием о покорении мира. Платье, по мнению Остиана, едва ли подходило для экскурсии на планету, почти целиком залитую водой. По пути через высокие великолепные залы корабля они шутили и смеялись и по мере приближения к пусковому отсеку встречали все больше и больше летописцев.

В прекрасном настроении скульпторы и художники смешивались с писателями, поэтами и композиторами и в сопровождении закованных в броню Астартес направлялись к выделенным для поездки челнокам.

— Остиан, как нам повезло, — промурлыкала Серена, подходя к огромным позолоченным створкам герметичных дверей.

— В чем? — спросил он, слишком захваченный общей радостью, чтобы заметить злобный взгляд Бекьи Кински, обращенный в его спину.

Ему наконец-то предстояло увидеть океан, и от этой чудесной перспективы сердце едва не выпрыгивало из груди. Остиан старался успокоиться, вспоминая произведения суматуранского философа Салонума, писавшего, что настоящая цель путешествия состоит не в том, чтобы увидеть новые пейзажи, а в том, чтобы обрести новый взгляд.

— Лорд Фулгрим ценит наши старания, сердце мое, — пояснила Серена. — Я слышала, что в некоторых экспедициях летописцы не часто видят самих Астартес, не говоря уж о знакомстве с приведенными к Согласию мирами.

— Ну, ведь Лаэран уже нельзя назвать враждебным миром, — заметил Остиан. — Там не осталось ни одного лаэра, разве

что мертвые.

— Хорошая зачистка! Мне рассказывали, что Воитель до сих пор не позволяет летописцам спуститься на поверхность Шестьдесят три — девятнадцать.

— Ничего удивительного, — ответил Остиан. — Говорят, что там все еще держатся силы сопротивления, так что я вполне понимаю запрет Воителя на допуск гражданских лиц.

— Сопротивление! — пренебрежительно фыркнула Серена. — Астартес быстро его подавят. Кто может против них устоять? Разве ты их не видел? Они по сравнению с нами все равно что боги! Неуязвимые и бессмертные!

— Ну, не знаю, — протянул Остиан. — В «Ла фениче» до меня доходили слухи об ужасных потерях даже среди космодесантников.

— «Ла фениче»! — насмешливо повторила Серена. — Вряд ли стоит верить всему, что говорится в этом змеином гнезде, Остиан.

Тут, мысленно признал Остиан,

Серена была права. «Ла Фениче» — так называлась часть корабля Детей Императора, предоставленная в распоряжение летописцев. Это было высокое просторное помещение на одной из верхних палуб, которое служило местом отдыха, столовой, выставочным залом и местом дружеских встреч. У Остиана вошло в привычку проводить там вечера, болтать, выпивать и обмениваться новостями с приятелями. Там зарождались грандиозные замыслы, в воздухе носились новые идеи, постоянно кипели споры о еще не воплощенных в жизнь творениях, и сама атмосфера этого места казалась одурманивающе притягательной.

Да, атмосфера в «Ла Фениче» способствовала творческим озарениям, но после обильных возлияний зал превращался в змеиное гнездо скандалов и интриг. Остиан понимал, что столь высокая плотность богемы на квадратный метр не могла не стать рассадником вульгарных сплетен, слухов, изредка правдивых, но чаще — чудовищно искаженных,

клеветнических и откровенно безрассудных.

Но истории о яростных сражениях на Лаэране определенно несли зерно истины. Рассказывали о трех сотнях погибших Астартес, кое-кто увеличивал число убитых до семи сотен, и прибавляли в шесть раз больше раненых.

В подобные цифры было невозможно поверить, но Остиана больше всего поражала целеустремленность Астартес, заставившая уничтожить целую цивилизацию всего за один месяц. Казалось, космодесантников больше всего волновало соблюдение сроков. Но неужели понесенные ими потери и в самом деле так велики?

Все мысли о погибших Астартес мгновенно испарились, как только он и Серена вошли на стартовую палубу и массивные герметичные двери наглухо отрезали их от остального корабля. От грандиозного зрелища, представшего глазам, у Остиана отвисла челюсть. Потолок помещения скрывался где-то в темноте, а рабочие и сервиторы в

противоположном конце палубы казались совсем крохотными. Через пылающий алым прямоугольник защитного поля в помещение заглядывала ледяная тьма космоса, и Остиан невольно вздрогнул, представив на мгновение, что может произойти, если поле исчезнет.

По всей протяженности пусковой палубы, сияя идеально вычищенными пурпурно-золотыми корпусами, словно породистые жеребцы в стойлах, на аппарелях стояли грозные штурмкатера и «Громовые ястребы».

Погрузчики сновали по всей палубе, перевозя ящики со снарядами и кассеты ракет, с громким ревом проезжали топливозаправщики, а рабочие в ярких комбинезонах невозмутимо управляли всем этим движением. Куда бы Остиан ни направил взгляд, повсюду кипела работа, ни на минуту не прекращалась активность только что завершившей очередную войну флотилии, не затихал грохот индустрии смерти...

— Остиан, закрой рот, — сказала Серена, посмеиваясь над его изумлением.

— Извини, — пробормотал он.

Для удивления находились все новые и новые поводы: огромные краны поднимали в своих лапах бронированные суда, словно пушинки, между боевыми кораблями в идеальном строю маршировали отряды Астартес.

Эскорт Астартес собрал всех летописцев в одном месте, и вскоре Остиану стал понятен сложный рисунок передвижений по пусковой палубе. Без этого, как он осознал, в помещении царила бы анархия и постоянно происходили бы катастрофические столкновения. Летописцев повели через пусковую палубу к высоченному космодесантнику, стоявшему вместе с двумя императорами на небольшом возвышении, затянутом пурпурной тканью. Все сопутствующее летописцам возбужденное веселье мгновенно испарилось. В космодесантнике Остиан узнал Первого капитана Юлия Каэсорона, воина, посетившего концерт Бекьи Кински, но императоров он видел впервые.

— Почему здесь находятся

итераторы? — прошипел Остиан. — Я уверен, там не осталось никакого населения, нуждающегося в просвещении.

— Они пришли не ради лаэров, — ответила Серена, — а ради нас.

— Ради нас?

— Конечно. Хоть лорд Фулгрим и одобряет нашу работу, он хочет быть уверен, что мы всё увидим в правильном свете, чтобы по возвращении могли рассказать правду. Я думаю, ты не забыл капитана Юлия и узнал того мужчину с редеющими волосами. Это Иполид Зигманта, довольно сдержанный тип. Поэтому, он слишком любит слушать собственный голос, но, как мне кажется, это довольно распространенная среди итераторов черта.

— А женщина? — спросил Остиан, заинтересованно глазея на черноволосую красавицу.

— А это Коралин Асеник. Настоящая гарпия: актриса, итератор, да еще красивая женщина в придачу. Целых три причины, чтобы ей не доверять.

— О чем ты? Итераторы здесь для

того, чтобы распространять Имперские Истины.

— Все это так, мой дорогой, но среди них есть и такие, кто словами маскирует мысли.

— Она выглядит очень милой.

— Мой дорогой мальчик, ты, как никто другой, должен понимать, что наружность — это еще не все. Внешность Гефеста не исключает наличия прекрасной души, тогда как за привлекательностью Цитеры может скрываться черное сердце.

— Это верно, — согласился Остиан и взглянул на голубые волосы Бекьи Кински, припомнив ее попытку соблазнения. — Затем он снова повернулся к Серене. — Серена, но если все это верно, то как я могу доверять тебе? Ты ведь очень красивая женщина.

— А ты можешь мне довериться, поскольку я, как художник, всегда ищу суть вещей. Актриса же скрывает от публики свое истинное лицо и показывает только то, что считает нужным.

Остиан хихикнул, но в этот момент

раздался звучный и мелодичный голос капитана Юлия Каэсорона, достойный самого искушенного итератора:

— Уважаемые летописцы, я сердечно рад вас сегодня видеть, поскольку ваше присутствие послужит оправданием деяний, совершенных моими воинами и мной на Лаэране. Не стану отрицать, война была тяжелой, нам приходилось сражаться на пределе возможностей, но подобные испытания только помогают нам приблизиться к совершенству. Как учит нас лорд-командир Эйдолон: чтобы испытать себя, нам всегда нужен противник, на котором можно проверить свои силы. Из всех летописцев мы выбрали вас, самых выдающихся документалистов и хроникеров нашей экспедиции, чтобы показать вам новый мир Империума, а вы в свою очередь должны рассказать об увиденном остальным.

У Остиана стеснило грудь от неожиданной похвалы, высказанной в их адрес Астартес, а красноречие капитана приятно удивило.

— Однако Лаэран все еще является

зоной боев, и, хотя отряды лорда-командира Файля обеспечивают безопасность, вам предстоит увидеть последствия войны — кровавые и грубые свидетельства сражений. Пусть они вас не пугают. Чтобы рассказать правду, вы должны увидеть войну, ее славу и ее жестокость. Для достижения истины вы должны испытать все сопутствующие ей ощущения. Если кто-то чувствует, что подобные сцены могут его оскорбить, пусть подаст знак, и его освободят от этой поездки.

Ни один человек не откликнулся на предложение, да Остиан и не ожидал, что такие найдутся. Вряд ли кто-то мог противиться искушению увидеть новый мир, и по лицу Каэсорона он понял, что воин разделяет их нетерпение.

— Тогда мы начнем с распределения по кораблям, — сказал Каэсорон, и оба императора, спустившись с платформы, двинулись к летописцам, держа в руках планшеты.

Сверяя фамилии со своими списками, летописцы направляли людей к

транспортным кораблям.

Коралин Асеник пошла в их сторону, и у Остиана, подробно рассмотревшего ее лицо, учащенно забилось сердце. Стройная, элегантная женщина, обладательница черных блестящих волос, чьи пухлые губы влажно блестели, а глаза сияли внутренним светом, свидетельствующим о дорогой аугметической операции.

— Как ваши имена? — спросила она.

Услышав протяжный шелковистый голос, Остиан мгновенно забыл все слова. Голос обволакивал его, словно горячий дым, так что он только заторгал и тщетно старался вспомнить, как его зовут.

— Его зовут Остиан Делафур, — высокомерно ответила Серена. — А меня — Серена д'Анжело.

Коралин проверила свой список и кивнула:

— Да, госпожа д'Анжело, для вас зарезервировано место на «Полете совершенства», ваш «Громовой ястреб» стоит вон там.

Она повернулась, намереваясь идти дальше, но Серена поймала женщину за

рукав.

— А мой друг? — спросила она.

— Делафур... — повторила Коралин. — О, боюсь, ваше приглашение на поверхность аннулировано.

— Аннулировано? — воскликнул Остиан. — Что вы говорите! Почему?

Коралин покачала головой:

— Я не знаю. Мне известно лишь то, что вам не разрешается посетить поверхность планеты Двадцать восемь — три.

Ее голос звучал по-прежнему музыкально, но смысл слов раскаленным кинжалом вонзился в его сердце.

— Я не понимаю, кто мог отозвать мое приглашение?

Коралин с преувеличенно тяжелым вздохом снова проверила списки:

— Здесь сказано, что приглашение аннулировано капитаном Каэсороном по рекомендации госпожи Кински. Это все, что я могу вам сказать. А теперь прошу меня извинить.

Красавица-итератор прошла дальше, а Остиан ошеломленно застыл, утратив

дар речи. Такой подлости он не ожидал даже от Бекьи Кински. Он повернул голову, как раз чтобы увидеть, как Бекья поднимается по трапу штурмкатера и с усмешкой посылает ему воздушный поцелуй.

— Ведьма! — воскликнул он, сжимая кулаки. — Я не могу в это поверить!

Серена ласково коснулась его руки:

— Все это смешно, дорогой, но, если ты не можешь лететь, я тоже останусь. Экскурсия на Лаэран потеряет всякий смысл, если рядом со мной не будет тебя.

Остиан качнул головой:

— Нет, поезжай. Я не хочу, чтобы эта сумасшедшая с голубыми волосами лишила удовольствия нас обоих.

— Но я так хотела показать тебе океан.

— Будут и другие океаны, — сказал Остиан, стараясь не показывать своего разочарования. — А теперь, пожалуйста, иди.

Серена кивнула и медленно погладила его по щеке. Остиан, поддавшись порыву, отвел ее руку и наклонился, чтобы

поцеловать Серену, едва прикоснувшись губами к ее напудренной щеке. Она улыбнулась:

— Обещаю, как только вернусь, я расскажу тебе обо всем в самых мельчайших подробностях.

Остиан смотрел, как она взошла на борт, а потом двое угрюмых солдат Имперской Армии проводили его обратно в студию.

И тогда, в гневе, он набросился на мраморную глыбу.

На выложенных плиткой стенах и металлическом потолке медицинского отсека взгляду было не за что уцепиться, слуги и сервиторы апотекария Фабия поддерживали повсюду безукоризненную чистоту. Соломон, лежа на кровати и ожидая, пока срастутся кости, разглядывал их день и ночь и чувствовал, что скоро сойдет с ума от этой ничем не нарушаемой белизны. Он не мог вспомнить, сколько прошло времени с того момента, когда штурмкатер упал в океан во время решающей атаки на лаэров, но казалось,

что миновала целая жизнь. Он помнил только боль и темноту, помнил, что отключил большую часть жизненных функций и ждал, пока спасатели вытащат его переломанное тело из груды металла, некогда бывшей боевым кораблем.

К тому моменту, когда к нему вернулось сознание, он уже лежал в апотекарионе «Гордости Императора». Лаэран был давно покорен, но цена победы оказалась неимоверно высокой. Апотекарии и медики беспокойно сновали взад и вперед по медицинской палубе, полностью отдавая себя исполнению долга, чтобы как можно больше воинов могли вернуться в строй, и как можно скорее.

За Соломоном ухаживал лично апотекарий Фабий, и воин был рад этому, зная, что Фабий — один из лучших и опытнейших хирургов Легиона. По обеим сторонам помещения тянулись ряды больничных коек, примерно пятьдесят были заняты ранеными Астартес. Такого количества находящихся на излечении братьев Соломону еще ни разу не приходилось видеть. И он не знал, сколько

еще Астартес находятся на остальных медицинских палубах.

Окружающая обстановка вызывала у него меланхолию. Хотелось поскорее покинуть это место, но силы еще не вернулись, и все тело непереносимо болело.

— Апотекарий Фабий сказал, что ты и глазом не успеешь моргнуть, как снова очутишься в тренировочной камере, — сказал Юлий, словно прочитав мысли Деметра. — В конце концов, у тебя всего лишь сломано несколько костей.

Юлий Каэсорон сидел на стальном стуле возле кровати. Его свежеотполированные доспехи блестели, а полученные в боях царапины и вмятины уже были исправлены оружейниками Легиона. На наплечнике доспехов печатями из красного сургуча были прикреплены новые свидетельства его подвигов и героизма, записанные на длинных полосках кремового пергамента.

— Какие несколько костей! — воскликнул Соломон. — При ударе мне переломало все ребра, обе руки и обе ноги, даже череп раскололся! Апотекарий сказал,

что я только чудом сохранил способность ходить, а когда в конце концов до меня добралась поисковая партия, воздуха в доспехах оставалось лишь на несколько минут.

— Ну, тебе ведь не угрожала реальная опасность, — заметил Юлий, пока Соломон, морщась от боли, пытался приподняться на своем ложе. — Как ты говорил? Боги войны не допустят твоей смерти на такой пустяковой планете, как Лаэран? Они и не допустили, не так ли?

— Нет, — проворчал Соломон, — кажется, не допустили, но они не позволили мне принять участие в финальной битве. Я пропустил всю потеху, когда ты завоевывал славу рядом с фениксийцем. — Он заметил тень, на мгновение омрачившую лицо Юлия. — Что произошло?

Юлий пожал плечами:

— Даже не знаю. Просто... Я не уверен, что ты захотел бы в финале оказаться рядом с примархом. В этом храме... было что-то неестественное.

— Неестественное? О чем ты

говоришь?

Юлий оглянулся по сторонам, словно опасаясь, что его кто-то услышит.

— Это трудно описать, — продолжил он. — Сол, мне казалось... Мне казалось, что сам храм ожил. Знаю, это звучит глупо...

— Живой храм? Ты прав, это звучит глупо. Как храм может быть живым? Это же просто здание.

— Я и сам не понимаю, — признался Юлий. — Но мне так показалось. Я не знаю, как еще это описать. Ощущение было пугающим и в то же время прекрасным: все эти цвета, звуки, запахи... При всей моей ненависти, я уже тогда думал о нем с тоской. У меня обострились все чувства, и я ощущал приток энергии...

— Похоже, мне надо бы там побывать, — вставил Соломон. — Как раз притока энергии мне и не хватает.

— Я даже возвращался туда вместе с группой летописцев, — со смехом сказал Юлий, но Соломон уловил в его голосе смущение. — Они считали, что я оказываю им великую честь, сопровождая на

поверхность планеты, но я сделал это не ради них, а ради себя.

— А что думает по этому поводу Марий?

— Он ничего не видел, — ответил Юлий. — Третья рота так и не добралась до храма. К тому времени, когда они расчистили себе путь, сражение закончилось. Марий сразу вернулся на «Гордость Императора».

Соломон закрыл глаза, представив терзания Мария, когда тот, прорвавшись к полю боя, обнаружил, что победа уже завоевана. Он уже слышал, что Третья рота не смогла выполнить тщательно разработанный план Фулгрима, и понимал, какие мучения испытывал его друг при мысли, что он подвел своего примарха и не выполнил долг.

— Как держится Марий? — спросил он немного спустя. — Ты говорил с ним?

— Почти не говорил, — ответил Юлий. Он заперся на оружейной палубе и день и ночь работает со своими воинами, чтобы впредь они не смогли потерпеть неудачу. И он, и его Астартес сгорали от

стыда, но Фулгрим их простил.

— Простил?! — внезапно разозлившись, воскликнул Соломон. — Насколько я слышал, южные склоны атолла были укреплены надежнее всех других районов, а по пути к поверхности было сбито слишком много кораблей с воинами Третьей, так что у Мария не было ни единого шанса вовремя добраться до Фулгрима.

Юлий кивнул:

— Это известно тебе и мне, но попробуй сказать об этом Марию. Он твердо уверен, что Третья рота опозорена, и теперь, чтобы восстановить свою честь, его воины должны сражаться вдвое отважнее.

— Он должен понять, что добраться до храма вовремя не было никакой возможности.

— Может, и так, но ты знаешь Мария, — возразил Юлий. — Он решил, что надо было найти способ и преодолеть все трудности.

— Юлий, поговори с ним, — попросил Соломон. — Ты ведь понимаешь, каково ему

сейчас.

— Я поговорю с ним позже, — пообещал Юлий и поднялся со стула. — И он и я входим в состав делегации, встречающей ферруса Мануса, прибывающего на борт «Гордости Императора».

— ферруса Мануса? — воскликнул Соломон, выпрямился на кровати и тотчас сморщился от боли. — Он прилетит сюда?

Юлий поддержал его за плечо.

— Встреча с Пятьдесят второй экспедицией должна состояться через шесть часов, и примарх Железных Рук посетит наш корабль. Фулгрим и Веспасиан призвали старших офицеров его встретить.

Соломон снова поднялся и свесил ноги с кровати. Его зрение внезапно помутилось, и сверкающая белизна стен ударила по глазам ослепительной молнией.

— Я должен быть там, — невнятно пробормотал он.

— В твоем состоянии надо оставаться в постели, и нигде больше,

друг мой, — сказал Юлий. — Вторую роту будет представлять Кафен. Ему повезло, он выбрался из катастрофы лишь с несколькими царапинами и синяками.

— Кафен, — протянул Соломон и снова рухнул на кровать. Он был истинным Астартес, неуязвимым и бессмертным, и до сих пор ему не приходилось чувствовать себя настолько беспомощным. — Юлий, пристотри за ним. Он отличный парень, но иногда бывает слишком резким.

Юлий рассмеялся:

— Соломон, тебе надо поспать. Понимаешь? Или твои мозги тоже пострадали от удара?

— Поспать? — возмутился Соломон, вытягиваясь на кровати. — Вот когда умру, тогда и высплюсь.

Для встречи делегации Железных Рук была выбрана верхняя стартовая палуба, и Юлий при мысли о том, что скоро снова увидит Ферруса Мануса, испытывал приятное волнение. После Тигрисса Детям Императора больше не доводилось сражаться рядом с X Легионом,

но он все еще помнил триумфальные шествия и победные костры.

Для торжественной встречи он надел плащ цвета слоновой кости, отделанный по краям пурпурными листьями и орлами, а на голове красовался золотой лавровый венок. Как и остальные Астартес, собравшиеся приветствовать Ферруса Мануса, Юлий держал шлем на сгибе руки. Слева стоял Марий, его суровое лицо хранило печаль, что совершенно не соответствовало общему радостному настроению в предвкушении воссоединения сыновей Императора. Соломон был прав, решил Юлий, надо позаботиться о собрате и вытащить его из пропасти самобичевания, которую он сам для себя выкопал.

Гай Кафен, напротив, едва сдерживал радостное волнение. Он переминался с ноги на ногу, не в силах поверить в свою удачу. Мало того что он благополучно пережил катастрофу, едва не угробившую его капитана, так еще и был избран присутствовать на этом августейшем собрании. Группу дополняли еще четыре

капитана: Ксиандор, Тирион, Антей и Геллеспон. Юлий достаточно близко был знаком с Ксиандором, но остальных знал только по слухам.

Лорд-командир Веспасиан тихо разговаривал с примархом, облаченным в полный боевой доспех, сверкающий латный ворот которого в виде орлиных крыльев поднимался над шлемом, украшенным шишаком и пластинчатым плюмажем, ниспадавшим на плечи ослепительным каскадом.

На поясе примарха висел его Разящий Огонь, и Юлий почему-то очень обрадовался тому, что не видит там изогнутого клинка с серебряной рукояткой из храма Лаэрана.

Над их головами нависал крючковатый нос «Огненной птицы», штурмкатера примарха, свежевыкрашенный после того, как слегка обгорел при входе в атмосферу Лаэрана.

Веспасиан, кивнув на какое-то замечание Фулгрита, развернулся и с выражением спокойного оживления на лице направился к группе капитанов. В

Веспасиане было все то, что Юлий считал необходимым для воина и командира, сдержанного, обходительного и непреклонного. Его золотистые вьющиеся волосы всегда были коротко подстрижены, а черты привлекательного лица свидетельствовали о благородстве, доброте и твердости характера. Юлий сражался рядом с Веспасианом в бесчисленных битвах, и воины, которыми он руководил, сравнивали его отвагу с героизмом примарха. И хотя такое сравнение приводилось в шутку, его солдаты, в подражание лорду-командиру, проявляли чудеса храбрости и силы.

Вместе с тем Веспасиан был всеобщим любимцем, поскольку его непревзойденные способности воина и командира сочетались с редкой скромностью, мгновенно привлекавшей к себе сердца всех окружающих. По обычаю детей Императора, воины, служившие под началом Веспасиана, во всем следовали за своим командиром и на его примере старались достичь превосходства через чистоту цели.

Веспасиан прошел вдоль строя капитанов, желая убедиться, что все в порядке и его воины не уронят чести Легиона. Дойдя до Гая Кафена, он остановился и улыбнулся.

— Могу поспорить, что ты до сих пор не можешь поверить своей удаче, Гай, — произнес Веспасиан.

— Никак нет, — ответил Кафен.

— Но ты меня не подведешь?

— Никак нет! — повторил Кафен, и Веспасиан хлопнул его по плечу:

— Молодчина! Я давно к тебе приглядываюсь, Гай. Уверен, в грядущей кампании ты многого достигнешь.

Кафен просиял от гордости, а лорд-командир остановился между Юлием и Марием. Кивнув капитану Третьей роты, он слегка наклонился и шепотом обратился к Юлию, поглядывая на загоревшиеся красные огоньки защитного поля:

— Ты готов к встрече?

— Готов, — ответил Юлий.

Веспасиан кивнул:

— Молодец. Хоть один из нас готов.

— Ты хочешь сказать, что ты не готов? — с удивленной улыбкой спросил Юлий.

— Нет, — усмехнулся Веспасиан. — Но бывать в обществе сразу двух примархов приходится далеко не каждый день. Я провел довольно много времени в обществе Фулгрима и уже не смотрю на него с открытым ртом, как простой смертный, но видеть их обоих в одной комнате...

Юлий понимающе кивнул. К непреодолимому обаянию личностей примархов было невозможно привыкнуть, а их гениальность и физическая харизма вызывали трепет у самых закаленных воинов, прошедших через битвы с темными силами Галактики. Юлий хорошо помнил свою первую встречу с примархом и ужасное смущение, когда он понял, что не в состоянии вспомнить даже собственное имя.

В присутствии Фулгрима люди немели от его непогрешимости и сильнее ощущали собственное несовершенство, но, как сказал Фулгрим при их первой встрече, высшее совершенство человека

именно в том и состоит, чтобы отыскать свои слабые стороны и избавиться от них.

— Ты уже встречался с примархом Железных Рук? — спросил Юлий.

— Да, встречался, — ответил Веспасиан. — Он во многом напоминает мне Воителя.

— Как это?

— А ты когда-нибудь общался с Воителем?

— Нет, — признался Юлий. — Но я видел его во время триумфального марша на Улланоре.

— Тогда ты поймешь, когда с ним встретишься, парень, — сказал Веспасиан. — Они оба происходят из миров, где души закаляются огнем. Их сердца — это сплав стали и кремния, а в венах Горгона бурлит лава Медузы — пылающая, непредсказуемая и неистовая.

— А почему ты называешь Ферруса Мануса Горгоном?

Веспасиан усмехнулся. Громада прибывающего штурмкатера уже вплотную подошла к затянутому защитным полем люку, на черном, как

полуночное небо, корпусе появились разводы конденсата. Двигатели взревели, корабль развернулся, демонстрируя ряды ракет и дополнительные грузовые отсеки, установленные на корме.

— Кое-кто говорит, что это отголоски древней легенды об олимпийском господстве, — пояснил Веспасиан. — Горгоном было названо столь уродливое существо, что человек обращался в камень от одного лишь взгляда на него.

Подобное сравнение вызвало гнев Юлия.

— Неужели людям позволительно так оскорблять примарха?

— Не беспокойся, парень, — успокоил его Веспасиан. — Мне кажется, Феррус Манус вполне доволен своим прозвищем. В любом случае происхождение имени несколько другое.

— Какое же?

— Это прозвище много лет назад дал ему наш примарх, — сказал Веспасиан. — В отличие от Фулгрима, Феррус Манус не тратит времени на живопись, музыку или

другие виды искусства, которыми наслаждается наш примарх. Рассказывают, что после встречи в кузнице горы Народной они оба вернулись в Императорский дворец. В это же время с дарами для Императора туда прибыл и Сангвиний. Он привез великолепные статуи, высеченные из светящихся скал Баала, прекрасные драгоценности и артефакты из арагонита, опала и турмалина. Примарх Кровавых Ангелов привез множество удивительных сокровищ, которых хватило бы на дюжину помещений дворца.

Штурмкатер Железных Рук наконец вошел в отсек и остановился, звучно ударив в пол массивными шасси, но Юлий нетерпеливо ждал продолжения рассказа лорда-командира.

— Конечно, Фулгрим обрадовался, обнаружив, что один из братьев разделяет его любовь к прекрасному, но на Ферруса Мануса сокровища не произвели никакого впечатления. Он сказал, что глупо тратить время на пустые безделушки, когда в Галактике еще остается так

много непокоренных миров. Мне говорили, что Фулгрим рассмеялся, услышав эти слова, и назвал брата Горгоном. Еще добавил, что Феррусу трудно будет правильно оценить звездные миры, которые предстоит вернуть отцу, если он не научится понимать красоту.

Рассказ Веспасиана вызвал у Юлия улыбку, и он задумался, насколько правдива эта история и насколько преувеличены приведенные факты. Но легенда вполне достоверно отображала личность примарха Железных Рук.

Шипение опустившегося трапа прогнало все посторонние мысли, створки люка разошлись, и примарх Железных Рук, сопровождаемый воином с морщинистым лицом и четверкой терминаторов в серых доспехах, вышел из штурмкатера.

С первого взгляда Феррус Манус производил впечатление настоящей глыбы. Примарх Железных Рук был гигантом, и его почти квадратная фигура составляла разительный контраст со стройным силуэтом Фулгрима. Его доспехи мерцали, как темный оникс, латная

рукавица казалась выкованной из железа, а блестящая кольчужная накидка покачивалась в такт шагам. За спиной был закреплен чудовищный боевой молот, и Юлий понял, что это и есть страшный Сокрушитель, выкованный Фулгримом для брата.

Феррус Манус не надел шлема, и его лицо напоминало неровную гранитную плиту, на которой два столетия звездных войн оставили свои грубые отметины. При виде своего брата-примарха гранит расколола широкая приветливая улыбка, и эта разительная перемена была настолько неожиданной, что казалась неправдоподобной.

Юлий потихоньку взглянул на своего примарха и заметил, что эта улыбка отразилась и на его лице. Неожиданно для себя Юлий понял, что и сам разулыбался, словно простофиля на ярмарке.

От такой сердечной встречи богоподобных воинов его сердце запело. Примарх Железных Рук распахнул объятия навстречу брату, и Юлия поразила переливающаяся поверхность его

рук, хорошо заметная в резком свете пускового отсека.

Фулгрим шагнул навстречу брату, и оба примарха обнялись и рассмеялись от радости, а Феррус Манус крепко хлопнул Фулгрима по спине.

— Рад тебя видеть, брат мой, — проревел Феррус Манус. — Клянусь Троном, я по тебе скучал.

— И твой вид радует мое сердце, Горгон! — ответил Фулгрим.

Феррус Манус, все еще обнимая Фулгрима за плечи, несколько отступил от него и посмотрел на встречающую делегацию. Затем он опустил руки и вместе с Фулгримом прошел к строю капитанов Детей Императора. Феррус Манус возвышался над всеми, словно легендарный гигант, и у Юлия от близости примарха перехватило дыхание.

— Я вижу у тебя знаки отличия Первого капитана, — заговорил Феррус Манус. — Как твое имя?

Юлий с ужасом припомнил первую встречу лицом к лицу с Фулгримом, ожидая повторения унизительной

ситуации, но, заметив улыбку на лице примарха, сумел придать своему голосу немного твердости:

— Юлий Каэсорон, капитан Первой роты, господин.

— Рад познакомиться, капитан, — сказал Феррус Манус, схватил его за руку и энергично пожал, а второй рукой махнул воину с покрытым морщинами лицом, который вышел из штурмкатера вслед за ним. — Я слышал о тебе много хорошего.

— Благодарю вас, — выдавил из себя Юлий, моментально опомнился и добавил: — Мой господин.

Феррус Манус рассмеялся:

— А это Габриэль Сантар, капитан моих ветеранов, а еще он, к своему несчастью, исполняет обязанности моего советника. Мне кажется, вы должны получше узнать друг друга. Если не знаешь человека, как можно доверить ему свою жизнь, верно?

— Совершенно верно, — ответил Юлий, непривычный к столь неформальному общению с повелителями.

— Он лучший из моих воинов, Юлий, я

думаю, тебе есть чему у него поучиться.

Юлий напрягся.

— А я уверен, — выпалил он, — что и он найдет чему научиться у меня.

— О, в этом я ничуть не сомневаюсь, — кивнул Феррус Манус, и Юлий, заметив озорной блеск в его странных, серебристых глазах, почувствовал себя глупцом.

Он перевел взгляд с примарха на Сантара, оба воина обменялись кивками, словно оценивая друг друга, и Юлий заметил на лице ветерана молчаливое уважение.

— Рад видеть, что ты еще жив, Веспасиан! — воскликнул Феррус Манус, отойдя от Юлия и заключив лорда-командира в сокрушительные объятия. — А вот и «Огненная птица»! Давненько я не видел полета феникса!

— Тебе не придется долго ждать, брат, — откликнулся Фулгрим.

8
Самый важный вопрос
Воитель
Прогресс

Два примарха не стали попусту тратить время и созвали в Гелиополисе совет старших офицеров, чтобы обсудить стратегию уничтожения Диаспорекса. Все траморные скамьи, стоящие ближе к темному траморному полу, заполнились пурпурно-золотыми доспехами Детей Императора и черно-белыми фигурами Железных Рук. Военный совет проходил отнюдь не гладко, и Юлий видел, как разгорелся гнев Ферруса Мануса, когда Фулгрим объявил его предложение неприемлемым.

— А что можешь предложить ты, брат? У меня больше нет никаких стратегических планов, — сказал примарх Железных Рук. — Как только ты хорошенько им пригрозим, они уйдут.

Фулгрим повернулся лицом к Феррусу

Манусу.

— Не прими мои слова за критику, брат, — заговорил он. — Я просто высказал свое мнение по поводу причины, по которой ты не мог заставить Диаспорекс драться.

— И какова же эта причина?

— Твои слишком прямолинейные действия.

— Слишком прямолинейные? — переспросил феррус Манус, но фулгрим, подняв руку, предотвратил предсказуемый взрыв:

— Брат, я хорошо тебя знаю и понимаю военную методику твоего Легиона, но иногда гоняться за хвостом кометы — не лучший способ ее поймать.

— Ты хочешь, чтобы я засел в этом секторе и ждал, пока они на меня наткнутся? Железные Руки на это не способны!

Фулгрим покачал головой:

— Не думай, что мне незнакома простая радость прямого и открытого столкновения с врагом, но мы должны быть готовы к тому, чтобы принять и другие пути, если они быстрее ведут к

намеченной цели.

Фулгрим, не переставая говорить, обошел Гелиополис по кругу, адресуя свои слова не только брату-примарху, но и окружавшим его воинам. Свет падал на лицо Фулгрима, и его глаза, подобно темным зеркалам, отразили серебристый свет глаз Феррус Мануса.

— Ты слишком зациклился на уничтожении Диаспорекса, Феррус, и это правильно, исходя из принципов наших отношений с мерзкими ксеносами, но ты не задал себе главный вопрос относительно своего противника.

Феррус Манус скрестил руки на груди.

— Какой вопрос?

Фулгрим улыбнулся:

— Почему они остаются здесь?

— Ты хочешь втянуть меня в философские дебаты? — огрызнулся Феррус Манус. — Лучше обратись к итераторам, уверен, они дадут тебе не такой прямолинейный ответ, как я.

Фулгрим повернулся к воинам обоих Легионов.

— Тогда задайте этот же вопрос себе, — предложил он. — Если могущественная флотилия военных кораблей охотится за вами и жаждет уничтожить, почему бы просто не покинуть этот сектор? Почему не перебраться в более спокойное место?

— Я не знаю, брат, — признал Феррус Манус. — Почему?

Юлий ощутил на себе взгляд своего примарха, но напряженная тяжесть ожидания придавила его к скамье. Если на вопрос не в состоянии ответить примарх, какие могут быть шансы у него? Он поднял голову, встретился взглядом с Фулгримом, и ответ пришел сам собой.

Юлий вскочил.

— Они не могут уйти, — сказал он. — Они заперты в этой системе.

— Заперты? — с противоположного конца зала переспросил Сантар. — Каким образом?

— Не знаю, — сказал Юлий. — Может быть, у них нет навигатора.

— Нет, — вмешался Фулгрим. — Дело не в этом. Если бы у них не было

навигатора, Пятьдесят вторая экспедиция давно бы переловила их корабли. Должно быть что-то другое. Что?

Юлий смотрел, как офицеры обдумывают вопрос, хотя знал, что его примарху ответ уже известен. Мысль только начала оформляться в его мозгу, как со своего места поднялся Габриэль Сантар.

— Топливо, — произнес он. — Их флотилии требуется топливо.

Юлий понимал, что ведет себя глупо, но его опередил воин другого Легиона, ответив на вопрос его примарха. Он не мог удержаться от ревности и метнул сердитый взгляд на морщинистое лицо Первого капитана Железных Рук.

— Верно! — воскликнул Фулгрим. — Топливо. Такой большой флот, как Диаспорекс, ежедневно потребляет неимоверное количество горючего, а для совершения любого прыжка им требуется еще больше. Командиры флотов из приведенных к Согласию миров в этом секторе не жаловались на сколько-нибудь значительные потери танкеров, так что

ты можем предположить, что Диаспорекс получает горючее из другого источника.

— Звезда Кароллис, — предположил Юлий. — Где-то на окраинах солнечной короны у них, вероятно, спрятаны энергетические коллекторы, и они ждут, пока накопится достаточное количество энергии, чтобы отправиться дальше.

Фулгрим снова повернулся к центру зала:

— Вот мы и нашли способ втянуть Диаспорекс в открытую войну. Мы должны отыскать эти коллекторы, и тогда сражение пройдет на наших условиях. А затем мы все уничтожим.

Позже, когда военный совет был закончен, Фулгрим и Феррус Манус удалились в личные покои примарха на борту «Гордости Императора». Комнатам Фулгрима могла бы позавидовать любая антикварная галерея Терры; все стены были завешаны элегантно обрамленными пейзажами различных миров или необычными пиктами Астартес и летописцев, участвующих в Великом

Крестовом Походе.

Приемная, заставленная мраморными бюстами и военными трофеями, вела в центральный зал, и там повсюду взгляд встречал прекрасные произведения искусства. Только дальняя стена оставалась пустой, но пространство перед ней занимали частично обработанные глыбы мрамора и мольберты с незаконченными картинами.

Фулгрим, сбросив доспехи и облачившись в простую кремовую с пурпуром тогу, улегся в шезлонг. Он отпил вина из хрустального кубка и протянул руку к столику, на котором лежал меч с серебряной рукоятью, взятый из храма на Лаэране. Меч был поистине великолепен. Он уступал Разящему Огню в размере, но не в изысканности. Баланс оружия оказался безукоризненным, словно клинок был изготовлен специально для руки примарха, а острое лезвие могло с легкостью рассечь керамит.

Пурпурная гемма в навершии рукояти была довольно грубой работы, хотя ей нельзя было отказать в примитивном

очаровании, что совершенно не сочеталось с тщательностью обработки клинка и изысканной строгостью самой рукояти. Фулгрим уже прикидывал, не сменить ли камень на что-либо более подходящее по стилю.

Но он тотчас отказался от этой мысли, ему показалось, что замена стала бы актом грубейшего вандализма. Тряхнув головой, Фулгрим выбросил раздутья с мече из головы и провел рукой по распущенным белоснежным волосам. Феррус Манус, словно пойманный лев, безостановочно шагал по комнате. Хотя корабли-разведчики уже приступили к поиску коллекторов, он все еще не мог смириться с необходимостью этой навязанной ему операции.

— Феррус, присядь, пожалуйста, — заговорил Фулгрим. — Иначе ты протопчешь в траморе глубокий ров. Выпей вина.

— Фулгрим, порой мне кажется, что это больше не военный корабль, а летающая галерея, — сказал Феррус Манус, остатривая висящие на стенах

картины. — Хотя, должен признать, эти пикты очень хороши. Кто их сделал?

— Летописец по имени Эуфратия Киилер. Мне говорили, что она путешествует с Шестьдесят третьей экспедицией.

— У нее хороший глаз, — заметил феррус. — Отличные пикты.

— Да, — согласился фулгрим. — Я подозреваю, что вскоре ее имя будет известно во всех флотилиях.

— А вот насчет этих картин я не уверен, — продолжал феррус, указывая на серию абстрактных произведений, выполненных размашистыми мазками невыносимо ярких акриловых красок.

— Ты не оценил лучшие полотна, братец, — вздохнул фулгрим. — Это работы Серены д'Анжело. Аристократы Терры платят за каждую такую картину небольшое состояние.

— В самом деле? — удивился феррус и наклонил голову набок. — И что же они представляют?

— Это... — протянул фулгрим, стараясь облечь в слова ощущения и

чувства, пробуждаемые цветами и образами картины. Затем он пристально всмотрелся в изображение и усмехнулся. — Это сотворение реальности, построенной согласно метафизическим представлениям самой художницы, — неожиданно для себя самого сказал он. — Автор создает эти аспекты реальности, представляющие собой истинную природу человека. Понять это — значит понять всю Галактику. Кстати, госпожа д'Анжело находится на борту «Гордости Императора». Я могу вас познакомить.

Феррус что-то недовольно проворчал.

— Почему ты хочешь, чтобы все это находилось здесь? — спросил он. — Эти безделушки отвлекают нас от выполнения долга перед Императором и Хорусом.

Фулгрим покачал головой:

— Эти работы станут завершающим вкладом Детей Императора в приведение к Согласию Галактики. Да, еще остались миры, которые предстоит покорить, и враги, которых надо уничтожить, но что это будет за Галактика, если никто не оценит наших завоеваний? Если

отказаться от музыки, живописи и поэзии, если будет некому всем этим наслаждаться, Империум станет пустым местом. Искусство и красота в этот безбожный век заменяют нам религию. Люди в своей короткой жизни должны создавать бессмертные творения, это обеспечит вечное величие Империума.

— А я все-таки думаю, что это мешает воевать, — настаивал Феррус Манус.

— Совсем нет, Феррус, основой Империума являются искусства и науки. Если их задушить или растоптать, Империум прекратит свое существование. Как сказано, империи следуют за искусством, а не наоборот, как могут подумать некоторые прозаически настроенные люди, и я предпочел бы неделями обходиться без пищи и воды, чем без искусства.

По лицу Ферруса было понятно, что слова брата его не убедили. Он махнул в дальний угол комнаты, где стояли незавершенные работы:

— Так это тоже предметы

искусства? Они выглядят не слишком красиво. Что они собой представляют?

Фулгрим ощутил приступ гнева, но не показал виду.

— Я потакал творческой стороне своей натуры, но там нет ничего серьезного, — ответил он, до глубины души задетый тем пренебрежением, с которым Феррус отнесся к его работам.

Феррус Манус уселся на высокий деревянный стул и налил в кубок вино из серебряной амфоры.

— Как хорошо снова оказаться среди друзей, — сказал он, поднимая кубок.

— Согласен с тобой, — кивнул Фулгрим. — Теперь, когда Император вернулся на Терру, мы так редко видим друг друга.

— И забрал с собой Кулаки, — добавил Феррус.

— Я слышал, — сказал Фулгрим. — Неужели Дорн чем-то разочаровал нашего отца?

Феррус Манус отрицательно покачал головой:

— Я не слышал ничего подобного, но

кто знает? Возможно, Хорусу об этом известно больше.

— Тебе следует привыкать называть его Воителем, — поправил его Фулгрим.

— Знаю, знаю, — ответил Феррус. — Но я еще не привык так о нем думать. Ты меня понимаешь?

— Я-то понимаю, но таков порядок вещей, братец, — настаивал Фулгрим. — Хорус стал Воителем, а мы — его генералы. Воитель Хорус командует, а мы подчиняемся.

— Ты прав, конечно. И должен признать, он это заслужил, — сказал Феррус и снова поднял бокал. — Никто не одержал столько славных побед, как его Лунные Волки. Хорус заслужил нашу верность.

— Ты говоришь как его истинный последователь, — усмехнулся Фулгрим, поддавшись искушению подразнить своего брата-примарха.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Ничего, — сказал Фулгрим, махнув рукой. — Ну же, признайся, разве ты не надеялся, что сам окажешься на его

месте? Разве не хотел всем своим сердцем, чтобы Император назвал регентом тебя?

Феррус энергично потряс головой:

— Нет.

— Нет?

— Я честно могу сказать, что ни на что подобное не надеялся, — заверил его Феррус, после чего осушил кубок и снова наполнил. — Ты представляешь себе бремя ответственности? Мы так далеко зашли во главе с Императором, и я даже не могу представить себе, какое должно быть самолюбие, чтобы стать предводителем Великого Крестового Похода по завоеванию Галактики.

— И ты считаешь, что Хорус для этого не подходит? — спросил Фулгрим.

— Ничуть, — усмехнулся Феррус. — И не вздумай договаривать за меня, братец. Я не желаю прослыть предателем за то, что не поддерживаю Хоруса. Если кто-то из нас и способен стать Воителем, я думаю, это только Хорус.

— Не все так считают.

— Ты разговаривал с Пертурабо и

Ангроном, не так ли?

— И с другими, — признался фулгрим. — Они выразили свое... беспокойство по поводу решения Императора.

— Они бы выступили против любого, кто бы ни был избран, — заметил феррус.

— Возможно, — согласился фулгрим. — Но я рад, что выбран Хорус. Он способен на великие дела.

— Выпьем за это, — предложил феррус, осушая кубок.

Он подхалим и легко поддается влиянию...

Голос, раздавшийся в голове фулгрима, прозвучал столь отчетливо, что он удивленно моргнул.

По окончании военных действий на Лаэране, когда в апотекарионах иссяк постоянный поток раненых и умирающих, фабий получил возможность больше времени посвящать своим исследованиям. Для обеспечения требуемой секретности экспериментов он перебрался в малоиспользуемое отделение на борту

«Андрония», боевого крейсера, находившегося в ведении лорда-командира Эйдолона. Сначала в его распоряжении был только базовый комплект, но с благословения Эйдолона он постепенно создал впечатляюще оборудованную лабораторию.

Эйдолон лично вызвался проводить его в новое отделение. Через длинную Галерею Мечей они попали в носовую часть корабля, где по правому борту располагался апотекарион, сверкающий стерильными стальными стенами. Эйдолон, не задерживаясь, провел Фабия через круглый зал центральной лаборатории, и через выложенный плиткой коридор они попали в позолоченный вестибюль, откуда направо и налево расходились два перехода. Стена, стоящая между ними, оставалась пустой, хотя были заметны свидетельства того, что на ней собираются установить мозаику или барельефы.

— Зачем мы сюда пришли? — спросил Фабий.

— Сейчас увидишь.

Эйдолон поднял руку и нажал на край стены. Целая секция плавно поднялась вверх, открывая освещенный проход с винтовой лестницей. Лорд-командир и апотекарий спустились в исследовательскую лабораторию. Покрытые белыми простынями хирургические столы и инкубационные капсулы были пусты и, казалось, дремали.

— Вот здесь ты и будешь работать, — объявил Эйдолон. — Примарх поручил тебе нелегкое задание, апотекарий. Смотри, не подведи его.

— Не подведу, — кивнул Фабий. — Но скажи мне, лорд-командир, почему мои изыскания так тебя заинтересовали?

Эйдолон прищурился и долго не сводил с лица Фабия испытующего взгляда:

— Я должен взять «Гордое сердце» и с миротворческой миссией отправиться к Поясу Сатира Ланкса.

— Не слишком почетная, но необходимая обязанность — убедиться, что имперские наместники исправно проводят в жизнь законы Императора, — произнес Фабий, хотя и знал, что Эйдолон видит в

этом задании нечто иное.

— Это оскорбительно! — бросил Эйдолон. — Это напрасная трата моих сил и способностей, это настоящая ссылка!

— Возможно, но что ты хочешь от меня? — спросил Фабий. — Ты бы не стал лично провожать меня сюда без особой причины.

— Правильно, апотекарий. — Лорд-командир положил руку на наплечник Фабия и подтолкнул его к центру секретной лаборатории. — Фулгрим рассказал мне о масштабах твоих изысканий, и хотя я не одобряю твоих методов, но во всем подчиняюсь своему примарху.

— Даже в проведении миротворческой миссии? — спросил Фабий.

— Даже в этом, — подтвердил Эйдолон. — Но я больше не допущу подобной ситуации и не стану терпеть унижения. Твоя работа направлена на улучшение физиологии Астартес, не так ли?

— Я уверен, что это так. Я только начал раскрывать тайны геносемени, но, когда открою... я узнаю все его секреты.

— Тогда после моего возвращения во флотилию ты начнешь с меня, — заявил Эйдолон. — Я буду твоим самым большим успехом, буду быстрее, сильнее и опаснее, чем прежде, и стану незаменимой правой рукой нашего примарха. Начинай свою работу, апотекарий, а я позабочусь, чтобы тебе было предоставлено все необходимое.

Апотекарий с улыбкой вспомнил этот разговор. Он знал, что Эйдолон, вернувшись в состав основной флотилии, будет доволен достигнутыми результатами.

Фабий, в забрызганном кровью хирургическом балахоне, с портативным операционным набором, пристегнутым к сервопоясу, наклонился над трупом Астартес. Стальные руки, словно металлические пауки, с лязгом поднялись над его плечами; каждая из них несла шприц, скальпель или пилу для разрезания костей, необходимые для рассечения тела и извлечения органов. В ноздри ударил запах свернувшейся крови и обгоревшего мяса, но Фабия это не беспокоило — запах напоминал ему о захватывающих исследованиях и путешествии в

неизвестные глубины запретного знания.

Холодный свет апотекариона обесцвечивал кожу трупа и отражался от инкубационных капсул, где извлеченное геносемя подвергалось химической стимуляции, генетическим манипуляциям или контролируемому облучению.

Воин, лежащий на столе, в момент доставки в апотекарион был еще жив и страдал, но смерть его была блаженной — фабий вскрыл череп и воспользовался возможностью поработать над мягкой серой массой, чтобы лучше понять, как функционирует мозг живого Астартес. В процессе он случайно понял метод соединения нервных окончаний с центрами мозга, отвечающими за наслаждение, и, обрезая их один за другим, вызвал ощущение беспредельной радости.

Возможно, это открытие пока не имело значения для его работы, но оно стало еще одной восхитительной частицей информации, которая могла бы пригодиться для дальнейших экспериментов.

До сих пор успехи фабия чередовались

с неудачами, но, по мере того как война на Лаэране поставляла для экспериментов все новые источники геносемени, баланс постепенно склонялся в положительную сторону. Кремационная печь апотекариона горела день и ночь, уничтожая остатки неудачных опытов, но для достижения совершенства всех Детей Императора отрицательные результаты тоже были необходимы.

Он сознавал, что кое-кто в Легионе с отвращением отшатнулся бы, узнав о его работе, но им недоставало воображения, и они не могли разглядеть грандиозных замыслов. Чтобы достичь совершенства, приходится терпеть неизбежное зло.

После следующего шага в эволюционном развитии Астартес Легиона Фулгрита станут величайшими воинами Имперской Армии, а имя Фабия — главного архитектора этого подъема — станут прославлять от края до края Империума.

В инкубационных капсулах уже сейчас зреют плоды его экспериментов — крошечные развивающиеся органы,

плавающие в обогащенной питательными веществами суспензии. Фрагменты тканей были взяты у Астартес, павших на Лаэране, и Фабий ожидал, что после его улучшений их эффективность удвоится. Уже сейчас он выращивает супержелезу осмодулу, которая усилит скорость срастания и отвердевания элементов скелета воинов, тогда они не будут страдать от переломов костей. Следующим после улучшенной осмодулы будет пробный орган, включающий в себя гормоны лаэров, способный изменить строение голосовых связок. Это позволит Астартес воспроизводить боевой клич лаэров, но с гораздо большей мощностью.

Работа по усовершенствованию других органов только начинается, но Фабий питал большие надежды на результаты улучшения бископеи, что привело бы к грандиозному развитию мышц, и тогда все Астартес станут сильными, как терминаторы, способные голыми руками пробить танковую броню. Мультиспектральные глаза лаэров снабдили его массой информации, которая,

как он рассчитывал, пригодится при экспериментах с железой оккулоба. В стерильных боксах перед ним, словно бабочки, были наколоты десятки глазных яблок; введенные в них химические стимуляторы должны улучшить возможности оптических нервных узлов.

После некоторых изменений Фабий надеялся создать новый орган зрения, который с равной результативностью будет работать и в темноте, и при ярком свете, и в условиях стробоскопического эффекта. Такое зрение исключит для Астартес опасность заблудиться или потерять ориентацию.

Первый успех Фабия заключался в тысячах флаконов голубой жидкости, стоявших перед ним на стальных полках. Это снадобье он синтезировал из генетического соединения железы лаэров, аналогичной щитовидной железе людей, и бископеи.

При испытании транквилизатора на смертельно раненных воинах Фабий убедился, что перед гибелью в их телах значительно ускорился метаболизм и

возросла физическая сила. После некоторой доработки снадобье контролировало изменения таким образом, чтобы защитить сердце от перегрузки, и теперь все было готово, чтобы распространить его в Легионе.

Фулгрим одобрил применение препарата, и через несколько дней средство будет циркулировать в крови каждого воина, который пожелает им воспользоваться.

Фабий выпрямился над распростертым перед ним телом и усмехнулся при мысли о подвластных ему чудесах. Теперь он наверняка получит свободу действий и улучшит физическое состояние Детей Императора.

— Да, — прошипел он, и темные глаза сверкнули в предвкушении раскрытия секретов работы Императора. — Я обязательно узнаю твои тайны.

Краски на палитре кружились перед глазами Серены, но их тусклость приводила художницу в ярость. Большую часть утра она провела в поисках красного

цвета для изображения заката над Лаэранон, но разбросанные вокруг пустые тюбики и сломанные кисти без слов свидетельствовали о постигшей неудаче. На полотне нетерпеливыми карандашными штрихами уже вырисовывался контур картины, которая, по мнению Серены, должна стать ее величайшей работой... Если только удастся подобрать нужный тон красного цвета!

— Проклятие! — закричала она и швырнула палитру в стену с такой силой, что деревянная дощечка разлетелась в щепки.

От разочарования перехватило горло, и дыхание вырывалось короткими болезненными толчками. Серена опустила голову на руки, и вслед за разрывающими грудь рыданиями хлынули слезы.

Очередная неудача вызвала яростный приступ гнева, и она схватила обломок кисти и вдавила зазубренный край в мягкую кожу предплечья. Вспыхнула сильная боль, но, по крайней мере, она ее чувствовала. Кожа лопнула, по

расщепленной деревяшке заструилась кровь и немного успокоила ее. Только боль оставалась реальной, и Серена глубже вонзила обломок в тело, наблюдая, как ручеек крови сбегает по бледным полоскам старых шрамов.

Длинные темные волосы слипшимися прядями свисали до пояса и пестрели пятнами засохшей краски, а кожа Серены приобрела нездоровую бледность, как у человека, не спавшего несколько дней. Покрасневшие глаза слезились, а под обломанными ногтями чернела грязь.

После возвращения Серены с поверхности Лаэрана студия приобрела такой вид, будто ее громили какие-то вандалы, но виной тому была безумная жажда творчества, из-за которой недавно аккуратная комната стала похожей на поле битвы.

Желание рисовать вспыхнуло с такой силой, что Серена не могла ему противиться. Жажда творчества была всепоглощающей и немного пугающей... Ее обуяло желание создать произведение, отражавшее страсть и чувственность.

Серена заполнила три полотна яркими красками и светом, она работала словно одержимая до полного изнеможения, пока сон не свалил художницу прямо в разгромленной студии.

Проснувшись, она критическим взглядом окинула созданные картины, но увидела лишь грубые мазки и примитивные цвета, не имевшие ничего общего с жизненной силой, запомнившейся после посещения храма. В беспорядке студии Серена разыскала пикты с изображениями храма, величественного кораллового города, его великолепных стройных башен и удивительно ярких небес и океана.

Несколько дней она пыталась воспроизвести восторженные чувства, охватившие ее на Лаэране, но независимо от пропорций смешиваемых красок так и не сумела добиться желаемых оттенков.

Серена мысленно вернулась на Лаэран, вспомнила огорчение, охватившее ее после того, как Остиану отказали в праве подняться на борт катера, а потом виновато призналась самой себе, что

печаль исчезла, как только «Громовой ястреб» прорвал пелену облаков и перед ней открылась безбрежная синь Лаэрана.

Такой великолепной, сияющей синевы она никогда не видела и первый десяток пиктов сделала еще до того, как корабль начал спускаться на лаэрский атолл. Полет над парящим городом пробудил в ней чувства, о существовании которых Серена и не подозревала, и ей до боли захотелось скорее вступить в этот чуждый мир.

После приземления летописцев проводили через развалины разрушенного города, и каждый из них с открытым ртом вбирал его удивительные особенности. Капитан Юлий объяснил, что высокие ракушечные башни в течение всей войны испускали пронзительные вопли, но замолчали после того, как были разбиты снарядами и взрывами. Осталось лишь несколько неповрежденных башен, их протяжные крики показались Серене невероятно далекими, пронзительно одинокими и бесконечно печальными.

По пути через груды развалин,

оставленных после боев, Серена делала пикт за пиктом, и даже вид растерзанных тел лаэрских солдат не уменьшал страстного желания посетить город, парящий над океаном. Картины чужого мира оказались настолько живыми и энергичными, что чувства Серены не могли воспринять их полностью и ее эмоциональное восприятие было на грани пресыщения.

А потом она увидела храм.

Капитан Юлий и императоры повели летописцев к входу, и по пути из головы Серены вылетели все мысли, оставив лишь непреодолимое желание войти в это удивительное сооружение. Странное, неудержимое нетерпение овладело всеми, и летописцы с необъяснимой поспешностью устремились вперед.

Пробираясь через завалы обломков, она ощутила странный смолистый аромат и поначалу приняла его за запах ладана, используемый солдатами армии для маскировки зловония запекшейся крови и смерти. Но затем Серена увидела тонкие струйки дыма, которые

просачивались из пористых стен храма, и поняла, что запах принадлежит чужеродному миру. На мгновение она слегка испугалась, но, сделав еще несколько вдохов, нашла аромат приятным и успокоилась.

Над подобным устью пещеры входом горели яркие дуговые лампы, освещавшие невиданные цвета и настенные фрески, настолько правдоподобные и живые, что захватывало дух. Пришедшие вместе с Сереной художники попытались оценить масштабы росписей, и повсюду послышались изумленные возгласы и щелчки аппаратов документалистов, снимавших панорамные сцены.

До слуха Серены откуда-то из глубины храма донеслась музыка и мгновенно вонзилась в ее сердце, словно заноза. Она отвела взгляд от фресок и последовала за голубыми волосами Бекьи Кински, а музыка звучала все громче и увлекала их обеих все дальше.

Внезапно злость на Бекью вспыхнула с новой силой, и Серена ощутила, как ее верхняя губа приподнимается в злобной

усмешке. Она шагнула вслед за Бекьей, и чем дальше углублялась в храм, тем сильнее нарастала в ее душе музыка. Серена не забывала, что повсюду вокруг нее находятся люди, но не обращала на них ни малейшего внимания, всецело отдавшись поглотившим ее эмоциям. Она ощущала музыку, свет и краски и даже протянула руку, чтобы сохранить равновесие, грозившее покинуть ее под натиском нахлынувших ощущений.

Серена обогнула угол и оказалась в центральной части храма. Непередаваемая красота и удивительная энергетика заставили ее упасть на колени.

Бекья Кински стояла в центре просторного зала, подняв вверх руки с зажатыми вокс-зондами, и музыка струилась над ее головой.

Серена поняла, что за всю жизнь не видела ничего более прекрасного.

Ее глаза жгло разноцветье красок, и она с трудом сдерживалась, чтобы не зарыдать при виде их совершенства.

Теперь, в студии, она безуспешно

тратила все свои силы, чтобы воспроизвести этот сияющий момент удивительного совершенства. Серена выпрямилась, вытерла рукавом слезы, отыскала в беспорядочно разбросанных инструментах следующую палитру и принялась смешивать краски, снова пытаясь достичь идеала.

Она соединила красный кадмий с пурпурным хинакридином, добавила в красный немного коричнево-малиновой пасты, но сразу поняла, что не добилась искомого цвета и ничуть не приблизилась к цели.

В ней снова вспыхнула ярость, и в этот момент капля крови упала с руки на палитру... Вот оно! Возник удивительный цвет, и Серена поняла, что нужно сделать.

Она подняла небольшой ножик, используемый для затачивания карандашей, и провела лезвием по коже, разрезав руку чуть выше локтя.

Из раны вытекла струйка крови, и она подставила палитру, с улыбкой наблюдая, как образуется нужный оттенок.

Теперь она могла писать картину.

Соломон наклонился, увертываясь от косого удара, и вовремя поднял оружие, чтобы отбить возвращающееся лезвие, нацеленное в грудь. Столкновение металла отозвалось по всей руке, едва излечившиеся кости запротестовали, и он сжал зубы. Соломон попятился от Мария, но капитан Третьей роты уже оказался рядом и опять нацелил меч ему в грудь.

— Ты опаздываешь, Соломон, — произнес Марий.

Соломон резко опустил меч, отбивая очередную атаку, развернулся, намереваясь нанести противнику смертельный удар, но не успел закончить поворот, как клинок Мария уже пробил его оборону. Соломон изогнулся, но теперь все тело, словно разрываясь на части, отозвалось болью.

— Я успеваю увидеть, как ты подходишь, Марий, — засмеялся Соломон, хоть и понимал, что победа Мария в поединке только вопрос времени.

— Обманываешь, — сказал Марий и бросил свой меч на мат.

Он попятился до самой стены

тренировочного зала, где на стеллажах было разложено самое разнообразное оружие, и выбрал «солнце и луну» — пару копьевидных кинжалов. В реальных схватках двусторонние ножи были бесполезны, но в тренировочных боях оказывались мощным оружием. Соломон тоже швырнул в сторону свой меч и схватил пару колец «огонь и ветер».

Как и оружие его противника, эти средства — круглые лезвия в текстурированном зажиме с рукояткой и изогнутыми шипами по краям — тоже считались почти декоративными, но в учебных боях Соломон любил применять оружие, неиспользуемое в обычных сражениях. Он встал перед Марием, вытянув вперед левую руку, а правую, согнув, прижал к боку.

— Может, обманываю, а может, и нет, — усмехнулся Соломон. — Проверить можно только одним способом.

Марий кивнул и устремился в атаку, кинжалы мелькали перед ним, образуя в воздухе сверкающую металлическую паутину. Соломон блокировал первый

выпад, потом второй, но каждый звенящий удар заставлял его все дальше пятиться к стене.

Он качнулся вбок от размашистого рубящего удара сверху и послал свое оружие по длинной дуге в ноги Марию. Марий бросил на пол один из своих кинжалов, и его кончик, пройдя сквозь центр круга, приколол его к земле. Соломон, оставив пойманное лезвие, отскочил назад; ему срочно пришлось уворачиваться от второго кинжала.

— Ты слышал новости? — задыхаясь, бросил Соломон в надежде отвлечь Мария и выиграть немного времени.

— Какие новости? — спросил Марий.

— Что нам в качестве эксперимента введут новый химический стимулятор?

— Да, слышал, — кивнул Марий. — Примарх уверен, что средство сделает нас еще сильнее и быстрее, чем прежде.

Соломон нахмурился. Его друг словно продекламировал выученный наизусть ответ, но сам не верил своим словам. Он замедлил отступление.

— А тебя не интересует, откуда оно

взялось?

— Средство одобрено примархом, — ответил Марий, затахиваясь кинжалом.

— Нет, я хотел спросить о происхождении средства. Насколько мне известно, оно не было прислано с Терры, — сказал Соломон. — Более того, я думаю, что оно изготовлено здесь, на флотилии. Апотекарий Фабий рассказывал о нем до того, как перебрался на «Андроний».

— Какая разница, откуда взялось снадобье? — спросил Марий. — Примарх одобрил его применение для каждого, кто пожелает.

— А я сомневаюсь, — признался Соломон, поворачиваясь вслед Марию. — Возможно, зря, но мне не по нраву мысль о новых вводимых химикатах, если я ничего не знаю об их происхождении.

Марий рассмеялся:

— В лаборатории твое тело подверглось генетическим улучшениям, а теперь ты беспокоишься о порции химического лекарства?

— Марий, это совсем не одно и то же. Мы были созданы по образу и подобию

Императора, чтобы стать его идеальными воинами, так зачем добавлять что-то еще?

Марий пожал плечами и сделал еще один выпад. Соломон отвел удар кинжала и тотчас застонал от боли — казалось, внутри что-то оборвалось. Поединок был окончен.

Решив, что его разум не выдержит бездействия, Соломон не стал дожидаться полного исцеления и покинул апотекарион, вернувшись в расположение своей роты. Гай Кафен с радостью встретил своего командира, но Соломон не мог не отметить, что его заместителю понравилось командовать, и теперь предстояло подумать над тем, чтобы поручить Кафену его собственную роту.

День проходил за днем, Диаспорекс себя никак не обнаруживал, и Соломон напряженно тренировался, чтобы вернуть прежнюю силу. Он взял за правило каждый день посещать Мария и устраивать суровые тренировочные бои, но выиграть хоть один из них у него пока не хватало сил.

— Фулгрим сказал, что это надо сделать, — сказал Марий таким тоном, словно это все решало.

— Да, сказал, и все же мне это не нравится, — вздохнул Соломон. — Я никак не могу понять, зачем все это нужно.

— Понимаешь ты или нет, это к делу не относится, — заявил Марий. — Приказ был дан, и наш долг — повиноваться. Наш идеал чистоты и совершенства исходит от Фулгрима и через лордов-командиров передается нам, капитанам рот, а наше дело — передавать волю примарха остальным воинам.

— Все это мне известно, вот только что-то кажется неправильным, — сказал Соломон, тяжело дыша и опустив оружие к самому полу. — На сегодня хватит, я вымотался. Ты победил.

Марий кивнул.

— Ты с каждым днем становишься все сильнее, Соломон, — сказал он.

— Пока я еще не слишком силен, — возразил Соломон и в изнеможении рухнул на тренировочный мат.

— Это только пока, но скоро силы к

тебе вернутся, и ты сможешь стать мне достойным противником, — ответил Марий, усаживаясь рядом.

— О, об этом не беспокойся! — воскликнул Соломон. — Очень скоро я тебя одолею.

— Ни за что, — совершенно серьезно возразил Марий. — Я тренирую свою роту напряженнее, чем когда бы то ни было. И мои воины, и я находимся в наилучшей форме, а после введения этого нового средства мы станем еще быстрее и сильнее.

Соломон заглянул в глаза своему другу и увидел страстное желание реабилитироваться после неудачи на атолле. Он поднял руку и дотронулся до плеча Мария:

— Послушай, я понимаю, что ты и сам это знаешь, но все равно хочу тебе сказать...

— Не надо, — прервал его Марий, качая головой. — Не стоит. Третья рота опозорилась, и, пытаясь нас оправдать, ты только сделаешь еще хуже.

— Это произошло не по вашей вине, —

настаивал Соломон.

— По нашей, — сказал Марий. — А если ты этого не понимаешь, то тебе повезло, что ваш корабль был сбит на подходе к планете.

Соломон внезапно рассердился:

— Повезло?! Да я чуть не погиб!

— Мне было бы легче, если бы я умер, — прошептал Марий.

— Ты ведь так не думаешь.

— Возможно, но факт остается фактом. Третья рота не выполнила полученного задания, и, пока мы не искупим свою вину, я прослежу, чтобы мои воины беспрекословно выполняли все приказы примарха.

— Какими бы они ни были? — спросил Соломон.

— Разумеется, — ответил Марий. — Какими бы они ни были.

9
Обнаружили
Блэйк
Откровенный советчик

«Феррум» скользнул по краю яркой короны звезды Кароллис. Защитные экраны корабля задерживали большую часть электромагнитных помех и предохраняли от сбоев его системы, а экипаж продолжал разыскивать генераторы Диаспорекса. Корпус судна пестрел свежими заплатами, и пострадавшие элементы конструкции были заменены, но, чтобы избавиться от всех повреждений, корабль все же нуждался в более длительной стоянке в доках.

Капитан Балхаан по-прежнему стоял за командирским пультом, но счастливым он не выглядел — досада явно читалась на его лице. Железный Отец Дидерик все время находился рядом с Аксарденом у дублирующего пульта, и, хотя Балхаан понимал, что за неспособность уберечь корабль он не заслуживает ничего лучшего,

необходимость разделять командование «Феррумом» с кем-то еще до сих пор причиняла ему боль.

Дидерик проверял каждое его решение и внимательно изучал каждый отданный капитаном приказ, но Балхаан воспринимал его присутствие как необходимое напоминание об опасности самоуспокоения.

Тело Железного Отца Дидерика претерпело множество аугметических усовершенствований, большая часть органических частей уже давно была заменена, что приближало его к механизированному совершенству и последующему погребению в саркофаге древнего дредноута.

— Ну что, круговая съемка завершена? — спросил Балхаан.

— Почти закончена, сэр, — ответил Аксарден.

— И каковы результаты?

— Ничего обнадеживающего, сэр. Здесь такие сильные помехи, что мы можем находиться над ними — и не узнать об этом, — объяснил Аксарден, обращаясь не

только к капитану, но и к Железному Отцу.

— Хорошо, Аксарден. Дай мне знать, если появятся какие-то изменения, — приказал Балхаан.

Он склонился над пультом и попытался припомнить моменты истории, когда легендарные герои были вынуждены тратить время на столь скучное занятие. На ум ничего не приходило. Балхаан понимал, что историки склонны пропускать периоды между потрясениями и описывать только сражения или иные драматические события. Интересно, что напишут летописцы Пятьдесят второй экспедиции об этой части Великого Крестового Похода? Скорее всего, это время вообще не заслужит упоминаний в их трудах. В конце концов, что примечательного может произойти с дюжиной кораблей, отправленной на поиски солнечных генераторов?

Балхаан вспомнил прочитанный отрывок из произведений Геродота, где описывалась битва у побережья древнего

государства, известного под названием Артемизион, что в Северной Эвбее. В бою сошлись два огромных океанских флота, и, как было сказано, сражение длилось три дня. Балхаан даже представить себе такого не мог и гадал, сколько времени на самом деле потребовалось для боя.

Он подозревал, что все закончилось довольно быстро. Балхаан по своему опыту знал, что сражения на море бывают короткими и жестокими, когда одна галера быстро добивается преимущества над другой и таранит ее, посылая вражеский экипаж в объятия ледяной смерти на дне океана.

Не успел он поразмыслить над своими мрачными перспективами, как раздался голос Аксардена:

— Капитан, мне кажется, мы что-то нашли!

Все печальные мысли и загадки длинных пустых интервалов истории мгновенно были развеяны взволнованным голосом офицера-тактика. Пальцы Балхаана тотчас повернули выключатель на командной панели, и обзорный

иллюминатор залило ярким светом звезды.

Он в ту же секунду понял, о чем говорил Аксарден, — ребристые крылья солнечных генераторов переливались, отражая свет Кароллис.

— Стоп всем машинам! — приказал Балхаан. — Нет смысла оповещать их о нашем приближении.

— Надо атаковать! — воскликнул Дидерик.

Балхаан заставил себя скрыть досаду, вспыхнувшую в ответ на нетерпеливое заявление Железного Отца. Разве «Феррум» уже не пострадал от подобной поспешности?

— Нет, — ответил Балхаан. — Мы не будем атаковать, пока не поставим в известность флотилию экспедиции.

— Сколько там видно коллекторов? — спросил Дидерик, обращаясь к Аксардену.

Офицер-тактик нагнулся к самому монитору, и Балхаану пришлось ждать несколько тревожных секунд, пока Аксарден готовил ответ Железному Отцу.

— Не меньше десяти, но может быть, и больше, я не могу их всех различить, — сказал Аксарден. — Радиоактивное излучение звезды здесь особенно сильно сконцентрировано.

Балхаан вышел из-за пульта, спустился по ступенькам и подошел к тактическому пульту.

— Не важно, сколько здесь коллекторов, Железный Отец, — сказал он. — Мы не можем их атаковать.

— А почему нет, капитан? — фыркнул Дидерик. — Мы же отыскали источник топлива для наших врагов, как и приказал наш господин Манус.

— Я хорошо помню данный нам приказ, но без поддержки военных кораблей флотилии Диаспорекс снова может уйти.

Дидерик, казалось, обдумал его слова.

— Тогда что ты предлагаешь, капитан?

Отметив, что Железный Отец все же прислушался к его мнению, Балхаан не замедлил с ответом:

— Мы подождем. Отошлем донесение кораблям флотилии, а пока соберем как

можно больше информации, не выдавая своего присутствия.

— А потом? — спросил Дидерик, которого явно не вдохновляла перспектива пассивного ожидания.

— А потом мы их уничтожим, — ответил Балхаан. — И восстановим свое доброе имя.

Помещение архива на «Гордости Императора» занимало целиком три верхние палубы, уставленные высокими позолоченными стеллажами с текстами Древней Терры. За сохранностью манускриптов этой грандиозной коллекции усердно следил архивариус Двадцать восьмой экспедиции, усердный и старательный человек по имени Эвандер Тобиас. За долгие годы учения Юлий хорошо узнал характер Тобиаса и теперь без колебаний направился к его убежищу в сводчатом нефе на самой верхней палубе.

Перед ним простирались стеллажи, поддерживаемые мраморными колоннами, в просторных проходах слышался приглушенный шепот, наиболее уместный

в таком обширном хранилище знаний. Столбы из зеленого мрамора уходили вдаль, и темные деревянные полки между ними прогибались под тяжестью свитков, книг и дата-кристаллов.

Юлий шел по отполированному мраморному полу при свете парящих светящихся шаров, отбрасывающих его тень далеко вперед. Он не надел боевые доспехи, а только обычный рабочий костюм и поверх него набросил кольчужную рубашку, украшенную изображением орла Детей Императора.

В боковых переходах и закоулках он видел лишь людей в форменной одежде летописцев и сервиторов, тащивших огромные стопки книг и не обращавших на него никакого внимания.

В одном из небольших залов он отчетливо рассмотрел голубую шевелюру Бекьи Кински и сначала хотел было остановиться и побеседовать с ней. Она сидела за широким столом, заваленным листами нотной бумаги, с распущенными волосами и наушниками вокс-зонда. Даже издали до Юлия донеслась странная

музыка, услышанная в лаэрском храме. На таком расстоянии звуки казались слабыми и далекими, хотя в ушах Бекьи Кински музыка наверняка гремела во всю мощь. Ее руки то опускались на стол, чтобы записать несколько строк, то порхали, словно птицы, когда Бекья как будто дирижировала каким-то невидимым оркестром. Она работала с улыбкой, но в движениях ощущалась странная одержимость, словно музыка внутри ее могла стать опасной, разрушительной силой, если ее не перенести на нотный лист.

«Так вот как работают гении», — подумал Юлий и прошел мимо, решив не прерывать процесс творчества госпожи Кински.

С тех пор как он в последний раз посещал помещения архива, прошло довольно много времени, и теперь он ощутил это особенно остро. Но обязанности в Легионе и военные действия на Лаэране не оставляли времени для чтения. Теперь ему предстояло заново знакомиться с этим местом, хотя

Ликаону было оставлено распоряжение немедленно информировать Юлия, если в его отсутствие произойдет что-то заслуживающее внимания капитана.

Навстречу Юлию попалась группа писцов и нотариусов, и каждый из них на ходу почтительно поклонился. Некоторые лица были знакомы ему по прошлым посещениям, но большую часть чиновников он не помнил, однако сам факт возвращения в архив вызывал у него чувство спокойствия и тихой радости.

Увидев впереди знакомую фигуру Эвандера Тобиаса, он не мог удержаться от улыбки — почтенный архивариус распекал группу притихших летописцев за какое-то нарушение его строгих правил.

Пожилой ученый увидел приближающегося Юлия и прервал обличительную речь. Его лицо осветилось широкой улыбкой, и архивариус царственным жестом отпустил провинившихся летописцев. Эвандер Тобиас, одетый в строгий костюм из темной плотной ткани, производил впечатление настоящего ученого и внушал

уважение даже Астартес. Юлию нравились и его царственная осанка, и величественные манеры.

Когда-то Эвандер Тобиас был величайшим оратором Терры и обучал первых итераторов. Он, бесспорно, мог занять должность Первого итератора флотилии Воителя, но стремительно развившийся рак гортани парализовал его голосовые связки, и школу итераторов пришлось оставить. На свое место в Шестьдесят третьей экспедиции Эвандер рекомендовал одного из самых способных своих учеников — блистательного Кирилла Зиндерманна.

Поговаривали, что сам Император посетил Эвандера на ложе болезни и дал инструкции его хирургам и кибернетистам, но правда об этом была известна лишь немногим. Капризная судьба лишила Эвандера его таланта оратора и нарушила дикцию, но горло и голосовые связки были реконструированы, и теперь Эвандер тихо бормотал механическим голосом, что нередко вводило в заблуждение некоторых ничего

не подозревавших летописцев, считавших архивариуса дряхлым и беззубым стариком.

— Мальчик мой, — заговорил Эвандер, протягивая руки навстречу Юлию, — как давно я тебя не видел.

— Да, очень давно, Эвандер, — улыбнулся Юлий и кивнул вслед удалявшимся летописцам. — Что, дети опять нашалили?

— Эти? А, глупые юнцы, — бросил Эвандер. — Принято считать, что избрание летописцем предполагает наличие некоторой твердости характера и уровня интеллекта, превосходящего орочий. Но эти глупцы не могут ориентироваться в отлично отлаженной системе и не способны найти информацию. Это меня огорчает, и я опасаюсь за качество наследия экспедиции, коль великие деяния Крестового Похода описываются подобными недотепами.

Юлий кивнул, но, достаточно близко познакомившись с пресловутой системой архивирования и проведя в бесплодных поисках хотя бы крупицы информации не

один час, он без труда мог представить, сколько еще поводов для огорчения поджидает почтенного ученого. Но Астартес мудро решил оставить свое мнение по данному поводу при себе.

— Друг мой, я уверен, что при твоем содействии наше наследие находится в надежных руках.

— Ты очень добр ко мне, мой мальчик, — поблагодарил его Эвандер, и из серебряных трубок искусственного горла вырвалось едва заметное пыхтение.

Юлия всегда забавляло обращение «мой мальчик», несмотря на то что на самом деле капитан был намного старше архивариуса. Во время посвящения в ряды Астартес плоть и скелет Юлия подверглись перестройке и значительному улучшению, а физиологический процесс предполагал фактическое бессмертие, но воину приятно было видеть отеческую заботу Эвандера, которой он был лишен на Хемосе.

— Я уверен, ты пришел сюда не для того, чтобы проверить качество подготовки летописцев флотилии, не так

ли? — спросил Тобиас.

— Нет, — сказал Юлий вслед архивариусу, уже повернувшему к полкам с книгами.

— Пойдем со мной, мой мальчик, на ходу мне лучше думается, — позвал его Эвандер, оглянувшись через плечо.

Юлий шагнул вслед за ученым, быстро с ним поравнялся и укоротил шаги, чтобы Тобиас не отставал.

— Я догадываюсь, что тебя привело нечто особенное. Я прав?

Юлий помолчал, он до сих пор и сам не знал, что ищет. Впечатления от того, что он видел и ощущал в храме лаэров, и сейчас тревожили его, и он решил, что надо попытаться понять это явление, поскольку, несмотря на всю чужеродность эффекта, в нем было что-то ужасно притягательное.

— Возможно, — начал Юлий. — Но я не могу понять, где искать информацию, скорее, я еще не решил, что именно надо искать.

— Ты меня заинтриговал, — заметил Тобиас. — Хотя, чтобы оказать тебе

помощь, я попрошу продолжить рассказ.

— Я думаю, ты уже наслышан о храме на Лаэране? — спросил Юлий.

— Да, я слышал о нем, и, похоже, это довольно отвратительное место, слишком зловещее для моей восприимчивости.

— Да, такого я еще никогда не видел. И мне хотелось бы побольше о нем узнать, потому что в мыслях я постоянно к нему возвращаюсь.

— Почему? Что в нем такого, что тебя очаровало?

— Очаровало? Нет, я совсем не это имел в виду, — возразил Юлий.

Его слова прозвучали слишком неискренне даже для него самого, и Юлий заметил, что и Тобиас уловил ложь в его голосе.

— Впрочем, может, и так, — признал он. — Нечто подобное я испытывал лишь в тех случаях, когда наслаждался величайшими произведениями искусства или поэзии. Все мои чувства чрезвычайно обострились. С тех пор все вокруг кажется серым и мертвым. Те вещи, что раньше воспламеняли мою душу, больше не

радуют. Я прохожу по галереям корабля, где собраны работы искуснейших художников Империума, и ничего не чувствую.

Тобиас с улыбкой кивнул:

— Похоже, храм и вправду удивительное место, раз он настолько задел души людей.

— О чем ты?

— Ты далеко не первый, кто приходит ко мне в архив и ищет сведения о подобных случаях.

— Как это — не первый?

Тобиас покачал головой, а на его морщинистом лице появилось выражение легкого изумления.

— Очень многие из тех, кто побывал в храме, приходят сюда и пытаются разобраться в своих впечатлениях об этом месте; это и летописцы, и армейские офицеры, и Астартес. Выходит, храм на всех произвел неизгладимое впечатление. Мне и самому уже почти захотелось увидеть храм своими глазами.

Юлий недоверчиво тряхнул головой, но архивариус не увидел его реакции, он

уже отвернулся к полке, где стояли книги в кожаных переплетах с золотым тиснением. Корешки томов давно потускнели, и было заметно, что ни один из них не покидал полки с самого основания архива.

— Что это? — спросил Юлий.

— Это, мой дорогой мальчик, собрание сочинений одного священника, жившего еще до прихода Древней Тьмы. Его имя Корнелий Блейк, а еще его называли гением, мистиком, еретиком и провидцем, причем нередко в один и тот же день.

— Вероятно, он прожил яркую жизнь, — заметил Юлий. — А о чем он писал?

— Обо всем, в чем, как мне кажется, ты хочешь разобраться, мой мальчик, — ответил Тобиас. — Блейк был уверен, что только через совокупность опытов человек может постичь неведомое и мудрость ждет его в конце пути между крайностями. Его работы полны иносказаний, которыми он пытался замаскировать свои идеи о приходе новой, неистовой эпохи чувств и ощущений. Некоторые считали его сенсуалистом,

описывающим борьбу между чувственностью и ограничениями морали авторитарного режима, царящего при его жизни. Другие без всякого сомнения объявляли его падшим священником и развратником с манией величия. — Тобиас поднял руку и достал с полки один из томов. — В этой книге Блейк пишет о том, что человечество, по его мнению, должно удовлетворять все свои желания, чтобы достигнуть нового состояния полной гармонии, более совершенной, чем первоначальное неведение, с которого, как он утверждает, и начинала наша раса.

— А что ты думаешь об этом?

— Я думаю, что его вера в способность человека преодолеть ограничения пяти данных чувств весьма впечатляет, хотя не могу не отметить, что его философию часто признавали философией вырождения. Они ссылались на... энтузиастов, его последователей, которые во все времена имели дурную славу. Блейк верил, что те, кто ограничивает свои желания, делают это лишь потому, что не подвержены

настоящей страсти. Сам он никогда не испытывал угрызений совести.

— Теперь я понимаю, почему его называли еретиком.

— Правильно, — подтвердил Тобиас. — Хотя благодаря усилиям Императора это слово в Империуме почти вышло из употребления. Его этимологические корни происходят из древних наречий времен олимпийского господства, и тогда оно означало просто «выбор» веры. Ученый Иринаус в своем трактате «Против ереси» описывает его верования как искреннее почитание давно умершего бога, что впоследствии стало традиционным в его культе, а позднее — краеугольным камнем многих религий.

— И как возникло непонимание этого слова?

— Ну же, мальчик, я думал, что я достаточно хорошо тебя выучил, — покачал головой Тобиас. — Следуя логике Иринауса, можно сделать вывод, что понятие ереси не имеет объективного значения. Эта категория зависит только от точки зрения и позиции внутри

определенного общества, которое изначально считает себя правоверным. Тогда любой, кто высказывает мысли, не согласующиеся с этой точкой зрения, в ортодоксальном обществе будет считаться еретиком. Другими словами, ересь — это субъективная оценка, выражение взглядов со стороны принятой в обществе религии. К примеру, во времена Объединительных войн адвентисты Пан-Европы считали ересью веру в Императора, тогда как предки основателей Индонезийского блока принимали за великое отступничество приход к власти деспота Калганна. Итак, Юлий, для возникновения ереси требуется существование официальной системы догм и верований, считающихся ортодоксальными.

— Согласно твоим словам, в наши дни ереси быть не может, поскольку Император открыл нам лживость всех верований в ложных богов и поклонения умершим, не так ли?

— Не совсем так. Догма и религия не всегда опираются на веру в божественное

существо, это может быть просто режим или система общественных ценностей вроде тех, что мы сейчас несем Галактике. Сопротивление или восстание против них легко может быть классифицировано как ересь.

— Тогда зачем мне читать эти книги? Они могут оказаться опасными.

Тобиас разочарованно махнул рукой:

— Да нет же! Как я часто говорил ученикам в школе итераторов, истина, сказанная с дурными намерениями, всегда восторжествует над любой надуманной ложью, следовательно, нам необходимо познать все истины, чтобы уметь отличать добро от зла. Когда итератор проповедует истины, он делает это не только ради убеждения непросвещенных, но и ради защиты тех, кто знает.

Юлий хотел спросить что-то еще, но в этот момент в его ухе затрещала горошина вокс-связи, а затем послышался взволнованный голос Ликаона:

— Капитан, тебе необходимо возвращаться.

Юлий поднес к губам браслет с

микрофоном:

— Уже возвращаюсь. Что произошло?

— Мы их обнаружили, — доложил Ликаон. — Мы нашли Диаспорекс. Ты должен как можно скорее вернуться.

— Я иду, — заверил его Юлий, но по голосу Ликаона, несмотря на помехи вокс-канала, он понял, что его заместитель недоговаривает. — Есть что-то еще, что я должен знать?

— Лучше быстрее приходи и посмотри сам, — ответил Ликаон.

Фулгрим сердито мерил шагами свою каюту под оглушительные звуки десятка фонотрансляторов. Каждое устройство транслировало свою запись — гремящие оркестры, ритмичную музыку племен низших уровней городов-ульев, громче всех звучала мелодия лаэрского храма.

Мелодии совершенно не совпадали друг с другом, и общий гул наполнял его сознание невообразимыми видениями и обещаниями неожиданных возможностей.

Деятельность брата сильно

испортила ему настроение, но ему ничего не оставалось делать, кроме как последовать за Пятьдесят второй экспедицией. Решение Ферруса выступить в одиночку означало недостаток уважения, и это не на шутку разъярило Фулгрима и расстроило все его планы относительно Диаспорекса.

План был превосходен, а Феррус все разрушил.

Мысль мгновенно оформилась и сочилась таким ядом, что Фулгрим поразился ее интенсивности. Да, его возлюбленный братец действовал импульсивно, но он должен был предугадать, что Феррус не сможет удержать свой медузианский нрав.

Нет, ты сделал все, чтобы сдержать его порывистость. Его импульсивность приведет его к гибели.

При этой мысли по спине Фулгрима пробежал неприятный холодок. Эти слова явно были вытащены из самых темных глубин его существа, и они чересчур отчетливо прозвучали в голове. Феррус Манус был его братом и примархом, и,

хотя многих из них Фулгрим считал своими друзьями, не было крепче уз, чем связь между ним и Феррусом.

После победы на Лаэране у Фулгрима все чаще из глубин сознания всплывали неожиданные мысли и вылезали едкие обиды, о существовании которых он и не подозревал. Каждую ночь, лежа на шелковых простынях, он слышал голос, нашептывающий на ухо то соблазнительные мечты, то ужасные, незабываемые кошмары. Сначала он подумал, что сходит с ума, что какой-то последний предательский прием лаэров возымел свое действие и начал разрушать рассудок, но Фулгрим отмел этот вариант как невероятный, поскольку ничто не могло влиять на столь совершенное существо, как примарх.

Потом он подумал, что получает какие-то астропатические послания со стороны, но Фулгрим знал, что лишен психопатического потенциала. Магнус, обосновавшийся на Просперо, унаследовал от отца дар предвидения, но эта особенность возвела преграду между ним и

остальными братьями, поскольку никто не мог поверить, что такие способности даются просто так и не вызывают последствий.

В конце концов Фулгрим пришел к выводу, что голос является выражением его подсознания, одной из граней собственного разума, которая формулировала мысли независимо от его воли, опрокидывая барьеры и срывая покровы, созданные обществом.

Кто еще мог бы похвастаться таким непредвзятым советчиком в своей голове?

Фулгрим понимал, что должен пойти на капитанский мостик, что его Астартес нуждаются в его мудром руководстве, поскольку полагаются на его суждение во всех вопросах, поскольку только его воля определяет характер и направление Легиона.

Так и должно быть; что такое Легион, как не продолжение твоей воли?

Фулгрим усмехнулся этой мысли, протянул руку и прибавил громкость того транслятора, который воспроизводил музыку, записанную в лаэрском храме.

Звуки, лишенные гармонии и мелодии, но неудержимые в своей примитивной мощи, проникали в его самые потаенные глубины. Они будили в нем стремление к лучшему, к новым победам и великим деяниям.

Фулгрим вспомнил, как, вернувшись на поверхность Лаэрана, увидел в храме Бекью Кински. Женщина записывала музыку, стоя с поднятыми руками, а ее лицо повлажнело от слез. Она обернулась, почувствовав его появление, а потом, не в силах устоять перед мощью чуждых звуков, упала на колени.

— Я запишу это для вас! — вскричала она. — Я создам нечто удивительное. Это будет «Маравилья» в вашу честь!

Он улыбнулся этому воспоминанию, зная, что сочиненное Бекьей Кински произведение будет выше всяких похвал. «Ла Фениче» уже сейчас переполнилась новинками из великолепных картин и величественных статуй, преподнесенных теми, кто успел посетить поверхность Лаэрана.

Если у него и появилась тревожная мысль по поводу принадлежности этих

творений, то он давно о ней забыл, но приятное сознание правильности принятого решения осталось.

Величайшей из всех работ должен стать грандиозный портрет самого Фулгрима, заказанный Серене д'Анжело после того, как он увидел начатую художницей картину, посвященную победе на Лаэране. Полотно буквально искрилось избытком эмоций и ассоциаций, и при виде такой красоты сердце сжималось, словно от боли.

С тех пор он несколько раз позировал для Серены д'Анжело, но после уничтожения Диаспорекса надо бы найти время и поработать с ней как следует.

Да, вскоре на «Гордости Императора» будет звучать эхо музыки творения, и его воины донесут ее до каждого уголка Галактики, чтобы все могли получить возможность наслаждаться непревзойденной красотой.

При взгляде в дальний конец зала настроение Фулгрима несколько отрачилось: там валялись куски трактора, оставшиеся от его попытки создать

собственный шедевр. Каждый удар инструмента был произведен с величайшей точностью, и анатомические пропорции фигуры радовали своим совершенством... И все же в скульптуре явно чего-то не хватало, но изъян оказался выше его понимания. Разочарование результатами работы быстро переросло в ярость, и Фулгрим уничтожил статую тремя ударами серебряного меча.

Возможно, Остиан Делафур мог бы указать на его ошибки, но слушать замечания простого смертного претило примарху. Разве он не был создан для того, чтобы стать величайшим из всех живых существ? Все его братья унаследовали характерные черты своего отца, но гнетущее подозрение, что несчастный случай, едва не уничтоживший Детей Императора сразу после рождения, мог вызвать скрытый дефект в его генетическом строении, снова стало преследовать Фулгрима в темноте ночей.

Неужели его естество, так близкое к совершенству с первого взгляда, содержит в себе никому еще не известный зародыш

падения и неудач? Подобные мысли претили ему, но вызванный ими страх мучительной язвой разъедал грудь. Фулгрим чувствовал, что события уже не вполне подчиняются ему. Война на Лаэране была порождена тщеславием, и он это прекрасно понимал, но она была выиграна, и летописцы опишут только его победу. Они умолчат об ужасающих цифрах потерь, которые он не стал обнародовать, но сны Фулгрима полны видений павших воинов, которых он хорошо знал и помнил. А теперь, после удачного рейда кораблей-разведчиков, Феррус нетерпеливо унесся навстречу Диаспорексу и уже приближается к солнечным генераторам.

В душе снова разгорелся уже знакомый гнев на брата, и все воспоминания о братской любви и столетиях дружбы померкли перед этим новым предательством.

Этой хвастливой демонстрацией он позорит тебя и должен понести наказание.

Юлий прислушивался к донесениям,

передаваемым трещавшими громкоговорителями, и наблюдал за офицерами-тактиками, которые сгрудились над картографическим столом с мерцающими зелеными линиями, планируя ход сражения.

После обнаружения «Феррумом» солнечных генераторов Феррус Манус, не советуясь с примархом Детей Императора, приказал кораблям Пятьдесят второй экспедиции на полной скорости отправляться к звезде Кароллис. Диаспорекс в ответ на его демарш ринулся наперехват. В отличие от прошлых столкновений, в этом случае намечался не просто обмен ударами из засады. Юлий понимал, что без своевременного вмешательства Детей Императора кораблям Пятьдесят второй экспедиции не удастся справиться с Диаспорексом.

На капитанском мостике «Гордости Императора» царила тишина, нарушаемая лишь лаконичными репликами команды да гудением механизмов. Юлию отчаянно хотелось, чтобы что-нибудь громкое и неординарное напомнило экипажу, что в

отсутствие Фулгрита все идет не так, как следовало. Словно в рубке зияла непереносимая пустота, обычно заполняемая могущественной фигурой предводителя, но рутинная работа экипажа продолжалась в повседневном режиме, и равнодушие окружающих приводило Юлия в ярость.

Капитан «Гордости Императора» Лемюэль Айзель настолько привык исполнять приказы примарха, что совершенно разучился отдавать собственные распоряжения, а потому просто направил корабли Детей Императора вслед за флотилией Железных Рук. Юлий видел, что без внушительного руководства их господина и повелителя этот воин чувствует себя не в своей тарелке.

Даже капитаны Астартес, казалось, не ощущали отсутствия примарха, и Юлий едва сдерживался, чтобы не взорваться при виде такой неблагодарности. Соломон, только недавно вернувшийся в строй, всецело сосредоточился на тактических планах, а

вот на лице Мария Юлий, к своему немалому удовольствию, заметил выражение непримиримого отвращения. Злость Юлия разгоралась все сильнее, он даже сжал кулаки, настолько сильно хотелось ему взорвать монотонность, воцарившуюся в рубке. Ему вдруг захотелось обрушить кулак на голову кого-нибудь из экипажа, просто для того, чтобы нарушить оскорбляющий чувства порядок.

— С тобой все хорошо? — спросил подошедший к нему Соломон. — Ты выглядишь очень напряженным.

— Да, конечно, я дьявольски напряжен! — огрызнулся Юлий. Звук собственного голоса, наконец принес ему некоторое облегчение, и чрезмерно громкий ответ немного утихомирил разгоравшийся гнев: — Феррус Манус отправил свою флотилию прямо навстречу Диаспорексу, а мы вынуждены тащиться в хвосте, не имея даже плана действий.

Взрыв негодования вызвал немедленное внимание всех присутствующих, и Юлий физически

ощутил, как по его телу разливается бурное ликование. Он видел, что озадачил Соломона, и испытывал приятный трепет, позволив мыслям вырваться из-под контроля.

— Успокойся, — сказал Соломон, сжимая его ладонь. — Да, Железные Руки начали операцию без нас, но если им удастся выманить Диаспорекс — это может стать нашим преимуществом. Мы станем молотом, который разобьет врагов на наковальне Железных Рук.

Мысль о предстоящей битве окончательно погасила недавний гнев, а от перспективы сражаться без намеченного плана по телу прошла дрожь предвкушения.

— Ты прав, — сказал Юлий. — Как раз для этого мы здесь и оказались.

Соломон окинул его несколько недоумевающим взглядом и вернулся к тактическому экрану.

— Теперь уже не долго осталось ждать, — произнес Соломон после короткого размышления.

— Чего ждать? — спросил его Марий.

— Кровопролития, — ответил он, и у

Юлия при этих словах заметно участился пульс.

10
Битва у звезды Кароллис
Оказаться в центре
Новые высоты переживаний

Генераторы, вобравшие в себя энергию солнца, взрывались, словно новые звезды. Огненные облака обломков и высвободившегося потенциала разносились на сотни километров и уничтожали военные корабли, рискнувшие подойти слишком близко ради преимущества в сражении на окраине звездной короны.

Над звездой Кароллис маневрировали и гонялись друг за другом тысячи космических судов. Все они двигались по собственным сложным траекториям, а ослепительные копья огня и светящиеся следы торпед пересекали им дорогу.

Диаспорекс принял навязанное ему Железными Руками сражение и теперь уподобился загнанному зверю, защищающему своего детеныша. Тяжеловооруженные корабли древнего

образца образовали вокруг генераторов защитный кордон, в то время как более мелкие и быстроходные суда прикрытия пытались прорвать блокаду имперских сил и вывести с поля сражения свои драгоценные станции.

Кое-кому удавалось проскочить, но большинство, благодаря отличной работе артиллеристов Пятьдесят второй экспедиции, попадало под прицел, в считаные секунды обращаясь в тучи металлических осколков. Вспыхивали мощные взрывы, распускались огненные цветы, и своей гибелью корабли воспламеняли горючие газы, в изобилии заполнявшие пространство вокруг звезды.

Атаку Железных Рук возглавлял «Железный кулак», пробивая себе дорогу к центру Диаспорекса мощными бортовыми залпами. Батарея за батареей изрыгала полновесные очереди по судам Диаспорекса, и за подбитыми кораблями тянулись длинные шлейфы вытекающего кислорода.

С поверхности звезды Кароллис поднялись потоки ядерных выбросов, облака радиоактивных частиц разлетелись во все

стороны и окутали поле боя огненной пеленой. Небольшие истребители и бомбардировщики не выдержали случайного проявления ярости звезды и взорвались, разбросав вокруг себя горящие тела экипажа.

«Железному кулаку» противостоял корабль чужаков, посылавший из неизвестного орудия молниеносные заряды энергии, которые насквозь прожигали броню имперских судов, выводили из строя системы наведения и даже подчиняли себе батареи противника! Когда корабли Империума нацелили орудия на своих союзников, флотилией овладело смятение, и Феррус Манус, осознав происходящее, снова повернул «Железный кулак» в самую гущу сражения, чтобы с близкого расстояния уничтожить корабль чужаков торпедным залпом.

Корабль чужаков задергался, раздираемый изнутри торпедами, пробивавшими одну переборку за другой и детонирующими в самом сердце судна.

Несмотря на все усилия командиров Диаспорекса, выставленный перед

солнечными генераторами кордон не мог сдержать натиска Железных Рук. Демократичной конфедерации многих рас, прижатой к пылающей короне звезды Кароллис, грозило неминуемое истребление. В отличие от подчиненной стальной воле ферруса Мануса эскадре Империума, капитаны Диаспорекса не могли быстро скоординировать свои действия и не проявили достаточной находчивости, чтобы противопоставить ее яростному натиску примарха.

Сияющий ореол звезды стал могилой для тысяч чужаков и людей Диаспорекса, а Пятьдесят вторая экспедиция продолжала безостановочно лупить батарейным огнем и ракетными залпами, выплескивая гнев, накопившийся за долгие месяцы. Корабли пылали, и если это был действительно конец Диаспорекса, он был достоин увековечения в славных легендах.

«Феррум» воевал в эпицентре сражения, и капитан Балхаан яростно мстил за прошлое поражение. Пользуясь высокой маневренностью своего корабля, он держался в паре с «Железной броней»,

«Феррум» обходил врага с фланга и атаковал уязвимые точки на корме. Сокрушительные залпы выводили из строя двигатели противника, и, когда противник беспомощно зависал на одном месте, «Железная броня» завершала начатое и разрывала обездвиженную жертву на части прицельным огнем бортовых батарей.

Нельзя сказать, что Диаспорекс не собрал свою долю в кровавой жатве. Несмотря на то что сплоченной флотилии противостояли отдельные корабли, уже вскоре после начала сражения немалый урон был нанесен огромным боевым кораблем-гибридом, в котором к конструкции, явно созданной людьми, добавлялись нелепые надстройки, явно достроенные чужаками.

Феррус Манус не мог не отметить момента, когда корабль-гибрид взял на себя командование, и Диаспорекс вновь показал зубы. Координированные залпы артиллерии вывели из строя «Славу Медузы» и в пыль разнесли «Золотое сердце». Дерзкую попытку высадки десанта

на «Железную мечту» удалось отбить, но корабль остался беспомощным и был уничтожен почти случайным залпом с корабля-гибрида.

Самой страшной для имперского флота стала потеря боевой баржи «Металлус». Вражеский энергетический заряд пробил корпус ядерного реактора, и последующий взрыв затмил даже первые взрывы солнечных генераторов.

Ударной волной были подхвачены и сметены в солнечную корону десятки ближайших судов. А когда иссякли языки ядерного пламени, на месте баржи осталось только пустое пространство. Командиры Диаспорекса не замедлили воспользоваться представившейся возможностью.

Уже через минуту корабли прикрытия изменили курс и стали выводить генераторы через эту прогалину.

Это было смелое решение, и вскоре даже тяжелые корабли Диаспорекса попытались выскользнуть из хватки Железных Рук. Да, отчаянный шаг мог принести успех, если бы корабли Детей

Императора не выбрали как раз этот самый момент, чтобы обнаружить свое присутствие, и не начали свою собственную разрушительную работу над судами Диаспорекса.

Десантная капсула задрожала на пусковых рельсах и рванула через космос навстречу гибели — своей или чужой. Соломон, несмотря на притаившуюся в теле боль, с радостью предвкушал предстоящую схватку с врагами, хотя и с большим сомнением воспринял приказ Фулгрима высаживаться на борт корабля Диаспорекса на десантных торпедах.

Обычной для Астартес практикой в космических сражениях были молниеносные удары, наносимые специалистами Легиона по самым критическим системам, как, например, орудийные и машинные отсеки, а затем быстрое отступление. Но на этот раз предстояло овладеть командной палубой и одним решающим ударом покончить с врагом.

Подобные акции и в лучшие времена

представляли немалую опасность, но пересекать пространство между воюющими кораблями в разгар сражения казалось Соломону верхом безрассудства.

Появление Фулгрима в капитанской рубке в самом начале боя вызвало общее изумление — вместо плаща капитана корабля он явился облаченным в полный комплект боевых доспехов, да еще в окружении гвардейцев Феникса.

Броня примарха сверкала свежей полировкой, и на блестящих наколенниках Соломон заметил несколько новых дополнений. Золотой орел по-прежнему сиял с нагрудника, а бледное лицо Фулгрима светилось в предвкушении боя. Однако Соломон заметил, что вместо золотого Разящего Огня на бедре примарха висит серебряный меч из лаэранского храма.

— Феррус Манус развязал эту битву без нашей помощи, — крикнул Фулгрим. — Но закончить ее без нас ему не удастся!

Капитанскую рубку «Гордости Императора» тотчас захлестнула бурная активность, и Соломон ощущал, как волна

энтузиазма, словно заряд электричества, передается от одного воина к другому. Юлий и Марий бросились исполнять приказы примарха, хотя некоторая лихорадочность в их поведении свидетельствовала скорее о нерушимой преданности, чем о расчетливой исполнительности.

Вместо того чтобы завершить уничтожение Диаспорекса издалека, с тактически выгодных позиций, как предполагал Соломон, Фулгрим предпочел приблизиться непосредственно к противнику и приказал кораблям Двадцать восьмой экспедиции продвигаться вперед и сражаться на близком расстоянии.

Поступила информация с «Железной длани» о наличии и расположении вражеского флагмана, и Фулгрим немедленно развернул «Гордость Императора» в его сторону. Феррус Манус мог необдуманно завязать сражение, но Дети Императора завоюют львиную долю славы, вырвав у противника сердце.

Кроме того, сам Фулгрим поведет их

в бой.

Хотя поначалу такая стратегия казалась Соломону чересчур тщеславной и, испытывая отвращение к десантным капсулам, он не мог отрицать радостного возбуждения перед опасной операцией бок о бок со своими товарищами. Напротив него сидел Гай Кафен, полностью сосредоточившись на грядущем сражении и не отрывая взгляда от пульта, контролирующего их головокружительный полет через космическое пространство.

Соломон со своими воинами должен был первым пробить корпус корабля-гибрида и обезопасить ближайшее пространство, а затем Фулгрим с Первой ротой придет им на помощь и будет пробиваться по кораблю к капитанской рубке, чтобы разрывными гранатами уничтожить все средства управления. Предполагалось, что те немногие корабли, еще оставшиеся от Диаспорекса, будут деморализованы гибелью флагмана и не смогут сопротивляться имперским силам.

— Удар через десять секунд, — объявил Гай Кафен.

— Всем приготовиться! — приказал Соломон. — Как только откроется люк, рассредоточьтесь и убивайте любого, кто попадется! Хорошей охоты!

Соломон закрыл глаза и сгруппировался. Капсула врезалась в борт корабля, и компенсаторы смягчили силу удара со смертельной до просто оглушительной. Соломон почувствовал гулкие толчки последовательных направленных взрывов — десантная капсула расчищала себе путь сквозь бронированный корпус.

По корпусу капсулы прокатились гул детонации и стон разрываемого металла. У Соломона потемнело в глазах, а недавно залеченные раны в ответ на удар и резкое торможение отозвались болью. Казалось, прошла целая вечность, пока капсула не остановилась, хотя Соломон и знал, что все было закончено за несколько секунд. Наконец последний снаряд капсулы прорвал внешнюю переборку и нос оказался свободен. Носовой трап с лязгом отошел и опустился в пылающий ад раненого корабля.

— Вперед! — заревел Соломон,

отстегивая ремни и вскакивая на ноги. — Все на выход! Вперед!

Он понимал, что сейчас настал самый благоприятный момент, и выхватил свой болтер ручной работы. Потрясение и ужас, рожденные их появлением, следовало использовать как можно полнее, подавляя любое возможное сопротивление.

По наклонному трапу Соломон выбежал в высокое и длинное помещение с почерневшими от дыма колоннами и отделанными деревянными панелями стенами. Дерево было объято пламенем, несколько колонн разрушилось при ударе десантной капсулы, а остальные скрипели под собственной тяжестью. Все вокруг было затянуто дымом и огнем, но автоматика доспехов Соломона легко компенсировала плохую видимость. По полу разметало останки защитников корабля, разорванные в клочья тела; тяжело раненные — некоторые еще корчились и кричали в агонии. Соломон не стал обращать на них внимания. Вдалеке послышались глухие удары, и он понял, что

через корпус корабля прорываются остальные воины его роты.

Астартес рассредоточились по залу, и движение в отдаленных углах помещения подсказало Соломону, что враги намерены отразить их атаку. Он усмехнулся, зная, что противники опоздали. Одиночные болтерные выстрелы разорвали нескольких противников справа, но с противоположной стороны грянул ответный залп, и один из его воинов упал с дымящимся кратером на месте груди.

Соломон развернул дуло болтера навстречу возникшей угрозе и короткой очередью сбил на пол странное четвероногое существо. Снова раздались выстрелы, в ответ послышались крики, и спустя несколько мгновений весь зал наполнился стрельбой и взрывами.

— Гай, бери вправо и займись той стороной, — приказал Соломон и направился в противоположную сторону.

Команда корабля пыталась ликвидировать брешь в своей обороне. Соломон убил еще одного противника и на этот раз впервые рассмотрел свою цель.

Воины Второй роты шквалом болтерного огня постепенно вытесняли защитников из зала.

Вскоре выходы из помещения были очищены, и Соломон решил осмотреть тело одного из чужаков. Гай Кафен тем временем организовал Астартес для охраны зала на случай контратаки и встречи подкрепления.

Убитый ксенос оказался очень мускулистым четвероногим существом с продолговатой головой и желто-коричневой шкурой, покрытой чешуей, как у змеи, только более жесткой и состоящей из хитина. Его конечности были частично аугметическими. Оказалось, что у него нет глаз, а на месте рта виднелось темное, окруженное зубами отверстие с пучком еще шевелящихся щупальцев в центре. На спине существа крепился странный панцирь, соединенный гибкими кабелями с телом и передними лапами, на которых имелись пальцы.

Прочие ксеносы, похоже, принадлежали к этой же расе, но среди убитых защитников встречались и люди –

– их тела было легко опознать, несмотря на повреждения. Военный союз людей и ксеносов казался Соломону непостижимым парадоксом. Сама мысль о том, что эти странные существа работали, жили и сражались бок о бок с чистокровными представителями народа Старой Земли, вызывала у него отвращение.

– Все готово, – доложил подошедший к нему Кафен.

– Отлично, – кивнул Соломон. – Я не понимаю, как они могли?

– Что – могли? – спросил Кафен.

– Сражаться вместе с ксеносами.

Кафен пожал плечами, хотя в доспехах это движение давалось нелегко.

– Разве это имеет значение?

– Конечно имеет! – воскликнул Соломон. – Если мы поймем, что отвратило их от Императора, мы сможем предотвратить это в будущем.

– Я сомневаюсь, чтобы кто-нибудь из них хотя бы слышал об Императоре, – сказал Кафен, ковырнув носком сапога обугленный труп солдата-человека. – А разве можно отвернуться от того, о ком

никогда не слышал?

— Возможно, они и не слышали об Императоре, но это ничего не объясняет. Союзы с мерзкими ксеносами вроде этого ни к чему хорошему не приведут, и это должно быть очевидно любому человеку. Таков был наш девиз, когда мы присоединились к Великому Крестовому Походу: не оставлять в живых ни одного ксеноса.

Соломон опустился на колени возле убитого солдата-человека и приподнял с пола его голову. Человек весь был покрыт кровью, на месте груди зияла почерневшая дыра. Доспехи воина состояли из искусно сплетенной кинетонити и отражающих энергетические удары пластин. У них был один недостаток — доспехи оказались бесполезны против грубой силы болтерного снаряда.

— Возьми, к примеру, этого человека, — сказал Соломон. — Из его тела течет кровь Старой Земли, и, если бы не его объединение с чужаками, мы могли бы стать союзниками и вместе продолжать Крестовый Поход. Все эти убийства —

бессмысленное уничтожение того, что могло бы быть, уничтожение братских уз, которые могли бы возникнуть между нами и этим народом. Но в борьбе за выживание неоднозначность исключается. Есть только правые и виноватые.

— И он сделал неправильный выбор?

— Неправильный выбор сделали его командиры, и потому он погиб.

— Так ты говоришь, что в неправильном выборе виноваты его командиры, а с этим человеком при других обстоятельствах мы могли бы стать друзьями?

Соломон покачал головой:

— Нет. Зло возможно только в том случае, если люди становятся безучастными наблюдателями и ничего не предпринимают. Мне неизвестно, как Диаспорекс пошел на союз с ксеносами, но, если бы достаточно много людей воспротивилось такому шагу, ничего бы не произошло. Они сами избрали свою судьбу, и я не раскаиваюсь, что убил их. Все воины, выполняющие приказы своих лидеров, обязаны разделять с ними

ответственность.

— А я-то считал мыслителем капитана Вайросеана, — протянул Кафен.

— У меня тоже случаются такие моменты, — улыбнулся Соломон.

Не успел он договорить, как в наушниках шлема раздался голос:

— Капитан Деметр, посадочная площадка готова?

Соломон выпрямился, узнав голос примарха.

— Да, мой господин, — ответил он.

— Готовьтесь, я скоро к вам присоединюсь, — предупредил Фулгрим.

Корабли Диаспорекса, хоть и запертые между звездой Кароллис и объединенными имперскими флотилиями, еще не утратили воли к победе и, пока флагман еще функционировал, не собирались сдаваться.

Все больше и больше генераторов энергии взрывалось, расстрелянные прицельным огнем батарей, а охраняющие их корабли гибли и сгорали в короне звезды. Некоторые мелкие корабли

проскакивали сквозь имперский кордон, хотя их боеспособность не имела решающего значения, но крупные боевые крейсера продолжали сражаться с неутихающей яростью.

«Гордость Императора» вела бой в полном соответствии с рекомендациями тактического руководства, и капитан Лемюэль Айзель, хоть и не отличался особыми талантами, отдавал приказы с методической точностью. Остальные корабли Детей Императора следовали его примеру в построении атак и уничтожали противника элегантными рассчитанными ударами.

В противоположность им, Железные Руки вели бой подобно волкам Медузы — быстрыми выпадами рвали врагов в клочья, что позволило им разрушить больше вражеских кораблей, чем Детям Императора.

«Огненная птица» неслась по сектору сражений, подобно самой прекрасной из птиц, оставляя за собой мерцающие следы срывавшихся с крыльев огней. Струи пламени из двигателей были подобны

хвостам комет, и штурмкатер, казалось, играючи лавирует между летящими снарядами, расчерчивающими звездную корону яркими трассирующими следами.

Два крейсера Диаспорекса очень быстро сообразили, какую опасность несет изящное судно, изменили курс и двинулись наперехват. Паутина трассирующих следов и лазерных лучей опутала «Огненную птицу», и можно было подумать, что штурмкатер уже обречен. Корабль примарха отчаянно лавировал в огненном шторме, но пространства для маневра становилось все меньше, и разрывы снарядов вспыхивали все ближе.

Два крейсера Диаспорекса подошли почти вплотную для решающего, смертельного удара, но в этот момент их накрыла гигантская тень — это между кораблями прошла «Железная длань», выпустив с обоих бортов залпы десятков батарей. На таком небольшом расстоянии обстрел произвел катастрофические разрушения. Первый крейсер разорвало пополам цепью последовательных взрывов, вспоровших бронированный корпус, и

разбитый корабль разлетелся на части, рассыпая фонтаны горящих обломков и шары пламени. Второй корабль прожил достаточно долго, чтобы нанести ответный удар по «Железной длани», уничтожив не одну сотню членов экипажа и нанеся флагманскому кораблю Ферруса Мануса значительный ущерб, но ответный залп превратил крейсер Диаспорекса в гигантский огненный шар.

«Огненная птица», избежав смертельной опасности, промчалась сквозь облако обломков и понеслась к кораблю-гибриду, где уже закрепился Соломон Деметр со своими воинами. Орудия противника отчаянно пытались остановить полет штурмкатера, как будто команда корабля предчувствовала свою ужасную судьбу, летящую к ним на огненных крыльях, но штурмкатер Фулгрима обладал прекрасной маневренностью, и ни один снаряд не задел его корпуса.

Хищной птицей, преследующей жертву, штурмкатер скользнул над отсеком капитанского мостика корабля-

гибрида, выбросил якорные когти и крепко вцепился в обшивку верхней части судна. Ослепительные мелта-заряды прожгли корпус вражеского судна, выпустив из-под брони струи мгновенно замерзающего кислорода. Едва была пробита броня, как гибкое жало шлюзового шланга, спущенного из штурмкатера, пронзило внутреннюю обшивку и образовало герметичный переход, позволивший примарху Детей Императора приступить к кровавой бойне на борту флагмана Диаспорекса.

Юлий последовал за своим примархом и с грохотом спрыгнул на палубу вражеского корабля как раз в тот момент, когда фулгрим обнажил сверкающий серебряный меч. Командир Детей Императора развернулся навстречу сотне или более вражеских солдат, как людей, так и передвигающихся на четырех конечностях странных существ, которые устремились на защиту судна. Сверкнул клинок, и сердце Юлия радостно затрепетало в предвкушении битвы, но фулгрим легко отразил первые

энергетические снаряды, послав их огненные стрелы в стены и потолок.

Из чрева «Огненной птицы» выскочил Ликаон, вслед за ним другие воины Юлия, и все они с благоговением смотрели, как их примарх, живое воплощение битвы, беспощадно разит врагов. При виде сражавшегося Фулгрита у Юлия всегда захватывало дух, а честь биться в одном строю с богоподобным созданием была для него превыше всего.

Фулгрит выхватил свой плазмаган, сработанный в кузницах Урала. Мощь этого оружия была сравнима с солнечным протуберанцем, и Фулгрит выпустил очередь. Ослепительный свет заполнил проход, отразился от его сверкающих серебряных стен, и вот уже доспехи, плоть и кровь противников растворяются в огненном аду.

Вопли агонии сменили воинственные крики.

— Рассредоточиться! Открыть огонь! — крикнул Фулгрит, но его воины не нуждались в приказах.

Рявкнули болтеры, и ряды

защитников заметно поредели. Ответный огонь свалил с ног одного из бойцов Первой роты, но было уже слишком поздно. Из «Огненной птицы» выскакивало все больше Астартес, и свежие силы присоединялись к жестокой бойне.

— Капитан Деметр! — закричал фулгрим в вокс, смеясь и ликуя от радости снова оказаться в бою. — Тебе известна моя позиция. Присоединяйся! Это будет славнейшая из битв!

Соломон вывел своих людей из гигантского зала, внешнюю переборку которого пробила десантная капсула, и быстро стал пробираться по кораблю, направляясь на соединение со своим примархом. До него доносилось приглушенное рявканье болтеров; воины Второй роты спешили вслед своему капитану. Защитники корабля старались предотвратить объединение сил вторжения, и повсюду Астартес встречали яростное сопротивление, но это не производило на них особого впечатления. Капсулы десанта при

абордаже распределились на довольно большом расстоянии друг от друга, и защитники не могли противостоять всем отрядам сразу, не распыляя сил.

Воины Второй роты с боями прорывались сквозь заслоны противника, и чем больше Астартес присоединялось к отряду, направлявшемуся к капитанской рубке, тем стремительнее становилось их продвижение.

Соломон следил за голубыми огоньками на визоре шлема, означавшими местоположение Фулгрима и Юлия, и понимал, что они тоже устремятся к рубке. Как и при любом абордаже, главной задачей всегда было быстрое нанесение удара, закрепление на позиции, отражение контратаки. Соломон знал, что самым кровопролитным из всех десантных вылазок бывает бой за капитанский мостик космического корабля, поскольку этот сектор обычно охранялся сильнее прочих.

Благодаря слепой удаче или таланту Кафена к управлению десантной капсулой, группа Соломона высадилась настолько

близко к капитанскому мостику, что миновала основные преграды, выставленные защитниками. Конечно, наперехват устремятся другие отряды врагов, но, учитывая силы во главе с примархом и Юлием, которые движутся в том же направлении, остановить атакующих уже невозможно.

Соломон замер на пересечении двух коридоров и в одном из них увидел еще одну группу Астартес в доспехах Второй роты.

До этого момента он даже не подозревал, насколько был расстроен невозможностью принять участие в финальной битве на Лаэране.

Если боги войны существовали на самом деле, сейчас они предоставляли ему исключительную возможность завоевать громкую славу. Соломон рассмеялся над этой мыслью и поблагодарил небесных покровителей шутливым кивком. Затем он подошел к углу и, пригнувшись, выглянул. В конце узкого коридора их ожидал очередной рубеж обороны. Около дюжины вражеских солдат удерживали баррикаду, выстроенную из белых

стальных барьеров. За их спинами наверняка скрывались остальные защитники. На потолке перед баррикадой была укреплена турель с орудием, и через щель в стальном заграждении выглядывало дуло тяжелой пушки.

Соломон успел убрать голову, а по коридору пронесся огненный смерч. Воздух наполнился искрами и осколками.

— Что ж, — сказал Соломон, — они неплохо подготовились к встрече. — Обернувшись, он махнул рукой Кафену и протянул ему свой болтер. — Гай, кто-то должен пройти по центру.

Несмотря на то что оба Астартес были в шлемах, реакция Кафена не укрылась от Соломона.

— Дай-ка я догадаюсь, — произнес Кафен. — Неужели опять ты?

Соломон кивнул.

— Мне потребуется ваше прикрытие, — добавил он.

— Ты серьезно?! — воскликнул Кафен и показал на пробоину в металле переборки. — Ты не видишь, на что они способны?

— Не беспокойся, — сказал ему

Соломон. — Все будет отлично, если вы меня прикроете. Только скажи, когда будете готовы стрелять, ладно?

Кафен слегка кивнул:

— Мне понравилось командовать, но не настолько, чтобы дать тебе погибнуть, освобождая мне место.

Соломон обнажил меч и покрутил плечами, готовясь к жестокой схватке лицом к лицу с врагами.

— Ты получишь командование ротой, — пообещал он, — но я не собираюсь здесь умирать.

— Можно мы сначала попробуем забросать их гранатами? — спросил Кафен.

— Если это доставит тебе удовольствие, попробуй.

Через несколько секунд по коридору пролетели три гранаты. Соломон подождал, пока они ударятся о металл. Переходы, ведущие к рубке звездного корабля, были спроектированы так, что человек не смог бы бросить гранату и до половины коридора, но проект создавался за многие века до возникновения Астартес, и

все три гранаты были брошены с такой силой, что легко преодолели расстояние до баррикад. Все три сдетонировали синхронно, и ряды защитников окутало дымом и пламенем.

Не успела пройти взрывная волна, как Соломон выскочил из-за угла и со всех ног рванул прямиком в смерч дыма и огня в противоположном конце коридора. Усиленное зрение Астартес помогло заметить поворот автоматической турели, уловившей цель. Соломон что было сил оттолкнулся и прыгнул, чтобы не попасть под смертоносный огонь.

— Ложись! — крикнул позади него Кафен.

Соломон в прыжке перевернулся через голову и ударился о стальную баррикаду. В узком коридоре вновь загремели болтеры, снаряды заполнили все пространство над головой, и горячий воздух ощутимо хлестнул Соломона по забралу шлема. Он услышал крики умирающих людей. Кафен скомандовал еще один залп, и на этот раз Соломон разобрал треск и скрежет рвущегося металла — стальная защита не

выдержала, и тяжелое орудие было выведено из строя.

Соломон вскочил на ноги, нажал кнопку активации на рукояти, и цепной меч отозвался грозным гудением. Вопли раненых были слышны сквозь треск огня и грохот болтерных снарядов. Деметр оперся свободной рукой на искореженный край баррикады и перепрыгнул ее. В момент приземления он засек движение сбоку и со всего размаху опустил клинок вниз, разрубив обожженного солдата от ключицы до паха.

Не давая врагам опомниться от неожиданного появления противника по эту сторону баррикады, Соломон с яростным криком вспорол мечом грудь следующего защитника.

Меч поднимался и опускался, словно топор дровосека, и гудящее лезвие рассекало тела и примитивные доспехи противников. Выстрелы, произведенные в упор, отскакивали от брони Астартес, и гора трупов росла. Солдаты Диаспорекса, не подозревающие о мощи и опасности Астартес, бросались вперед с безрассудной

отвагой. Не переставая рубить мечом, Солотон работал кулаком и локтем свободной руки, и каждый удар сносил чью-нибудь голову или разбивал грудную клетку.

Через несколько секунд все закончилось, и он опустил окровавленный меч, а по проходу к баррикаде подбежали остальные воины. Доспехи Солотона были густо забрызганы кровью, и почти полсотни солдат противника, растерзанные или обезглавленные, пали к его ногам жертвами неудержимой ярости.

— Ты еще жив? — воскликнул Кафен, послав воинов вперед, чтобы обеспечить безопасность.

— Я же говорил, что не собираюсь здесь умирать, — ответил Солотон.

— А что дальше?

— Мы уже совсем близко, Гай, — сказал Солотон. — После неудачи над Лаэраном разве ты не жаждешь добиться славы? Если мы займем мостик первыми, все будут помнить только эту удачу, а не провал на Лаэране.

Кафен кивнул, и Солотон понял, что

его помощник жаждет славы не меньше его самого.

Соломон радостно рассмеялся.

— Вперед! — крикнул он.

Юлий споткнулся, когда энергетическое копье, словно струя ртути, ударило в наплечник и пронзило керамит. Существо перед ним поднялось на задние ноги, протянуло навстречу угрожающе мускулистые лапы, и вмонтированное в доспехи оружие снова выстрелило. Юлий развернулся, уклоняясь от летящего снаряда, но ощутил тянущийся за ним хвост леденящего холода.

Под желтоватой шкурой на животе существа пульсировало красное пятно, и Юлий устремил клинок в тело атакующего противника. С непостижимым проворством когтистая лапа ударила по шлему и расколола его от темени до подбородка. Зрение Юлия заволокло возникшими помехами, и от удара он откатился в сторону. Вскакивая на ноги, он успел сорвать шлем и выставить перед собой меч.

Упрямая тварь снова бросилась вперед, и Юлий ощутил прилив радости от удовольствия сражаться с противником, достойным его мастерства. Он, словно танцуя, увертывался от смертельно опасных когтей, а в ушах звенел грохот битвы, и кровь, пульсируя, неслась по венам. После разворота от очередного взмаха когтей он резко двинул мечом и опустил его на шею врага, полностью отделив голову от туловища.

Струя яркой артериальной крови окатила доспехи, а ксенос рухнул на палубу. Горячая кровь брызнула на губы, резкий запах чужака ударил в ноздри, и даже гул в голове ощущался удивительно ярко, словно Юлий испытывал боль впервые в жизни.

Вокруг него воины Первой сражались со злобными чужаками, пробивая себе дорогу по серебряным залам к капитанской рубке. Юлий увидел, что Ликаон бьется еще с одним четвероногим великаном, и невольно вскрикнул, когда его помощник от могучего удара рухнул со сломанной спиной на пол.

Он пробился к Ликаону среди сражавшихся, хотя по неестественной позе воина уже понимал, что ничем не сможет помочь. Опустившись на колени, он снял шлем с головы Ликаона и не стал сопротивляться охватившему горю. Его воины к этому времени уже заканчивали истребление обороняющихся.

Хирургически точной операции Детей Императора была противопоставлена яростная контратака безглазых ксеносов, однако благодаря присутствию Фулгрима Астартес продолжали неудержимо продвигаться к цели. Примарх уничтожал противников целыми дюжинами, его белые волосы, словно дым от выстрелов, развевались вокруг лица, но враги не обращали внимания на потери и пытались окружить Фулгрима и гвардейцев Феникса и преодолеть его натиск массовыми ударами.

Их старания не имели шансов на успех, и Фулгрим, смеясь, рубил чужаков сверкающим серебряным мечом, истребляя мускулистых тварей с такой же

легкостью, с какой человек истребляет насекомых. Примарх без труда прорубил дорогу в толпе обороняющихся и повел воинов дальше.

Юлий всегда гордился своими боевыми навыками, но никогда еще не испытывал такой радости от боя, никогда так сильно не наслаждался грубой силой и воинским мастерством.

И никогда так остро не ощущал печаль.

Ему и раньше приходилось терять друзей, но горе сглаживалось сознанием славной гибели собрата от рук достойного противника. Сейчас, глядя в мертвые глаза Ликаона, он чувствовал, как в его душе растут боль и ощущение потери. Но вместе с тем он сознавал, что, как бы он ни тосковал по погибшему другу, зрелище смерти его приятно возбуждает.

Возможно, это было побочным эффектом введенного Детям Императора нового химического препарата или, возможно, последствием посещения лаэрского храма, пробудившего доселе неведомые чувства и поднявшего душу к

новым высотам переживаний.

Какова бы ни была причина, он был рад этой перемене.

Крышка люка, ведущего в капитанскую рубку, и часть стены, разрушенной направленными взрывами, с глухим стуком вывалилась наружу. Из пробоины, словно кровь из раны, вырвалась струя дыма, но Соломон немедля ринулся внутрь. Он уже вернул себе свой болтер и теперь стрелял с бедра, не замедляя шагов. За ним ворвались его воины и рассыпались по сторонам, хотя навстречу уже загремели отдельные выстрелы.

Случайная пуля ударила Соломона по голени, и он, на мгновение потеряв равновесие, упал на одно колено. Помещение капитанской рубки корабля-гибрида напоминало командный пункт «Гордости Императора» настолько, насколько могут быть похожими центры управления звездных кораблей, построенных представителями одной расы. Но если на корабле Фулгрима все было подчинено в равной степени требованиям

функциональности и эстетики, во времена постройки флотилии Диаспорекса этим вопросам не придавали никакого значения. Арки из темного металла делили помещение на сводчатые отсеки, где под присмотром капитана работали различные команды. Сквозь выпуклые бронированные стекла были видны сияние звезды Кароллис и отсветы непрекращающейся битвы. Яркие вспышки взрывов освещали капитанский мостик, словно праздничный фейерверк.

Старинные пульты мигали множеством тревожных огней, и Соломон, глядя на них, решил, что эта технология слишком примитивна по сравнению с той, что используется в Империуме.

Члены команды и солдаты в легких тканых доспехах вели стрельбу из-за наспех сооруженной баррикады, но сколько-нибудь серьезное сопротивление воины Соломона уже подавили болтерным огнем и теперь одиночными выстрелами добивали выживших. Соломон поднялся; грохот битвы уже почти затих, и его воины рассредоточились, чтобы

осмотреть всю рубку.

Оставшиеся члены экипажа беспомощно стояли с поднятыми в знак покорности руками, и на их лицах застыло выражение безропотного смирения. Большинство людей не были вооружены, хотя на некоторых офицерах Соломон заметил нечто вроде церемониальных доспехов, рапиры и легкие пистолеты.

— Забери их, — приказал Соломон, и Гай Кафен отдал распоряжение разоружить пленников.

Капитанский мостик был взят, и корабль принадлежал им. «Мне», — весело усмехнулся Соломон, опустил болтер и воспользовался затишьем, чтобы исследовать странный корабль, несколько тысяч лет назад покинувший Старую Землю.

Под центральным куполом на возвышении стояло командирское кресло с высокой спинкой, и Соломон поднялся, чтобы рассмотреть пристегнутое к нему странное четвероногое существо из породы тех, с кем он недавно сражался. От тела существа тянулись десятки кабелей,

проводов и трубок, и, когда безглазое лицо повернулось в его сторону, Соломон отчетливо ощутил нахлынувшее отвращение.

Вся верхняя половина тела этого создания была залита кровью, и Соломон отметил, что случайный снаряд снес верхнюю половину черепа. Кровь сочилась из многочисленных ран, и было удивительно, как это существо еще живо.

Неужели это капитан корабля? Или пилот? Или навигатор?

Ксенос испустил низкий стон, и Соломон наклонился поближе, чтобы услышать его последние слова, хотя был совершенно не уверен, что поймет их смысл.

Губы зашевелились, и, хотя не было слышно ни одного звука, Соломон различил слова совершенно отчетливо, словно их передали прямиком в его мозг.

Мы лишь хотели, чтобы нас оставили в покое.

— Отойди от этого ксеноса, капитан Деметр! — раздался за его спиной сердитый голос.

Соломон обернулся. В дымящемся проломе взорванной им стены капитанской рубки возвышалась фигура Фулгрима. За спиной примарха он увидел Юлия, с ног до головы покрытого кровью. Соломон невольно вздрогнул, различив на их лицах выражение леденящей ярости.

Фулгрим прошел в рубку; его меч и доспехи тоже были забрызганы кровью чужаков, а в глазах еще пламенело неистовство битвы. Он окинул взглядом капитанский мостик, посмотрел на прозрачный свод, и в темных, непроницаемых глазах отразились блики идущего сражения.

Соломон спустился с платформы.

— Корабль в наших руках, мой господин, — доложил он.

Фулгрим не обратил на него внимания, резко развернулся и, не произнеся ни слова, вышел из рубки.

Покинув капитанскую рубку, Фулгрим старался обуздать свою ярость, но кровь с такой силой пульсировала в голове, что казалось, будто череп может взорваться в

любой момент. Его воины, видя гневно сжатые кулаки и потемневшие вены на алебастровом лице, немного отстали.

Фулгрим до боли сжал пальцы на рукояти меча, в глазах вспыхнули аметистовые искры, а из ноздри вытекла струйка крови.

Это должно было стать его величайшим триумфом!

А теперь все разрушено! Сначала Феррус Манус, а потом еще и Соломон Деметр!

— Нет! — закричал он.

От неожиданного вопля Фулгрима вздрогнули ближайшие Астартес.

— «Железная длань» спасла нас от уничтожения, а капитан Деметр отважно сражался за честь первым войти в рубку!

Спас? Нет, Феррус Манус предотвратил разрушение «Огненной птицы» только ради самоутверждения, а не из добрых чувств. А капитан Деметр... Он присвоил честь, по праву принадлежащую тебе.

Фулгрим тряхнул головой и упал на колени.

— Нет, — прошептал он. — Я не могу в это поверить.

Это правда, Фулгрим, и ты сам это знаешь. В самой глубине сердца ты в этом уверен.

Часть третья
Образы предательства

11
Прорицатель
Аномалия Пардас
«Книга Разума»

В бескрайней пустоте космоса на темном бархате тьмы драгоценным камнем сияла яркая точка. Это был корабль, хотя и не такой, который мог бы быть обнаружен каким-нибудь неугомонным летописцем, посвятившим свою жизнь поискам в Главном имперском либрариуме упоминаний об исчезнувшей цивилизации эльдаров.

Это могучее судно, мир-корабль, обладало изяществом, недоступным человеческим кораблям. Колоссальный корпус состоял из вещества, похожего на старую кость, а его обводы говорили о том, что он скорее выращен, чем построен. Сверкающие, как драгоценные камни, купола отражали слабый звездный свет, а через их полупрозрачные поверхности наружу пробивалось

внутреннее сияние.

Изящные минареты возносились золотисто-белыми кристаллическими друзами, их конусообразные верхушки мерцали, а вдоль бортов корабля, как крылья, простирались широкие внешние доки с элегантными судами, похожими на морские галеоны. К главному корпусу огромного мира-корабля примыкали обширные конгломераты прекрасных зданий, и цепочки мерцающих огоньков создавали над городами великолепные узоры.

Над корпусом огромного корабля реял черно-золотой парус, колеблемый звездным ветром при неспешном маневрировании на одиноком курсе. Мир-корабль плыл в космической ночи, и его величавое движение среди звезд было подобно последнему монологу престарелого трагика перед падением занавеса.

В безбрежных просторах мир-корабль шел, как кочевая звезда, освещающая внутренним светом путь сквозь пустоту космической тьмы.

Лишь некоторые из тех, кто

проводил долгую, полную меланхолии жизнь на борту красивого космического города, знали, что он является домом для немногих уцелевших беглецов с планеты, покинутой целую вечность тому назад, в период ужасной катастрофы. В пределах мира-корабля обитали эльдары, почти полностью исчезнувшая раса, — последние остатки народа, когда-то управлявшего Галактикой, чьи мечты были способны ниспровергать миры и гасить звезды.

Самый большой купол над поверхностью мира-корабля светился изнутри бледным мерцающим сиянием, отражавшимся в бесчисленных хрустальных деревьях, когда-то росших под давно умершими звездами. Сверкающий лес пересекали гладкие тропы, но куда они вели, не знали даже те, кто их прокладывал. Под сводом купола витали отзвуки тихой песни, неслышимой, но удивительно желанной в своем отсутствии. Призраки минувших веков и веков грядущих наполняли купол, поскольку это было место смерти и в какой-то мере

место бессмертия.

В центре рощи кто-то сидел, скрестив ноги, — темный силуэт на фоне сияющих хрустальных деревьев.

Эльдрад Ультран, провидец мира-корабля Ультве, грустно улыбнулся; песня давно умерших прорицателей наполнила его душу в равной мере радостью и печалью. На его продолговатом худощавом лице выделялись узкие овальные глаза; темные волосы, поднятые над изящными заостренными ушами, длинным хвостом спускались на затылок и шею.

Под длинной накидкой кремового цвета на нем была туника из черной мягкой ткани, собранная на талии золотым поясом с драгоценными камнями и сложными письменами.

Правая рука Эльдрада покоилась на стволе хрустального дерева, в толще которого плавали огоньки и порой проступали молчаливые лица. Вторая рука держала длинный посох прорицателя, из материала, похожего на кость, инкрустированный самоцветами и заключающий в себе опасную силу.

Видения приходили снова, на этот раз отчетливее, чем прежде, и все тревожнее. С Эпохи Падения — темного и кровавого времени, когда эльдары заплатили ужасную цену за свою самоуверенность и невероятную терпимость. — Эльдрад был для своего народа проводником в море испытаний и отчаяния, но надвигающаяся на них сейчас катастрофа не имела прецедентов.

Эпоха Хаоса опускалась на Галактику, такая же гибельная, как Эпоха Падения, и столь же неотвратимая.

И все же он не мог отчетливо прозреть будущее.

Да, за время странствий по Пути провидца он не одно столетие наблюдал, как его народ избегает тысячи опасностей, но в последние дни он чувствовал, что его дар изменяет ему после тщетных попыток проникнуть сквозь завесу варпа. Эльдрад уже боялся, что вовсе утратил свой талант, но песня древних прорицателей призвала его под этот купол, успокоила душу и указала истинный путь, точно так же как указала тропу

через лес к этому месту.

Эльдрад позволил своим мыслям покинуть тело, ощутил, как оковы плоти распались, и стал подниматься все выше и быстрее. Он миновал пульсирующую духовную кость корабля и вышел в холодную тьму космоса, хотя его сознание не ощущало ни тепла, ни холода. Звезды, вспыхивая, проносились мимо, а разум летел уже в великой бездне варпа, видел призраки древних рас, забытых даже в легендах, видел семена будущих империй и величайшую энергию последней расы, стремившейся выковать свою судьбу в межзвездном пространстве.

Они называли себя человечеством, хотя Эльдрад знал их под именем тон-ки, грубых и недолго живущих существ, которые распространились по космосу, словно вирус. Едва зародившись на заштатной планетке, они покорили систему своей звезды, а потом ринулись в Галактику. Колонии теряли связь с метрополией и друг с другом, гибли, превращались в цветущие цивилизации. А теперь колыбель человечества

вознамерилась собрать осколки воедино и уничтожить все, что встанет на пути. Невиданная агрессивность и высокомерие людей поражали Эльдрада, и в их сердцах он уже видел семена гибели человечества.

Как могли столь примитивные существа проникнуть в звездные дали и не лишиться разума от осознания собственной незначительности в грандиозной симфонии космоса, оставалось для него загадкой. Однако они обладали такой необузданной самоуверенностью, что мысль о собственной смертности и незначительности не возникала в сознании, пока не становилось слишком поздно.

Эльдрад уже предвидел их гибель, орошенные кровью поля сражений в мире, предназначенном для конца дней и окончательной победы темного избавителя. Если бы они знали о неизбежной судьбе, сошли бы они с этого пути? Конечно нет. Такая раса, как монки, не способна смириться с неизбежностью и всегда будет пытаться изменить то, что изменить невозможно.

Он видел восставших воинов, и предательство королей, и огромное Око, открывшееся, чтобы выпустить могучих легендарных героев, пойманных в ловушку, но вернувшихся к своим собратьям в финальном сражении. Будущее человечества знало войну и смерть, кровь и ужас, но люди опять стремились вперед, убежденные в своем превосходстве и бессмертии.

И все же... Возможно, их судьба не была такой уж неизбежной.

Несмотря на кровопролитие и отчаяние, еще оставалась надежда. Слабый огонек ненаписанного будущего мерцал во тьме, окруженный бесформенными чудищами с огромными желтыми клыками и когтями. Эльдрад видел, что они жаждут загасить огонь самим своим присутствием, но, глядя на угасающее пламя, он видел и то, что могло произойти.

Он видел великого воина с царственной внешностью, могучего гиганта в доспехах цвета морской волны и большим янтарным глазом в центре

нагрудника. Это непобедимое существо пробивало себе путь сквозь толпу мертвецов на зараженной планете, его меч с каждым ударом уничтожал десятки ходячих трупов, и в каждом движении ощущалась мощь Повелителя Распада. Ужасный рок его народа окутывал воина, словно саван, но он об этом еще не знал.

Дух Эльдрада подлетел ближе к огню, пытаясь разгадать личность воина. Порожденные варпом чудовища тотчас заревели, оскалили зубы и замахали когтями, хотя они не могли видеть его духовного воплощения. Варп вокруг него заволновался, и Эльдрад понял, что чудовищные боги бездны не потерпят его присутствия, они поднимут течения варпа и отбросят его сознание обратно к телу.

Эльдрад напряг зрение и заглянул вглубь варпа, насколько мог. Перед ним закружились видения: гигантский тронный зал, огромная богоподобная фигура в сверкающих серебром и золотом доспехах, стерильная палата, скрытая в глубине горы, и предательство, настолько

чудовищное, что своей грандиозностью обжигало душу.

В уши ударили мучительные вопли, и провидец изо всех сил старался понять их, но силы варпа отталкивали дух от ревностно хранимой тайны. Вопли разделились на слова, лишь немногие имели смысл, доступный его пониманию, но их сущность жгла разум яростным огнем.

Крестовый Поход... Герой... Избавитель... Разрушитель...

И громче всех остальных, ярче прочих... Воитель.

В непроницаемой тьме возник свет. Дрожащее огненное копье, словно хвост кометы, пробило черноту на краю системы, стало увеличиваться, набирая яркость и интенсивность. Внезапно копье света превратилось в шар, как будто произошел мощный взрыв, и там, где не было ничего, кроме пустого пространства, появился огромный военный корабль в пурпурно-золотой броне, несущей шрамы недавних сражений.

Следом за «Гордостью Императора», словно захваченные океанским судном водоросли, тянулись угасающие потоки энергии, а корпус после резкого прыжка из варпа в реальное пространство стонал и скрипел. Вслед за большим кораблем появилось несколько судов меньших размеров, и выход каждого из них сопровождался яркой вспышкой странно переливающегося света.

В течение следующих шести часов остальная часть Двадцать восьмой экспедиции закончила переход в реальное пространство, и все корабли выстроились вокруг «Гордости Императора». Лишь одно судно, «Гордое сердце», не несло на своей броне отметин битвы у звезды Кароллис. Это был флагманский крейсер лорда-командира Эйдолона. Он недавно вернулся после операции умиротворения на Поясе Сатира Ланкса и неожиданной войны в составе Шестьдесят третьей экспедиции Воителя на планете под названием Убийца.

После славной победы над Диаспорексом Двадцать восьмая

экспедиция рассталась с Легионом Железных Рук с великой печалью, ведь старые дружеские связи за время совместных действий окрепли и в горне сражений были выкованы новые, еще более прочные дружеские узы.

Военнопленные Диаспорекса, люди, были переправлены в ближайший приведенный к Согласию мир, где обращены в рабство. Ксеносов истребили, их корабли были расстреляны в упор бортовыми залпами с «Гордости Императора» и «Железной длани». Группа механикумов осталась на месте сражения, чтобы заняться изучением всего, что еще осталось от древних технологий человечества, и фулгрим разрешил им присоединиться к Двадцать восьмой экспедиции после окончания исследований.

Задание Пятьдесят второй экспедиции было с честью выполнено, и фулгрим повел свою флотилию в сектор, названный имперскими картографами Аномалия Пардас, куда и планировал направиться после разгрома лаэров.

Об этой области Галактики было

совсем мало известно. Летописи сохранили немногочисленные упоминания об этих местах; среди исследователей космоса ходили мрачные легенды, поскольку ни одного корабля, залетавшего в этот район, больше никогда не видели. Навигаторы остерегались этих областей из-за опасных течений и непредсказуемых колебаний имматериума, которые не давали возможности проложить путь в Аномалии Пардас, а астропаты говорили о непроницаемой завесе, через которую не мог проникнуть их варп-взгляд.

Вся имевшаяся информация была получена от единственного уцелевшего зонда, запущенного еще в самом начале Великого Крестового Похода. В слабом сигнале, полученном с этого разведчика, содержались сведения о наличии в районе Пардас множества миров, готовых к Согласию.

Ни одна из экспедиций не рискнула странствовать по этой таинственной области космоса, но Фулгрим давным-давно заявил, что не оставит ни одного мира, не подвластного силам Императора.

Белое пятно на карте Галактики предоставляло Детям Императора снова доказать свое превосходство и совершенство.

Тренировочные залы Первой роты звенели от лязга оружия и возгласов сражавшихся Астартес. Шестинедельное путешествие к Аномалии Пардас позволило Юлию погоревать о смерти Ликаона и славной гибели других воинов, а также подготовить множество Скаутов, призванных из резерва, чтобы пополнить ряды Астартес. Несмотря на то что они еще не прошли боевое крещение, Юлий тренировал их как Детей Императора, передавая свой опыт и недавно обретенное умение наслаждаться яростью битвы. Воины Первой роты, во всем подражавшие своему командиру, с энтузиазмом восприняли его новое учение, чем доставили Юлию немалое удовольствие.

Свободное время позволило ему также вернуться к чтению, и те часы, когда он не занимался с воинами своей роты, Юлий проводил в залах архива. Он быстро

проглотил труды Корнелия Блейка и, хотя нашел для себя много полезного, был уверен, что еще больше ему предстоит узнать.

В данный момент Юлий, обнаженный по пояс, стоял в одной из тренировочных камер перед троицей механических противников и, пока их разнообразно вооруженные конечности оставались неподвижными, наслаждался предвкушением битвы.

Без предупреждения все три машины пробудились к жизни. Шаровые суставы и вращающиеся карданы на потолочных стойках позволяли им совершенно свободно двигаться по камере. Первым метнулось в сторону Юлия лезвие меча, и он качнулся в сторону, а затем пригнулся под шипастым шаром, летящим в голову, и увернулся от дротика, нацеленного в живот.

Ближайший автомат провел серию жестоких ударов булавой, но Юлий, рассмеявшись, блокировал их поднятой рукой. Боль вызвала на его лице усмешку, он проскочил между двумя противниками и резким движением опрокинул на спину

атакующего. Третий автомат провел короткий боковой удар левой конечностью ему в голову, и Юлий, дернувшись, развернулся на месте.

Он ощутил во рту привкус крови и со смехом плюнул ею в машину, приблизившуюся для смертельного удара. Лезвие автоматического меча, сверкнув в воздухе, нанесло скользящий удар по бедру. Юлий с радостью принял боль и, подойдя ближе, нанес автомату несколько сокрушительных ударов кулаками.

Металл треснул, и машина соскочила с крепления потолочной стойки. Юлий еще смаковал вкус разрушения, когда мощный боковой удар едва не раскроил ему голову. Он упал на одно колено, ощущая, как, реагируя на повреждения, химический препарат в его крови снабжает тело новыми силами.

Меч сверкнул перед глазами, и Юлий, вскочив на ноги, ударил по лезвию ладонью, выбив оружие у противника. Обезоружив автомат, он подскочил вплотную и заключил машину в сокрушительные медвежьи объятия, одновременно

разворачивая его «лицом» к оставшимся врагам. Импровизированный щит получил в «живот» сразу три металлических дротика.

Все три стрелы повредили броню автомата, и он, рассыпав искры, вышел из строя. Юлий оттолкнул его в сторону и устремился к оставшемуся автомату, радуясь жизни, как никогда раньше. Во всем теле звенело наслаждение схваткой, и даже боль разливалась по венам тонизирующей добавкой.

Последняя машина осторожно кружила вокруг Юлия, словно каким-то механическим чутьем понимая, что осталась в одиночестве. Юлий сделал ложный выпад. Автомат качнулся в сторону, и тогда воин в развороте нанес мощный удар ногой по корпусу, пробив броню и оставив машину лежать без движения.

Тряхнув головой, Юлий танцующим шагом, на цыпочках отступил вглубь камеры, ожидая, что автомат быстро восстановится, но машина осталась безучастной, и Юлий понял, что

окончательно ее разгромил.

Внезапно ощутив разочарование, Юлий поднял полусферу тренировочной камеры и вышел в зал. Он даже не вспотел, а радостное волнение в ожидании боя с тремя автоматами осталось лишь в воспоминаниях.

Он закрыл камеру и направился в личную оружейную келью. Сервиторы вскоре отремонтируют разгромленные автоматы. Десятки воинов Астартес продолжали отрабатывать в зале боевые приемы или просто выполняли физические упражнения, чтобы поддерживать совершенство своих тел. Строгая дозировка химических усилителей и генетические усовершенствования помогали телам Астартес сохраняться на вершине физической формы, но новые препараты, добавленные в системы доспехов «Марк IV», требовали физических упражнений, чтобы начать действовать на метаболизм реципиента.

Юлий открыл дверь своей оружейной комнаты, и в ноздри ударил запах машинного масла и полировочной пасты.

Возле одной из голых металлических стен стояла простая кровать. Напротив, рядом с небольшой раковиной, висели его доспехи, а меч и болтер лежали на сундучке в ногах кровати.

Кровь из полученных на тренировке ссадин уже успела свернуться, и Юлий, сняв с перекладины над раковиной полотенце, стер засохшие струпья с тела, а потом вытянулся на кровати, размышляя, что делать дальше.

На металлическом стеллаже рядом с кроватью стояли книги Игнация Каркази: «Отражения и оды», «Медитации на тему об элегическом герое» и «Фанфары объединения». До последнего времени он с радостью их перечитывал, но теперь стихи казались Юлию пустыми и бессодержательными. Кроме произведений Каркази, там стояли и три тома Корнелия Блейка, позаимствованные у Эвандера Тобиаса. Он потянулся к трудам падшего священника.

В руку ему лег тот под названием «Книга Разума», он был самым непонятным из всех произведений Блейка,

прочитанных Юлием. Вдобавок ко всему книгу предваряла биография, написанная анонимным автором, и ее текст замечательным образом иллюстрировал все произведение.

Юлий уже знал, что Корнелий Блейк за свою жизнь успел перепробовать множество занятий: он был художником, поэтом, мыслителем и солдатом — и лишь потом решил принять священнический сан. С самого детства он был прорицателем, и ему являлись картины идеального мира, где воплощались любые мечты и желания. Этот мир он и пытался воспроизвести в своих картинах, прозе и гравюрах со стихотворным текстом.

Младший брат Блейка погиб в одном из множества вооруженных конфликтов, сотрясавших конклав Нордафрик, и автор биографии утверждал, что именно это событие подтолкнуло Блейка к духовной стезе. Позже Блейк приписывал изобретение революционной техники иллюминированной печати своему давно покойному брату, который якобы приходил

к нему во сне.

Даже в бытность священником, что, как полагал Юлий, подразумевало добровольный отказ от многих радостей, Блейк был подвержен мистическим видениям запретных страстей. Более того, было сказано, что один из высших священнослужителей другого ордена, впервые встретившись с Блейком, упал в обморок, увидев такое.

Блейк удалился в монастырь одного из безымянных городков Урша, уверенный, что человечеству будет польза от его трудов. Там он старательно совершенствовал способы выражения своих убеждений.

Юлий прочитал много поэтических произведений Блейка и, даже не будучи ученым, убедился, что в них нет отчетливого сюжета и не соблюдаются рифма и размер. Что больше всего привлекало Юлия, так это вера Блейка в тщетность подавления любых желаний, какими бы фантастическими они ни были. Одно из его главных откровений гласило, что чувственный опыт необходим в

развитии творческих способностей и для духовного прогресса. Не следовало ни избегать переживаний, ни сдерживать свои страсти, ни отворачиваться от ужасов. И ни один порок не должен остаться неисследованным. Без подобного опыта невозможен путь к совершенству.

Влечение и отвращение, любовь и ненависть — все это необходимо для существования человечества. Из этих противоположных потоков энергии происходит то, что священники называют добром и злом. Слова эти, как быстро понял Блейк, теряют всякий смысл при сопоставлении с обещанием прогресса, которого можно достичь, потакая всем человеческим желаниям.

Прочитав эти строки, Юлий рассмеялся, ведь он знал, что впоследствии Блейк был изгнан из религиозного ордена именно за воплощение в жизнь своих убеждений, происходившее на задних дворах и в борделях соседнего городка. Для него не существовало ни порока, ни добродетели.

Блейк верил в наивысшее значение своих видений идеального мира по

сравнению с физической реальностью, он утверждал, что люди должны избирать себе идеалы только в этом, духовном, мире, а не в царстве грубой материи. Его труды вновь и вновь обвиняли благоразумие и власти в том, что они ограничивают и сдерживают духовный рост человечества, хотя Юлий подозревал в этих высказываниях отражение отношения Блейка к правителю государства Урш, воинственному королю по имени Шанг Кхал, который стремился подчинить себе народы Земли с помощью грубой силы.

Открытое высказывание подобных идей в то время было сочтено безумием, но Юлий не мог считать Блейка сумасшедшим; в конце концов его проповеди привлекли множество последователей, считавших его великим мистиком, призванным установить новую эпоху чувств и свободы.

Юлий вспомнил прочитанные афоризмы Зенга, философа, служившего при дворе Аютарков в Индонезийском блоке. Он выступал в поддержку мистиков

и их склонности преувеличивать существующие истины. По определению Зенга, мистик не мог преувеличить несовершенную истину. В дальнейшем он защищал этих людей, говоря: «Называть человека безумцем из-за того, что он рассказывает о духах и видениях, — значит полностью лишать его достоинства только из-за того, что он не вписывается ни в одну рациональную теорию космоса».

Работы Зенга всегда нравились Юлию, как нравилось и его утверждение, что мистики не приносят в мир сомнения и проблемы, поскольку сомнения и проблемы существуют всегда. Мистик, по его словам, не был человеком, творящим тайны, он был тем, кто своими работами разрушает тайны.

Блейк тоже стремился разрушить тайны, которые удерживали человека, не позволяли достичь полного потенциала и разрушали надежду на будущее. Все это ставило его в оппозицию безысходной философии людей вроде Шанга Кхала и деспота Калганна — тиранов, предсказывающих неизбежное скатывание

к Хаосу, в ужасное царство, когда-то бывшее колыбелью творения и неизбежно заключавшее в себе его могилу.

Блейк понимал красоту как окошко в удивительное воображаемое будущее, он проповедовал теории алхимического символизма и, подобно герметистам, верил, что человечество есть божественный микрокосм. Он много читал и вскоре близко познакомился с мистическими традициями, учением пифагорейцев, неоплатониками, верованиями герметистов, каббалой, трудами ученых и алхимиков, таких как Эриген, Парацельс и Бем. Ни одно из этих имен ничего не говорило Юлию, но он был уверен, что Эвандер Тобиас поможет отыскать их труды, если возникнет желание с ними познакомиться.

После освоения столь увесистого научного багажа Блейк оформил свои мировоззрения в величайшей из своих поэм, «Книге Разума».

Эпическое произведение начиналось с повествования о падении Блаженного Человека в водоворот опыта, который

Блейк называл «темным ущельем эгоизма». На всем протяжении повествования человечество билось над проблемой преобразования своих земных страстей в непорочность того, что Блейк называл божественностью. Чтобы помочь развитию процесса, Блейк персонифицировал сущность преобразования и обновления в неистового раздражителя, существо, названное автором орком, и Юлий засмеялся удивительному совпадению. Неужели Блейк мог предвидеть нашествие зловредных зеленокожих, наводнивших Галактику?

Согласно поэме, падение человека отделило его от божественности, и на протяжении многих веков он был вынужден бороться за воссоединение с Богом. Человеческая душа в поэме Блейка утратила целостность и была обречена восстанавливать каждый отдельный элемент по пути к божественности, что находило подтверждение в прочитанных Юлием мифах о Гипетских гробницах. Эти легенды говорили о расчленении

древнего бога Озириса в самом начале времен и о долге человечества собрать воедино все отдельные части, чтобы снова достигнуть духовной целостности.

В работах Блейка Юлий обнаружил передовые идеи свободомыслящих философов, совершенно нехарактерные для подчиненной условностям эпохи. Блейк не мог противостоять реакционным силам, не слушавшим доводы логики, и был вынужден прибегнуть к уловкам образного мышления и облечь идеи в покровы мистики.

Он стал нежеланной персоной и раздражал власть имущих, побуждая людей следовать своим страстям, чтобы не сдерживать духовный рост, и изменить жизнь.

«Знание — это просто чувственное восприятие, — с улыбкой прочел Юлий строки из книги. — Терпимость — это источник всего, что есть в Человеке, а интеллект только сдерживает нашу природу. Достижение величайшего наслаждения и испытание болью есть конечная цель всей жизни».

12
В гордыне нет места безупречности
Рай Бесконечно

Снова все места за круглым столом Гелиополиса были заняты. Огромный амфитеатр освещался только стоящей в центре стола лампадой и факелами на золотых постаментах статуй. Лишь второй раз в жизни Саул Тарвиц прошел через Врата феникса, но он сознавал, как сильно изменился с тех пор, как был впервые принят за столом Братства.

У Врат стоял лорд фулгрим в пурпурной тоге, украшенной стилизованными изображениями феникса, вышитыми золотой нитью. Его длинные волосы были прижаты венком из золотых листьев, а на поясе висел новый меч с серебряной рукоятью. Примарх персонально приветствовал своих капитанов и

поздравил с благополучным возвращением в Братство, чем произвел неизгладимое впечатление на каждого Астартес. Личное внимание, оказанное таким великолепным воином, до сих пор вызывало в груди Тарвица приятное волнение.

Капитан Второй роты Соломон Деметр сидел напротив, и, когда Тарвиц, Люций и лорд-командир Эйдолон прошли сквозь Врата феникса, он приветственно кивнул Саулу. Рядом с капитаном Деметром молча сидел печальный Марий Вайросеан, а Юлий Каэсорон, по другую сторону от Деметра, громко рассказывал о сражениях с ксеносами Диаспорекса, сопровождая речь энергичными жестами, чтобы продемонстрировать какой-нибудь особо удачный удар.

Капитан Каэсорон рассказывал, как он вместе с примархом отбил у защитников капитанскую рубку корабля-гибрида, и тут Тарвиц уловил в глазах Соломона Деметра раздраженный блеск. Тарвиц уже слышал, что первыми ворвались в рубку именно воины капитана Деметра.

Рядом с креслом примарха сидел

лорд-командир Веспасиан, и его глаза при виде благополучно вернувшихся воинов искрились добродушным весельем. Тарвиц улыбнулся в ответ, он и в самом деле очень устал и был рад снова оказаться среди своих братьев, поскольку миссия на Убийце оказалась изматывающей. Мегарахниды оказали жестокое сопротивление, и Лунные Волки тоже в какой-то мере его утомляли.

Тарвиц посмотрел на Эйдолона и тотчас вспомнил напряженную перепалку между лордом-командиром и капитаном Торгаддоном, прибывшим на поверхность Убийцы во главе штурмгруппы Лунных Волков. Хоть Тарвиц и был связан с Эйдолоном клятвой верности, он не мог отрицать удовлетворения от сцены, когда несокрушимый Тарик Торгаддон поставил лорда-командира на место. Позднее Эйдолон сумел восстановить хорошие отношения с Лунными Волками и Воителем, но до сих пор старался не упоминать о своих ошибках на Убийце и прочитанной Торгаддоном нотации.

Люцию тоже не удалось провести

время рядом с Лунными Волками без неприятностей. Поединок с Гарвелем Локеном в тренировочной камере преподнес ему столь необходимый урок смирения, в результате которого у мастера меча оказался сломан нос. Несмотря на все старания апотекариев, кость срослась неправильно, и безукоризненный профиль Люция, по его мнению, был безвозвратно испорчен.

Наконец Врата Феникса закрылись, Фулгрим занял свое место за столом и протянул руки к курильнице.

— Братья, — заговорил он, — именем огня приветствую вас снова в Братстве Феникса.

Все собравшиеся воины повторили жест примарха.

— Мы вернулись к огню, — ответили они хором.

— Как я рад снова видеть вас, сыны мои, — заговорил Фулгрим, одаривая каждого из воинов сияющей улыбкой, которая освещала душу Астартес. — Прошло много времени с тех пор, как наш орден собирался, чтобы поведать друг

другу о храбрости и благородстве наших братьев, но мы снова все здесь, целые и невредимые, и направляемся навстречу новому заданию в малоизученной области космоса. Наши астропаты немного могут рассказать об этих местах, но их трудности нас волновать не должны, мы с радостью воспользуемся шансом продвинуться дальше по пути совершенства.

Тарвиц заметил возбуждение в глазах примарха и ощутил, как оно тотчас передалось ему и зажгло огонь в крови. Даже в самые яркие моменты примарх никогда так сильно не излучал энергию, весь его облик говорил, что Фулгрим наслаждается каждым словом.

— Наши возлюбленные братья вернулись после выполнения миротворческой миссии. Я знаю, как им хотелось бы получить часть славы, обретенной нами в сотрудничестве с Железными Руками, но эти воины и сами стяжали лавры — им выпала честь сражаться против злобных ксеносов бок о бок с Астартес Воителя.

Тарвиц припомнил ход военных действий на Убийце. Как мало было достоинства и величия в поспешной высадке десанта на поверхность, как и молниеносных яростных атак тегарахнидов. Война была жестокой, утомительной и кровавой, и слишком много воинов нашли свою смерть под грозовыми небесами этого мира. Из-за ошибок Эйдолона в ней не было ничего заслуживающего славы, пока не появились Лунные Волки и не приложили свои силы.

А потом прибыл Сангвиний, и Тарвиц не мог без восторга вспоминать, каким великолепным было зрелище сражавшихся рядом Воителя и примарха Кровавых Ангелов. Они оба представлялись ему могущественными богами войны. Вот это было достойно славы, и одержанные ими победы восстановили честь Детей Императора.

— Может, лорд-командир Эйдолон порадует нас рассказом о битве? — предложил Веспасиан.

Лорд-командир встал и коротко поклонился.

— Я расскажу, если вы пожелаете слушать, — сказал он.

Ответом ему стал хор одобрительных возгласов, и Эйдолон улыбнулся:

— Как сказал лорд Фулгрим, на Убийце мы завоевали великую славу, и я покорнейше благодарю вас, мой господин, за разрешение отправиться на спасение наших братьев — Кровавых Ангелов.

Тарвиц при этих словах удивленно заморгал. Он хорошо помнил, что в то время никто не осмеливайся произнести слово «спасение», поскольку оно означало бы поражение Кровавых Ангелов. На орбите планеты допускалось упоминание лишь о «подкреплении».

После нашего прибытия на Сто сорок — двадцать стало ясно, что командующий Сто сороковой экспедицией Матаниал Август не имеет достаточной проницательности, чтобы вести борьбу. Узнав о скором прибытии Воителя, я повел наших воинов на поверхность Убийцы, чтобы обезопасить зону приземления и приступить к спасению

Кровавых Ангелов, которых Август так недальновидно отправил с умиротворяющей миссией.

Если предыдущие слова Эйдолона сильно удивили Тарвица, то теперь, услышав столь искаженные факты, он был просто шокирован. Да, Матаниал Август отправлял свои отряды в опасную зону, пока у него не закончились воины, но на решение Эйдолона высадиться на поверхность Убийцы до прибытия Лунных Волков повлияло отнюдь не благородство, а нежелание разделить славу с элитой Воителя.

Эйдолон продолжал рассказ, описывая первые схватки и последующий разгром тегарахнидов, прилагая все усилия, чтобы возвеличить роль Детей Императора в финальном сражении и преуменьшить вклад Лунных Волков и Кровавых Ангелов.

Как только он закончил, раздались громкие аплодисменты и удары по столу — так собравшиеся воины приветствовали славную победу и подвиги воинов во главе с Эйдолоном. Тарвиц оглянулся на Люция, пытаясь определить его реакцию на

откровенное хвастовство Эйдолона, но лицо его друга оставалось непроницаемым.

— Отличный рассказ, — высказался Веспасиан. — Возможно, позднее мы услышим и о героизме твоих воинов?

— Возможно, — нехотя ответил Эйдолон, но Тарвиц уже понял, что этих рассказов общество никогда не дождется.

Лорд-командир не допустит ни одного слова, противоречащего его версии событий на Убийце.

— Легион может гордиться тобой, Эйдолон, — произнес Фулгрим. — И все твои воины заслуживают похвалы за вклад в победу. Имена погибших будут выгравированы на стенах церемониального зала перед Вратами Феникса.

— Вы оказываете нам большую честь, лорд Фулгрим, — поблагодарил его Эйдолон и занял свое место.

Фулгрим кивком принял его благодарность:

— Пусть отвага лорда-командира Эйдолона перед лицом опасности будет примером для всех нас, и я хочу, чтобы его рассказ стал известен всем воинам. Но мы

собрались здесь еще и для того, чтобы спланировать будущие сражения, поскольку Легион не может почивать на лаврах и жить прошлыми победами. Мы всегда должны стремиться вперед, навстречу новым испытаниям и новым врагам, только так мы сможем доказать свое превосходство.

— Мы оказались в районе космоса, о котором почти ничего не известно, но мы рассеем тьму светом Императора. Здесь есть миры, созревшие для принятия Имперских Истин, и наш долг — привести их к Согласию. Мы направляемся к одному из таких миров, и в честь грядущего покорения я нарекаю его Двадцать восемь — четыре. Позже мы поговорим о том, чего я жду от каждого из вас, а сейчас давайте отпразднуем победу отличным вином!

При этих словах Врата Феникса отворились и в Гелиополис хлынула толпа слуг в простых бледно-кремовых хитонах, несущих амфоры с вином и полные подносы изысканно приготовленного мяса, свежих фруктов, сладостей и великолепной выпечки.

Тарвиц с изумлением наблюдал, как вереницы слуг расставляют вино и кушанья на столы вдоль стен Гелиополиса. Праздновать победу еще до того, как сражение выиграно, было в традициях Детей Императора — так они поддерживали уверенность в своих методах ведения войны, но столь роскошный пир казался Тарвицу проявлением непомерной самоуверенности.

Вместе с другими капитанами он подошел к столам и налил кубок вина, стараясь не встречаться взглядом с Эйдолоном, чтобы не выдать своего неодобрения его оценкой войны на Убийце. Рядом с ним шагал Люций со слабой усмешкой на красивом лице.

— Здорово он все повернул в рассказе об Убийце, а, Саул?

Тарвиц кивнул и оглянулся, чтобы убедиться, что их больше никто не слышит:

— Конечно, это... довольно своеобразный взгляд на события.

— А, в любом случае кого это волнует? — воскликнул Люций. — Если

слава завоевана, пусть она лучше достанется нам, чем проклятым Лунным Волкам.

— Ты до сих пор злишься на Локена за свое поражение в тренировочной камере?

Лицо Люция потемнело.

— Локен не победил меня, — бросил он.

— А мне помнится, я видел, как ты лежал на спине после схватки, — заметил Тарвиц.

— Он сплутовал и нанес удар не по правилам, — возразил Люций. — Предполагалось, что между нами будет благородный поединок на мечах. Когда мы в следующий раз скрестим клинки, я непременно одержу верх.

— Если только до тех пор он не придумает новый трюк.

— Ничего не получится, — фыркнул Люций. Надменность приятеля в очередной раз поразила Тарвица, и он понял, что узы их дружбы значительно ослабли. — В конце концов, Локен просто незаконнорожденный грубиян, как и все прочие Лунные Волки.

— И Воитель тоже?

— Ну, конечно нет, — поспешно ответил Люций. — Но вот остальные ничуть не лучше варваров Русса, неотесанные, без намека на манеры и совершенство, присущего нашему Легиону. На Убийце, кроме всего прочего, было доказано наше превосходство над Лунными Волками.

— Наше превосходство? — раздался рядом чей-то голос.

Обернувшись, Тарвиц увидел, что рядом с ними остановился капитан Соломон Деметр.

— Капитан Деметр, — приветствовал он офицера, наклоняя голову. — Для меня большая честь снова с тобой встретиться. Прими мои поздравления по поводу захвата капитанской рубки командного корабля Диаспорекса.

Соломон улыбнулся и придвинулся ближе:

— Благодарю, но на твоем месте я удержался бы от таких выражений. Не думаю, чтобы лорд Фулгрим был доволен восхвалениями Второй роте. Но это так,

между прочим. Я подошел сюда не для того, чтобы выслушивать похвалы в свой адрес.

— А для чего же? — спросил Люций.

Соломон не обратил внимания на его вызывающий тон:

— Капитан Тарвиц, во время повествования Эйдолона о войне на Убийце я за тобой наблюдал, и мне показалось, что лорд-командир рассказал не обо всем, что там происходило. Мне бы хотелось услышать твою версию событий, если ты понимаешь, о чем я говорю.

— Лорд Эйдолон описал кампанию так, как он ее воспринимает, — нейтральным тоном произнес Тарвиц.

— Ну же, Саул! Ты не против, если я тебя буду так называть? — спросил Соломон. — Со мной ты можешь быть откровенным.

— Почту за честь, — искренне ответил Тарвиц.

— Нам с тобой обоим известно, что Эйдолон выдающийся хвастун, — продолжал Соломон, и Тарвиц поразился откровенности капитана.

— Лорд-командир Эйдолон для вас старший по званию офицер, — вмешался Люций. — И было бы неплохо об этом помнить.

— Я разбираюсь в субординации! — огрызнулся Соломон. — И кстати, я старше тебя по званию. Прошу об этом не забывать.

Люций поспешно кивнул, а Соломон продолжил начатый разговор:

— Так что же в действительности произошло на Убийце?

— Только то, о чем рассказывал лорд-командир Эйдолон, — быстро ответил Люций.

— Это правда, капитан Тарвиц? — спросил Соломон.

— Ты посмел назвать меня лжецом? — возмутился Люций, и его рука метнулась к рукоятке меча, сработанного на Урале в кузницах клана Террават, еще во времена Объединительных войн.

Соломон заметил этот жест и, расправив плечи, повернулся к Люцию лицом, словно ожидая нападения. Если капитан Деметр был выше Люция, шире

его в плечах и, несомненно, сильнее, то мастер меча был более поджар и скор. Тарвиц попытался прикинуть, кто одержал бы победу в такой схватке, но был благодарен судьбе, что она никогда не сможет состояться.

— Я помню, как ты пришел сюда в первый раз, Люций, — сказал Соломон. — Тогда я увидел в тебе задатки отличного офицера и превосходного воина.

Люций расцвел от удовольствия, но Соломон еще не закончил:

— Теперь я вижу, что ошибался. Ты всего лишь подхалим и льстец, не уловивший различия между совершенством и превосходством.

Тарвиц увидел, как лицо его приятеля сделалось багровым, а Соломон продолжал:

— Наш Легион сражается за чистоту помыслов, равняясь на Императора, возлюбленного всеми, но ты не должны стремиться стать таким, как он, поскольку Император — единственный и неповторимый над всеми нами. Не спорю, наши доктрины порой делают нас в глазах

остальных надменными и запальчивыми, но в гордыне нет места безупречности. Никогда не забывай этого, Люций. Урок закончен.

Люций напряженно кивнул, и Тарвиц видел, что ему требуется все самообладание, чтобы не дать гневу вырваться наружу. Краска исчезла с лица Люция, уступив место бледности.

— Благодарю за урок, капитан. Могу лишь надеяться, что когда-нибудь я преподнесу тебе такой же.

Соломон лишь улыбнулся, а Люций коротко поклонился и развернулся, направляясь к Эйдолону.

Тарвиц с трудом удержался от усмешки.

— Ты же понимаешь, что он никогда этого не забудет, — предупредил он Соломона.

— Вот и отлично, — ответил Соломон. — Возможно, он что-нибудь усвоит.

— Я бы не стал на это рассчитывать, — усомнился Тарвиц. — Он не из тех, кто быстро учится.

— В отличие от тебя, не так ли?

— Я стараюсь служить в полную силу своих способностей.

Соломон рассмеялся:

— Надо отдать тебе должное, ты очень тактичен, Саул. Знаешь, при первой встрече я принял тебя за обычного линейного офицера, но теперь начинаю думать, что ты способен на великие дела.

— Благодарю, капитан Деметр.

— Соломон. А поскольку наше собрание закончено, я думаю, мы с тобой можем поговорить.

Красивее планеты, чем Двадцать восемь — четыре, Соломону еще никогда не приходилось видеть. С орбиты поверхность выглядела совершенно мирной; цветущая суша перемежалась кристально-голубыми океанами, а в атмосфере белели спирали легких облаков. Поступившие данные разведки свидетельствовали о том, что воздух планеты пригоден для дыхания и не тронут загрязнениями промышленных выбросов, как в большинстве миров Империума, давно

превратившихся в кошмарный промышленный ад. Кроме того, на планете не было обнаружено никаких признаков разумной жизни.

Для официального признания мира приведенным к Согласию придется подождать более детальных сведений, но пока, если не принимать во внимание один объект, похожий на древние развалины, мир выглядел совершенно необитаемым.

Короче говоря, он был совершенным.

Четыре штурмкатера приземлились на высоких скалах над устьем широкой долины. Над ними вздымались величественные горные вершины, покрытые снежными шапками. Как только осел поднятый кораблями песок, Фулгрим вывел своих воинов на поверхность нового мира, который следовало вернуть в объятия Империума.

Пока Юлий и Марий следили за высадкой своих людей, Соломон вышел из штурмкатера и с надеждой осмотрел горизонт. Лорд Фулгрим вышел вместе с Юлием, а позади Мария спустился с трапа Саул Тарвиц. Астартес рассыпались по

периметру зоны высадки, обеспечивая безопасность, но Соломон уже понял, что такие предосторожности не требовались. Здесь не было никого, кроме них, и не чувствовалось никакой угрозы. Этот мир как будто уже принадлежал им.

Сенсоры доспехов вскоре подтвердили, что атмосфера пригодна для дыхания, и Соломон тотчас снял шлем. Прикрыв глаза, он сделал глубокий вдох, наслаждаясь вкусом воздуха, не прошедшего сквозь бесчисленные фильтры и очистители.

— Ты должен оставаться в шлеме, — заметил Марий. — Мы еще не уверены, что воздух пригоден для дыхания.

— Судя по показаниям датчиков, все в порядке.

— Но лорд Фулгрим еще не снял своего шлема.

— И что?

— Ты должен ждать, пока он не подаст пример.

— Марий, мне не нужен лорд Фулгрим, чтобы определить пригодность воздуха, — сказал Соломон. — И с каких пор

ты стал таким занудой?

Марий ничего не ответил, а лишь отвернулся к воинам, выскакивавшим из штурмкатера с еще ворчавшими двигателями. Солотон покачал головой и устроил шлем на сгибе локтя. Пройдя к краю скальной площадки, он остановился и окинул взглядом простирающуюся внизу долину.

От подножия гор ландшафт разворачивался бескрайним зеленым покрывалом. Густые леса закрывали все, вплоть до срединных склонов хребтов, а по дну долины к далекому побережью лениво текла ослепительно-голубая река. На противоположном склоне долины из зарослей папоротников поднимались остатки сооружения, замеченного автоматом-разведчиком. С того места, где стоял Солотон, развалины были похожи на остатки гигантского свода, но более никаких признаков здания не было заметно.

Со своей обзорной площадки Солотон мог видеть на сотни километров; на горизонте сверкали далекие озера, в

низинах он заметил бродивших животных. Удивительный цветущий мир Двадцать восемь — четыре вдали закрывался дрожащей дымкой, а в чистом небе над головой летали птицы.

Давно не приходилось видеть столь чистого, нетронутого мира.

Подобно большинству Детей Императора, Соломон провел детство на Хемосе — в мире, в котором из-за постоянного пылевого облака, изолировавшего планету от далекого солнца, не существовало ни дня, ни ночи. Все, что он видел, — нескончаемые сумерки и вечно беззвездное небо. И сейчас, при виде прекрасного безоблачного небосклона, его сердце — первое, человеческое — затрепетало.

Жаль, что с приходом Империума все изменится, но эти перемены неизбежно произойдут, как только появится официальная запись о покорении планеты Двадцать восьмой экспедицией во имя Императора. Уже через несколько дней отряды механикумов начнут процесс колонизации и составят проект

использования природных ресурсов. Соломон был лишь простым солдатом, но, глядя на красоту лежащего перед ним мира, он отчаянно хотел, чтобы человечество нашло способ избежать разрушения ландшафта.

Неужели механикумы, вооруженные последними достижениями науки и логики, не могли найти способ добывать ископаемые без обязательных для такой отрасли последствий: загрязнения, перенаселенности и насилия над природой?

Подобные рассуждения были не в компетенции Соломона и не имели для него особого значения. Если эта планета так пустынна, как кажется с первого взгляда, воины вскоре покинут ее, оставив гарнизон Аркайтских гвардейцев командующего Файля, чтобы охранять мир, которому предстоит преобразование во славу Империума.

— Соломон, — окликнул его Юлий, стоявший рядом со штурмкатером.

Деметр отвернулся от великолепного вида и зашагал обратно к месту высадки десанта:

— Что случилось?

— Готовь своих людей, — сказал Юлий. — Мы идем осматривать эти руины.

Интерьер «Ла Фениче» значительно изменился за последние два месяца, отметил Остиан, пригубив второй бокал дешевого вина. Там, где раньше все дышало приглушенным шиком богемы, теперь возник чудовищно раздувшийся театр, словно вышедший из эпохи декаданса. Стены были покрыты позолотой, и каждый скульптор на борту считал своим долгом выставить на вновь возведенных пьедесталах десятки своих работ... Или почти каждый.

Художники работали без устали, создавая на стенах и потолке величественные фрески, а целая армия вышивальщиц трудилась над украшением великолепно расписанного занавеса. Большой участок стены над сценой был оставлен для великого творения Серены д'Анжело, над которым она, по слухам, работала день и ночь. Но Остиан уже

несколько недель не видел свою подругу и не мог подтвердить или опровергнуть эти слухи.

Последняя встреча состоялась около месяца назад, и Серена тогда выглядела просто ужасно. В ней ничего не осталось от той утонченной женщины, в которую скульптор почти влюбился. Они обменялись лишь несколькими словами приветствия, и Серена тотчас поспешно и смущенно попрощалась.

— Я должен пойти и проведать ее, — сказал он самому себе, словно произнесенные вслух слова гарантировали выполнение обещания.

На сцене группа танцоров и певцов скакала под какой-то какофонический грохот, и Остиану лишь оставалось надеяться, что они не считают этот шум музыкой. В центре сцены стояла Коралин Асеник — красивая женщина, летописец и композитор, — которая лишила его возможности посетить поверхность Лаэрана. Именно она была движущей силой этой драматической интриги, а Бекья Кински с напыщенным видом расхаживала

по сцене и орала на танцоров и хористов. Голубые волосы Бекьи метались вокруг лица, словно морские водоросли, а ее одеяние разлеталось от яростных жестов, подкрепляющих слова, адресованные нерадивым исполнителям.

На взгляд Остиана, перемены в «Лафениче» придали помещению нелепый вид — чрезмерные старания превратили эстетически законченный облик во вместилище беспорядочного смешения чувств. Хорошо хоть уголок с баром остался нетронутым; у обезумевших дизайнеров не хватило смелости разрушить насиженное гнездо нескольких сотен угрюмых летописцев, иначе могло возникнуть нешуточное восстание.

Большая часть этих летописцев собралась вокруг громадной фигуры Астартес по имени Люций. Бледнолицый воин развлекал своих слушателей историями о планете под названием Убийца, рассказывал небылицы о Воителе и Сангвинии и о своих великолепных подвигах. Остиану казалось, что столь могучему воину, как Астартес, не

подобает так явственно добиваться похвал у завсегдатаев «Ла Фениче», но свое мнение он предпочитал держать при себе.

Прежде «Ла Фениче» было местом, где можно было расслабиться, но нынешняя какофония и кошачьи завывания, несущиеся со сцены, удостаивались лишь проклятий и жалоб летописцев на злую судьбу, сделавшую их свидетелями подобной трансформации.

— А ты заметил, что все это вытворяют те, кто спускался на Лаэран? — раздался голос над его ухом.

Говорившим оказался плохой поэт по имени Леопольд Кадмус. Остиан несколько раз разговаривал с ним при встречах, но до сих пор избегал любых его произведений.

— Да, заметил, — кивнул Остиан.

В это время орущая толпа пыталась втащить сервитора-грузчика на постамент вместе со скульптурным изображением похотливого обнаженного херувима.

— Отвратительное распутство, вот что это такое, — сказал Леопольд.

— Точно, — кивнул Остиан, хотя

мысленно попытался себе представить, как выглядел бы Леопольд в подобной сцене.

— Я думал, такие, как ты, должны бы в этом участвовать, — заметил Леопольд, и в его голосе Остиан уловил нотки зависти.

Он покачал головой:

— Я тоже так думал, но посмотрел, во что они превратили это место, и решил, что это не для меня.

— Что ты имеешь в виду? — невнятно пробормотал Леопольд, и Остиан заметил, что поэт сильно пьян.

— Посмотри сам, и поймешь, — ответил он, указывая на росписи, украшавшие ближайшую стену. — Краски как будто выбраны слепцом, а что касается сюжета... Я не против некоторого присутствия эротики в искусстве, но здесь сплошная порнография.

— Я вижу, — усмехнулся поэт. — Здорово, правда?

Остиан проигнорировал его оценку и продолжал:

— Ты слышишь эту музыку? Когда я впервые услышал Бекью Кински, то

пришел в восторг от ее исполнения, а сейчас ее «музыку» как будто издает кошка, которую за хвост вывесили за окно, и она царапает по стеклу когтями, пытаясь забраться в дом. Что касается скульптур, то я даже не знаю, что и сказать. Они грубы, вульгарны, и ни одну из них я не назвал бы законченной.

— Что ж, тебе лучше знать, — протянул Леопольд.

— Верно, — ответил Остиан, вздрагивая от воспоминания; совсем недавно он уже слышал эту фразу.

Это был обычный день, и Остиан пытался воплотить свои видения в мраморе, наполняя студию стуком молотка и скрежетом резца. Статуя медленно пробуждалась к жизни, и доспехи воина проступали из мрамора по мере того, как Остиан отсекал все лишнее, не подходившее под его представления о конечном результате. Серебряные руки скульптора скользили по камню, и датчики в кончиках пальцев находили в его толще скрытые изъяны и точки

напряжения.

Каждый удар молотка был тщательно выверен и согласовался с инстинктивным чутьем, любовью и уважением к создаваемому образу и мрамору, с которым работал скульптор. После торопливого начала, когда его действиями руководил гнев, возникшие впоследствии спокойствие и уважение смягчили его атаку на мрамор, и Остиан уже ощущал удовлетворение при виде зарождающейся красоты.

Он отступил от мраморной глыбы и внезапно почувствовал чье-то присутствие в загроможденной студии. Обернувшись, он увидел гиганта — воина в пурпурно-золотистых доспехах и с длинной золотой алебардой в руке. Украшения на броне воина были намного изящнее, чем у всех Астартес, которых Остиану доводилось видеть. На голове воина сверкал крылатый шлем, а визор был выполнен в виде головы хищной птицы.

Остиан растерянно снял с лица респиратор. Вслед за первым воином в студию вошли еще пятеро таких же

Астартес. Затем появился грузовой сервитор с большим подносом, на котором под белой тканью угадывались три предмета неопределенной формы. Остиан мгновенно узнал великолепную форму гвардейцев Феникса, элитных гвардейцев примарха.

Затем в студию вошел Фулгрим, и при виде величественного воина Остиан окончательно оцепенел. На повелителе Детей Императора была простая тога винно-красного цвета, расшитая пурпурными и серебряными нитями. Бледное лицо примарха было припудрено, глаза обведены черной тушью, а серебристо-белые волосы зачесаны назад и сплетены в сложно уложенные косички.

Остиан упал на колени и склонил голову. Ему еще никогда не приходилось находиться в такой близости от примарха. Да, он видел командира Детей Императора и раньше, но это появление в студии и взгляд темных глаз, обращенных прямо на него, на мгновение лишили Остиана дара речи и способности управлять своими мыслями.

— Мой господин... — начал Остиан.

— Прошу тебя, встань, мастер Делафур, — сказал Фулгрим и подошел ближе, так что Остиан ощутил резкий запах ароматических масел. — Такой гений, как ты, никогда не должен становиться передо мной на колени.

Остиан медленно поднялся и попытался заглянуть в лицо примарха, но обнаружил, что не в силах сделать это.

— Ты можешь смотреть на меня, — произнес Фулгрим.

Остиан неожиданно ощутил, что примарх как будто контролирует его движения. Теперь голова повернулась без всякого усилия. Голос Фулгрима звучал восхитительной музыкой, он произносил каждый слог с такой безукоризненной отчетливостью и интонацией, что любое другое произношение казалось бы грубым косноязычием.

— Я вижу, что твоя работа продвигается, — сказал Фулгрим, обходя траморную глыбу и остатривая первые следы резца. — Я с нетерпением буду ждать ее завершения. Скажи, это будет

портрет какого-то определенного воина?

Остиан кивнул. Он пытался, но не мог подобрать слов — они словно разлетались в присутствии этого величественного существа.

— И кого же? — спросил Фулгрим.

— Это будет портрет Императора, возлюбленного всеми, — произнес Остиан.

— Император — это достойный объект, — заметил Фулгрим.

— Я подумал, что столь превосходный трактор достоин изобразить Императора.

Фулгрим кивнул, закрыл глаза и продолжал обходить статую, касаясь трактора руками, совсем как Остиан несколько минут назад.

— У тебя редкий дар, мастер Делафур... Оживить такой камень. Могу ли я сделать нечто подобное?

— Мне говорили, что вы обладаете редким талантом скульптора, мой господин.

Фулгрим улыбнулся и слегка покачал головой:

— Да, я могу высекать красивые вещицы, но сделать их живыми... Это

разочаровывает меня, и я пришел обратиться к тебе за помощью.

— За помощью? — удивился Остиан. — Я не понимаю.

Примарх жестом подозвал сервитора-носильщика, и один из гвардейцев Феникса снял с подноса ткань, открыв три скульптуры, высеченные из бледного мрамора.

Фулгрим взял Остиана за плечо и подвел его к сервитору. Все три статуи изображали воинов, и по знакам отличия, вырезанным на их нагрудниках, было ясно, что это капитаны рот.

— Я вознамерился создать скульптурные портреты каждого из моих капитанов, — объяснил Фулгрим. — Но после того как закончил работу над третьей скульптурой, я почувствовал что-то неладное, как будто упустил какую-то важную деталь.

Остиан осмотрел скульптуры, отметил чистые линии и удивительную деталировку, вплоть до прекрасно переданного выражения лиц всех трех капитанов. Все черты были

безукоризненны, и на мраморе не осталось ни единого следа резца скульптора, словно каждая скульптура была разом отлита в идеальную форму.

И все же, несмотря на совершенство произведений, Остиан не ощущал волнения, ожидаемого при взгляде на подлинное творение мастера. Да, скульптуры были совершенны, но тем не менее в них чувствовался какой-то изъян. Несмотря на техническое совершенство линий, в них не было ничего от самого создателя, никакой человечности, которая могла бы привлечь зрителя и зажечь искру в душе художника.

— Они превосходны, — наконец сказал он.

— Не лги мне, летописец, — предостерег его Фулгрим, и от резких ноток в его голосе Остиан поежился.

Ледяной взгляд примарха пронзил его насквозь, и Остиан ощутил, как холод пополз по позвоночнику.

— Что вы хотите от меня услышать, господин? — спросил он. — Скульптуры превосходны.

— Я хочу знать правду, — ответил

фулгрим. — Правда, как скальпель хирурга, причиняет боль, но излечивает.

Остиан пытался подобрать слова, которые не обидели бы примарха, поскольку не мог решиться на столь неслыханное проявление неуважения. Да разве кто-нибудь мог даже мысленно оскорбить такое великолепное существо?

Нерешительность Остиана не укрылась от глаз примарха, и он ободряющим жестом похлопал его по плечу:

— Хороший друг, указывающий на наши ошибки и несовершенства, достоин уважения, как если бы он открыл тайну спрятанных сокровищ. Я разрешаю тебе говорить откровенно.

Слова примарха прозвучали совсем не громко, но они, словно магическим ключом, открыли выход мыслям Остиана, которые он не решался облечь в слова.

— Мне кажется, что они... слишком совершенны, — произнес он. — Как будто в их создании участвовал только разум, а не сердце.

— Разве может быть вещь слишком

совершенной? — спросил Фулгрим. — Любой предмет, отличающийся красотой и благородством форм, без сомнения, является продуктом расчетов и логики.

— В искусстве это не совсем так, талант должен затрагивать сердце, — ответил Остиан. — Можно работать с самой совершенной во всей Галактике техникой, но, если при этом не испытывать страсть, занятие станет пустой тратой времени.

— Есть такое понятие, как совершенство, — бросил примарх. — И цель нашей жизни состоит в его достижении и развитии. Все, что преграждает нам путь, мы отбрасываем в сторону.

Остиан покачал головой. Он вдруг слишком увлекся своими мыслями, чтобы заметить нарастающий гнев примарха.

— Нет, мой господин. Если художник во всем стремится к совершенству, у него ничего не получится. Человеческая сущность по своей природе не стремится к совершенству.

— А как же твоя собственная работа? — спросил Фулгрим. — Разве в ней

ты не стремишься к совершенству?

— Люди, настаивающие на совершенстве, многое теряют. Они не в состоянии его достичь, но продолжают искать, — ответил Остиан. — Если бы я работал только ради достижения совершенства, моя скульптура никогда не была бы закончена.

— Что ж, тебе лучше знать, — проворчал Фулгрим.

Внезапно Остиан с ужасом осознал, что вызвал неудовольствие примарха. Глаза Фулгрима сверкали черными жемчужинами, вены на висках пульсировали от сдерживаемой ярости, и Остиан испугался, заметив на лице примарха выражение глубочайшей тоски.

Он слишком поздно понял желание примарха заставить красоту мрамора или картины подчиниться строгим требованиям безукоризненного совершенства, желание убрать со своего пути все лишнее. Слишком поздно Остиан осознал, что, спрашивая совета, Фулгрим не ждал истин, он желал лишь восхищения своими произведениями и медовой лести,

чтобы подкрепить свое гигантское самолюбие.

— Мой господин... — прошептал Остиан.

— Все это чепуха, — прервал его Фулгрим. — Я вижу, что не зря пришел с тобой поговорить. Я больше никогда в жизни не прикоснусь резцом к мрамору, поскольку это было бы пустой тратой времени.

— Нет, господин мой, я не это...

Фулгрим поднял руку, заставив скульптора замолчать:

— Благодарю за потраченное время, мастер Делафур. Продолжай работу над своей несовершенной статуей.

Примарх Детей Императора в сопровождении гвардейцев Феникса покинул студию, оставив Остиана дрожать от страха при мысли о том, что он, сам того не желая, заглянул в душу Фулгрима.

Остиан услышал, что к нему кто-то обращается, и поспешно стряхнул оцепенение, вызванное воспоминаниями о визите примарха. Подняв голову, он увидел

перед собой бледнокожего Астартес.

— Я Люций, — сказал воин.

Остиан кивнул:

— Я знаю, кто ты.

Люций самодовольно улыбнулся:

— Мне сказали, что ты дружен с Сереной д'Анжело. Это правда?

— Полагаю, это так, — ответил Остиан.

— Тогда не мог бы ты проводить меня в ее студию? — спросил Люций.

— Зачем?

— Разумеется, я хочу, чтобы она нарисовала мой портрет, — усмехнулся Люций.

13
Новая модель
Нетронутый мир
«Мама Джуана»

Апотекарий Фабий, облаченный в хирургическую робу, склонился над пациентом, лежащим на операционном столе, и кивнул медицинским сервиторам. Они приподняли автохирурга до уровня коммуникационного устройства, висевшего у Фабия на поясе, и защелкнули зажимы. Теперь нервная система апотекария непосредственно управляла автохирургом.

В сущности, устройство предоставляло ему несколько различных, независимых друг от друга конечностей, выполняющих команды его мозга. Эти помощники делали свою работу намного точнее и быстрее, чем любой ординатор или медсестра. Кроме того, сегодняшнюю операцию Фабий пожелал провести вне досягаемости чьих-либо глаз; его манипуляции и намерения не всем

пришлись бы по вкусу.

— Тебе удобно, мой господин? — спросил Фабий.

— Ты еще заботишься о моем удобстве! — сердито бросил Эйдолон, явно чувствуя себя неловко и уязвимо на операционном столе.

Лорд-командир, готовясь доверить себя скальпелю Фабия, снял не только доспехи, но и одежду и теперь лежал на холодном металле полностью обнаженным.

Вокруг него шипели и урчали различные механизмы, а шею покрывал слой антисептического геля. Холодный голубой свет флюоресцентных ламп придавал коже мертвенно-бледный оттенок, а на полках по всему апотекариону стояли стеклянные колбы с отвратительными на вид кусками плоти, о назначении которых Эйдолон не имел ни малейшего представления.

— Очень хорошо, — кивнул Фабий. — Как я понимаю, ты уже поговорил со своими подчиненными капитанами насчет дополнительных операций по аугметации?

— Поговорил, — подтвердил Эйдолон. — Я думаю, в течение нескольких недель они доложат тебе о своем согласии.

— Отлично, — прошипел Фабий. — У меня найдется что им предложить!

— Сейчас не время об этом думать, — заметил Эйдолон.

Мощное седативное средство уже начало действовать, и его голос звучал совсем тихо и слегка неразборчиво. Фабий проверил на мониторе показатели метаболизма лорда-командира и добавил в систему еще несколько капель смеси, в состав которой входило средство и его собственного изобретения.

Взгляд Эйдолона беспокойно следил за яркими линиями на экране, а на лбу заметно заблестела испарина.

— Я вижу твое нежелание расслабиться, мой господин, — произнес Фабий.

Холодный свет блеснул на многочисленных лезвиях скальпелей, висевших наготове над телом Эйдолона. Лицо лорда-командира перекосилось от гнева.

— А как ты думаешь, апотекарий? Ты собираешься располосовать мое горло и вставить имплантат, о назначении которого ты мне так и не сказал.

— Это модифицированная трахея, она будет соединена с твоими голосовыми связками и позволит испускать нервно-паралитический крик, похожий на крик некоторых лаэрских воинов.

— Ты собираешься имплантировать мне орган ксеносов?! — в ужасе воскликнул Эйдолон.

— Не совсем так, — хищно усмехнувшись, ответил Фабий. — Хотя там есть частицы генома ксеносов, но я выращивал орган на геносемени Астартес, и при определенных условиях он мутировал. В сущности, я собираюсь вживить тебе совершенно новый орган, который ты можешь включать и выключать по своему усмотрению.

— Нет! — крикнул Эйдолон. — Я не хочу! Не надо мне никакой операции, если ты собираешься имплантировать взятую у ксеносов гадость!

Фабий покачал головой:

— Боюсь, отступать уже поздно, мой господин. Фулгрим одобрил мою работу, а ты потребовал, чтобы я занялся тобой после твоего возвращения. Ты ведь сам этого хотел. Ну да, стать моим первым триумфом, стать сильнее, быстрее и опаснее, чем прежде!

— Но не такой ценой, апотекарий! — протестовал Эйдолон. — Прекрати свои манипуляции!

— Я не могу этого сделать, Эйдолон, — равнодушно произнес Фабий. — Сейчас препараты лишат тебя возможности двигаться, а имплантат может погибнуть, если не будет пересажен в функционирующее тело. Зачем сопротивляться? Когда я закончу, ты почувствуешь себя гораздо лучше.

— Я тебя убью! — пригрозил Эйдолон.

Фабий с улыбкой наблюдал, как лорд-командир пытается освободиться. Но все его попытки ни к чему не привели — снотворное продолжало поступать в организм, а стальные зажимы прочно удерживали тело на металлическом столе.

— Нет, Эйдолон, — заговорил Фабий, — ты меня не убьешь, поскольку я только выполняю данное тебе обещание. Ты станешь еще опаснее, чем прежде. А еще тебе не стоит забывать, насколько опасна жизнь воина и сколько еще раз тебе придется лежать под моим скальпелем, пока этот Крестовый Поход не закончится. Ты еще не передумал меня убивать? Позволь лекарству овладеть твоим организмом, а когда ты проснешься, ты станешь для нашего любимого Легиона образцом нового скачка к совершенству!

Фабий улыбнулся, и скальпели опустились.

Еще до того, как они добрались до противоположного склона долины, Соломон понял, что интересовавший их объект вовсе не был руиной, на его поверхности не было никаких следов разрушений, и ничто не указывало на присутствие поблизости других сооружений. Но он не смог подобрать другого подходящего названия для необычной постройки и решил, что пока будет называть ее руиной.

Изогнутое сооружение, похожее на плечо лука, поднималось на высоту около двенадцати метров, а основанием ему служила овальная платформа из гладкого, похожего на фарфор, вещества, как и вся остальная часть руин. Изящно изогнутое сооружение явно было построено чужаками, хотя в нем и не было такой вызывающей чужеродности, как в архитектуре лаэров.

В конце концов Соломон решил, что непонятный объект даже красив.

Перед приближением к цели Астартес снова разошлись веером вокруг своих лидеров. Соломона охватило странное предчувствие, поскольку постройка не создавала впечатления давным-давно покинутого здания. Чего стоило только состояние ее поверхности: на камне не было ни единого пятнышка, ни мха, ни плесени и гладкие грани блестели, словно недавно отполированные.

— Что это? — спросил Марий.

— Не знаю, — признался Соломон. — Может, указатель?

— Указатель чего?

— Границы, например, — предположил

Саул Тарвиц. — Только между кем?

Соломон обернулся посмотреть, как к этому относится фулгрим, и испытал потрясение, увидев на щеках примарха дорожки слез. Рядом с ним стоял Юлий, и его лицо тоже блестело от слез. Соломон оглянулся на своих приятелей-капитанов, но они были ошеломлены таким зрелищем не меньше, чем он.

— Мой господин! — воскликнул Соломон. — Что... что-нибудь случилось?

Фулгрим покачал головой:

— Нет, сын мой. Не тревожься, я ведь плачу не от боли или горя, это красота вызвала на моих глазах слезы.

— Красота?

— Да, красота, — подтвердил фулгрим и, обернувшись, распростер руки, словно обнимая окружающий их пейзаж. — Этот мир невозможно сравнить ни с чем встреченным за все время странствия, не так ли? Где еще вы видели подобные чудеса, блистающие таким совершенством? К этому миру нечего добавить, и, если бы это было возможно, я бы поверил, что это место открылось нам

не случайно.

Соломон проследил за взглядом примарха, увидел те же самые красоты природы, окружающие их, но не смог понять чувства, что овладели его командиром. Стоявший рядом Юлий согласно кивал на каждое слово Фулгрима: из четырех присутствующих капитанов он один ощущал то же самое, что и примарх.

Возможно, Марий в отношении шлема был прав, поскольку в атмосфере, вероятно, имелся какой-то странный элемент и действовал на примарха. Но любое вещество, способное поразить примарха, без сомнения, сказалось бы и на всех остальных Астартес.

— Мой господин, может, нам стоит вернуться на «Гордость Императора»? — предложил Соломон.

— Еще рано, — ответил примарх. — Я хочу остаться здесь еще немного, поскольку мы вряд ли вернемся на эту планету. Мы введем этот мир в наш реестр и двинемся дальше, оставив это место нетронутым. Испортить такую

красоту было бы преступлением.

— Мой господин, — удивился Соломон, — как это — двинемся дальше?

— Так, сын мой, — улыбнулся Фулгрим. — Мы покинем эту планету, чтобы никогда не возвращаться.

— Но вы уже обозначили ее как Двадцать восемь — четыре, — заметил Соломон. — Теперь этот мир принадлежит Императору и должен подчиняться его законам, которые даны нам для того, чтобы выполнять их неукоснительно. Оставить планету без вооруженного гарнизона для поддержки Согласия и защиты от врагов противоречило бы задачам нашей миссии.

Фулгрим повернулся лицом к Соломону:

— Мне известны задачи нашей миссии, капитан Деметр. И тебе нет необходимости напоминать мне о них.

— Нет, конечно, мой господин, но факт остается фактом. Оставить планету незанятой противоречило бы требованиям Императора.

— А ты говорил с Императором на

эту тему? — сердито спросил Фулгрим, и Соломон почувствовал, что под напором гнева примарха все его возражения испарились. — Ты хочешь сказать, что знаешь его волю лучше, чем я, один из его сыновей? Это я стоял рядом с Императором и Хорусом на поверхности Алтения, когда его обитатели расплавили полярные льды и затопили свой мир бескрайним океаном, уничтожили природную красоту, создаваемую миллиардами лет, лишь бы она не досталась нам. Тогда Император сказал, что нельзя повторять подобных ошибок, поскольку завоеванная Галактика, превращенная в пустыню, будет нам бесполезна.

— Лорд Фулгрим прав, — произнес Юлий. — Мы должны оставить это место в неприкосновенности.

Поддержка Юлия только укрепила решимость Соломона, поскольку в голосе своего товарища он услышал лишь неприкрытую лесть.

— Я согласен с капитаном Деметром, — вмешался в разговор Саул

Тарвиц, и никогда еще Соломон так не радовался ни одному голосу. — Красота планеты не должна влиять на условия приведения мира к Согласию.

— Согласны вы или нет, это несущественно, — проворчал Марий. — Лорд Фулгрим сказал свое слово, и наш долг повиноваться его воле. Таков закон иерархии.

Юлий кивнул, а Соломон все еще не мог поверить, что он и Тарвиц так легко решились на поступок, который можно расценить как неповиновение Императору.

На протяжении двух последующих недель корабли Двадцать восьмой экспедиции обнаружили еще пять миров, похожих на Двадцать восемь — четыре, но каждый раз флотилия уходила, не объявляя их собственностью Императора. Соломон Деметр каждый раз приходил в замешательство перед столь явным нежеланием примарха исполнять волю Императора относительно этих пустых планет, но ни один человек, кроме Саула Тарвица, казалось, не находил ничего

необычного в том, что такие райские места оставались в неприкосновенности.

Кроме того, чем больше времени проводила флотилия в районе Аномалии Пардас, тем больше крепло убеждение Соломона, что эти миры не покинуты, напротив, они ожидали своих обитателей. У него не было никаких фактов в подкрепление этой догадки, кроме ощущений. Увиденные им миры поражали своим совершенством, словно они намеренно были созданы для сохранения природных богатств.

Все меньше и меньше времени посвящал он беседам с Юлием, поскольку капитан Первой роты все свободные часы проводил либо с примархом, либо в архивных залах. Марий, вероятно, вернул утраченное на Лаэране расположение примарха — теперь Фулгрима на поверхность открытых миров сопровождали в основном воины Первой и Третьей рот.

Новым приятелем Соломона стал Саул Тарвиц, и они довольно много времени проводили вдвоем в

тренировочных залах. Этот Астартес непоколебимо считал себя обычным линейным офицером, но Соломон видел в нем зачатки величия, даже если сам Саул об этом не догадывался. Во время тренировочных боев он старался выявить его потенциал и разжечь огонь амбиций. Саул Тарвиц при возможности мог бы стать великим лидером, но его командиром был Эйдолон, и только лорд-командир имел право судить о возможностях своих воинов. Соломон посылал бесчисленные рапорты в интересах Тарвица, но все они остались без ответа.

После того как четвертая планета была оставлена без гарнизона и имперского губернатора, Соломон попросил о встрече лорда-командира Веспасиана. Они направились в Галерею Мечей, торжественный церемониальный зал, где траморные изваяния павших героев свысока смотрели на своих преемников.

Галерея Мечей занимала центральную часть «Андрония», боевого крейсера, который Фулгрим считал своим

вторым флагманом, и здесь, в присутствии мертвых героев, воины находили уединение и вдохновение.

Веспасиан стоял перед высеченным в камне изображением лорда-командира Иллиоса, воина, сражавшегося бок о бок с Фулгримом против диких племен Хемоса. Именно он немало помог превращению их родного мира из жестокого обиталища смерти и нищеты в центр культуры и просвещения.

Воины обменялись рукопожатием, и Соломон заговорил первым:

— Приятно видеть дружеское лицо.

Веспасиан приветливо кивнул:

— А ты наделал немало шума, мой друг.

— Я просто оставался честным, — заметил Соломон.

— В наши дни это не лучший способ поведения, — сказал Веспасиан.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты знаешь, о чем я, — ответил Веспасиан. — Так что давай не будем играть словами, а поговорим откровенно, хорошо?

— Это меня устраивает, — согласился Соломон. — Мне всегда было жаль времени на словесное фехтование.

— Тогда я буду говорить открыто и надеюсь, что тебе можно доверять. Я опасаюсь, что с нашим Легионом происходит что-то ужасное. Мы стали слишком заносчивыми и высокомерными.

Соломон кивнул:

— Я согласен с тобой. Легион уверился в своем превосходстве. Я слышу это слово так часто, что чувствую, как стирается его смысл. От Саула Тарвица я узнал кое-что из того, что происходило на Убийце, и если хоть половина из его рассказов правдива, значит, среди других Легионов уже возникла неприязнь к Детям Императора из-за нашего непомерного самомнения.

— Ты не догадываешься, с чего это все началось?

— Я не совсем уверен, — пожал плечами Соломон. — Но мне кажется, перемены начались после операции на Лаэране.

— Верно, — согласился Веспасиан. Он

повернулся и прошел к лестнице, ведущей к корабельному апотекариону. — Я тоже считаю, что причина кроется где-то там, хотя и не представляю, что могло вызвать столь трагическую трансформацию.

— Я слышал множество разговоров о храме, захваченном лордом Фулгримом, — сказал Соломон. — Возможно, там было нечто поразившее вошедших внутрь воинов, какая-то зараза или излучение, изменившие их мысли. А вдруг у лаэров в храме обитали какие-то неведомые силы, вызывавшие распадок их разума, и они перекинулись на наш Легион?

— По-моему, это звучит несколько надуманно, Соломон.

— Может, так, а может, и нет. Ты видел, как переделали «Ла фениче» по приказу лорда Фулгрима?

— Нет.

— Знаешь, мне не довелось увидеть лаэрский храм изнутри, но, судя по тому, что я о нем слышал, «Ла фениче» быстро превращается в его копию.

— Зачем лорду Фулгриму

понадобилась копия храма ксеносов на борту «Гордости Императора»? — удивился Веспасиан.

— Почему бы тебе не узнать у него самого? — спросил Соломон. — Ты лорд-командир и имеешь право говорить с примархом.

— Я обязательно поговорю, Соломон, хотя до сих пор не представляю, какое отношение ко всему происходящему имеет лаэрский храм.

— Может, все дело в том, что это именно храм?

Веспасиан все еще был настроен скептически:

— Неужели ты предполагаешь, что наших воинов поразили их божества? Я не потерплю разговоров о всякой нечисти в этой обители павших героев.

— Нет, — поспешно ответил Соломон. — Я не говорю о божествах, но мы оба знаем, что существуют злобные существа, способные просочиться из варпа. А вдруг храм и есть такое место, где им легче всего проникнуть в наш мир? Что, если силы, обитавшие в лаэрском храме,

вместе с воинами перебрались на корабль?

Два воина несколько долгих секунд молча смотрели друг на друга.

— Если ты прав, — наконец заговорил Веспасиан, — что мы можем с этим сделать?

— Я не знаю, — признался Соломон. — Тебе необходимо поговорить с лордом Фулгримом.

— Я попытаюсь, — пообещал Веспасиан. — А что будешь делать ты?

Соломон невесело усмехнулся:

— Сохранять твердость духа и во всех ситуациях оставаться честным.

— Не слишком определенный план.

— Другого у меня нет, — сказал Соломон.

Серена д'Анжело с восхищением смотрела, с какой невероятной скоростью и безграничной фантазией продвигается реконструкция «Ла Фениче». Еще недавно унылый и обветшалый театр заиграл новыми красками, а музыка лилась как будто из глубины ее собственного сердца. Над декорациями работали художники

всех направлений, и от результатов их стараний у Серены захватывало дух.

Глядя на проявления ошеломляющего таланта, Серена осознала, как много ей еще надо работать над своими произведениями и как ничтожны ее собственные способности. Огромные портреты лорда Фулгрима и Люция, стоящие в студии, показались ей смехотворно ничтожными в своей незавершенности и мучили Серену своим несовершенством. Ей позировали столь великолепные воины, а она была не в состоянии смешать краски до нужного оттенка! Это повергало художницу в новые глубины самоуничижения и отчаяния. Кожу рук и ног сплошь покрывали рубцы от заточенного мастихина — Серена постоянно обогащала краски своей кровью. Но этого оказалось недостаточно.

Каждая капля крови сохраняла яркость лишь на короткое время, и Серена опасалась, что ей не удастся закончить картину или ее произведение будет осмеяно, как недостойное занять

предназначенное место.

Она закрыла глаза, мысленно пытаясь вызвать свет и краски храма на парящем атолле, но воспоминания ускользали, расплывались и не давали возможности сосредоточиться. Ее кровь улучшила краски картины, и тогда Серена обратилась к другим, еще более экстравагантным средствам из собственного тела, чтобы достичь большего эффекта.

Ее слезы делали светлые тона светящимися и переливающимися, кровь добавляла огня к красным оттенкам, тогда как испражнения придавали черному такую глубину, о существовании которой Серена раньше и не догадывалась. Каждый новый цвет будил в ней новые ощущения и страсть, доселе ей незнакомые. Ей ни разу не пришло в голову, что подобные эксперименты еще несколько месяцев назад вызвали бы сильнейшее отвращение. Серена поддалась всепоглощающей страсти, желая достичь новых высот, новых уровней ощущений, и на пути к ним забывала об испытанных чувствах, словно о

тимолетных сновидениях.

Рыдая от разочарования, она сломала еще один мольберт, и хруст дерева, треск разорванного полотна и боль от острых обломков доставили мгновенное удовлетворение, но радость испарилась уже через пару секунд.

Она больше ничего не могла отдать, ее тело было истощено до предела и не способно больше на новые чувства. Но едва она пришла к такому выводу, как появилось решение.

Серена прошла вглубь «Ла Фениче», к барной стойке, где, несмотря на поздний час, нашли себе убежище многие летописцы, а кое-кто явно расположился за столиками на всю ночь. Она узнала некоторые лица, но ни к кому не подошла, а продолжила искать достойный своего внимания объект.

Она рассеянно провела рукой по волосам. Длинные пряди утратили прежний блеск и красоту, но по крайней мере перед выходом она причесала их и стянула в хвост, чтобы выглядеть достаточно презентабельно. Взгляд

Серены блуждал по лицам посетителей бара, и она улыбнулась, увидев Леопольда Кадмуса, в одиночестве сидящего за столиком одной из кабинок с бутылкой какого-то темного пойла.

Пройдя через весь бар, она подошла к его кабинке и скользнула за столик. Леопольд настороженно поднял голову, но, увидев усевшуюся рядом с ним женщину, просиял. Серена выбрала для посещения бара самое открытое платье да еще добавила яркую подвеску на длинной цепочке, чтобы приковать внимание к груди, и Леопольд не обманул ее ожиданий. Его покрасневшие глаза мгновенно обратились к глубокому вырезу.

— Привет, Леопольд, — заговорила Серена. — Меня зовут Серена д'Анжело.

— Я знаю, — отозвался Леопольд. — Ты подружка Делафура.

— Правильно, — весело кивнула она. — Но не будем сейчас о нем вспоминать. Давай поговорим о тебе.

— Обо мне? — удивился он. — Почему?

— Потому что я прочитала кое-что из твоих стихов.

— А... — мгновенно поскучнев, протянул Леопольд. — Что ж, если ты пришла, чтобы меня покритиковать, не стоило тратить время. У меня нет сил для очередного спора.

— Я не критик, — сказала она, дотрагиваясь до его руки. — Мне понравилось.

— Правда?

— Правда.

Глаза у Леопольда загорелись, и прежнее выражение полупьяного лица сменилось трогательным отчаянием. Подозрительность все еще боролась в его душе со слабой надеждой.

— Я бы очень хотела услышать твое собственное исполнение, — сказала Серена.

Он отпил из бутылки порядочный глоток.

— У меня при себе нет ни одной из моих книг, но...

— Ничего страшного, — прервала его Серена. — У меня есть одна в студии.

— Похоже, тебе нравится работать в таком беспорядке, — сказал Леопольд и

сморщил нос от запахов в ее студии. — Как ты здесь что-то находишь?

Он осторожно пробирался по краю рабочего пространства, перешагивая через разбитые склянки с краской, обломки деревянных рам и обрывки холста. Критическим взглядом Леопольд окинул несколько картин, еще висевших на стенах, и Серена поняла, что они не произвели на него никакого впечатления.

— Я полагаю, все артистические натуры склонны к беспорядку, — сказала она. — А ты как работаешь?

— Я? Совсем не так, — ответил Леопольд. — Я работаю в крохотной каюте, с блокнотом и пером, которое отдыхает добрую половину времени. Студии имеются только у самых значительных летописцев.

Горечь в его голосе вызвала в ее теле нервную дрожь.

Кровь громко стучала в висках, и Серене приходилось прикладывать усилия, чтобы контролировать дыхание. Она наполнила два стакана темно-красной жидкостью из бутылки, купленной у

маркитанта на нижней палубе специально для этого случая.

— Наверное, мне повезло, — сказала она, пробираясь через завалы мусора. — Хотя, наверное, мне стоило бы хоть чуть-чуть навести здесь порядок. Я не думала, что сегодня вечером вернусь в студию не одна, но, как только увидела тебя в «Ла Фениче», поняла, что хочу с тобой поговорить.

Он с улыбкой принял ее лесть и предложенный стакан и с любопытством посмотрел на густую жидкость.

— Я... я тоже не ожидал, что кто-то проявит интерес к моей работе, — сказал он. — Я попал в Двадцать восьмую экспедицию почти случайно, когда разбился один из челноков, перевозящий избранных поэтов из мериканского улья.

— Хватит глупостей, — оборвала его Серена и подняла свой стакан. — У меня есть тост.

— И за что же мы выпьем?

— За счастливое крушение, — усмехнулась Серена. — Если бы не оно, мы могли никогда не встретиться.

Леопольд кивнул и осторожно пригубил напиток, но, найдя его превосходным, снова заулыбался.

— Что это? — спросил он.

— Это называется «Мама Джуана», — объяснила Серена. — Это смесь рома, красного вина и меда, приправленная золотым корнем.

— Звучит экзотично, — заметил Леопольд.

— Говорят, это очень сильный афродизиак, — промурлыкала Серена, одним долгим глотком осушила стакан и швырнула его в стену.

Леопольд вздрогнул от звона разбитого стекла. Остатки вина оставили на стене длинные красные потеки. Ободренный откровенным проявлением ее желания, он выпил вино и бросил стакан на пол, после чего нервно рассмеялся, словно не в силах поверить своей удаче.

Серена шагнула ближе, взяла его обеими руками за шею и прильнула к губам. Он на мгновение напрягся в ее руках, озадаченный неожиданной страстью, но в

процессе поцелуя быстро расслабился. Леопольд даже положил руки ей на бедра, и Серена тотчас прижалась к нему всем телом.

Так, сцепившись, они стояли, пока Серена могла это вынести, а потом она увлекла его на пол и стала срывать одежду, попутно опрокидывая оставшиеся флаконы с красками и мольберты. Ощущение рук Леопольда на теле было ей отвратительно, но даже это вызывало желание кричать от радости.

В какой-то момент Леопольд прервал поцелуй, из прокушенной Сереной губы закапала кровь, а на глупом лице появилось выражение легкой тревоги. Но Серена уже крепко прижалась к его телу, перевернула на спину, взобралась сверху, и они совокуплялись, словно дикие звери, прямо посреди разгромленной студии.

Наконец его глаза расширились и бедра стали содрогаться от спазмов. Серена, протянув руку, нащупала заточенный мастихин.

— Что?.. — только и успел произнести Леопольд, когда она полоснула лезвием по

его шее.

Кровь брызнула из раны, и поэт забился в агонии.

От конвульсий Леопольда густая красная жидкость разбрызгивалась, покрывая Серену с ног до головы, но она, охваченная новыми ощущениями в своем теле, только засмеялась. Леопольд продолжал отчаянно извиваться под ней, его руки беспомощно цеплялись за нее, а под ним уже собралась большая лужа крови. Серена продолжала снова и снова вонзать нож в его шею. Спустя несколько мгновений он затих, а наслаждение Серены переросло в бурный взрыв.

Она оставалась на его теле, пока оно не начало остывать. Тогда Серена скатилась на пол; ее плоть отяжелела, а сердце в груди выбивало безумную дробь.

В растерзанном горле поэта булькнула загустевшая кровь, и Серена улыбнулась, почуяв запах предсмертных испражнений его кишечника и мочевого пузыря. Еще некоторое время она лежала неподвижно, наслаждаясь ощущениями убийства, бурным током крови и

теплотой в ее теле.

Какие еще шедевры она сможет создать на полотне, имея такой материал?

На тридцатый день после прибытия Двадцать восьмой экспедиции в район Аномалии Пардас разрешились многие вопросы, возникшие при обнаружении чудесных, но незаселенных миров. «Гордое сердце», идущее в авангарде флотилии, первым поймало сигналы неизвестного корабля.

Новость мгновенно разлетелась по всей флотилии, и спустя несколько секунд все корабли были готовы к бою: орудийные порты открыты и торпеды заряжены в пусковые механизмы. Чужой корабль не проявлял никаких признаков враждебности, и «Гордость Императора», несмотря на возражения капитана Летюэля Айзеля, устремилась вперед, чтобы присоединиться к «Гордому сердцу».

Тогда и на флагмане Детей Императора засекли присутствие вражеского судна, хотя офицерам-

тактикам приходилось прилагать все усилия, чтобы изображение не исчезло с монитора.

Многократно повторенные запросы вызвали только волны помех, зато астропаты флотилии доложили о внезапном помутнении их варп-зрения, подобном тому, которое в этом районе сводило к нулю все усилия навигаторов.

В конце концов передовые корабли флотилии подошли на дистанцию прямой видимости к одинокому кораблю, но и тогда его изображение на экранах оставалось совсем слабым и слегка размытым.

Подлинные размеры чужака было невозможно определить, но корабельные логисты заявляли о длине от девяти до четырнадцати километров. Над корпусом волной изгибалась широкая треугольная пластина, словно натянутый парус. Как только чужой корабль достиг центра обзорного иллюминатора, в вокс-системах раздался кристально чистый голос, говорящий на чистом имперском готике.

— Мое имя Эльдрад Ультран, —

произнес голос. — Приветствую вас от имени мира-корабля Ультве.

14
На Тарсис
Природа гения
Предостережение

Соломон внимательно следил за высадившимися членами эльдарской делегации, за каждым их невероятно плавным и быстрым движением. У всех воинов за спиной висели два изогнутых меча и на поясе — легкие пистолеты. Светлые шлемы придавали им грозный вид, ярко-алые плюмажи стекали на плечи, а гладкие пластинчатые доспехи были изготовлены из того же, похожего на кость, вещества, что и руины на планете Двадцать восемь — четыре.

— Не слишком внушительный вид, — прошептал Марий. — Сильный ветер может запросто переломить их пополам.

— Не стоит их недооценивать, — предупредил Соломон. — Это опасные воины, и их оружие смертоносно.

Слова приятеля вряд ли убедили

Мария, но он кивнул, признавая авторитет капитана, поскольку тот уже встречался с воинами эльдаров.

Соломон вспомнил сражения в продуваемых всеми ветрами девственных лесах Ца-Чао, где Лунные Волки вместе с Детьми Императора воевали против пиратских шаек эльдаров. Первые отдельные стычки быстро переросли в кровавую войну в дебрях леса, когда оружие стало бесполезным и основными средствами были грубая сила и неудержимая ярость. Он помнил ужасный свист лезвий, летящих с вершин деревьев, и пронзительные крики, от которых холодела кровь. В памяти всплыла еще одна картина, когда один из Лунных Волков при помощи куска заржавевшей от дождя проволоки задушил безымянного предводителя ксеносов.

Кроме того, Соломон вспомнил и огромных чудовищ, ростом превосходивших дредноуты, наводнивших леса, словно легендарные великаны. Они крушили Астартес ударами кулаков, а бронированные передвижные средства

уничтожали выстрелами из установленных на плечах пушек.

Нет, Соломон отлично знал, что эльдаров нельзя недооценивать.

Встреча с мирок-кораблем стала для Двадцать восьмой экспедиции полнейшей неожиданностью, и враждебная настороженность ощущалась до тех пор, пока не стало ясно, что у эльдаров нет агрессивных намерений. Сам Фулгрим лично разговаривал с их Эльдрадом Ультраном — существом, заявившим, что он «ведет мир-корабль», но не признавшим себя предводителем эльдаров.

Сразу начался сложный обмен предложениями и контрпредложениями, поскольку ни одна сторона не желала принимать чужаков на борту своего судна. Соломон, Юлий, Марий, Веспасиан и Эйдолон собрались в личных покоях Фулгрима, и тотчас послышались настойчивые призывы к войне, среди которых голос Соломона был наиболее громким. Почему они до сих пор не атаковали эльдаров, как предписывала доктрина завоевания Вселенной?

Покои Фулгрита были известны изобилием картин и статуй, но на этот раз Соломон пришел в замешательство, увидев у противоположной стены свое скульптурное изображение, стоящее между статуями Юлия и Мария.

— Это же ксеносы! — настаивал он. — Какая еще нужна причина, чтобы начать против них военные действия?

— Соломон, ты же слышал, что сказал лорд Фулгрит, — ответил ему Юлий. — Мы можем многому научиться у эльдаров.

— Юлий, я не верю своим ушам. Мы с тобой вместе сражались на Ца-Чао, и ты прекрасно видел, на что они способны.

— Хватит! — крикнул Фулгрит. — Я принял решение. Я не верю, что эльдары пришли с враждебными намерениями, поскольку у них здесь только один корабль, а у нас — целая флотилия. Они предлагают свою дружбу, и я намерен считать это предложение искренним, пока не будет доказано обратное.

— Все вероломные враги начинают с того, что предлагают свою дружбу, — не

унимался Соломон. — Это притворство, они считают нас за дураков.

— Сын мой, — обратился к нему Фулгрим, беря за локоть, — каким бы мудрым ни был человек, в его юности всегда найдутся неприятные поступки или слова, которые он с радостью стер бы из памяти, будь у него такая возможность. Я не желаю испытывать чувство вины за то добро, которое мог бы совершить, но не совершил.

Таким образом, спор был завершен, и все, кроме Эйдолона и Юлия, были отпущены к своим подразделениям. Дальнейшие переговоры с эльдарами продолжались все так же безрезультатно, пока Эльдрад Ультран не предложил встретиться на планете под названием Тарсис.

Такое решение обе стороны сочли приемлемым, и корабли Двадцать восьмой экспедиции вслед за миром-кораблем совершили неторопливый переход через район Пардас еще к одному прекрасному зеленому миру, который был так же необитаем, как и предыдущие.

Координаты высадки на поверхность были согласованы с «Гордостью Императора», и после недолгих препирательств по поводу численности обеих делегаций стороны пришли к соглашению.

Штурмкатер достиг поверхности Тарсиса, когда солнце уже склонялось к горизонту. Астартес приземлились на вершине пологого холма, у края обширного леса, возле развалин, которые можно было принять за остатки жилого здания. Едва рассеялись поднятые кораблем облака пыли, Соломон тотчас увидел встречающих эльдаров, хотя экспедиционные наблюдатели не заметили никаких признаков челнока или капсулы, запускаемой с мира-корабля.

Глядя на эльдарскую делегацию, Соломон испытывал самые мрачные предчувствия. Фулгрим первым вышел из штурмкатера, рядом с ним остановились лорды-командиры Веспасиан и Эйдолон, а Юлий, Марий, Саул Тарвиц и Соломон остались сзади, прикрывая тыл.

Эльдары собрались вокруг изогнутого сооружения, подобного тому, что Соломон

видел на Двадцать восемь — четыре. Группа из четырех воинов, в доспехах цвета кости, с высокими плюмажами на шлемах, расположилась вокруг «полуарки», и у каждого над плечами торчали рукоятки неизменных изогнутых мечей. Позади них виднелись высокие фигуры в темных доспехах и с огнестрельным оружием, и две машины, сильно смахивающие на танки, охраняли периметр. Под корпусами зависших над землей машин воздух дрожал и волновался, крутились маленькие смерчи из пыли.

В центре группы чужаков, за низким столиком из темного дерева, сидел, скрестив ноги, худощавый эльдар в высоком бронзовом шлеме. В руке он держал длинный посох, а рядом стоял гигант, похожий на те военные машины, что произвели неизгладимое впечатление на Соломона в сражениях на Ца-Чао. Этот воин держал длинный меч, длиной не меньше чем в рост Астартес, а его гибкие конечности таили в себе затаенную мощь. Золотой шлем воина полностью скрывал черты его лица, но Соломон был уверен,

что воин смотрит прямо на него, и смотрит с презрением.

— Ну и сборище! — прошептал Юлий, и в его голосе Соломон услышал еле сдерживаемое нетерпение.

Соломон ничего не ответил. Он слишком напряженно следил за малейшими признаками угрозы.

Ты думаешь, это тот самый?

— Я не знаю, — ответил Эльдрад на вопрос Кираэна Златошлемного, прозвучавший в его голове. — И это меня тревожит.

Судьбы еще не ясны?

Эльдрад отрицательно покачал головой. Он понимал, насколько беспокойно чувствует себя могучий дух на встрече с тон-ки, устроенной по настоянию Эльдрада. Давно ушедший воин советовал атаковать корабли людей сразу после пересечения границы пространства эльдаров, уничтожить еще до того, как они догадаются о присутствии противника, но Эльдрад чувствовал, что эта встреча станет особой.

— Я знаю, что это существо будет играть важную роль в разворачивающейся кровавой драме, но не могу сказать, будет ли он на стороне добра или зла. Его мысли и будущее скрыты от меня.

Скрыты? Как это может быть?

— Не знаю точно, но мне кажется, что темные силы, к которым прибег Император при создании примархов, делают их похожими на призраков варпа. Я не могу прочесть ни его мысли, ни будущее.

Он мон-ки; у него нет иного будущего, кроме войны и смерти.

Эльдрад ощущал ненависть мертвого воина ко всем людям, поскольку именно клинок человека прервал его жизнь и превратил в призрака, заключенного в панцирь могучей военной машины. Он попытался не позволить облаку гнева затуманить суждения могучего духа о людях, но это было нелегко, учитывая кровавую историю этой расы.

Да, мон-ки были примитивной расой и жили только ради завоеваний, но эти люди повели себя необычно, и Эльдрад

отчаянно надеялся, что у этого фулгрима хватит мудрости, чтобы донести предостережение до Правителя Человечества.

Ты знаешь, что я не лгу, — настаивал Кираэн. — Ты ведь сам это видел: великую войну, в которой тон-ки вцепятся в глотки друг другу?

— Да, я это видел, великий, — кивнул Эльдрад.

Тогда зачем стремиться ее предотвратить? Какое нам дело, что тон-ки погубят себя в огне и крови? Пусть воюют, ведь жизнь одного эльдара дороже тысячи их жизней!

— Я согласен, — сказал Эльдрад. — Но мне открылась мрачная тьма далекого будущего, когда наше нежелание вмешиваться обернется нашей гибелью.

Надеюсь, что ты прав, прорицатель, и это не просто твоя самонадеянность.

Эльдрад поднял голову, посмотрел на собравшихся на склоне воинов и ощутил трепет в душе. Он тоже на это надеялся.

Фулгрим без долгих разговоров повел

своих воинов вниз по склону. Примарх великолепно смотрелся в сверкающих боевых доспехах и ярко-золотом плаще, отражавшем заходящее солнце. Серебристые волосы были тщательно заплетены в косички, а поверх них блистал золотом лавровый венок. Пудра сделала его кожу бледнее, чем обычно, на щеках розовели мазки розовой краски, а глаза были подведены изящными черными штрихами.

Фулгрим отправился на встречу при оружии, на его поясе висел серебряный меч, но, на взгляд Соломона, его господин был одет скорее для дворцового церемониала, нежели для переговоров с вероятным противником.

Но Деметр оставил свое мнение при себе. Дети Императора благополучно спустились с холма, эльдар в темном одеянии легко поднялся с земли и поклонился Фулгриму. Он снял свой бронзовый шлем, и Соломон напрягся, заметив на лице ксеноса мимолетную усмешку.

— Добро пожаловать на Тарсис, —

произнес эльдар после официального поклона.

— Твое имя Эльдрад Ультран? — спросил Фулгрим, ответив на поклон.

— Да, — подтвердил Эльдрад и повернулся к военной машине. — А это великий дух Кираэн Златошлемный, один из самых уважаемых в мире-корабле предков.

Соломона снова пробрала дрожь; короткий кивок могучей военной машины с равным успехом можно было расценить и как приветствие, и как угрозу.

Фулгрим поднял голову, взглянул на возвышающегося призрака и в знак уважения к воину ответил таким же кивком. Эльдрад заговорил снова:

— А по твоему росту и внешности я могу догадаться, что передо мной Фулгрим.

— Лорд Фулгрим, примарх Детей Императора, — встрял Эйдолон.

Соломон снова заметил тень улыбки, и сжал зубы, ожидая реакции на почти откровенное оскорбление.

— Я прошу прощения, — спокойно

произнес Эльдрад. — Я не хотел никого обидеть или проявить неуважение. Я просто намеревался вести диалог согласно добродетелям, а не рангам.

— Извинения приняты, — заверил его Фулгрим. — Твое замечание совершенно правильно, не рождение и не ранг, а добродетели отличают людей. Мой лорд-командир просто заботится о том, чтобы определить твое положение. Хоть в наших обстоятельствах это и не важно, но мне все же не ясно, какое положение занимаешь ты среди своих соотечественников.

— Меня можно назвать прорицателем, — ответил Эльдрад. — Я веду свой народ через испытания, которые готовит нам будущее, и предлагаю наилучший путь, чтобы их преодолеть.

— Прорицатель... — протянул Фулгрим. — Так ты колдун?

Рука Соломона непроизвольно метнулась к рукояти меча, но он подавил порыв. Примарх категорически запретил им обнажать оружие, пока он сам не подаст пример. Но Эльдрад, казалось, не заметил провокации Фулгрима и лишь

слегка покачал головой.

— Это древний термин, — пояснил он. — Возможно, слово не совсем точно переводится на ваш язык.

— Я понимаю, — кивнул Фулгрим. — И прошу прощения за необдуманные слова.

Соломон слишком хорошо знал своего примарха и понимал, что тот намеренно выбрал слово, чтобы проверить реакцию Эльдрада. Против человека такая уловка могла сработать, но на лице прорицателя не отразилось никаких эмоций.

— Значит, в качестве прорицателя ты управляешь миром-кораблем?

— Мир-корабль Ультве не имеет правителя в вашем понимании этого слова. Скорее, это можно назвать советом.

— Я полагаю, что ты и Кираэн Златошлемный представляете этот совет? — настаивал Фулгрим. — Я хотел бы узнать, с кем имею дело.

— Обращайся ко мне, и ты обратишься к Ультве, — пообещал Эльдрад.

Остиан еще раз постучал в шаткую

дверь студии Серены и мысленно дал ей пять минут, чтобы ответить, а потом он собирался вернуться к себе. Работа над статуей Императора продвигалась удивительно быстро, как будто руками скульптора двигала сама муза. Но сделать предстояло еще очень много, и визит к Серене отнимал у него драгоценное время.

Он вздохнул, понимая, что Серена не намерена откликаться. Но затем послышался какой-то шорох, из-за двери потянуло слабым, но хорошо различимым запахом давно немытого тела.

— Серена, это ты? — спросил он.

— Кто там? — отозвался охрипший и огрубевший голос.

— Это я, Остиан. Открой.

Единственным ответом ему была тишина, и Остиан уже решил, что обладатель незнакомого голоса, кем бы он ни был, решил проигнорировать его просьбу. Он уже поднял руку, чтобы постучать еще раз, но засов заскрипел и начал отодвигаться, и Остиан, не представляя, кто окажется перед ним, отступил на шаг назад.

Наконец дверь открылась настолько, что он смог увидеть обитателя студии.

Перед ним стояла женщина, которую можно было принять за нищенку нижних уровней улья, роющуюся в отбросах в поисках пропитания. Длинные волосы слиплись в пряди и в беспорядке свисали на плечи, черты лица заострились, кожа поблекла, а ее одежда превратилась в грязные лохмотья.

— Кто?.. — заговорил Остиан, но осекся, поняв, что это жалкое подобие человеческого существа и есть Серена д'Анжело. — Великий Трон! — воскликнул Остиан, бросился вперед и обнял ее за плечи. — Серена, что с тобой случилось?

Он опустил взгляд на ее руки и увидел множество порезов и шрамов, покрывавших предплечья. Засохшая кровь еще оставалась на свежих ранах, но некоторые, как он понял, уже воспалились.

Серена подняла на него свои потухшие глаза, и Остиан почти втащил ее в студию, испытав настоящий шок от происшедшей здесь перемены. Что случилось с аккуратисткой-художницей,

всегда тщательно раскладывающей свои вещи по местам? Пол был завален разбитыми склянками с красками, а разломанные мольберты с разорванными холстами громоздились огромными кучами мусора. В центре студии еще стояли два целых мольберта, но он не смог увидеть, что на них изображено, поскольку полотна были повернуты в другую сторону.

Стены студии испещряли красно-бурые потеки, и в одном углу он увидел большую бочку. Даже от двери он почувствовал исходящий от нее резкий гнилостный запах.

— Серена, во имя всего святого, скажи, что здесь произошло?

Она отчужденно посмотрела на него, словно видела впервые:

— Ничего.

— Нет, тут явно что-то случилось, — сказал он, ощущая, как в ответ на ее безучастность в его груди разгорается гнев. — Ты посмотри вокруг: повсюду разбросаны краски и сломанные кисти... А этот запах? Великий Трон, что это? Воняет так, словно здесь кто-то умер!

Серена слабо пожала плечами:

— Я была слишком занята, чтобы наводить порядок.

— Какая чепуха! — воскликнул он. — Я всегда отличался небрежностью, но моя студия выглядит гораздо лучше. Нет, правда, что случилось?

Он шагнул к огромной бочке, осторожно пробираясь через завалы обломков и тщательно обходя большое пятно красновато-коричневой краски в центре комнаты. Не успел он добраться до цели, как ощутил рядом с собой чье-то присутствие и, обернувшись, увидел, что Серена его догнала и протянула одну руку к его плечу, а вторую завела под складки одежды, словно что-то пряча.

— Не надо, — сказала она. — Пожалуйста, я не хочу...

— Не хочешь чего? — спросил Остиан.

— Просто не хочу, — пробормотала Серена, и он заметил в ее глазах подступившие слезы.

— Что ты хранишь в этой бочке? — поинтересовался он.

— Там гравировальная кислота, —

ответила Серена. — Я... я пробую кое-что новенькое.

— Новенькое? — повторил Остиан. — Да, переключиться с масляных красок на кислоту — это действительно что-то новое. Это... Я не знаю, как назвать поточнее, но, по-моему, это чистое безумие.

— Остиан, прошу тебя, — всхлипнула Серена, — уйди, пожалуйста.

— Уйти? Нет, я не уйду, пока не выясню, что здесь творится.

— Остиан, ты должен уйти, — уговаривала Серена. — Я не знаю, что могу сделать...

— Серена, о чем ты говоришь? — спросил Остиан, схватив ее за плечи. — Я не понимаю, что с тобой произошло, но хочу, чтобы ты знала, что я здесь, рядом с тобой. Я идиот, и надо было сказать тебе это раньше, но я не знал, как начать. Я знал, что ты калечишь себя из-за того, что не веришь в свой талант, но ты ошибаешься. Ты очень талантлива. Ты обладаешь редким даром и должна это понять. А сейчас ты... нездорова.

Ее тело обмякло в его руках и начало содрогаться от рыданий, тогда и у Остиана защипало от слез глаза. Он всем сердцем рвался ей помочь, но был не способен разобраться в ее несчастьях. Серена д'Анжело была самой талантливой из всех известных ему художников, и он не мог понять, как она может мучиться от сознания своего бессилия.

Он привлек Серену к своей груди и поцеловал в макушку:

— Серена, все в порядке.

Внезапно она яростно вырвалась из его рук:

— Нет! Нет, все плохо! Ничего не остается! Что бы я ни делала, все пропадает. Я думаю, это из-за того, что он был неудачником, ни на что не способным. Его таланта не хватает, чтобы закрепить эффект.

Остиан содрогнулся от ее неистовых криков, но не мог понять, о чем и о ком она говорила.

— Серена, успокойся, прошу тебя. Я хочу тебе помочь.

— Мне не нужна твоя помощь! —

закричала она. — Ничья помощь не нужна! Я хочу, чтобы меня оставили в покое!

Совершенно обескураженный, он попятился, инстинктивно сознавая, что от Серены исходит угроза и он, оставаясь в ее студии, подвергается опасности.

— Серена, я не знаю, что тебя тревожит, но еще не поздно прекратить заниматься саморазрушением. Прошу, позволь тебе помочь.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь, Остиан. Тебе все всегда давалось легко, не так ли? Ты гений, и вдохновение приходит к тебе само собой. Я видела, как ты, даже не думая, создавал великие творения. А как быть с остальными? Мы ведь не гении, так что же нам делать?

— Так вот как ты себе это представляешь? — Такая оценка его усилий разозлила Остиана. Она считала, что его работы появляются благодаря какой-то непостижимой и неиссякаемой внешней силе. — Ты думаешь, мне легко? Серена, должен тебе сказать, что вдохновение появляется в результате ежедневной работы. Люди считают, что мой талант,

как солнце, просыпается каждое утро, освеженный и отдохнувший, готовый к работе. Но они не понимают, что, как и все остальное, он то растет, то истощается. Тем, у кого нет таланта, всегда легко смотреть со стороны и говорить, что нам все дается просто, но это далеко не так. Я каждый день работаю изо всех сил, а когда бездари начинают походя рассуждать о том, как продвигать искусство... в моей душе разгорается адское пламя. Понимание чужих творений, Серена, — это прекрасное качество, оно дает нам насладиться всем лучшим, что есть в авторе.

Серена отступила от него назад, и Остиан понял, что позволил гневу возобладать над разумом. Почувствовав отвращение к самому себе, он бросился прочь от нее, выскочил из студии и почти побежал по коридору.

— Остиан, пожалуйста! — закричала ему вслед Серена. — Вернись! Прости меня! Прости! Мне нужна твоя помощь!

Но он уже не слышал.

Пока стороны обменивались притворными любезностями, Соломон не сводил глаз с могучего воина, стоявшего за спиной прорицателя. Казалось, такие тонкие ноги не в состоянии поддерживать массивный корпус, увенчанный продолговатым золотым шлемом. От одного только взгляда на забрало у Соломона по спине бежали мурашки. Он знал, что подобные существа могут двигаться с невообразимой скоростью и проворством, и все же не улавливал в военной машине никаких признаков жизни, как, например, у дредноутов.

Он знал Старейшину Филанора, знал, что внутри саркофага дредноута не осталось ничего, кроме искалеченных останков, плавающих в амниотической суспензии, но там были бьющееся сердце и работающий мозг. А в этом чудовищном создании он чувствовал только смерть, словно внутри безжизненной оболочки обитало бесплотное привидение.

— Очень хорошо, Эльдрад Ультран из Сотира-корабля Ультве, — кивнул Фулгрим. — Ты можешь обращаться ко мне как к

представителю Императора Человечества.

Эльдрад кивнул и жестом указал на стол:

— Садись, пожалуйста, и давай поговорим за едой, как путники, оказавшиеся на одной и той же дороге.

— Это было бы неплохо, — согласился фулгрим.

Он грациозно опустился на землю, махнул рукой своим капитанам и, пока они рассаживались, каждого представил своему собеседнику. Соломон поправил меч и сел к столу, а скользящий над поверхностью танк в это время плавно развернулся и опустил на землю задний трап.

Соломон почувствовал, как напряглись его братья Астартес, и почти услышал, как гвардейцы феникса сжали древки своих алебард. Но из транспорта выбежали не воины, а группа одетых в белое эльдаров, несущих к столу подносы с едой. Они двигались с такой ловкостью и изяществом, что их ноги, казалось, скользят поверх травы.

Подносы расставили на столе, и

Соломон осмотрел принесенную пищу: лучшие куски самого нежного мяса, свежие фрукты и ароматный сыр.

— Ешьте, — пригласил Эльдрад.

Фулгрим, как и лорд-командир Веспасиан, положил себе мяса и фруктов, но Эйдолон воздержался от пищи. Юлий и Марий тоже приступили к еде, а Соломон впервые в жизни оказался солидарен Эйдолону и ничего не взял с подносов.

Он заметил, что Эльдрад не прикоснулся к мясу, а выбрал себе несколько фруктов.

— Ваш народ не употребляет мяса? — спросил Соломон.

Эльдрад перевел на него взгляд своих продолговатых глаз, и Соломон мгновенно ощутил себя мотыльком, приколотым к стене. В глазах прорицателя он увидел великую печаль, а еще в их бездонной глубине мелькнули видения предстоящих ему великих деяний.

— Я не ем мяса, капитан Деметр, — ответил Эльдрад. — Для меня это слишком тяжелая пища, но ты должен попробовать, мне говорили, что мясо

отлично приготовлено.

Соломон тряхнул головой:

— Нет. Меня больше интересует другой вопрос: почему вы решили обнаружить свое присутствие? Как мне кажется, вы следили за нами с первого же момента нашего прибытия.

Фулгрим бросил на него раздраженный взгляд, но Эльдрад невозмутимо произнес:

— Если уж ты спросил, капитан Деметр, я отвечу. Да, мы следили за вами, поскольку человеческие корабли не заглядывали в эту область космоса. Мы считали, что этот район скрыт от вашей расы. Как вы смогли сюда добраться?

Фулгрим оставил еду.

— Вы за нами следили?

— Только в целях предосторожности, — ответил Эльдрад. — Ведь обнаруженные вами миры принадлежат расе эльдаров.

— Вот как?

— Да, — подтвердил Эльдрад. — Когда мы впервые заметили, что ваши корабли пересекли границу, мы собирались атаковать, но затем поняли, что вы

просто продолжаете путь и не пытаетесь колонизировать не принадлежащие вам планеты. И я захотел узнать, почему вы так поступаете.

— Испортить такие красивые миры было бы неправильно, — сказал Фулгрим.

— Было бы неправильно, — согласился Эльдрад. — Эти девственные миры много тысячелетий ждут возвращения моего народа. Забрать их у нас было бы огромной ошибкой.

— Это угроза? — спросил Фулгрим.

— Обещание, — предупредил Эльдрад. — Вы проявили неожиданную для вашей расы сдержанность, лорд Фулгрим. В конце концов, вас возглавляет воин, известный под именем Воитель, и цель вашего похода — завоевать Галактику для человечества, игнорируя суверенитет и желания других обитателей Вселенной. Не прими это за проявление враждебности, но, с моей точки зрения, это выглядит чудовищным высокомерием.

Соломон уже готовился к взрыву ярости со стороны Фулгрима, но примарх только усмехнулся:

— Я не большой знаток истории, но разве эльдары не утверждали, что когда-то правили Галактикой?

— Утверждали? Мы действительно ею управляли и утратили свою власть из-за высокомерия и самодовольства. Но не спрашивай больше меня об этих вещах, я не стану говорить о давно ушедших днях.

— Разумно, — кивнул Фулгрим. — Империи поднимаются и падают, цивилизации возникают и исчезают. Это большая трагедия в каждом отдельном случае, но таков порядок вещей. Каждая династия должна погибнуть, чтобы уступить место следующей. Ты не можешь отрицать, что судьба человечества — властвовать над звездами, как когда-то властвовал твой народ.

— Судьба! — со смехом повторил Эльдрад. — Что известно твоей расе о судьбе? Когда все складывается по вашей воле, вы верите, что это судьба, но разве бедствия и испытания не предначертаны судьбой? Я видел картины, которые заставили бы тебя проклинать судьбу, и мне известны тайны, что разрушили бы

твой мозг, узнай ты хоть малую их часть.

Соломон чувствовал, что между двумя лидерами нарастает напряженность, и понимал: рано или поздно все закончится кровопролитием. Гвардейцы Феникса уже открыто готовились к бою, и по мимолетным движениям вооруженных мечами эльдаров он знал, что смысл разговора ясен и им.

Но Фулгрим, ничем не проявляя гнева, опять рассмеялся на высказывание Эльдрада, словно наслаждаясь словесным поединком.

— А мы стоим друг друга, не так ли? Дразнимся и ходим вокруг да около главного вопроса.

— И каков же главный вопрос? — спросил Эльдрад.

— Зачем мы вообще затеяли разговор. Ты утверждаешь, что миры этого региона принадлежат вам, но ваш народ их не заселяет. Почему? Ваша раса постепенно исчезает, и все же вы предпочитаете прозябать на борту корабля, когда вашего прихода ждут райские места. Ты хочешь не только выдворить нас за пределы своей

территории, так что давай говорить откровенно, Эльдрад Ультран из мира-корабля Ультве. Почему ты сидим друг напротив друга?

— Хорошо, Фулгрим, примарх Детей Императора, но должен тебя предупредить: ты предпочел бы не знать истинной причины нашей встречи, о которой я собираюсь рассказать.

— В самом деле?

Эльдрад печально покачал головой:

— Мое известие приведет тебя в ярость.

— Тебе и это известно? — спросил Фулгрим. — А я решил, что ты не колдун.

— Чтобы предвидеть твою ярость, вызванную моим предостережением, не нужен даже дар прорицателя.

— Тогда скажи, о чем ты предостерегаешь, и я обдумаю его со всей объективностью, — пообещал Фулгрим.

— Что ж, хорошо, — согласился Эльдрад. — В этот самый момент тот, кого ты называешь Воителем, лежит на смертном ложе, и за его душу сражаются недоступные твоему пониманию силы.

— Хорус? — воскликнул Фулгрим. — Он ранен?

— Он умирает, — кивнул Эльдрад.

— Как? Где? — потребовал Фулгрим.

— В мире под названием Давин, — сообщил Эльдрад. — Доверенный советник предал его, и теперь силы Хаоса нашептывают ему в уши ложь, прикрытую истиной. При помощи искаженных картин будущности они раздувают в нем тщеславие и честолюбие.

— Он выживет? — крикнул Фулгрим, и Соломон услышал в его голосе небывалую тоску.

— Выживет, но для Галактики было бы лучше, если бы он погиб, — сказал Эльдрад.

Фулгрим ударом кулака расколол стол пополам и стремительно вскочил на ноги. Бледное лицо загорелось яростью. Гвардейцы Феникса опустили алебарды, а эльдарские воины вздрогнули от неожиданного взрыва негодования.

— Ты осмеливаешься желать смерти моему лучшему другу?! — проревел Фулгрим. — Почему?

— Потому что он предаст вас всех и повернет свои армии против Императора! — сказал Эльдрад. — Одним ударом он повергнет Галактику в войну и страдания на долгие тысячи лет.

15
Червь в сердцевине яблока
Война зовет
Каэла Менша Кхайн

В первый момент фулгриму показалось, что он ослышался. Не мог же этот чужак и в самом деле утверждать, что Хорус, самый преданный сын Императора, способен изменить своему отцу и бросить свои армии в гражданскую войну? Это заявление смехотворно; Император никогда не назначил бы его на пост Воителя, если бы не был абсолютно уверен в его преданности.

Он пристально всматривался в лицо Эльдрада Ультрана, ища малейшие признаки насмешки. Или это какая-то ужасная ошибка? Нет, подобное оскорбление не может остаться безнаказанным. Фулгрим все еще искал причину странного поведения чужака, а голос в его голове уже ревел от ярости:

Этот подонок-ксенос пытается

посеять между вами семена раздора!

— Это безумие! — вскричал Фулгрим, едва не задохнувшись от гнева. — По какой причине Хорус мог так поступить?

Воин-гигант за спиной Эльдрада затер в боевой стойке, остальные эльдары в доспехах, словно из кости, потянулись за мечами, но прорицатель, поднявшись с земли, движением посоха приказал им остановиться.

— Боги Хаоса искушают его душу видениями торжества и славы. Эту битву ему не выиграть.

Лжет, лжет, лжет, лжет, лжет.

— Боги Хаоса? — крикнул Фулгрим. Красный туман ярости уже наполнил его тело огненной энергией. — Во имя Терры, о чем ты толкуешь?

Бесстрастная маска на лице Эльдрада мгновенно слетела, сменившись выражением ужаса.

— Ты странствуешь в варпе и ничего не знаешь о Хаосе? Кровь Кхайна! Теперь я понимаю, почему они выбрали вашу расу!

— Ты говоришь загадками, ксенос, — бросил Фулгрим. — Я этого не потерплю!

— Ты должен меня выслушать, — взмолился Эльдрад. — То, что вы называете варпом, является пристанищем невероятно злобных существ, обладающих неудержимой и пагубной энергией. Эти божества существовали с самого начала времен и переживут грядущий пожар Вселенной. Хаос — это червь в сердцевине яблока, рак души, пожирающий ее изнутри. Это смертельный враг всех живых существ:

— Тогда Хорус отвернется от них, — заявил Фулгрим.

Он опустил руку на эфес серебряного меча, и пурпурный кристалл замерцал еще интенсивнее. Голос невысказанной воли снова зазвенел в голове:

Убей его! Он всех вас заразит своей ложью! Убей его!

— Нет, — возразил Эльдрад. — Хорус не сможет отвернуться, ведь они обещают то, чего он желает больше всего на свете. Он поверит, что делает это ради человечества, но в своем ослеплении не увидит реальности. Боги Хаоса соткали вокруг него пелену лжи, но это лишь

внешняя сторона, и недалекие люди будут ссылаться на ложь, объясняя его предательство. Истина более прозаична. Тщеславие Хоруса, горевшее ровным огнем, было раздуто в ревущее адское пламя, и оно станет проклятием Галактики на целую эпоху.

— Я должен бы убить тебя за такие слова! — пригрозил Фулгрим.

— Я не стараюсь тебя разозлить, я только пытаюсь предостеречь! — вскричал Эльдрад. — Ты должен меня выслушать. Еще не поздно остановить все это, но необходимо принимать меры немедленно. Предупреди своего Императора о предательстве, и ты спасешь миллиарды жизней. Будущее Галактики в твоих руках!

— Я не желаю тебя слушать! — взревел Фулгрим, обнажая меч.

Эльдрад отшатнулся, словно его толкнула невидимая сила. Его темные глаза вспыхнули при виде клинка и лицо исказилось от гнева и отчаяния.

— Нет! — выкрикнул Эльдрад.

Неизвестно откуда налетевший

ветер завыл в ушах ошеломленных свидетелей этой сцены. Меч Фулгрима, описав сверкающую дугу, метнулся к шее прорицателя.

За долю секунды до того, как клинок коснулся тела Эльдрада, в воздухе просвистел громадный меч и остановил смертоносный выпад. Перед глазами Эльдрада взорвался фейерверк искр, он попятился от Фулгрима, а воин-призрак уже снова поднимал оружие, чтобы нанести удар примарху.

— Они заражены скверной! — крикнул Эльдрад. — Убейте их!

С обнаженным мечом в руке Фулгрим ощутил значительный прилив сил, и даже на лезвии клинка возникли багряные разводы изменяющегося энергетического поля. При первом же выпаде примарха против прорицателя его гвардейцы Феникса и капитаны вскочили со своих мест, и загремели первые отрывистые выстрелы.

Эльдарские воины в костяных доспехах ринулись в бой с душераздирающими воплями, но

болтерный огонь уничтожил часть из них, не дав сделать и пары шагов. Фулгрим оставил воинов своим капитанам, а гвардейцы Феникса набросились на гигантского призрака в золотом шлеме.

Ты должен его убить! Прорицатель должен умереть, иначе он все разрушит!

Фулгрим бросился за прорицателем, и гвардейцы Феникса золотыми алебардами отвели от него удар огромного меча гиганта. Примарх перекатился по земле, уклоняясь от столкнувшихся клинков, поднялся и бросился в погоню за тем, из-за кого возникло кровопролитие. Эльдрад Ультран в сопровождении воинов в темных доспехах отступал к странному, изогнутому сооружению, у основания которого уже начал разгораться неяркий призрачный свет.

— Я пытался тебя спасти! — крикнул напоследок Эльдрад. — Но ты уже превратился в нерассуждающее орудие Хаоса.

Примарх Детей Императора взмахнул мечом, но прорицатель исчез во

вспышке света, и серебряное лезвие только рассекло воздух. Странные постройки оказались пунктами телепортации, и Фулгрим взревел от разочарования.

Он обернулся к разгоревшейся битве, и в этот момент из дула танка, скользящего над землей, вылетела очередь энергетических снарядов. Первые выстрелы машины были одиночными и тщательно прицельными из-за присутствия прорицателя, но теперь эльдаров ничего не удерживало от массированного обстрела. Пилот летающего танка так круто заложил вираж, разворачивая свою машину, что корма почти коснулась травы. Эльдары ожидали бегства Фулгрима, но примарх Детей Императора никогда не уклонялся от схватки, не был намерен отступать и сейчас.

Он высоко подпрыгнул, и пилот, осознав опасность, попытался быстро набрать высоту. Но было уже поздно. Меч Фулгрима пробил корпус и оставил в борту зияющую прореху.

Расколотая передняя секция танка

рухнула на землю, остальная часть перевернулась, зазубренным краем задела поверхность и с ужасным треском переломанных костей завалилась набок.

Из обломков взметнулся гигантский столб света, и Фулгрим торжествующе рассмеялся. Крутанув в руке меч, он снова обернулся на лязг оружия; на его глазах ужасный воин-призрак свалил с ног одного из гвардейцев Феникса и добил его ударом массивного кулака. Доспехи развалились на части и из тела жертвы брызнула кровь. Фулгрим увидел у ног машины еще три искореженных тела своих элитных гвардейцев и злобно зарычал.

Его капитаны в сверкании неуловимых мечей сражались с воинами в костяных доспехах, чьи пронзительные крики заглушали удары стали о кость. Фулгрим покинул место крушения танка и нацелил меч на военную машину, увенчанную золотым шлемом.

Словно ощутив его приближение, воин-призрак повернул голову и отбросил мертвое тело гвардейца Феникса. Фулгрим ощущал присутствие разума в

корпусе машины, знал о его желании отомстить и понимал, что это существо жаждет его уничтожить так же сильно, как сам Фулгрим стремился разрушить этот странный симбиоз материи и духа.

С удивительной для Фулгрима скоростью воин-призрак метнулся ему навстречу, поражая своим проворством. Примарх шагнул вперед и наклонился, уворачиваясь от косого удара, тотчас выпрямился и нанес рубящий удар по тонкой руке. Лезвие оставило в корпусе вмятину толщиной с палец, после чего соскользнуло, однако Фулгрим всем своим телом ощутил сотрясение от удара. Кулак боевой машины устремился ему навстречу, угодил в грудь и сбил с ног, украшенный орлом нагрудник при этом раскололся надвое. Фулгрим застонал от боли и ощутил на губах привкус крови.

Боль казалась невыносимой, но, вместо того чтобы его сломить, она вызвала прилив энергии, и Фулгрим с диким ликующим криком рывком вскочил на ноги. Перед лицом болтались обломки забрала, и он сорвал их, коверкая металл и

размазывая по лицу пудру и тушь.

Теперь Фулгрим был больше похож на жестокого дикаря, а не на примарха Детей Императора, и он опять бросился на воина-призрака. Огромный меч взметнулся ему навстречу, но Фулгрим быстро поднял свое оружие, и два лезвия столкнулись в огне и грохоте. Пурпурный камень в рукояти Фулгрима полыхнул пламенем, и оружие воина-призрака рассыпалось дождем костяных осколков.

Гигант отступил на шаг, но Фулгрим продолжал атаку, и теперь он схватил меч обеими руками, намереваясь нанести решительный удар по ногам противника. Он с яростным воплем полоснул врага по коленям, и серебряное лезвие с радостным свистом рассекло шарниры. Из раны вырвались яркие кольца энергетических волн, гигантский воин еще мгновение, качаясь, стоял, а затем рухнул на землю.

Прикончи его скорее! Уничтожь то, что находится в голове, и это будет для него страшнее смерти!

Фулгрим вскочил на извивающийся

корпус машины, издал ликующий военный клич и ударил кулаком по золотому шлему. От мощного удара поверхность дала трещину, и он ощутил, как из его руки брызнула кровь. Фулгрим не обратил внимания на боль и продолжал снова и снова молотить по голове врага, чувствуя, как под его неистовым натиском расползается металл. Гигант еще судорожно рвался подняться и сбросить с себя Фулгрима, но тот ударил мечом, и клинок с легкостью отсек громадный кулак.

В конце концов золотой шлем раскололся, Фулгрим раскрыл его и обнаружил внутри гладкую керамическую пластину с выгравированными серебряными рунами и прошитую золотыми нитями. На поверхности пластины мерцали драгоценные камни, а в самом центре пульсировал красный рубин. Фулгрим физически ощущал исходящие от камня флюиды страха. Он протянул руку, чтобы вырвать камень из гнезда, и даже не услышал, а ощутил в душе панический вопль. Камень оказался

горячим на ощупь, в его глубине метались огненные линии, извивались смутные фигурки и менялись картины чуждой жизни.

Из камня на него обрушился поток ярости и ненависти, но сильнее всего чувствовался непереносимый, всепоглощающий ужас забвения.

Фулгрим со смехом раздавил камень в кулаке и услышал горестный стон. Серебряный меч в руке стал горячим, и, опустив взгляд на рукоять, примарх увидел, что камень сияет аметистовой звездой, словно упиваясь душой, вылетевшей из рубина.

Непонятно как, но вслед за торжеством победы Фулгрим ощутил мимолетное прикосновение к тайне, исчезнувшее так же быстро, как и появилось.

Удивительное ощущение сверхъестественной силы исчезло, и Фулгрим обернулся к полю битвы посмотреть, как сражаются его капитаны. Астартес бились против воинов в костяных доспехах, и каждый клинок

исполнял замысловатый смертоносный танец, поскольку им противостояли невероятно искусные фехтовальщики. Оставшийся танк замер в отдалении, ожидая момента, когда можно будет поддержать своих соплеменников огнем пушек, но пока его орудия были бесполезны.

Фулгрим поднял меч и ринулся в бой.

Эльдрад вскрикнул, почувствовав, как душу Кираэна вырвали из кристалла и, одинокую и беззащитную, бросили в бездну. Он ощутил также неутолимый и ужасный голод Великого Врага, поглотившего душу воина, и вытер горькие слезы раскаяния. Он бесконечно сожалел о том, что настоял на переговорах с варварами тон-ки. Никогда больше он не поверит, что люди могут испытывать что-то, кроме кровожадности, и прорицатель поклялся навсегда запомнить урок, оплаченный гибелью Кираэна Златошлемного.

Воздух вокруг него еще дрожал после перехода через портал с поверхности Тарсиса, и беззащитные ребра скелета тира-корабля, состоящие из духовной

кости, источали псионические стоны протеста. Эльдрад чувствовал агрессию, овладевшую душами всех находившихся на борту эльдаров, и стремительный жаркий стук сердца аватара Кровавого Бога, доносившийся из запечатанной кельи в самом центре мира-корабля.

Как же он сразу этого не заметил? Фулгрим уже встал на тропу тьмы, его душа втянута в тайную войну, хотя он и сам пока не подозревает об идущем сражении. Мрачные, злобные силы борются за контроль над ним, и, хотя он еще сопротивляется, для Эльдрада конечный исход борьбы был ясен. Теперь прорицатель знал, что именно закрыло мысли Фулгрима от его взгляда, — силы тьмы ревностно оберегают свою жертву, чтобы никто не мог разгадать их замыслов.

Меч... Эльдрад должен был понять, как только впервые бросил на него взгляд, но происки Великого Врага отвлекли его внимание сладкими иллюзиями и сделали слепым к его присутствию. Эльдрад понимал, что сущность могущественного противника, проникшего сквозь врата

эмпирей связана с этим мечом и его влияние неумолимо завладевает сознанием примарха Детей Императора.

У Эльдрада оставался лишь один путь.

— К бою! — крикнул он.

Фулгрим должен быть уничтожен до того, как покинет Тарсис.

В ответ на его призыв весь скелет мира-корабля загудел жаждой битвы.

Течет кровь... возрастает ярость... просыпается смерть... Война зовет!

Последний из вопящих эльдаров пал от меча Фулгрима, а в крови Люция, словно музыка, еще пело радостное возбуждение битвы. Его меч шипел от крови чужаков, и мускулы ожили, показывая все искусство, на которое были способны. Мегарахниды тоже обладали почти сверхъестественной скоростью — это были жестокие убийцы — и сражались, следуя слепому инстинкту, но эти воины, многие из которых, как заметил Люций, были женщинами, бились почти с таким же мастерством, как и он.

Они исключительно хорошо владели оружием. Одна из эльдаров, женщина, сражавшаяся с мечом и топором, даже сумела нанести Люцию несколько ударов. Его доспехи были в нескольких местах пробиты, и, если бы не его нечеловеческая ловкость, он мог лежать сейчас на ее месте.

Люций, нагнувшись, подобрал один из эльдарских мечей, опробовал его балансировку и вес. Оружие оказалось еще легче, чем он ожидал, и рукоять была слишком мала, но лезвие было отличным и изящной работы.

— Ты так ничему и не научился на Убийце? — спросил Саул Тарвиц. — Держись подальше от этого оружия, пока тебя не увидел Эйдолон.

— Я просто осматривал его, Саул, — обернувшись, сказал Люций. — Я не собираюсь им пользоваться.

— Тем лучше, — бросил Саул Тарвиц.

Люций видел, что его друг-капитан почти выдохся — он тяжело и прерывисто дышал, а доспехи были залиты кровью чужаков и его собственной. Несмотря на

предостережение Саула, Люций все же не бросил меч убитой женщины.

— Ну, все живы? — весело спросил Фулгрим.

Нагрудник примарха, принявший удар воина-призрака, был покрыт запекшейся кровью, и вообще Фулгрим выглядел довольно непривычно для Люция. Но и в пробитых доспехах, с перемазанным тушью, кровью, пудрой лицом Фулгрим казался радостно оживленным. Его темные глаза возбужденно сверкали, а рука еще крепко сжимала меч.

Люций окинул взглядом поле боя, только сейчас вспомнив о своих товарищах. Оба лорда-командира остались живы, так же как и Юлий Каэсорон, Марий Веспасиан и этот самодовольный ублюдок Соломон Деметр. Из гвардейцев Феникса не выжил никто, их сил и мастерства оказалось недостаточно, чтобы противостоять огромной военной машине.

— Похоже что так, — сказал Веспасиан, вытирая свой меч о плюмаж убитого эльдара. — Надо выбираться

отсюда, пока они не вернулись с подкреплением. Этот танк после гибели своего напарника держится в отдалении, но, как только пилот оправится от потрясения, он ринется в бой.

— Выбираться? — повторил Юлий Каэсорон. — А по-моему, надо атаковать второй танк и уничтожить его! Эти ксеносы расстроили мирные переговоры, наша честь требует кровавой расплаты!

— Юлий, ты говоришь, не подумав, — возразил Соломон. — У нас нет дальнобойного оружия, чтобы сбить этот танк, а после того, что произошло с его собратом, он вряд ли подпустит нас ближе. Надо уходить.

Люций презрительно фыркнул. Как это похоже на Соломона Деметра — убегать с поля боя! Он видел, что Эйдолону не терпится продолжить сражение, а вот Марий Веспасиан держит свое мнение при себе и ждет решения примарха, чтобы безоговорочно его поддержать. Он молча молил Фулгрима отдать приказ атаковать танк.

Взгляд Фулгрима остановился на

нем, словно примарх чувствовал жажду Люция продолжить драку. Он улыбнулся, и белые зубы ярко сверкнули на испачканном лице.

— Мне кажется, решение уже принято, и не нами, — сказал Соломон, указывая на появившийся свет у основания изогнутого сооружения, где исчез прорицатель.

— Ничего хорошего оттуда не появится, — заметил Тарвиц.

— Борт первый! — закричал в вокс Веспасиан. — Заводи машину, мы направляемся к вам. Мой господин, пора уходить.

— Уходить, — медленно повторил Фулгрим, на лице которого так и застыла улыбка, сейчас больше похожая на оскал. — Куда уходить?

— С этой планеты, господин, — настаивал Веспасиан. — Эльдары возвращаются, а они этого не сделали бы, не собрав достаточно много сил.

Фулгрим поморщился, словно от боли, и прижал пальцы к виску. Первые эльдарские воины уже появились из

терцающего круга света, расходившегося под изгибом портала. Примарх поднял голову, посмотрел, как из яркого пятна выпрыгивают воины — сначала по одному и по двое, затем целыми отрядами. Как и убитые чужаки, лежащие у его ног, эти эльдары были в облегающих доспехах, только синего цвета и с желтыми плюмажами на шлемах. Они продвигались в сторону Астартес осторожно, но быстро и несли в руках короткоствольные ружья. Позади первой шеренги двигались два эльдара в темных доспехах, вооруженные длинноствольными орудиями, нацеленными на штурмкатер.

Люций покрутил головой и напряг плечи, готовясь к новым схваткам, но Фулгрим покачал головой.

— Мы уходим, — сказал он. — Все на борт. Вернемся за нашими павшими воинами, когда уничтожим их мир-корабль, и эльдарам будет некуда отступать.

Люций проглотил разочарование и отправился вслед за примархом к стоявшему на холме штурмкатеру.

Моторы уже ревели вовсю, и их гул постепенно переходил в пронзительный вой. Взбираясь по склону, Люций так и не выпускал из рук подобранный меч чужаков.

Внезапно над головой сверкнули яркие вспышки, и сильная ударная волна швырнула Люция на землю. Снова над землей с шипением пронеслись огненные заряды, и последовала вторая волна взрывов, взметнув в воздух горящие обломки и клубы дыма. Люций выплюнул набившуюся в рот грязь, поднял голову и увидел на холме чудовищный костер. Объятая пламенем громада штурмкатера лежала на земле, словно подстреленная птица, крылья вывернуты, а в корпусе зияют рваные дыры.

— Бежим! — крикнул Веспасиан.

Эльдары в очередной раз откатились от вершины холма, оставив на краю выжженного пятна своих мертвых воинов. Протяжный вой снарядов, вылетавших из-за баррикады, сооруженной из остатков штурмкатера, чередовался с мелодичным звоном клинков, и ослепительные лучи

энергетических залпов прорезали багровеющее небо яркими штрихами. Обломки штурмкатера еще тлели за Астартес, временами взрывались оставшиеся боеприпасы, и трещал раскаленный металл.

Марий глубоко вдохнул, сменил в болтере обойму и приготовился к следующей атаке. До сих пор, несмотря на яростные выпады эльдаров, все Астартес оставались живы, хотя каждый получил по нескольку ран от острых, словно бритвы, дисков, вылетающих из эльдарских ружей. Один из них валялся на земле рядом с ним, и Марий, подобрав снаряд, повертел его в руках. Казалось невероятным, что такой миниатюрный предмет может ранить Астартес, но его края были так остро заточены, что пробивали даже «Марк IV», особенно если попадали в слабое место вроде сочленения.

Это была кровавая битва, требующая от воинов безоглядного героизма и высочайшего мастерства. Марий видел, как Люций одолел сразу трех воинственно завывающих эльдарских женщин. Орудуя

двумя клинками — собственным мечом и подобранным мечом ксеносов, он продемонстрировал немыслимую ловкость и убил их всех.

Веспасиан сражался как один из героев Галереи Мечей; его совершенство и безукоризненность могли служить примером для остальных, и он один сдерживал натиск эльдарского отряда в зеленых доспехах и круглых шлемах, вооруженного копьями, испускающими голубой огонь. Соломон и Юлий бились плечом к плечу и истребляли врагов с неистощимой яростью и силой, а Саул Тарвиц действовал с механической точностью и лишь изредка перекладывал меч из одной руки в другую.

А Эйдолон... как сражался Эйдолон?

В разгар боя Марий уловил протяжный крик, больно резанувший по нервам, и обернулся, ожидая увидеть новый отряд эльдарских воительниц. Вместо этого он увидел лорда-командира Эйдолона, а перед ним троих ошеломленных эльдаров. Двое воинов упали на колени и схватились за шлемы, а

третий пошатывался, словно под ураганным ветром. Эйдолон шагнул вперед и прикончил их, и Марий остался в твердой уверенности, что вопль, как это ни странно, исходил от лорда-командира Эйдолона.

Скоро размышления о необычном поведении Эйдолона оставили его.

— Где же эта чертова «Огненная птица»? — воскликнул Юлий, пробираясь среди дымящихся обломков.

— Не знаю, — ответил Марий. — Лорд Фулгрим пытался вызвать корабль, но, как мне кажется, эльдары подавляют наши вокс-каналы.

— Проклятые ксеносы, — бросил Юлий. — Я знал, что им нельзя доверять.

Марий не ответил. Он помнил, что Юлий, как и он сам, решительно поддержал решение Фулгрима отправиться на Тарсис. Возражал один Соломон, и, похоже, он все-таки оказался прав.

— Мы все можем здесь погибнуть, — грустно произнес Марий.

— Погибнуть? — переспросил Юлий. —

Не смеши меня. Даже если не удастся связаться с флотилией, там не станут долго ждать и пришлют другие корабли. Эльдары это прекрасно понимают и потому так стремятся уничтожить нас, боясь не успеть до подхода нашего подкрепления. Разве эта раса не находится на грани исчезновения? Как ты думаешь, мы с тобой вдвоем сумеем остановить их на этом крае?

Энтузиазм Юлия оказался так заразителен, что трудно было не разделить столь непоколебимую веру в победу. Марий улыбнулся приятелю.

— Обязательно сумеем, — ответил он.

— Внизу что-то происходит! — крикнул Саул Тарвиц.

Марий вскарабкался на край импровизированной баррикады, вслед за ним поднялся Юлий, и они посмотрели вниз, на странное сооружение ксеносов. Марий предполагал, что этот телепорт должен был вести в мир-корабль, остающийся на орбите, и потому они не заметили челнока, доставившего эльдаров на поверхность Тарсиса.

Оставшиеся в живых эльдары собрались вокруг пятна света, а луч стал дрожать и колыхаться, как пламя свечи на ветру. Все они подняли оружие вверх и что-то обсуждали на непонятном языке, звучавшем скорее как песня, а не как разговор.

— Как ты считаешь, что они делают? — спросил Тарвиц.

Юлий покачал головой:

— Я не знаю, но уверен, нам это не сулит ничего хорошего.

Внезапно луч вспыхнул, и края светлого пятна занялись язычками пламени, словно изнутри действовал мощный поток энергии. В столбе стал формироваться темный и массивный силуэт гуманоидных очертаний, но гораздо выше любого из эльдарских воинов. Марий уже решил, что им придется сражаться еще с одним воином-призраком.

Сначала появилось тяжелое копье, и его широкое лезвие блеснуло загадочными руническими символами, затем показалась бронзовая рука, от которой во все стороны рассыпались яркие блики.

Послышался протяжный стон раскаленного металла, и вслед за рукой из портала появилось туловище.

При виде гигантского воина, вставшего у подножия холма, у Мария вырвался полный первобытного ужаса вздох. Огромное существо, возвышающееся над отрядом эльдаров, казалось, было отлито из железа, под поверхностью которого, словно реки лавы, пульсировали вены. От фигуры поднимались спиральные завитки дыма и пепла, они закручивались вокруг головы колосса, венчая его шевелящейся короной, в которой вспыхивали искры.

Лицо казалось застывшей маской ярости, а глаза сверкали раскаленным металлом. Живое воплощение кровавой гибели проревело небесам свое обещание грядущей битвы, воздев могучие руки, и по пальцам монстра потекла густая багряная кровь.

— Великий Трон! — воскликнул Люций. — Что же это такое?

Марий обернулся к Фулгриму, ожидая ответа, но примарх с очевидным удовольствием молча наблюдал за

появлением чудовищного существа. Наконец Фулгрим снял свою золотую накидку, уже порванную во многих местах, и обнажил серебряный меч. В сумерках ярко блеснул драгоценный камень на рукояти.

— Мой господин? — окликнул его Веспасиан.

— Да, Веспасиан, — рассеянно отозвался Фулгрим, не глядя на своего лорда-командира.

— Вы знаете, что это за... существо?

— Это их душа и сердце, — произнес Фулгрим, и эти слова, показалось ему, всплыли из самой глубины его сознания. — Их жажда войны и смерти бьется в его груди.

Примарх еще не договорил, а Марий увидел, как бронзовый воин сделал первый шаг, и трава под его ногами почернела и занялась пламенем. Пение эльдарских воинов стало более пронзительным, и они медленно двинулись следом за пламенеющим божеством, их голоса поднимались и утихали в такт его поступи. Десятки эльдарских женщин,

рассеянных после атаки, тоже отозвались, и Марий услышал их протяжные завывания со всех сторон.

— Готовьтесь, — предупредил Веспасиан, поднимаясь на фоне тлевших обломков штурмкатера.

Развалины десантного корабля неплохо им помогли, но Марий понимал, что восемь Астартес больше не смогут сдерживать натиск эльдаров, даже если один из этих восьми — примарх.

Огненный монстр ускорил шаги. Марий оглянулся на своих друзей-капитанов и на каждом лице прочел все тот же плохо скрываемый ужас перед монстром. Воплощение могущества тьмы, кровавый идол вызывал в их душах картины адских мучений и огненной ярости, грозившей уничтожить каждого, кто встанет на его пути.

Фулгрим взмахнул мечом и вышел из-за баррикады. Не обращая внимания на крики протеста, несшиеся ему вслед, примарх зашагал навстречу вселяющему ужас существу. Несмотря на то что лицо монстра казалось отлитым из металла,

Марий заметил, что при виде примарха тварь изогнула рот в гримасе злобного предвкушения.

Два могущественных божества смотрели друг на друга, и мир вокруг затер, застыл в ужасе перед страшной драмой, разыгравшейся на его поверхности.

Раздался оглушительный яростный рев, и эльдарский бог начал бой.

Фулгрим увидел несущееся ему навстречу огненное копье, отскочил в сторону, и пылающий наконечник пронесся мимо. Он рассмеялся, решив, что эльдарский бог сразу остался без оружия, но тотчас услышал пронзительное предостережение, прозвучавшее в голове, и смех затер на губах.

Глупец! Ты считаешь, что так легко разрушить козни эльдаров?

Он обернулся и увидел, что копье, извиваясь, словно змея, описало в воздухе плавную дугу и летит прямо на него. Полет сопровождался грохотом, словно разом проснулась тысяча вулканов. Фулгрим поднял свой меч и отбил

огненную ракету, от вихря раскаленного воздуха у него на лице вздулись волдыри, а волосы занялись огнем.

Фулгрим свободной рукой сбил пламя с головы и вызывающе потряс мечом.

— Неужели ты не хочешь сразиться в честном поединке?! — крикнул он. — Или ты предпочитаешь убивать издалека?

Чудовищное железное создание подхватило летящее по воздуху копье. Из глаз и рта монстра посыпались искры, повалил черный дым, и он, развернув оружие, нацелил его в сердце Фулгрима.

Примарх устехнулся; жажда боя пульсировала в его крови и в каждой клеточке тела. Вот враг, на котором он может испытать свои силы. Какой противник из всех, с кем он сражался, мог серьезно ему противостоять? Лаэры? Диаспорекс? Зеленокожие?

Нет, вот единственное существо, равное ему по мощи, ужасное богоподобное существо, в железной груди которого бьется сердце исчезающей расы. Этот противник не станет разменяваться на мелкие пакости и угрозы, это истинный

воин, и для него существует только одна цель: убивать.

Такой односторонний подход претил Фулгриму. Что есть жизнь и смерть, как не последовательность ощущений, следующих одно за другим?

Им овладело неукротимое возбуждение, и все чувства неизмеримо обострились. Он ощущал каждое шевеление ветра, овевающего его тело, жар, исходящий от стоящего поодаль чудовища, прохладу вечера и мягкость травы под ногами.

Он наслаждался жизнью и ощущением своей силы.

— Тогда подойди, — бросил Фулгрим. — Подойди, чтобы умереть!

Противники бросились друг к другу. Меч Фулгрима ударил по клинку огромного воина — оружие, только что бывшее копьем, превратилось в гигантский меч. Два лезвия столкнулись с пронзительным визгом, ощутимым далеко за пределами пяти чувств, произвели вспышку антисвета, и те, кто ее видел, на время ослепли. Эльдарский бог оправился

первым, и с ревом замахнулся мечом, целясь в голову Фулгрима.

Примарх поднырнул под удар и врезал врагу кулаком в живот, содрогнувшись от соприкосновения с раскаленным железом. Кожа на руке местами обуглилась. Фулгрим со смехом принял боль и, подняв меч, блокировал убийственный удар, нацеленный в корпус.

Бог эльдаров атаковал с первобытной слепой яростью, его движениями руководила расовая ненависть и освобожденная от оков жажда крови. Языки пламени плясали на его руках, и вскоре противников окутали темные щупальца дыма. Серебряный клинок и огненное лезвие с лязгом высекали искры, встречаясь в воздухе, но ни один из бойцов не мог пробить защиту своего противника.

Фулгрим чувствовал, как ненависть к пылающему монстру наполняет его вены; неспособность врага ни к чему, кроме драки и убийства, оскорбляла утонченную натуру примарха. А как же наслаждение искусством и культурой, красотой и изяществом? Такое создание не имеет

права существовать. Руки Фулгрима наполнились новой силой, словно поток энергии перетекал из меча в его тело.

Он слышал звуки битвы, развернувшейся вокруг: болтерную стрельбу, крики боли, свист летящих дисков из оружия эльдаров и их завывание, напомнившее плач духов из древних легенд. Примарх ни на что не обращал внимания и сосредоточился только на своей битве — битве не на жизнь, а на смерть. Его меч пульсировал серебристым сиянием, при каждом взмахе по всей длине перекатывались волны света и энергии, а каждый удар сопровождался восторженным ревом. И драгоценный камень на рукояти так ярко сверкал пурпуром, что даже огненный взгляд его врага не раз к нему обращался.

В голове Фулгрима возникла невероятная идея, и, хотя все его существо отвергало такой вариант, он понимал, что это единственный шанс быстро покончить с врагом. Он шагнул почти вплотную к огненному монстру и подбросил свой меч высоко в воздух.

Горящие глаза немедленно обратились вслед за мечом и на мгновение задержались на вращающемся клинке. Монстр вытянул руку, чтобы отбить падавший меч копьем, но, прежде чем он успел метнуть оружие, Фулгрим подпрыгнул и нанес сокрушительный хук слева.

Он вложил в этот удар каждую каплю своих сил и ненависти, и из груди Фулгрима вырвался оглушительный крик. Металл прогнулся, и голову эльдарского чудовища окутал красный свет. Следующий удар Фулгрима пробил шлем, прошел в расплавленное ядро головы монстра и ударился о заднюю стенку черепа.

Голова чудовища превратилась в комок искореженного металла и пламени, и раненый монстр пошатнулся. Из-под шлема брызнули яркие красные лучи, огненные реки пылающей крови горящим фосфором растеклись по металлической коже. Фулгрим ощутил боль в разбитой руке, но подавил ее усилием воли, шагнул вперед и обхватил противника за шею

обеими руками.

Жар раскаленного тела прожигал плоть, но Фулгрим уже ничего не чувствовал, он сосредоточился лишь на одной цели: уничтожить врага. С лица эльдарского бога непрестанно струились потоки красного света, в оглушительном реве слышались ярость и биение сердец его создателей. Волна вековой тоски и вожделения ударила в Фулгрима, и он ощутил саднящую боль необходимости, которая переливалась в него из умирающего монстра.

Почерневшими руками он выдавливал жизнь из противника, и металл стонал от напряжения, как покидающая тело душа. Фулгрим заставил чудовище опуститься на колени и засмеялся от нового ощущения, когда боль от полученных ран смешалась с восторгом от осознания, что он голыми руками лишает жизни другое существо и смотрит, как жизнь утекает из его глаз.

Наверху послышался оглушительный грохот, и Фулгрим, подняв взгляд от своей жертвы, увидел на фоне неба грациозную

птицу с хвостом из пламени. Он оторвал одну руку от шеи умирающего божества эльдаров и взмахом кулака приветствовал «Огненную птицу», летящую над землей в сопровождении эскадрильи штурмкатеров и «Громовых ястребов».

Он снова перевел взгляд на поверженного врага; из головы чудовища вырвался луч резкого света и пронзительный шум, словно в сердце звезды произошла ядерная вспышка. Взрыв света, сопровождающий гибель монстра, разорвал железное тело на множество оплавленных осколков. Сила взрыва швырнула Фулгрима в воздух, и он почувствовал, что перед такой мощью не устояли ни его доспехи, ни кожа.

Освобожденная сущность бога обволокла его разум. Он увидел кружение звезд в космосе, гибель расы и рождение нового бога — мрачного принца боли и наслаждения.

Из рева прошедших веков, из жестокой песни кровавого рождения, из бессловесного вопля ничем не сдерживаемых чувств сформировалось имя и одновременно идея...

Слаанеш!

Слаанеш! Слаанеш! Слаанеш! Слаанеш! Слаанеш! Слаанеш! Слаанеш! Слаанеш!

Дети Императора уже приближались к поверхности Тарсиса на крыльях огня, и в этот момент Фулгрим упал на землю, едва успев осознать сформировавшееся имя. Он лежал неподвижно, раненый и обгоревший, но живой. О, насколько сильна в нем жизнь! Он почувствовал на своем теле прикосновение рук, услышал голоса, умолявшие его что-нибудь сказать, но проигнорировал их просьбы. Фулгрим внезапно осознал, что безоружен, и душу охватила непереносимая тоска.

Он с трудом поднялся на ноги, зная, что вокруг собрались его воины, но не видя их, не слушая их голосов. Руки ныли от боли, и он ощущал запах сожженной плоти, однако все его внимание было приковано к серебряному штриху, блестевшему в ночи.

После того как он подбросил оружие вверх, клинок спикировал и теперь вертикально стоял среди травы. Он мерцал в темноте, и в серебряном лезвии

отражался свет «Огненной птицы» и приземлявшихся десантных кораблей. Руки Фулгрима сводило судорогой от желания снова схватить рукоять меча, но какая-то часть его сознания отчаянно кричала, умоляя не делать этого.

Фулгрим, пошатываясь, шагнул к своему оружию и протянул руки ему навстречу, хоть и не помнил, чтобы сознательно собирался взять его. Почерневшие пальцы задрожали от напряжения, словно преодолевая невидимый барьер, но остатки видений рождения нового бога на мгновение остановили их.

Только со мной ты сможешь достичь совершенства!

Слова прогремели в его голове, недавние видения сменились картинами только что закончившейся схватки, снова вспыхнула огненная жажда убивать, и вспомнилось ликование, охватившее его после богоубийства, совершенного собственными руками.

В этот момент рухнули последние бастионы его сопротивления, и Фулгрим позволил пальцам сомкнуться на рукояти

меча. Тело моментально захлестнул поток обновленной энергии, и даже боль от ран исчезла, словно под влиянием чудодейственного бальзама.

Фулгрим уверенно выпрямился, моментальная слабость была забыта, все тело, до последнего атома, наполнилось энергией. Он увидел, как через мерцающий портал убегают эльдары. Перед изогнутым строением остался лишь один вероломный прорицатель Эльдрад Ультран. Но вот и он, горестно покачав головой, вступил в освещенный круг, и свет внезапно исчез, так же быстро, как и появился.

— Мой господин, — обратился к Фулгриму Веспасиан, весь забрызганный кровью, — каковы будут приказания?

Вероломство эльдаров раздуло гнев Фулгрима до новых, невиданных пределов. Примарх вогнал меч в ножны и обернулся к собравшимся воинам.

Он знал только один способ достойно покарать вероломство эльдаров.

— Мы возвращаемся на «Гордость Императора», — сказал он. — Передай на

каждый корабль флотилии приказ
готовиться к залпу вирусными бомбами.

— Вирусными бомбами? — воскликнул Веспасиан. — Но ведь только Воитель...

— Выполняй! — оборвал его Фулгрим. — Быстро!

Отданный приказ привел Веспасиана в крайнее замешательство, но он коротко кивнул и отошел.

Фулгрим вперил взгляд в ночную тьму, окутавшую планету.

— Клянусь огнем, — прошептал он, — все миры эльдаров будут уничтожены.

Часть четвертая
Начало

16
Призван к ответу
Шрамы
«Я боюсь неудачи»

Ормонд Брикстон негодовал. Его заставили топтаться в томительном ожидании у золотых дверей в личные покои примарха. Он и предположить не мог, что у примарха Детей Императора настолько плохие манеры, что тот способен держать у дверей высокопоставленного эмиссара Администратума Терры. Брикстон прибыл на борт «Гордости Императора» три дня назад и считал допустимыми подобные проволочки лишь со своей стороны — это должно было продемонстрировать его высокое положение.

Наконец прошение об аудиенции было удовлетворено, рабы тщательно вымыли аристократа, а потом явились слуги Фулгрима, чтобы умастить визитера ароматическим маслом. Запах масла

оказался довольно приятным, хотя и слишком сильным для аскетического вкуса Ормонда Брэкстона. Нот, выступая на лысой макушке, смешивался с маслом и превращался в едкие капельки, от которых щипало глаза и першило в горле.

Перед золотыми дверями в покои примарха стояли воины в причудливо украшенных доспехах, а изнутри доносился оглушительный гул, который Брэкстон определил как музыку, хотя в его ушах он отдавался лишь ритмичным грохотом. По обе стороны от часовых стояли скульптуры самых невероятных форм, но что они должны были изображать, оказалось недоступным пониманию Брэкстона.

Брэкстон поправил мантию на плечах, а затем обратил взор на многочисленные картины, украшавшие огромный зал от потолка до мозаичного пола. Золоченые рамы были вычурны до карикатурности, а кричаще-яркие краски полотен никак не удовлетворяли его эстетическому вкусу, хотя Ормонд признавал свой дилетантизм в области

живописи.

Ормонд Брэкстон был представителем Терры на различных переговорах с приведенными к Согласию мирами. Он слушал лекции императоров и был хорошо знаком с Эвандером Тобиасом и Кириллом Зиндерманном. Благодаря исключительным способностям переговорщика и безупречному послужному списку Брэкстон был призван для исполнения новой миссии, требующей немалого такта и деликатности. Только такой высокопоставленный чиновник мог обратиться к примарху, особенно с такой необычной просьбой.

Наконец двери апартаментов Фулгрима распахнулись, и оглушительная «музыка» заполнила зал перед личными покоями. Часовые вытянулись по стойке «смирно», а Брэкстон, готовясь предстать перед примархом Детей Императора, приосанился.

Он ожидал какого-нибудь сигнала, позволяющего войти, но никто не встретил его в дверях, и Брэкстон нерешительно шагнул вперед. Часовые не

сделали попытки его остановить, и чиновник прошел дальше. Двери за спиной захлопнулись без посторонней помощи, и смущение администратора только возросло.

Странная «музыка» оглушала. На стенах висели десятки фонотрансляторов, и каждый воспроизводил, как показалось Брэкстону, отдельную мелодию. На стенах висели картины разной степени вульгарности: одни изображали дикие, варварские сцены сражений, другие отличались неистовым сладострастием, граничащим с непристойностью. Из центральной комнаты послышались голоса двух спорящих людей, и Брэкстон не на шутку встревожился.

— Лорд Фулгрим? — воскликнул он. — Вы здесь? Это администратор Ормонд Брэкстон. Я пришел к вам по поручению Совета Терры.

Голоса резко оборвались, и фонопроекторы мгновенно замолчали.

Брэкстон огляделся по сторонам и убедился, что все еще пребывает в одиночестве. Насколько он мог видеть, ни

в одном из остальных помещений не было ни души.

— Ты можешь войти! — раздался сильный мелодичный голос.

Брэкстон осторожно пошел на звук, справедливо полагая, что увидит примарха и одного из его верных капитанов, хотя непримиримый тон спорящих сильно его озадачил.

Он дошел до центрального зала апартаментов примарха и при виде открывшейся сцены буквально остолбенел.

Фулгрим, поскольку столь внушительная фигура могла принадлежать только примарху, расхаживал по комнате в одной только пурпурной набедренной повязке и размахивал сверкающим серебряным мечом. Его бледное тело казалось высеченным из мрамора, пронизанного темными прожилками вен, а на лице застыло пугающее выражение — как у человека, подвергшегося действию сильнейших химических стимуляторов. В самой комнате царил ужасный беспорядок — повсюду валялись обломки мрамора, а на

стенах красовались мазки и брызги красок. У дальней стены стоял огромный мольберт с полотном, но картина была повернута под таким углом, что Брандстон не мог видеть, что на ней изображено.

В воздухе стоял сильный запах немытого тела, и даже ароматические масла не могли скрыть вони разлагающейся плоти.

— Эмиссар Брандстон! — закричал Фулгрим. — Я рад тебя видеть.

Брандстон проглотил свое удивление и почтительно склонил голову:

— Для меня большая честь видеть вас, господин.

— Чепуха! — воскликнул Фулгрим. — Я допустил непростительную грубость, заставив тебя ждать, но после того, как ты покинули Аномалию Пардас, я неделями пропадал на военном совете.

Примарх возвышался над ним, и Брандстон почти физически ощущал исходящую от него опасность, но, призвав все запасы самообладания, он вновь обрел способность говорить:

— Я привез новости с Терры и хотел бы их вам передать, мой господин.

— Конечно-конечно, — произнес Фулгрим. — Но сначала, мой дорогой Браксто, не окажешь ли ты мне одну услугу?

— Я польщен возможностью вам услужить, — ответил Браксто.

Он заметил, что руки Фулгрима были покрыты шрамами от ожогов. Интересно, какой огонь мог оставить следы на коже примарха?

— Какого рода услуги вы от меня ожидаете?

Фулгрим крутанул меч, положил свободную руку на плечо эмиссара и провел его в дальний конец комнаты, к стоящей там картине. Шаги Фулгрима вынудили Браксто припустить почти бегом, хотя его дородное тело было совершенно не приспособлено к подобным упражнениям. Фулгрим остановился у мольберта, и Браксто вытер лоб надушенным платком.

— Ну, что ты об этом думаешь? — горделиво спросил примарх. — Не правда

ли, удивительное сходство?

Брэкстон, в ужасе открыв рот, замер перед покрытым толстым слоем красок полотном. Это было поистине отвратительное изображение воина в боевых доспехах, написанное грубыми мазками тошнотворных красок, от которого, ко всему прочему, отвратительно воняло. Значительность образа только усиливала ужас. Портрет изображал самого примарха Детей Императора, но был выполнен настолько мерзко, что его можно было счесть за оскорбительный шарж на внушающего благоговейный страх воина.

Брэкстон отнюдь не считал себя искусствоведом, но и ему было ясно, что это вульгарное произведение могло лишь оскорбить изображенную на портрете личность. Он посмотрел на Фулгрима, надеясь, что примарх всего лишь шутит, но лицо сына Императора светилось непоколебимым восторгом.

— Похоже, у тебя отнялся язык, — произнес Фулгрим. — Я не удивлен. В конце концов, это же работа Серены

д'Анжело, совсем недавно законченная. Тебе выпала честь видеть портрет до его публичного представления перед премьерой «Маравильи» Бекьи Кински в обновленном театре «Ла фениче». Обещаю, это будет незабываемый вечер!

Брэкстон кивнул, опасаясь открыть рот, — даже он так врать не умел. При взгляде на ужасную картину рябило в глазах, а от невыносимого запаха к горлу подступала тошнота. Он отошел от мольберта, не отрывая от носа и рта надушенного платка, а Фулгрим, лениво поигрывая мечом, шагал сзади.

— Мой господин, вы позволите? — заговорил Брэкстон.

— Что? А, да, конечно, — рассеянно ответил Фулгрим, словно прислушиваясь к чему-то слышному только ему. — Ты что-то говорил насчет новостей с Терры, не так ли?

Брэкстон немного воспрянул духом:

— Да, мой господин, из уст самого Сигиллайта.

— И что наплел тебе старина Малкадор? — спросил Фулгрим, шокируя

Брактона употреблением неофициального имени и отсутствием уважения к регенту Терры.

— Во-первых, я привез известия о лорде Магнусе с Просперо. До Императора, возлюбленного всеми, дошли сведения, что лорд Магнус, несмотря на постановление Никейского совета, продолжает свои исследования тайн имматериума.

Фулгрим кивнул и снова зашагал по комнате.

— Я знал, что так и будет, остальные оказались слишком наивны, чтобы это понять. Я подозревал, что даже под надзором капелланов Магнус не откажется от своих убеждений. Он слишком любит все загадочное.

— Совершенно верно, — поддакнул Брактон. — Сигиллайт послал на Просперо Волков Фенриса, чтобы сопроводить лорда Магнуса обратно на Терру, где ему предстоит ожидать решения Императора.

Фулгрим остановился, повернулся лицом к своему ужасному портрету и покачал головой, словно не соглашаясь с

собеседником.

— Значит, Магнус... Что? Обвинен в преступлении? — возмущенно спросил Фулгрим, словно его гнев мог каким-то образом повлиять на факты.

— Я больше ничего не знаю, мой господин, — ответил Брикстон. — Только то, что ему предписано вернуться на Терру вместе с Леманом Руссом и Космическими Волками.

Фулгрим кивнул, всем своим видом выражая недовольство:

— Ты сказал «во-первых». Какие еще новости ты привез?

Брикстон понимал, что надо очень осторожно подбирать слова, поскольку следующее известие примарху придется явно не по нраву.

— Я привез известие, касающееся поведения воинов Легиона вашего брата.

Фулгрим остановился и с неожиданным интересом взглянул на эмиссара:

— Ты о Легионе Сынов Хоруса?

Брикстон кивнул, скрывая свое раздражение:

— Верно. Так вы уже слышали об этом?

Фулгрим покачал головой:

— Нет, просто догадался. Продолжай, расскажи, что тебе известно, но не забывай, что Хорус — мой брат, и я не потерплю никакого к нему неуважения.

— Конечно-конечно, — согласился Бракстон. — В настоящее время Шестьдесят третья экспедиция ведет войну против цивилизации, называющей себя Аурейской Технократией. Хорус пришел с предложением мира, но обманутый...

— Воитель, — поправил его Фулгрим.

Бракстон мысленно выругал себя за столь элементарную ошибку. Астартес не переносили, когда смертные пренебрегали их титулами.

— Прошу меня извинить, — быстро вставил Бракстон. — Правители той планеты попытались убить Воителя, и тогда он объявил полномасштабную войну, чтобы привести мир к Согласию. В этом ему помогал лорд Ангрон и Седьмой Легион.

Фулгрим рассмеялся:

— Тогда не стоит надеяться, что от Технократии останется хоть самая малость.

— Конечно, — кивнул Браксton. — Некоторая... несдержанность лорда Ангрона не осталась в стороне от внимания Совета Терры. Но полученные нами донесения отправлены лордом-командующим Гектором Варварусом, возглавляющим армейские подразделения Шестьдесят третьей экспедиции.

— О чем эти донесения? — нетерпеливо спросил Фулгрим.

От недавней рассеянности примарха не осталось и следа, и Браксton занервничал еще сильнее.

— Донесения о резне, учиненной Астартес среди имперских подданных, мой господин.

— Чепуха, — бросил Фулгрим. — Ангрон способен на многое, но резать имперских подданных?! Ему это и в голову не придет.

— Донесения о действиях лорда Ангрона действительно относятся к

военным действиям, — сказал Бракстон. — Но я сейчас говорю не о нем.

— Хорус? — внезапно охрипшим голосом спросил Фулгрим, и Бракстону показалось, что в темных глазах примарха мелькнула тень, которая у смертных называлась бы страхом. — Что произошло?

Бракстон немного помедлил. Он заметил, что в отношении Хоруса Фулгрим не стал сразу отметать обвинения, как сделал это в отношении Ангрона.

— Так случилось, что Воитель был опасно ранен на планете под названием Давин, и некоторые из его воинов, что называется, переусердствовали, когда транспортировали его на борт «Духа мщения».

— Переусердствовали?! — рявкнул Фулгрим. — Говори яснее, смертный. Что это означает?

— На посадочной палубе флагманского корабля Воителя собралось значительное количество народа, и Астартес, вернувшись на корабль, буквально стяли

людей, спеша добраться до медицинской палубы. Около двадцати человек погибло, и многие тяжело ранены.

— И ты обвиняешь в этом Воителя?

— Не мое дело предъявлять кому-то обвинения, мой господин, — ответил Брэкстон. — Я просто передаю вам факты.

Фулгрим неожиданно подскочил к нему. При виде неистово горящих глаз примарха и сверкающего меча, готового рассечь его шею, Брэкстон почувствовал, что его мочевой пузырь не выдержал и по ногам потекли теплые струйки.

— Факты?! — фыркнул Фулгрим. — Что канцелярская крыса вроде тебя может знать о фактах, касающихся войны? Война груба и жестока. Хорусу это известно, он воюет. Если люди настолько глупы, чтобы стоять у него на пути, обвинять можно только их собственную тупоголовость.

Ормонду Брэкстону за годы службы в Администратуме приходилось сталкиваться с разными точками зрения, но никогда он не встречал столь откровенного пренебрежения по отношению

к человеческой жизни.

— Мой господин, — вздохнул Брэкстон, — люди мертвы, их убили Астартес. Такие факты не могут оставаться без последствий. Проявившие жестокость должны быть призваны к ответу, иначе идеи Великого Крестового Похода ничего не значат.

Фулгрим опустил свой меч, словно только что осознав, что держит его у горла эмиссара Терры. Он покачал головой и усмехнулся, гнев растаял.

— Конечно, мой дорогой Брэкстон, ты прав. Я прошу прощения за свою вспыльчивость. Боль от ран, полученных в схватке с чудовищем-ксеносом в последней кампании, меня совсем изнотала, и в результате характер совсем испортился.

— Не стоит извиняться, мой господин, — медленно произнес Брэкстон. — Я не могу не принимать во внимание узы братства, связывающие вас с Воителем, и это одна из причин моего к вам визита. Совет Терры просит вас отправиться на Аурелс, встретиться с Воителем и убедиться, что идеи Великого Крестового

Похода не оставлены без внимания.

Фулгрим насмешливо фыркнул и отвернулся.

— То есть теперь нам придется драться только под присмотром? Нам уже не доверяют вести войну? Вы, гражданские, хотите новых завоеваний, но вас не заботит, какой ценой они достаются, не так ли? Война — это жестокость, и чем более жестоки схватки, тем быстрее заканчивается война. Но вам это не нравится? По-вашему, война должна вестись по кодексу, разработанному теми, кто ни разу не слышал выстрелов, не проливал свою кровь рядом со своими братьями. Пойми, Брэкстон, чем больше ограничений накладывается гражданскими чиновниками на наши методы, тем чаще гибнут мои воины!

Горечь в словах Фулгрима поразила Брэкстона, но он скрыл свое изумление.

— Какой ответ я должен передать Совету Терры, мой господин?

Гнев Фулгрима, казалось, снова отступил перед доводами логики, и

могучий примарх невесело рассмеялся:

— Скажи им, мастер Брикстон, что я со своими воинами отправлюсь на встречу с Шестьдесят третьей экспедицией и узнаю, как ведет войну мой брат, и немедленно извещу тебя о результатах.

Речь примарха буквально сочилась сарказмом, но Брикстон предпочел не обращать на это внимания и поклонился:

— Тогда, мой господин, вы позволите мне удалиться?

Фулгрим рассеянно махнул рукой и кивнул:

— Да, иди. Возвращайся к своим придворным и чиновникам и скажи, что лорд Фулгрим выполнит их просьбу.

Брикстон снова поклонился и попятился от почти обнаженного примарха. Отойдя на приличное расстояние, он развернулся и пошел к золотым дверям, выводящим в нормальную жизнь.

Позади него снова послышались голоса спорщиков, и он рискнул оглянуться через плечо, чтобы узнать, с кем разговаривает примарх. Но Фулгрим по-прежнему был

один, и по спине Брикстона пробежала дрожь.

Примарх разговаривал со своим кошмарным портретом.

— Что ты делаешь? — раздался за ее спиной голос, и Серена замерла.

Она прижала нож к груди, и ее мысли лихорадочно заметались. В своих горячечных мечтах она вообразила, что это снова пришел Остиан, чтобы ее спасти, но вопрос повторился, и нож выпал из руки. Голос принадлежал Люцию.

Серена посмотрела на пол, где рядом с незаконченным портретом Астартес лежало мертвое тело, и едва не задохнулась от неистового биения сердца. Она даже не могла вспомнить имя несчастного. Какой скандал для гильдии летописцев! Совсем недавно он был талантливым молодым композитором, а теперь стал лишь расходным материалом для ее работы, и кровь еще толчками вытекала из разрезанного горла.

Металлический запах крови ударил в ноздри, затем чья-то сильная рука

схватила ее за плечо и развернула. Серена взглянула в мальчишеское лицо Люция. Его красота была нарушена неправильной линией носа, очевидно сломанного во время какого-то сражения. Она подняла окровавленную руку, чтобы дотронуться до его лица, и глаза воина спокойно проследили за пальцами, оставившими на его щеке красные полосы.

— Что здесь произошло? — спросил Люций, кивнув на труп. — Этот человек мертв.

— Да, — прошептала Серена, тяжело опускаясь на пол. — Я его убила.

— Почему? — задал он следующий вопрос.

Даже пребывая в шоковом состоянии, Серена отметила любопытство Люция, неожиданное в столь однозначной ситуации. Часть мозга, еще способная рационально мыслить, тотчас взвесила все шансы, и Серена, закрыв лицо ладонями, судорожно зарыдала, надеясь потоком слез пробудить мужское сочувствие.

Люций молча слушал ее плач.

— Он пытался меня изнасиловать! —

выкрикнула Серена.

— Что?! — воскликнул Люций. — Изнасиловать?

— Он пытался мной овладеть, и я убила его... Я боролась, но он оказался слишком сильным... Он меня ударил, и я протянула руку, чтобы схватить какой-нибудь предмет и использовать как оружие... Наверное, мне попался нож, и...

— И ты его убила, — закончил Люций.

Серена, не услышав в его голосе осуждения, подняла голову:

— Да, я убила его.

— Значит, этот ублюдок получил по заслугам, — сказал Люций и поднял Серену. — Он пытался взять тебя силой, а ты защищалась, верно?

Она кивнула. То, что она солгала воину, способному движением пальцев сломать ей шею, вызвало у нее прилив возбуждения, и все тело наполнилось приятным теплом.

— Я встретила его в «Ла Фениче», и он сказал, что хотел бы посмотреть мои работы, — прерывисто рассказывала она, уже зная, что Люций не намерен ее

арестовывать или как-то поиному наказывать за убийство. — Это было глупо, я понимаю, но он казался искренне заинтересованным... А когда мы вошли в студию...

— Он на тебя набросился.

— Да, — кивнула Серена. — И вот он мертв. О Люций, что же мне теперь делать?

— Не беспокойся, — сказал Люций. — Об этом никто больше не узнает. Я пришлю пару сервиторов убрать останки, и обо всем этом можно будет забыть.

Серена благодарно приникла к Люцию и позволила слезам снова покатиться по щекам. Сейчас она не чувствовала к нему ничего, кроме презрения. Разве можно было бы забыть такую драму, случись она на самом деле?

Отстранившись от его доспехов, она наклонилась и подняла нож. Лезвие еще было влажным от крови, и холодная сталь заманчиво поблескивала в свете ламп. Совершенно бессознательно Серена подняла руку и провела лезвием по щеке. На бледной коже показалась тонкая полоска

крови.

Люций бесстрастно наблюдал за ее действиями.

— Зачем ты это сделала? — спросил он.

— Чтобы никогда не забывать того, что случилось, — ответила она, протянула ему нож и закатала рукава, показывая множество шрамов и свежих порезов. — С помощью боли я запоминаю обо всем, что произошло. Если я испытываю боль, значит, я никогда ничего не забуду.

Люций кивнул и медленно провел пальцами по своему искривленному носу. Серена видела, что мысль о нарушенном совершенстве лица вызвала в душе Люция гнев и задела его гордость. Странное чувство охватило ее — как будто ее слова наполнились новыми смыслами, как будто в них таилась необъяснимая власть. Это ощущение переполняло ее, просачивалось в воздух и заполняло все пространство между ними непонятным напряжением.

— Что случилось с твоим лицом? — спросила Серена, страшась утратить новое ощущение.

— Сын шлюхи, варвар по имени Локен сломал мне нос, обманув в честном поединке.

— Он ранил тебя? — спросила она, и звуки медом протекли в его уши. — Я хотела сказать, не только физически.

— Да, — глухо ответил Люций. — Он разрушил мое совершенство.

— И ты жаждешь ему отомстить, правда?

— Я скоро убью его, — поклялся Люций.

Серена улыбнулась, поднялась на цыпочки и положила руки на его нагрудник.

— Да, я знаю, так и будет.

Он взял у нее нож, и Серена направила его руку к лицу.

— Да, — кивнула она. — Твое совершенное лицо уже погибло. Сделай это.

Он кивнул в ответ и быстрым движением запястья глубоко разрезал щеку. Вздрогнув от боли, Люций снова поднял нож с каплями своей крови и провел такую же линию на второй щеке.

— Теперь ты никогда не забудешь Локена, — сказала Серена.

Фулгрим бродил по своим покоям, переходил из одной комнаты в другую и не переставал размышлять над словами эмиссара Бракстона. Он пытался скрыть тревогу, когда выслушивал принесенные известия, но подозревал, что этот человек догадался о его состоянии. Фулгрим описал мечом сверкающую дугу, и лезвие рассекло воздух, издав звук рвущейся ткани.

Сколько он ни пытался забыть слова эльдарского прорицателя, они вновь и вновь возвращались к нему. Как ни старался отделаться от лживых предсказаний ксеноса, они не оставляли его в покое. Известия Бракстона и поручение Совета Терры проверить деятельность Хоруса и Ангрона подтверждали правоту прорицателя.

— Этого не может быть! — крикнул Фулгрим. — Хорус никогда не предаст Императора!

Ты уверен?

Раздавшийся голос вызвал очередной укол тревоги.

Он больше не мог обманывать себя и считать голос проявлением своего собственного подсознания, это было что-то совершенно иное. С тех пор как портрет был доставлен в его каюту, беспристрастный советчик из его головы каким-то образом перебрался в пастозные краски полотна, и картина менялась в соответствии с его высказываниями.

Такая способность приспосабливаться поразила Фулгрима, но каждый раз, когда ужасные подозрения закрадывались в его мозг, восхищение и радость от созерцания картины заставляли сомнения таять, словно снег под жаркими лучами солнца.

Он повернулся к грандиозному холсту, созданному гениальной кистью Серены д'Анжело; великолепие портрета не уступало изумлению от того, во что превратилась картина за несколько дней после ее пребывания в апартаментах.

Фулгрим перешагнул через валявшиеся на полу обломки и пристально всмотрелся в свое лицо, запечатленное на холсте. С портрета на него смотрел гигант в пурпурных доспехах, с

изысканным и величественным лицом, точным отражением его собственного. Глаза искрились, словно он вспомнил давно забытую шутку, изгиб губ выдавал некоторое лицемерие, а сдвинутые брови свидетельствовали о роящихся в голове грандиозных замыслах.

Не успел Фулгрим отвести взгляд от картины, как полотно сморщилось и губы зашевелились:

А вдруг он говорил правду? Если Хорус действительно отрекся от Императора, на чью сторону встанешь ты?

Ужасные способности портрета вызывали на обнаженном теле Фулгрима холодную испарину, и все же он жаждал снова услышать этот голос, обладающий волшебной притягательностью, как голоса сирен. Не раз он собирался рассечь полотно мечом, но страх увидеть уничтоженной такую красоту всякий раз его останавливал.

Рот на портрете снова искривился от усилий, и снова послышались слова:

Он же лучший из вас. Если Хорус

отвернется от Императора, куда пойдешь ты?

— Этот вопрос не имеет смысла, — откликнулся Фулгрим. — Такая ситуация никогда не возникнет.

Ты так думаешь? — Портрет засмеялся. — Хорус уже сейчас выращивает семена мятежа.

Фулгрим скрипнул зубами и направил меч на собственное изображение.

— Я тебе не верю! — закричал он. — Ты не можешь этого знать.

Но я знаю.

— Откуда? — спросил Фулгрим. — Ты не часть меня, ты не можешь быть мной.

Нет, — согласился его двойник. — Я не ты. Называй меня... духом совершенства, который ведет тебя к будущему.

— Хорус стремится к войне с Императором? — спросил Фулгрим, как ни противно ему было произносить кощунственные слова.

Он не стремится, но его к этому подталкивают. Император намерен всех вас покинуть, Фулгрим. Его совершенство не больше чем простое притворство! Он

использовал вас, чтобы завоевать Галактику для себя, и теперь, на пролитой вами крови, он жаждет подняться до высот божественности.

— Нет! — крикнул Фулгрим. — Я не стану этому верить. Император — это разум человечества, вознесшийся над пороками и несовершенством, постигший все существующие истины.

Не важно, во что ты веришь. Это уже началось. Грандиозный процесс скрыт от слабых людей. То, что способны видеть даже глупцы, не в моей компетенции. Если цель видит Хорус, то почему же ее не видишь ты, самый совершенный из примархов?

— Потому что ты лжешь! — проревел Фулгрим и обрушил кулак на один из столбов зеленого мрамора, поддерживающих купол над его покоями.

Из колонны вылетел фонтан раздробленного камня, а затем столб осел грудой мелких обломков.

Ты напрасно тратишь время на сопротивление, Фулгрим. Ты уже вступил на путь, ведущий тебя вслед за братом.

— Я готов поддерживать Хоруса во всем, — выдохнул Фулгрим. — Но пойти против Императора — это слишком.

Ты никогда не узнаешь, что такое «слишком» пока не достигнешь этого. Я тебя знаю, Фулгрим, я изучил запретные желания, скрытые в самых дальних и темных уголках твоей души. Лучше убить младенца в колыбели, чем сожалеть о несделанном.

— Нет, — сказал Фулгрим, прижимая к виску окровавленную руку. — Я не буду тебя слушать.

Признайся в своих самых страшных страхах, Фулгрим. После этого страх не будет иметь над тобой силы, а страх перед свободой исчезнет полностью. Ты станешь свободным.

— Свободным? — повторил Фулгрим. — Предательство — это не свобода, а проклятие.

Проклятие? Нет! Это освобождение и безграничная возможность исследовать то, что есть, и то, что может быть! Хорус проник сквозь пелену смертной плоти, которую вы называете жизнью, и

узнал правду о вашем создании. Он приобщился к секретам Древних, и только он способен помочь тебе достигнуть совершенства.

— Совершенства? — прошептал Фулгрим.

Да, совершенства. Император несовершенен, поскольку, если бы он был совершенен, ничего бы не произошло. Совершенство — это медленная смерть. Яйцо феникса, перерождение, из которого ты встанешь обновленным, изменившимся, свободным! Спроси себя: чего я боюсь?

Фулгрим не отрываясь смотрел в глаза на портрете, которые счел бы своими, если бы не читавшееся в них ужасное знание. Полное понимание дало ему ответ на вопрос, заданный отражением.

— Я боюсь неудачи, — сказал Фулгрим.

Холодные яркие лампы апотекариона недобро смотрели на обнаженного Мария, лежащего на операционном столе. Блестящие стальные зажимы и

химические ингибиторы предотвращали любое движение рук и ног. Чувствовать свою уязвимость было крайне неприятно, но он поклялся подчиняться примарху абсолютно во всем, а лорд-командир Эйдолон заверил Мария, что таково желание лорда Фулгрима.

— Ты готов? — спросил Фабий.

Хирург апотекариона нависал над ним, окруженный сверкающими серебром манипуляторами машины, похожий на гигантского паука.

Марий попытался кивнуть, но мышцы ему уже не подчинялись.

— Готов, — с трудом произнес он.

— Отлично, — кивнул Фабий.

Он внимательно рассматривал Мария своими темными продолговатыми глазами, словно мясник, выбирающий лучший кусок туши, или скульптор, оценивающий девственный камень.

— Лорд-командир Эйдолон сказал, что ты сделаешь меня лучше, чем прежде.

— Значит, я так и сделаю, капитан Вайросеан, — усмехнулся Фабий. — Ты не поверишь, как много я могу сделать.

17
«Ничего такого, что противоречило бы твоей совести»

Корабли Шестьдесят третьей экспедиции, словно серебристый косяк рыб, парили над двойной системой Аурейской Технократии. Эфир бурлил от электронных переговоров вооруженных отрядов Воителя, ведущих войну далеко внизу. От разбитых спутников связи остались обломки в верхних слоях атмосферы, а аурейские наблюдательные станции давно пронеслись к поверхности планет пылающими метеорами.

Фулгрим наблюдал, как корабли Воителя дрейфуют над второй планетой; их внимание было сосредоточено на разгоревшемся внизу конфликте, и никто не заботился о том, чтобы защитить тыл. Он улыбнулся. При желании можно застичь брата врасплох.

— Уменьшить скорость до одной

четверти, — приказал Фулгрим. — Отключить все активные системы.

На мостике «Гордости Императора» кипела бурная деятельность — экипаж торопился выполнить полученные приказы. Фулгрим не отрывал взгляда от сведений, поступавших на монитор голопроектора тактической станции. Всякое изменение ситуации сопровождалось отрывистыми распоряжениями. Капитан Айзель с восхищением следил за каждым его движением. Фулгрим даже представить себе не мог жгучей зависти окружающих его людей, не имеющих ни единого шанса приблизиться к его гениальности.

Восемь недель перелета к Аурейской системе бесконечно утомили Фулгрима своим однообразием. Любое развлечение помогало лишь на краткие мгновения, а потом снова возвращалась скука. Он даже надеялся, что в варпе произойдет какая-нибудь катастрофа — что угодно, лишь бы разнообразить жизнь новыми ощущениями, но ничего подобного не случилось.

Перед встречей с братом доспехи Фулгрима были начищены до зеркального

блеска и золотые крылья орла сияли на его левом плече. Боевой комплект был заново выкрашен в фамильный ярко-пурпурный цвет, отделан золотом, украшен переливающимися драгоценными камнями и чеканкой. На плечах серебряными брошами был пристегнут длинный кольчужный плащ, а с наплечника свисали длинные пергаментные свитки.

Он не взял с собой оружия, и рука постоянно тянулась к отсутствующей рукояти меча; Фулгрим жаждал ощутить вселяющее уверенность тепло серебряного меча и услышать упрямый голос разговаривающего с ним шедевра Серены д'Анжело. Он скучал даже по Разящему Огню, хоть и не пользовался им уже несколько месяцев. Фулгриму недоставало его привычной тяжести и острого лезвия. Зато без оружия, особенно без найденного в лаэрском храме меча, его мысли стали яснее, ничто не забивало голову назойливыми голосами и предательскими мыслями. Но отказаться от серебряного меча окончательно он почему-то не мог.

Раны, полученные на Тарсисе, давно

затянулись, и со стороны никто не мог бы сказать, что Фулгрим серьезно пострадал в схватке. А чтобы увековечить его победу над эльдарским божеством, в центральном апотекарионе «Андрония» была создана новая мозаичная картина.

— Передай приказ на все корабли: по моему сигналу перестроиться в боевой порядок, — шепотом распорядился Фулгрим, словно яркие огоньки на мониторе перед ним могли услышать громкий приказ.

— Да, мой господин, — с улыбкой отозвался капитан Айзель, хотя за искренним удовольствием служить примарху Фулгрим смог разглядеть некоторую ревность.

Он снова сосредоточил свое внимание на обзорном иллюминаторе и усмехнулся: во флотилии Хоруса никто не подозревал, что Двадцать восьмая экспедиция подошла уже на расстояние выстрела.

Фулгрим положил руки на края командного пульта и задумался над грандиозным значением ситуации. В этой позиции у него была возможность

атаковать корабли Воителя и полностью их уничтожить. Его боевые суда уже находились на оптимальной дистанции, полный залп из всех орудий мог настолько повредить флотилии Воителя, что ответный удар был бы уже невозможен.

Если Эльдрад Ультран говорил правду, он мог бы положить конец мятежу еще до его начала.

— Объявить боевую готовность против близлежащих судов! — приказал он.

Через мгновение орудия Двадцать восьмой экспедиции уже были направлены на корабли Воителя, и Фулгрим, осознав, что ему хочется открыть огонь, нервно облизнул губы.

— Мой господин, — раздался за его спиной голос.

Обернувшись, Фулгрим увидел лорда-командира Эйдолона с его мечом в ножнах. Серебряная рукоять блеснула в полумраке капитанской рубки. Фулгрим тотчас ощутил гнетущую тяжесть его присутствия.

— Эйдолон?

— Вы приказали принести меч, —

сказал лорд-командир.

Фулгрим не помнил, чтобы он отдавал такой приказ, но кивнул и безропотно принял предложенное оружие. Он опоясался мечом, словно совершая самое привычное действие, и, как только защелкнул золотую пряжку в виде орла, желание открыть огонь испарилось, словно утренний туман.

— Прикажи кораблям обнаружить свое присутствие, но не стрелять, — распорядился он.

Капитан Айзель поспешил исполнить приказ, а Фулгрим наблюдал, как корабли Шестьдесят третьей экспедиции, неожиданно обнаружив возможного противника, начали рассредотачиваться, отчаянно пытаясь избежать полного уничтожения. Он знал, что все их маневры и перестроения абсолютно бесполезны, поскольку его корабли занимали идеальную позицию на идеальном для стрельбы расстоянии.

Вокс-каналы едва не взорвались от десятков запросов со стороны Шестьдесят третьей экспедиции, и Фулгрим кивнул,

когда открылся канал связи с «Духом мщения», флагманским кораблем Воителя.

— Хорус, брат мой, — произнес Фулгрим, — как оказалось, я еще могу тебя кое-чему научить.

Фулгрим шагал по проходу, ведущему на верхнюю транспортную палубу «Духа мщения». Рядом с ним шел лорд-командир Эйдолон, а позади следовали апотекарий Фабий, Саул Тарвиц и мастер меча Люций. Фулгрим с неудовольствием заметил, что лицо Люция исполосовано глубокими параллельными порезами. Они казались совсем свежими, едва залеченными, и Фулгрим сделал себе мысленную заметку спросить о происхождении ран, как только закончится встреча на борту Шестьдесят третьей экспедиции.

Тарвица и Люция он выбрал себе в спутники, поскольку слышал о завязавшейся дружбе этих воинов с Лунными Волками, а такими связями нельзя пренебрегать.

Эйдолон участвовал в делегации, так

как Веспасиан, знающий о поручении, возложенном на примарха Советом Терры, мог наговорить лишнего. А вот зачем он взял с собой Фабия, Фулгрим и сам не понимал, хотя и подозревал, что причина вот-вот откроется.

Как только все они подошли ближе к люку, герметичная дверь с барельефным орлом начала приподниматься, в коридор хлынули свет и теплый воздух. Фулгрим придал своему лицу выражение спокойной уверенности и шагнул на металлическую палубу «Духа мщения».

Там его ожидал Хорус, как всегда великолепный в сияющих доспехах цвета морской волны, украшенных сверкающим янтарным глазом посреди нагрудника. Красивое благородное лицо брата горело радостью, и Фулгрим почувствовал, как при виде могущественного воина испаряются все его тревоги. Смешно было даже представить себе, что Хорус мог замышлять против отца что-то недоброе, и любовь к брату свободно разлилась в его груди.

За спиной Воителя стояли четверо

Астартес, несомненно те, кого брат называл морнивальцами, его доверенные помощники и советники. Каждый из них выглядел прирожденным воином и отличался горделивой выправкой. Фулгрим легко узнал Абаддона по характерному пучку волос на макушке и высокому росту.

Судя по ошеломляющему сходству с примархом Лунных Волков, стоящий рядом воин мог быть только Хорусом Аксимандом, по прозвищу Маленький Хорус. Двух других Фулгрим не знал, но каждый выглядел благородным и гордым воином, с которым можно идти сквозь любое пламя.

Фулгрим раскинул руки, и примархи заключили друг друга в братские объятия.

— Как много времени прошло, Хорус! — воскликнул Фулгрим.

— Много, брат мой, очень много, — согласился Хорус. — Я несказанно рад нашей встрече, но почему ты здесь? Тебе же предстояла кампания в Аномалии Пардас. Или этот участок Галактики уже приведен к Согласию?

— Да, все миры, которые были там обнаружены, приведены к Согласию, — кивнул Фулгрим.

В этот момент в зал вошли спутники Фулгрима. Он заметил радость на лицах морнивальцев при виде знакомых лиц и понял, что не ошибся в выборе сопровождающих. Фулгрим обернулся к вошедшим воинам:

— Мне кажется, вы уже знакомы с моими собратьями — Тарвицем, Люцием и лордом-командиром Эйдолоном, но вот главного апотекария Фабия, вероятно, видите впервые.

— Для меня большая честь встретиться с вами, лорд Хорус, — с низким поклоном произнес Фабий.

Хорус кивком ответил на приветствие апотекария и снова повернулся к брату:

— Ну ладно, Фулгрим, у тебя, наверное, есть дела и поважнее, чем дразнить меня. Какое из них заставило тебя прибыть без предупреждения и уложить половину моего экипажа с сердечным приступом?

Улыбка моментально исчезла с бледных губ Фулгрима.

— Поступили кое-какие донесения, брат Хорус.

— Донесения? Что это значит?

— Донесения о том, что дела идут не так, как следовало бы, — ответил Фулгрим. — О том, что тебя и твоих воинов надо призвать к ответу за слишком жестокое ведение этой кампании. Что, Ангрон снова принялся за старое?

— Он такой же, каким был всегда.

— Так плохо?

— Нет, я держу его на коротком поводке, а его советник Кхарн, кажется, сдерживает наиболее яростные порывы нашего брата.

— Тогда я успел вовремя.

— Понимаю, — сказал Хорус. — Значит ли это, что ты прибыл, чтобы меня заменить?

Фулгрим заставил себя скрыть ужас, охвативший его при мысли, что брат мог себе такое представить, и замаскировал свое смущение смехом.

— Заменить тебя? Нет, брат, я здесь

для того, чтобы, вернувшись, заявить этим щеголям и бумагомарателям, что Хорус ведет войну именно так, как следует: жестоко и беспощадно.

— Война жестока по своей сути, и бесполезно пытаться это изменить. Чем больше жестокости, тем быстрее она заканчивается.

— Верно, брат мой, — согласился Фулгрим. — А теперь пойдем, нам еще о многом надо поговорить, поскольку мы живем в странное время. Знаешь, наш брат Магнус опять чем-то расстроил Императора, и Волкам Фенриса поручено препроводить его на Терру.

— Магнус? — неожиданно серьезно переспросил Хорус. — А что он натворил?

— Давай обсудим это наедине, — предложил Фулгрим. — Кроме того, мне кажется, что мои подчиненные будут рады возобновить знакомство с твоими... как ты их называешь? Морнивальцами?

— Да, — усмехнулся Хорус. — Несомненно, они хорошо помнят Убийцу.

Хорус жестом пригласил Фулгрима следовать за собой, и оба примарха

направились к выходу с транзитной палубы. Эйдолон пошел за своим примархом, а Абаддон с Аксимандом последовали за Хорусом, хотя Фулгрим не мог не отметить недружелюбных взглядов, бросаемых Лунными Волками в сторону его лорда-командира. По пути через великолепные залы могучего корабля он попытался представить, что могло произойти между этими воинами на Убийце.

Хорус на ходу весело ворошил общие воспоминания их невинной юности, когда они без оглядки наслаждались простой радостью сражений, но Фулгрим, погруженный в собственные размышления, его почти не слышал.

Наконец их прогулка закончилась у простых дверей из темного дерева, и Хорус отпустил обоих членов Морниваля. Фулгрим тоже освободил Эйдолона, поручив ему позаботиться об апотекарии Фабии.

— Как бы то ни было, твой визит пришелся очень кстати, брат мой, — сказал Хорус, открывая двери и проходя

внутрь.

— Почему? — спросил Фулгрим.

Хорус не ответил, и Фулгрим последовал за братом. Внутри их ожидал Астартес в доспехах цвета старого гранита. Воин обладал могучим телосложением, и его наплечники украшали многочисленные свитки обета, а кожу на гладко выбритом черепе покрывали вытатуированные письмена.

— Это Эреб из Легиона Несущих Слово, — сказал Хорус. — И ты прав.

— В чем? — удивился Фулгрим.

— В том, что нам о многом надо поговорить, — ответил Хорус, закрывая двери.

По сравнению с его собственными покоями, комнаты Хоруса отличались спартанской простотой, в них не было ни пышных украшений, ни картин на стенах, ни статуй на золоченых постаментах. Фулгрима это не удивило, поскольку его брат всегда пренебрегал личным комфортом, предпочитая делить все тяготы войны со своими воинами. Срочный

проход, занавешенный белым шелком, вел в спальню Хоруса, и Фулгрим улыбнулся, разглядев внутри огромный стол, заваленный пергаментами и свитками, и астрологический томик, подаренный Хорусу отцом.

Вспомнив об отце, он задержал взгляд на стенной фреске, которую не видел уже десятки лет. Картина изображала вознесшегося над миром Императора с воздетыми руками, а вокруг него вращались созвездия.

— Я помню, как ее рисовали, — печально произнес Фулгрим.

— Много лет назад, — добавил Хорус, наливая вино из серебряного кувшина и протягивая ему один кубок.

Вино было темно-красным, и Фулгриму на мгновение показалось, что он смотрит в океан крови. Он поднес кубок к губам и сделал большой глоток. На его лбу маслянисто заблестела испарина.

Фулгрим поверх края кубка взглянул на фигуру сидящего Эреба и ощутил, что Несущий Слово вызывает у него необъяснимую неприязнь, хотя раньше он

никогда не видел этого воина и с его губ еще не слетело ни одного слова. Он всегда недолюбливал компанию Астартес XVII Легиона, считал, что их исступленные восторги приносят только вред, и помнил их старания превратить личность Императора в объект поклонения, что противоречило основным положениям Великого Крестового Похода.

— Расскажи мне о Лоргаре, — потребовал Фулгрим. — Я довольно давно его не видел. У него все в порядке?

— Да, конечно, — с улыбкой ответил Эреб — Лучше, чем когда бы то ни было.

Фулгрим нахмурился, не одобряя выбор слов, и уселся на кушетку лицом к столу Воителя. Хорус начал чистить яблоко кинжалом с рукоятью в виде змеи, а обостренные чувства Фулгрима уловили накапливающееся в воздухе чудовищное напряжение, следы невысказанных слов и безграничных сил. Что бы Хорус ни задумал, это наверняка имело огромное значение.

— Ты отлично поправился после ранения, — заметил Фулгрим и тотчас

заметил, что Хорус и Эреб обменялись взглядами.

Из Шестьдесят третьей экспедиции почти не поступало информации об операции на Давине и, уж конечно, ничего такого, что позволило бы догадаться о ранении Воителя, но реакция Хоруса доказывала, что по крайней мере часть предсказаний прорицателя была правдивой.

— Ты слышал об этом, — сказал Хорус, бросил в рот ломтик яблока и тыльной стороной ладони вытер сок с подбородка.

— Да, слышал, — кивнул Фулгрим.

Хорус пожал плечами:

— Я пытался предотвратить распространение подобных новостей по другим экспедициям, чтобы не ослабить их моральный дух. В конце концов, это была простая царапина на плече.

Фулгрим тотчас почуял ложь:

— Вот как? А мне говорили, что ты чуть не умер.

Воитель прищурил глаза:

— Кто тебе это сказал?

— Не важно, — ответил Фулгрим. —

Важно то, что ты выжил и поправился.

— Да, выжил и стал сильнее, чем прежде. Я воскрес.

Фулгрим поднял свой кубок:

— Давай выпьем за твое быстрое выздоровление.

Хорус отпил из кубка, скрывая свое раздражение, а Фулгрим позволил себе слегка улыбнуться; легкая пикировка с таким могущественным противником, как Воитель, привела его в приятное возбуждение.

— Итак, — заговорил Хорус, меняя тему, — тебя прислали для проверки, не так ли? Они сомневаются в моей компетенции?

Фулгрим тряхнул головой:

— Нет, брат мой, хотя есть и такие, кто ставит под вопрос твои методы руководства Великим Крестовым Походом. Штатские, находясь за сотни световых лет от сражений, которые мы ведем ради их блага, осмеливаются осуждать твое поведение на войне. Они хотят использовать наши братские узы, чтобы посадить на цепь твоих боевых псов.

— Под военными псами, я полагаю, ты подразумеваешь Ангрона?

Фулгрим кивнул и сделал еще глоток горьковатого вина.

— Ты, наверное, заметил, что его трудно назвать милосердным. Лично я никогда не одобрял его художеств в театрах военных действий, если не требовалось полного уничтожения и разрушения. Но я допускаю, что иногда требуется умеренность, а иногда — жестокая агрессия. Эта война для него?

— Да, — согласился Хорус. — Ангрон по моему приказу проливает реки крови, и в настоящий момент мне это необходимо.

— Почему?

— Я уверен, ты не забыл, как Ангрон бесился после Улланора? — спросил Хорус. — Он был разъярен моим назначением и метался, словно зверь в клетке. Считал это личным оскорблением. Наслушался я тогда...

— Ангрон думает не головой, а рукой, в которой держит меч, — сказал Фулгрим. — Я помню, что мне потребовалось все мое красноречие, чтобы

потушить пожар в его сердце и залечить раненую гордость, но он принял твое назначение. Надо сказать, неохотно, но принял.

— Неохотно, это слишком слабо сказано, — бесстрастно заметил Хорус. — Если я назначен Воителем, я должен быть уверен в преданности и беспрекословном повиновении всех, кем я командую, особенно в грядущем кровопролитии. Я даю Ангрону все, чего он хочет, и позволяю подтверждать свою преданность единственным доступным ему способом. Там, где другие предпочли бы натянуть цепь, я даю ему возможность действовать.

— И его преданность к тебе вырастает на пролитой крови, — добавил Фулгрим.

— Точно, — согласился Хорус.

— Мне кажется, именно этого и опасается Совет Терры.

— Я — Воитель, и я пользуюсь всеми доступными мне инструментами, переплавляя их по своему усмотрению, — заявил Хорус. — Наш брат Ангрон жесток и кровожаден, но в моих замыслах ему

найдется достойное место. При этом от него потребуется безусловная преданность, в первую очередь преданность мне.

Пока Воитель говорил, Фулгрим видел в его глазах блеск лихорадочной страсти, которого не замечал уже много десятков лет. Что за грандиозные планы, требующие безукоризненной верности? Неужели за этим скрывается его предательство, о котором предостерегал прорицатель?

После того как Хорус убедится в верности Ангрона, будет ли он привлекать на свою сторону и других братьев? Фулгрим украдкой взглянул на Эреба и увидел, что тот тоже увлечен словами Воителя. Интересно, кому проявит верность примарх Несущих Слово?

Терпение... Со временем тебе станут известны все истины, — произнес голос в его голове. — Ты всегда оглядывался на Хоруса. Доверься ему и сейчас, твоя судьба неразрывно связана с ним.

Он уловил, как Эреб озадаченно нахмурил брови, и на мгновение Фулгрима охватила паника: а вдруг Несущий Слово

тоже слышал этот голос?

Фулгрим выбросил эту мысль из головы и кивнул Хорусу:

— Я тебя прекрасно понимаю.

— Я вижу, — сказал Хорус. — А опасения Совета Терры касаются только кровожадности Ангрона?

— Не совсем, — признал Фулгрим. — Как я уже говорил, Волкам Фенриса предписано отправиться на Просперо, чтобы привезти Магнуса на Терру, но с какой целью, мне неизвестно.

— Он практикует колдовство, — неожиданно сказал Эреб.

Дерзкие слова Несущего Слово мгновенно отозвались в душе Фулгрима гневом; простому воину не подобало заговаривать с примархом, пока к нему не обратятся.

— Кто ты такой, чтобы свободно разговаривать в присутствии старших? — возмутился он и повернулся к Хорусу, раздраженно махнув рукой в сторону сидящего Астартес. — Скажи, кто этот воин и почему он присутствует на нашей приватной беседе?

— Эреб... Он мой советник, — сказал Хорус. — Ценный советник и помощник.

— Тебе уже мало своих торнивальцев? — спросил Фулгрим.

— Времена переменились, братец, я начал осуществлять планы, в которых совет Морниваля мне не поможет, в эти дела они не посвящены. Впрочем, это относится не ко всем, — добавил он с натянутой улыбкой.

— Что это за дела? — удивился Фулгрим, но Хорус покачал головой.

— Всему свое время, братец, — пообещал Хорус, поднялся из-за стола и подошел к фреске с изображением Императора. — Расскажи мне поподробнее о Магнусе и его проступках.

Фулгрим пожал плечами:

— Ты знаешь столько же, сколько и я. Все, что мне было известно, я уже рассказал.

— И ничего, что указывало бы на условия возвращения Магнуса на Терру? В качестве пленника или просителя?

— Я не знаю, — признался Фулгрим. — Хотя, если учесть, что сопровождающим

выбран Волк, не питающий особой любви к Магнусу, вряд ли стоит предполагать, что он будет путешествовать с особыми почестями.

— Да, не похоже, — согласился Хорус, и Фулгрим заметил на его лице тень облегчения.

Неужели Магнус, как и Эльдрад Ультран, проник в будущее и попытался послать предостережение о готовящемся предательстве? Если так, то Хорусу необходимо разобраться с ним до возвращения на Терру.

Воитель, убедившись, что вопрос с повелителем Просперо разрешился к его несомненному удовольствию, кивнул на фреску:

— Ты говорил, что помнишь, как ее создавали.

Фулгрим кивнул, и Воитель продолжил:

— И я тоже, очень отчетливо. Мы с тобой тогда участвовали в свержении последних принцев Отаккада на борту их тира-обсерватории, и Император решил увековечить эту победу.

— Пока Император сражался с последним принцем, ты зарубил их короля и забрал его голову для Музея Завоеваний, — добавил Фулгрим.

— Совершенно верно, — кивнул Хорус, постукивая пальцами по картине. — Я убил их короля, но созвездия Галактики все же находятся в руках Императора. А где фрески, которые должны увековечить наши с тобой подвиги в той битве, друг мой?

— Ревность? — усмехнулся Фулгрим. — Я всегда знал, как высоко ты себя ценишь, но не ожидал подобного высокомерия.

Хорус покачал головой:

— Нет, братец, желание добиться признания за свершенные деяния и достижения — это не высокомерие. Кто из нас сделал больший вклад для завоевания победы, как не я? Кого среди всех нас признали достойным поста Воителя? Только меня и оценили по достоинству, но всеми полученными мною почестями я обязан лишь самому себе.

— Со временем, когда закончится Великий Крестовый Поход, твои заслуги

будут оценены должным образом, — сказал Фулгрим.

— Со временем? — презрительно фыркнул Хорус. — Как раз времени-то у нас и не осталось. В сущности, мы в любой момент можем узнать, что Галактика перевернулась на небесах, но мы этого не ощутим, поскольку палуба под нашими ногами даже не дрогнет. Смертные люди могут прожить свои жизни, не потревоженные столь великими идеями, но им никогда не достичь могущества, поскольку люди невежественны и инертны. То же самое относится и к времени, мой братец. Пока мы стоим на месте и измеряем время, возможность завоевать вечную славу может ускользнуть, и мы ее даже не заметим.

Слова эльдарского прорицателя громогласно отдавались в его голове:

Он поведет свои армии против вашего Императора.

Хорус пристально посмотрел в его глаза, и Фулгрим ощутил, как огонь целеустремленности брата распространяется по всей комнате, словно

электрический разряд, и разжигает в его душе стремление к совершенству. Как бы ни ужасался он услышанным идеям, Фулгрим не мог не сознавать их огромной притягательной силы. Он хотел присоединиться к своему брату.

Он видел, что Хорусом движет безумное честолюбие и жажда власти. Хорус хотел держать созвездия в своих руках, как Император, запечатленный на фреске.

Все, что ты услышал, — правда.

Фулгрим откинулся на спинку стула и осушил свой кубок.

— Расскажи мне о вечной славе, — сказал он.

В течение трех дней Хорус и Эреб рассказывали Фулгриму обо всем, что произошло с Шестьдесят третьей экспедицией на Давине, о предательстве Эугана Тембы, засаде на потерпевшей крушение «Славе Терры» и некротическом поражении плоти примарха. Хорус рассказал об оружии, известном как Анафем, и меч был доставлен в его поко

апотекарием Фулгрита Фабием, после того как Воитель своей печатью подтвердил разрешение забрать меч с медицинской палубы «Духа мщения».

Фулгрим увидел клинок довольно грубой работы, с обсидиановым лезвием, ровного серого цвета с мерцающим блеском. Рукоять была выполнена из золота и по сравнению с лезвием отличалась тонкой работой, хотя все равно показалась бы примитивной даже по сравнению с Разящим Огнем, не то что с серебряным мечом лазеров.

А затем Хорус рассказал ему о своем ранении. Он действительно мог умереть, если бы не усилия преданных ему членов воинской ложи. О времени, проведенном в Дельфосе — огромном храмовом комплексе Давина, — он почти ничего не сказал, за исключением того, что там ему открылись великие истины и чудовищный обман...

В продолжение всего рассказа Фулгрим ощущал, как им постепенно овладевает ужас. Слова Хоруса подрывали самые основы его убеждений. Он помнил

предостережение прорицателя, но до этого момента не верил, что оно правдиво. Он хотел опровергнуть слова Воителя, но каждый раз, когда пытался заговорить, властная сила внутри заставляла молчать и слушать рассказ брата.

— Император лгал нам, Фулгрим, — сказал Хорус, и грудь Фулгрима стиснул приступ гнева. — Он намерен бросить нас в неизведанных пустынях Галактики, а сам старается достичь высот божественности.

Фулгрим почувствовал, что его мышцы словно скованы стальными путами, иначе он непременно должен был бы броситься с мечом на Хоруса. Но вместо этого он продолжал сидеть в оцепенении, чувствуя, как дрожат его руки, а весь мир летит в пропасть. Как мог Хорус, лучший из всех примархов, говорить подобные вещи?

Не важно, что он уже слышал о них от прорицателя, их реальность обрушилась на него только сейчас. Слова, срывающиеся с губ Хоруса, вдавливали Фулгрима в кресло. Хорус был для

Фулгрима самым доверенным другом, они давным-давно поклялись на крови никогда не лгать друг другу. И после такой клятвы ему предстояло поверить, что либо отец, либо брат его обманывал.

У тебя нет выбора! Присоединяйся к Хорусу, иначе все, ради чего ты страдал, обратится в пыль.

— Нет, — с трудом прошептал он, и по щекам покатились слезы.

Ожидание этого момента давно обострило все его чувства, но действительность оказалась совсем не такой, как он ожидал.

— Да, — горестно, но решительно сказал Хорус, — мы верили, что Император — это высшее воплощение совершенства, но мы ошибались, Фулгрим. Он несовершенен, он просто человек, и нам предстоит разоблачить его ложь.

— Всю свою жизнь я хотел стать таким, как он, — печально произнес Фулгрим.

— Мы все хотели этого, брат мой, — ответил Хорус. — Мне больно говорить тебе подобные вещи, но я должен это

сделать. Грядет время великой войны, ее ничто не сможет предотвратить, и, когда наступит пора двигать наши Легионы против тех, кто к нам не присоединится, мне потребуется помощь ближайших братьев.

Фулгрим поднял полные слез глаза:

— Хорус, ты ошибаешься. Ты наверняка ошибаешься. Как могло несовершенное существо породить таких, как мы?

— Мы? — переспросил Хорус. — Мы всего лишь инструменты его воли, необходимые для достижения господства в Галактике, пока он стремится к божественности. Когда войны закончатся, нас отбросят в сторону. Мы ведь всего-навсего несовершенные создания, появившиеся из необъятной утробы вечной ночи. Еще до нашего рождения Император покинул нас, хотя мог спасти. Ты помнишь кошмар Хемоса, его бескрайние дикие пустоши, куда ты был выброшен? Помнишь боль, которую ты там испытывал, как все мы испытывали страдания на планетах, где проходило наше детство? Всего этого

можно было бы избежать. Он мог все остановить, но он так мало о нас заботился, что ничего не предпринял. Я видел, как это случилось, брат. Я все видел.

— Как? — выдохнул Фулгрим. — Как ты мог видеть эти события?

— В предсмертном состоянии мне была дарована способность заглянуть в прошлое, — сказал Хорус. — То ли я действительно видел прошлое, то ли ожили скрытые в мозгу самые ранние воспоминания, я не могу сказать, но увиденные мною картины были такими же реальными, как твое лицо сейчас.

Мозг Фулгрима, пытавшегося постичь все, о чем говорил его брат, хотел взорваться.

— Даже в мгновения самых мрачных сомнений меня поддерживало стремление к полному и абсолютному совершенству, — сказал Фулгрим. — Император был для меня сияющим образцом, к которому я стремился, и лишиться всего этого...

— Сомнения никогда не приносят радости, — кивнул Хорус. — Но

определенность, построенная на лжи, — это абсурд.

Разум Фулгрима отказывался даже предположить, что Хорус может быть прав, его слова разрушали все, чем он до сих пор жил, и все, к чему стремился. Прошлое уже кануло во тьму, уничтоженное ложью отца, и теперь у него оставалось только будущее.

— Император играет комедию перед публикой, которая не осмеливается смеяться, — продолжал Хорус. — Все мы для него лишь инструменты, используемые в случае надобности, а потом отброшенные в сторону. Почему еще он мог оставить Великий Крестовый Поход на наше попечение, а сам удалился в свое подземелье на Терре? Процесс его обожествления уже начался, и только мы в силах его остановить.

— Я мечтал о дне, когда стану таким, как он, — прошептал Фулгрим. — Мечтал, что встану рядом с ним и почувствую его любовь и гордость своим сыном.

Хорус шагнул вперед, опустился на

колени и взял его руки в свои.

— Фулгрим, всем нам свойственно мечтать, но не все мечты одинаковы. Те, кто мечтает в ночи, скованный пыльной пеленой ничтожности своего разума, просыпаются утром и видят, что их мечты были пустым тщеславием. Но для таких, как мы, для мечтателей дня, видения славы означают надежду на перемены к лучшему. Возможно, до сих пор мы были просто орудиями, воинами, не владевшими ничем, кроме искусства войны, но мы выросли, брат мой! Теперь мы стали гораздо умнее и лучше, но Император этого не замечает. Он предпочел бросить свои величайшие произведения во тьму враждебной Вселенной. Я знаю это наверняка, Фулгрим, поскольку не только получил его мудрость, я сделал много открытий во время путешествия, которого никому не дано повторить или разделить со мной.

— Хорус, я не могу этого слышать! — вскричал Фулгрим.

Оковы, удерживающие его в неподвижности, внезапно упали с его тела,

и он вскочил на ноги. Фулгрим быстро прошел к фреске.

— Ты не представляешь, о чем просишь!

— Напротив, — возразил Хорус, тоже поднялся и подошел к брату. — Я совершенно точно знаю, о чем я тебя прошу. Я прошу тебя встать рядом со мной на защиту наших прав, определенных рождением. Эта Галактика принадлежит нам по праву пролитой крови, но он хочет отдать ее алчным политиканам и чиновникам. Я знаю, что тебе это известно, и твоя кровь кипит от негодования так же, как и моя. Где были эти штатские, когда наши воины гибли тысячами? Где они были, пока мы пересекали ширь Галактики, чтобы донести свет до утерянных колоний человечества? Я скажу тебе. Они прятались в своих темных и душных залах, они писали пасквили, подобные этим!

Хорус, дотянувшись до своего стола, схватил пачку листков и бросил их в руки Фулгриму.

— Что это? — спросил тот.

— Ложь, — бросил Хорус. — Они называют это «Божественным Откровением», и листки распространяются по всем флотилиям, словно вирус. Это культ, прославляющий Императора и откровенно признающий его богом! Ты можешь в это поверить? После всего, что мы сделали, чтобы принести этим мелким людишкам свет науки, они выдумывают себе фальшивого бога и просят его о покровительстве.

— Бога?

— Да, Фулгрим, бога, — кивнул Хорус.

Долго сдерживаемый гнев вырвался наружу приступом ярости. Воитель с ревом ударил кулаком по фреске, и латная рукавица превратила лицо Императора в пыль и мелкие осколки камней. Из стены вывалились несколько каменных блоков и с грохотом ударились о металлическую палубу. Фулгрим непроизвольно разжал руку, и листки медленно закружились над остатками фрески.

Фулгрим закричал, словно весь его мир превратился в каменные осколки и фрагменты стенной росписи. Его любовь к

Императору была вырвана из груди и превратилась в груду никчемных обломков.

Хорус, подойдя вплотную, обхватил его лицо ладонями и пристально, почти умоляюще, уставился в его глаза.

— Брат, ты нужен мне, — прошептал Хорус. — Я не смогу этого сделать без твоей помощи, но тебе не надо будет совершать ничего такого, что противоречило бы твоей совести. Брат мой, мой феникс, моя надежда, прогони тьму своим крылом и не обращай внимания на издевки фортуны. Восстань из пепла и поднимись!

Фулгрим твердо встретил взгляд брата:

— Что я должен сделать?

18
Орбитальная станция
Иссечение
Разные пути

Взлетно-посадочная палуба орбитальной станции DC-191 превратилась в лабиринт из искореженного металла, окутанного пламенем. Зеленокожие оккупировали и превратили в халк орбитальную оборонительную станцию некоторое время назад, и влияние их уникального стиля в инженерном искусстве уже стало заметно повсюду. Среди груд обломков громоздились большие клыкастые чудовища из железа, а все пространство палубы было заставлено сильно поврежденными или полностью разбитыми машинами, напоминавшими примитивные катапульты.

Соломон укрылся от града дребезжащих снарядов, вылетающих из-за баррикады, набросанной — ибо сказать «построенной» не поворачивался язык —

зеленокожими в дальнем конце посадочной палубы.

Сотни горластых ксеносов швырялись огромными топорами или стреляли, почти не целясь, по трем десяткам Астартес Второй роты с того самого момента, как воины высадились на палубу с борта «Громового ястреба». В ходе общего наступления Детей Императора корпус орбитальной станции был обстрелян ракетными снарядами с целью вызвать взрывную декомпрессию, что позволило бы воинам Соломона беспрепятственно высадиться в предположительно не занятой врагами секции.

Все шло без особых проблем до тех пор, пока Астартес не десантировались на поверхность халка, и тогда из корпусов разбитых истребителей и бомбардировщиков повылезали банды орков и с бездумной яростью начали контратаку. По всей палубе загромыхала стрельба. В рядах атакующих Астартес стали взрываться бомбы и гранаты с мощными пороховыми зарядами.

— Тот, кто называет зеленокожих примитивными противниками, вероятно, никогда с ними не сражался! — крикнул Гай Кафен после очередного взрыва, от которого по всей палубе разлетелись железные осколки и поползли клубы черного маслянистого дыма.

Соломон не мог не согласиться, ему-то много раз приходилось биться с зеленокожими чужаками. Казалось, во всей Галактике не осталось ни одной звездной системы, не загаженной зеленокожими подонками.

— Есть какие-то сведения о подкреплении? — крикнул Соломон.

— Пока нет, — ответил Кафен. — Нам обещали прислать дополнительные отделения Первой и Третьей рот, но до сих пор ничего.

Соломон пригнулся, но граната с оглушительным визгом скользнула по куску металлической обшивки, за которым он укрылся, и рикошетом отлетела в потолок, где и взорвалась целым фейерверком пламени и дыма. Раскаленная шрапнель застучала

металлическим градом.

— Не беспокойся! — крикнул Соломон. — Юлий и Марий нас не подведут.

По крайней мере, ему хотелось в это верить, поскольку в уме он уже трачно прикидывал вероятность победы орков. Из-за неожиданной контратаки зеленокожих Соломон и его воины останутся запертыми на взлетно-посадочной палубе, пока не пробьют себе путь через сотни горланящих вражеских солдат. Соломон ни на секунду не усомнился бы в печальной судьбе любых других противников, но зеленокожие воины были чудовищными монстрами, по силе почти равными Астартес. Центральная нервная система орка развита не более чем у крокодила, и чтобы заставить его прекратить сопротивление, требовались значительные усилия.

Конечно, зеленокожих нельзя было сравнивать с Астартес, но они обладали тупым упрямством, агрессивностью и, вдобавок ко всему, значительным численным преимуществом.

Система Каллиниды представляла

собой совокупность имперских миров и подверглась вторжению зеленокожих. Чтобы начать операцию по освобождению планет, требовалось отбить хотя бы несколько орбитальных станций.

Порученная Соломону миссия была первой фазой операции по освобождению Каллинид, за которой должен был последовать десант объединенных сил Детей Императора и Железных Рук на Каллиниду IV.

Баррикада из железной арматуры и кусков обшивки, за которой укрывались зеленокожие, содрогнулась от резких воплей, и Соломон рискнул выглянуть наружу. Он не знал орочьего языка, не знал даже, есть ли у них вообще какое-то наречие, но воинское чутье помогло определить варварские вариации военного клича. А это означало, что вожак зеленокожих готовил своих воинов к новой атаке. За кучей рваного металла поднялись резные шесты с висящими на них отвратительными трофеями, и Соломон понял, что ему и его воинам придется всерьез биться за свою жизнь.

— Ну же, скорее, — прошептал он. Без поддержки Мария или Юлия ему придется приказать воинам отступать к десантному кораблю и признать свое поражение, а это не укладывалось в рамки воинского кодекса. — Есть какие-то известия?

— До сих пор нет ни слова, — прошипел Кафен. — Собираются они идти к нам на помощь или нет?

— Они придут, — пообещал Соломон.

Протяжные вопли превратились в рев, к которому добавился топот подкованных железом сапог. Гай Кафен и Соломон обменялись понимающими взглядами и встали во весь рост с болтерами на изготовку.

— Похоже, они решили идти напролом! — крикнул Кафен.

— Мерзавцы! — возмутился Соломон. — Это же был мой план! Вторая рота! Огонь!

Над палубой прогремел ураганный залп болтерных снарядов, и первый ряд чужаков был уничтожен взрывами в доли секунды. Оглушительное эхо заметалось

между металлических стен, а Астартес продолжали посылать залп за залпом в толпу атакующих врагов, но, сколько бы орков ни падало, оставшиеся безудержно рвались вперед.

Чужаки накатывались лавиной зеленой плоти, ржавых доспехов и потрепанной кожи. Красные глаза, словно тлеющие угли, горели неукротимой злобой, а их воинственные кличи напоминали рычание разъяренных зверей. Зеленокожие стреляли с бедра из шумных, полыхающих огнем ружей и размахивали огромными цепными топорами, рассыпающими искры. Некоторые орки были в доспехах, связанных толстыми кожаными лентами или попросту приколоченных к толстой шкуре, а кое-кто красовался в рогатых шлемах, украшенных густым мехом.

Атаку возглавлял огромный самец в скрипучих механических экзодоспехах, и болтерные снаряды рикошетом разлетались от его защиты. Соломон заметил вокруг ужасного вожака дрожащий ореол защитного

энергетического поля и удивился тому, что такая примитивная раса сумела овладеть сложной технологией.

Болтерный огонь Второй роты нанес существенный урон рядам атакующих ксеносов, каждый снаряд оставлял в зеленых телах кровавые кратеры, а то и вовсе отсекал конечности от туловища, и палуба уже полностью была залита отвратительно вонявшей кровью зеленокожих.

— Приготовить мечи! — приказал Соломон.

Каким бы кровопролитным ни был их обстрел, его было явно недостаточно.

Соломон положил на палубу свой болтер, обнажил меч и приготовил пистолет. Первый из зеленокожих воинов уже пробивался через ржавые балки, даже не пытаясь обойти их стороной. Соломон увернулся от мощного удара, который вполне мог рассечь его пополам, и, схватив меч обеими руками, обрушил клинок на шею врага. Лезвие вошло в плоть на целую ладонь, но орк, вместо того чтобы рухнуть замертво, взревел и нанес

жестокий удар, швырнув Соломона на пол.

Соломон кувыркнулся, чтобы избежать удара ногой, способного размозжить ему череп, и снова размахнулся мечом. На этот раз клинок рассек лодыжку чудовища, и зеленокожий грохнулся, потеряв равновесие. И все же он еще пытался достать противника, но Соломон мгновенно вскочил на ноги и ударил его по шее, а затем добавил пару выстрелов в голову.

Гай Кафен сражался с монстром, на целую голову выше его ростом, и огромный моторизованный топор с каждым взмахом пролетал все ближе к голове Астартес. Соломон уложил орка выстрелом в лицо и быстро пригнулся, уклоняясь от удара следующего зеленокожего. Весь порядок битвы рассыпался, и каждый воин теперь вел собственную битву, изо всех сил стараясь поразить врага и остаться в живых.

Невозможно представить, чтобы все так закончилось. Жизнь, полная славных битв, не должна прерваться по воле зеленокожих. Соломон сражался плечом к

плечу с величайшими воинами Империума и не мог допустить гибели в битве с такими бесславными противниками, как эти животные.

Только оркам было на это плевать.

Во имя Терры, где же Марий и Юлий?

Соломон видел, как двое его воинов упали на палубу под натиском целой толпы зеленокожих и ревущие топоры раскололи в щепу великолепные доспехи «Марк IV». Еще один Астартес был разорван почти надвое выстрелом в упор из огромной роторной пушки, казавшейся в руках зеленокожего не более тяжелой, чем обычный пистолет.

В тот момент, когда эти трагедии разыгрывались перед глазами, ржавый топор ударил в грудь Соломона и опрокинул его на спину. Доспехи раскололись от удара, и Астартес закашлялся кровью, видя перед собой злобную клыкастую физиономию вожака зеленокожих. Шипящие и скрипящие экзодоспехи делали его туловище еще массивнее, а в дополнение к могучим

мускулам работали огромные поршни.

Цепной топор, описав дугу, начал стремительно опускаться, и Соломон откатился в сторону, вскрикнув от боли, когда сдвинулись обломки костей в груди. Боль на мгновение парализовала тело, но он все же услышал массированную болтерную стрельбу и пронзительный вой десятков цепных мечей.

Зеленокожий рядом с ним повернул голову, привлеченный неожиданными звуками, и Соломон не упустил возможности разрядить пистолет прямо в висок вожака, превратив его череп в кашу.

Механический экзоскелет все еще держал орка на ногах, но силы зеленокожих были уже сняты подошедшими на помощь Детьми Императора. Они уничтожали врагов выстрелами в упор или точными взмахами мечей отсекали руки и головы.

Через несколько мгновений толпа зеленокожих была разбита на мелкие группы, быстро и беспощадно уничтожаемые вновь прибывшими воинами, и вскоре битва закончилась. Соломон с искренним восхищением

наблюдал за финалом сражения, поскольку воины делали свое дело с невиданным совершенством.

Гай Кафен, весь израненный, но живой, помог Соломону подняться, и тот улыбнулся, несмотря на боль в треснувшей реберной кости.

— Я же говорил, что Марий и Юлий нас не подведут, — произнес он.

Кафен взглянул на приближавшихся капитанов, командиров прибывших отрядов, и покачал головой:

— Здесь нет ни одного из них.

Соломон в растерянности смотрел, как один из воинов снимает шлем.

— Я слышал, что вам не помешает поддержка, и решил протянуть руку помощи, — произнес Саул Тарвиц.

Рядом с ним сиял самодовольной ухмылкой мастер меча Люций.

— А как же Третья и Первая? — прошептал он.

Сознавать, что боевые братья покинули Вторую роту, было куда больнее, чем переломать ребра. Тарвиц неопределенно пожал плечами:

— Не знаю. Мы начали наступление на главный контрольный центр и отозвались на ваши запросы о поддержке.

— И правильно сделали, — вмешался Люций, сияя от удовольствия. — Похоже, вам действительно была нужна помощь.

Соломону захотелось съездить по самодовольной физиономии хвастуна, но он сдержался. Мастер меча был прав — без своевременной помощи Второй роте грозила гибель.

— Я благодарен вам, капитан Тарвиц, — сказал он, стараясь не смотреть на Люция.

— Это честь для меня, капитан Деметр, — ответил Тарвиц, склонив голову. — Но, к сожалению, мы должны вас покинуть и продолжить путь к назначенному объекту.

— Да, — кивнул Соломон. — Идите. И пусть Легион вами гордится.

Тарвиц коротко отсалютовал, надел шлем и пошел прочь, отдавая на ходу приказы своим воинам. Люций отвесил насмешливый поклон и отдал салют лезвием энергетического меча, а затем

поспешил за своим другом.

Юлий и Марий так и не появились.

— Где же вы? — прошептал Соломон, но ему никто не ответил.

— Милорд! — крикнул Веспасиан, без всяких церемоний маршируя по личным покоям Фулгрима.

Лорд-командир явился в полных боевых доспехах, отполированных и натертых маслом до безупречного блеска. Его лицо пылало от негодования, и Веспасиан решительно перешагивал через кучи мраморных обломков и порванных полотен, пока не добрался до комнаты, где Фулгрим в задумчивости сидел перед парой статуй, изображавших капитанов двух боевых рот.

Фулгрим поднял голову, и перемены в его лице, происшедшие с тех пор, как флотилия оставила Шестьдесят третью экспедицию, потрясли Веспасиана. Четырехнедельный переход к системе Каллиниды стал самым странным из всех на его памяти. Все это время его примарх оставался печальным и замкнутым, а дух

Легиона тем временем охватывало смятение. С тех пор как все больше и больше препаратов фабия попадало в кровь воинов, только слепой мог не заметить упадка морального состояния Легиона. Глядя на фулгрита и Эйдолона, лишь немногие из капитанов еще удерживались, чтобы не скатиться к декадентскому высокомерию.

Только несколько рот Веспасиана еще хранили верность идеалам, на которых строился Легион, и лорд-командир ломал голову, как остановить загнивание. Приказы отдавались фулгритом и Эйдолоном, а при строгой субординации, принятой среди Детей Императора, не оставалось никакой возможности их изменить.

Веспасиан запрашивал разрешение на личную аудиенцию у фулгрита в течение всего перелета к Каллинидам, но, хотя его высокий ранг, как правило, обеспечивал мгновенное решение этого вопроса, все его просьбы были отклонены. Когда на экране голопроектора он увидел, что рота Соломона Деметра осталась покинутой,

Беспасиан не выдержал и решил действовать напрямик.

— Беспасиан, — произнес Фулгрим, отрываясь от созерцания статуй и слегка оживая лицом, — как идет сражение?

Беспасиан унял свои эмоции и постарался говорить спокойно:

— Сражение скоро закончится, мой господин, но...

— Прекрасно, — прервал его Фулгрим.

Беспасиан заметил, что перед примархом лежат три меча. Разящий Огонь был направлен на статую Мария Вайросеана, таинственный серебряный меч лаэров указывал на Юлия Каэсорона, а оружие с мерцающим темно-серым лезвием и золотой рукоятью лежало на осколках трактора между двух статуй. В этих обломках Беспасиан увидел фрагменты разбитого лица Соломона Деметра.

— Мой господин, — настойчиво повторил он, — почему капитаны Вайросеан и Каэсорон не поддержали Соломона Деметра? Если бы не вмешательство Тарвица и Люция, воины

Соломона были бы уничтожены.

— Тарвиц и Люций спасли капитана Деметра? — спросил фулгрим, и мимолетная тень раздражения на его лице удивила Веспасиана. — Как... отважно с их стороны.

— Им бы не пришлось этого делать, — сказал Веспасиан. — Предполагалось, что поддержку Второй роте обеспечат Юлий и Марий, но их отозвали. Почему?

— Ты сомневаешься в моих приказах, Веспасиан? — воскликнул фулгрим. — Я действую по воле Воителя. Или ты осмеливаешься допустить, что лучше знаешь, как сражаться с врагами?

Выговор фулгрима ошеломил Веспасиана.

— При всем моем уважении, мой господин, Воителя нет с нами. Откуда ему знать, что предпримут зеленокожие?

фулгрим усмехнулся и поднял из осколков статуй Соломона блестящий серый меч.

— Потому что он знает, что дело вовсе не в зеленокожих, — сказал он.

— А в чем, мой господин? — удивился

Веспасиан.

— В противостоянии величайшему злу, угрожающему нам, и в очистке наших рядов от тех, кто не имеет сил с ним бороться. Воитель направляется к системе Истваан, и там, на кровавых полях сражений, произойдет окончательный расчет.

— Истваанская система? — удивился Веспасиан. — Ничего не понимаю. Почему Воитель направляется туда?

— Потому что именно там мы перейдем Рубикон, мой дорогой Веспасиан, — сдавленным от эмоций голосом произнес Фулгрим. — Там мы сделаем первые шаги по пути, проложенному Воителем, — по пути, который приведет нас к воцарению нового славного порядка и совершенства.

Веспасиан старался осмыслить быструю речь Фулгрима и туманные высказывания. Но взгляд все время возвращался к мечу в руке примарха. Он ощущал исходящую от оружия угрозу, словно клинок был разумным существом и жаждал его смерти. Веспасиан тряхнул

головой, отбрасывая бредовые опасения.

— Вы разрешите говорить откровенно, мой господин?

— Как всегда, Веспасиан, — ответил Фулгрим. — Ты всегда должен говорить откровенно. Какое удовольствие занимать столь высокое положение и при этом сдерживать свои чувства? Скажи, ты слышал о философе по имени Корнелий Блейк?

— Нет, мой господин, но...

— О, ты обязательно должен прочесть его труды, — продолжал Фулгрим. С этими словами он жестом пригласил Веспасиана пройти к большой картине, стоявшей в дальнем конце комнаты. — Юлий познакомил меня с его работами, и теперь я с трудом могу представить, как до сих пор мог обходиться без них. Эвандер Тобиас тоже высоко ценит эти произведения, хотя такому старику вряд ли удастся извлечь пользу из восхитительных откровений на страницах книг Блейка.

— Мой господин, прошу вас...

Фулгрим взмахом руки заставил его

замолчать. Они уже подошли к картине, и примарх развернул полотно.

— Тихо, Веспасиан. Я хочу, чтобы ты взглянул на это.

При виде чудовищной картины Веспасиан мгновенно позабыл все свои вопросы. Это был ужасный портрет его примарха, искаженный и злобно ухмыляющийся, с туго натянутой на кости черепа кожей, с перекошенным ртом, выдающим жажду насилия. Изображенные на портрете доспехи казались неудачной карикатурой на благородный силуэт комплекта «Марк IV», все пластины брони были покрыты непонятными символами, словно извивающимися на полотне, как будто толстый слой красок стал пристанищем для целого сонма живых червей.

А самое страшное зло Веспасиан увидел в глазах. В них горело пламя запретных знаний и желаний, а еще — желание при первой же возможности поглотить его душу. Этот призрак не ведал ни пределов подлости, ни глубин падения, ни преград своим

отвратительным страстям.

Веспасиан замер, глядя в лишенные век глаза, а портрет сосредоточил на нем взгляд и, казалось, исследовал все уголки его души в поисках тьмы, чтобы вытащить ее на поверхность и подкрепить своей силой. Веспасиан испытал жестокое насилие над собственным сознанием. Он упал на колени, стараясь отвести взгляд от обжигающего взгляда портрета и смертоносной бездны, которая смотрела на него этими глазами. В мозгу лорда-командира пронеслись картины рождения и гибели галактик в круговороте звезд и представилась вся тщета его слабой расы, пытавшейся отрицать прихоти тьмы.

Губы на портрете шевельнулись, складываясь в непристойную усмешку.

Поддайся мне, — казалось, говорили они. — Открой мне свои потаенные желания.

Веспасиан чувствовал, что все уголки его существа взломаны в попытке обнаружить мрак и озлобленность, горечь и желчь, но душа парила в высоте, и

злобная тварь, не находя ничего, во что бы оно могло запустить свои когти, жгло его растущим разочарованием. Оно злилось, но чем больше оно злилось, тем сильнее становился Веспасиан. Он отвел взгляд от портрета и понял, что источаемая картиной злоба вызвана чистотой его помыслов. Веспасиан хотел обнажить меч, чтобы уничтожить это вместилище зла, но чудовищная воля портрета сковала его мышцы непреодолимой силой.

Он ничего не скрывает, — с отвращением произнес чудовищный портрет. — Он бесполезен. Убей его.

— Веспасиан, — раздался над головой голос Фулгрима, и воин отчетливо понял, что примарх обращается не к нему, но непосредственно к своему мечу.

Веспасиан ощутил укол в основании шеи и тщетно старался повернуть голову. Он хотел закричать, предупредить Фулгрима о том, что увидел, но злая сила портрета словно сковала горло железным ошейником и лишила его возможности шевелиться.

— Энергия — вот вечный источник

наслаждения, — прошептал Фулгрим. — А тот, кто желает, но не действует, только умножает бедствия. Веспасиан, ты мог стать моей правой рукой, но ты доказал свою бесполезность для Детей Императора. Тебя придется удалить.

Веспасиан ощутил, как давление на шею становится сильнее, кончик меча уже проколол кожу, и по спине потекла теплая струйка крови.

— Не делай этого, — сумел прошептать он.

Фулгрим не внял его словам. Одним плавным движением он опустил Анафем в тело Веспасиана, пока золотой эфес не остановился у основания шеи.

Сервиторы очистили от трупов зеленокожих грузовую палубу орбитальной станции, чтобы сражавшиеся на Каллинидах воины могли собраться и выслушать обращение своего возлюбленного примарха. Фулгрим появился вслед за группой герольдов, избранных из молодых Скаутов, которым вскоре предстояло вступить в ряды Детей

Императора. Трубачи известили о его приходе громкими звуками фанфар, а в ответ раздались оглушительные аплодисменты собравшихся воинов.

Примарх Детей Императора, одетый в полный комплект боевых доспехов, сознавал, что представляет собой величественное зрелище. Пышная грива белых волос обрамляла бледное красивое лицо. На поясе покачивался меч с золотой рукоятью, тот самый, которым он убил Веспасиана. Меч демонстрировал всем братскую связь между Фулгримом и Воителем.

Рядом с примархом шагали старшие офицеры его внутреннего круга — лорд-командир Эйдолон, апотекарий Фабий и капеллан Чармосиан. Они стали проводниками новых для Легиона идей Воителя. За спиной примарха возвышался массивный силуэт дредноута — Древнего Риланора, хранителя обрядов Детей Императора, но его участие в церемонии было лишь данью традиции.

Фулгрим благосклонно дождался, пока стихнут приветственные аплодисменты,

а потом начал говорить, останавливая взгляд своих темных глаз на лицах тех, кто последует за ним, и игнорируя прочих, на кого не рассчитывал.

— Братья мои! — воскликнул Фулгрим своим сильным и мелодичным голосом. — Сегодня вы показали проклятым зеленокожим, что значит противостоять Детям Императора!

Еще более громкий шквал рукоплесканий прокатился по палубе, но примарх продолжал, без труда перекрывая аплодисменты своих воинов:

— Лорд-командир Эйдолон выковал из вас оружие, перед которым защита зеленокожих бессильна. Совершенство, мощь, решительность — вот главные качества, отличающие наш Легион, и сегодня вы отлично все их продемонстрировали. Эта орбитальная станция снова в руках Империума, как и многие другие, еще недавно оккупированные зеленокожими в тщетной попытке противостоять нашим завоеваниям. Пришло время довести до конца наступление на зеленокожих и

освободить всю систему Каллиниды. Мой брат, примарх Железных Рук, Феррус Манус и я лично проследим, чтобы ни одного ксеноса не осталось на землях, возвращенных в ходе Великого Крестового Похода.

Фулгрим физически ощущал повисшее в воздухе напряженное ожидание и предвкушал свои следующие слова, сознавая, что они принесут одним — смерть, а другим — славу. Легион ждал его приказов, и большинство воинов не догадывались о том, что на весы брошена судьба всей Галактики.

— Но многих из вас, братья мои, здесь не будет, — сказал Фулгрим.

Он почувствовал приковавшее воинов к полу гнетущее разочарование и с трудом сдержал готовый вырваться смех.

— Легион будет разделен, — продолжил Фулгрим, поднимая руки, что сразу же заставило утихнуть ропот, вызванный его словами. — Я поведу малую группу на Каллиниду IV, где мы встретимся с Феррусом Манусом и его Железными Руками. Остальная часть

Легиона отправится в систему Истваан, где ее ждет Шестьдесят третья экспедиция Воителя. Таковы приказы Воителя и вашего примарха. Лорд-командир Эйдолон возглавит поход на Истваан и будет командовать от моего имени, пока я не вернусь. Прошу, лорд-командир, — добавил Фулгрим, приглашая Эйдолона выйти вперед.

Эйдолон кивнул в знак признательности.

— Воитель снова призвал на помощь наш Легион, — заговорил он. — Он отдает должное нашему мастерству, и мы с радостью воспользуемся этой возможностью доказать свое превосходство. В системе Истваан предстоит подавить мятеж, но мы будем сражаться не одни. Кроме своего собственного Легиона, Воитель счел нужным призвать силы Гвардии Смерти и Пожирателей Миров.

При упоминании столь грозных Легионов по грузовой палубе прокатились сдавленные вздохи. Эйдолон усмехнулся:

— Как я вижу, вы помните, что

значит сражаться плечом к плечу с нашими братьями Астартес. Всем нам известно, каким грубым и трачным делом становится война в руках подобных воинов, так что я еще раз говорю: это превосходный шанс показать Воителю, как сражаются Дети Императора!

Астартес снова оживились, но возбуждение Фулгрима мгновенно сменилось горестным сожалением. Из-за упрямства Веспасиана значительная часть этих Астартес лишилась возможности стать ударной силой нового похода Воителя.

С такими воинами, с Воителем во главе, им были бы по плечу любые высоты совершенства. Отказ Веспасиана позволить своим людям подвергнуться действию новых препаратов Фабия или его хирургическим операциям по аугметации обрек многих из них на гибель в ловушке Воителя на Истваане III. Он понимал, что Веспасиана надо было обрабатывать намного раньше, и чувство вины и предвкушение гибели многих Астартес принесло Фулгриму мощный заряд свежих

ощущений.

— Воитель потребовал нашего немедленного прибытия! — закричал Эйдолон, перекрывая оживленные возгласы. — И хотя Истваан недалеко, условия путешествий в варпе осложняются, так что нам придется поторопиться. Боевой крейсер «Андроний» отправится к Истваану через четыре часа. По прибытии на место нам предстоит стать послами нашего Легиона, а по окончании битвы Воитель увидит, насколько великолепной может быть война.

Эйдолон отсалютовал Фулгриму, и примарх, прежде чем покинуть собрание, выслушал еще одну бурю оваций.

Теперь ему оставалось выполнить вторую часть обещания, данного Воителю.

Ему необходимо убедить Ферруса Мануса присоединиться к величайшей из кампаний.

19
Неверная оценка

Стук молотов и грохот отдаленных кузниц разносился по всему Анвиларию «Железной длани», но Габриэль Сантар, Первый капитан Железных Рук, его почти не слышал. По периметру зала на страже стояли морлоки в терминаторских доспехах, и самые могучие из них охраняли вход в личное убежище примарха — Железную Кузницу. В облаках пара, залетающих с палубы, грозные фигуры терминаторов напоминали Сантару мстительных хищников мерзлой тундры Медузы, в честь которых и были названы воины этого подразделения.

Его сердце билось в такт с огромными молотами на нижних палубах, а перспектива находиться в обществе двух самых могущественных созданий во всей Галактике наполняла сердце гордостью, но никак не страхом.

Феррус Манус, великолепный в блестящих черных боевых доспехах, в

терцающем кольчужном плаще, переливающемся, словно крученое серебро, стоял рядом с ним. Высокий ворот из кованого железа, как обычно, скрывал нижнюю половину его лица, но Сантар достаточно хорошо знал своего примарха, чтобы понять, что тот улыбается в предвкушении встречи со своим братом.

— Мое сердце переполняется радостью, я снова увижу Фулгрима, Сантар, — сказал Феррус.

В голосе примарха X Легиона Сантар услышал нотки беспокойства, отвечающие его собственному настроению, и он искоса глянул на своего командира.

— Мой господин, что-нибудь не так? — спросил он.

Взгляд серебряных глаз обратился в его сторону.

— Нет, не могу этого сказать, мой друг, но ты присутствовал при нашем расставании с Детьми Императора после победы над Диаспорексом. Наши Легионы прощались совсем не так, как подобает братьям по оружию.

Сантар кивнул. Он хорошо помнил церемонию прощания на верхней посадочной палубе «Гордости Императора». Церемонию пришлось провести на борту флагмана Фулгрима, поскольку «Железная длань» получила сильные повреждения, спасая «Огненную птицу» от двух крейсеров Диаспорекса, и примарх Детей Императора счел невозможным проводить на его борту столь торжественное событие.

Несмотря на гнев капитана и команды своего корабля, Феррус Манус со смехом принял условия своего брата и согласился взойти на борт «Гордости Императора».

Феррус Манус и Сантар в сопровождении морлоков прошли к ожидавшему Фениксийцу и его боевым капитанам сквозь строй гвардейцев Феникса в причудливо украшенных доспехах. Этот почетный караул был больше похож на строй вражеских воинов, нежели на гвардейцев любимого брата.

По мнению Сантара, церемония была проведена с неподобающей поспешностью.

Фулгрим заключил своего брата в объятия, казавшиеся настолько же неловкими, насколько дружескими были приветствия при встрече. Конечно, Феррус Манус не мог не заметить перемен в поведении брата, но даже по возвращении на «Железную длань» он ничего не сказал. Лишь напряженно сжатые челюсти примарха, когда он смотрел на уходящие в бурлящий водоворот варпа корабли Двадцать восьмой экспедиции, выдавали его огорчение безразличием Фулгрима.

— Вы думаете, Фулгрим еще чувствует себя униженным из-за того, что произошло у звезды Кароллис?

Феррус не ответил сразу, и Сантар понял, что именно тревожит примарха.

— Мы спасли его самого и его драгоценную «Огненную птицу» от угрозы превратиться в космическую пыль, — продолжил Сантар. — Фулгрим должен быть благодарен.

Феррус невесело усмехнулся.

— Значит, ты плохо знаешь моего брата, — сказал он. — Для него

унизительно уже то, что он вообще нуждался в помощи, поскольку склонен считать свои действия почти безукоризненными. Не вздумай упомянуть об этом случае в его присутствии, Габриэль. Это серьезно.

Сантар покачал головой и скривил губы в усмешке:

— Они все слишком уверены в своем превосходстве. Разве вы не заметили, каким взглядом смерил меня их Первый капитан, когда мы впервые взошли на борт «Гордости Императора»? Не надо быть слишком проницательным, чтобы заметить их высокомерие. Оно написано на лице каждого из его воинов.

Феррус Манус обернулся к нему, и вся мощь серебряных глаз обрушилась на Сантара; их холодная глубина быстро остудила неуместный порыв сдержанной яростью. Сантар понял, что зашел слишком далеко, и проклинал внутреннее пламя, загоравшееся при первом же намеке на оскорбление его Легиона.

— Прошу прощения, мой господин, — произнес он. — Я высказался, не подумав.

Гнев Ферруса исчез так же быстро, как и возник. Примарх склонился к Сантару и почти зашептал ему на ухо:

— Да, ты говорил необдуманно, но от всего сердца, за это я тебя и ценю. Как тебе известно, эта встреча не была запланирована, поскольку я не просил Детей Императора помочь в уничтожении противников. Пятьдесят вторая экспедиция не нуждается в помощи, если речь идет всего лишь о зеленокожих.

— Тогда почему они здесь оказались? — спросил Сантар.

— Я не знаю, хотя и рад возможности снова увидеть брата и устранить возникшие между нами препятствия.

— Может, и он чувствует то же самое и прибыл, чтобы восстановить дружбу?

— Я в этом сомневаюсь, — сказал Феррус Манус. — Не в привычках Фулгрима признавать свои ошибки.

Огромные черные врата Анвилария распахнулись, и Фулгрим в своей отороченной мехом накидке,

развевающейся от потоков горячего воздуха кузниц, шагнул вперед. На пороге зала он на мгновение замер. Следующий шаг выведет его на дорогу, которая может навсегда разлучить его с горячо любимым братом. Он уже различал силуэты Феррруса Мануса, стоящих рядом Первого капитана и главного астропата и мрачные фигуры морлоков, застывших вдоль стен зала.

Юлий Каэсорон, величественный в своих терминаторских доспехах, и десять гвардейцев Феникса, сопровождавшие примарха, подчеркивали торжественность встречи. Выждав подходящий момент, фулгрим вступил в жаркий и сухой зал Анвилария и, больше не останавливаясь, прошел к своему брату. Юлий Каэсорон проследовал за ним, а гвардейцы Феникса разошлись по периметру и присоединились к морлокам, так что у каждого терминатора в серо-стальных доспехах появился пурпурно-золотой двойник.

Обращение к Феррусу Манусу напрямую таило в себе немалый риск, но честь быть причастным к неизбежному

успеху Воителя перевешивала все сомнения Фулгрима.

Воитель уже начал процесс привлечения других примархов на свою сторону, и Фулгрим пообещал, что сможет привести в его ряды Ферруса Мануса без единого выстрела. Вся история их знакомства и последующей дружбы подсказывала ему, что Феррус Манус обязательно поверит в правоту их начинаний. С глаз Фулгрима упала пелена лжи, и он считал своим долгом просветить любимого брата.

— Феррус! — воскликнул он, открывая объятия. — Мое сердце радуется нашей новой встрече.

Феррус Манус обнял его, похлопал серебряной рукой по меховой накидке, и Фулгрим почувствовал, как братская любовь заполняет его грудь.

— Своим приездом ты доставил мне неожиданную радость, брат мой, — ответил Феррус, отступил на шаг и окинул Фулгрима взглядом с головы до ног. — Что привело тебя в систему Каллиниды? Или, по мнению Воителя, мы

недостаточно быстро расправляемся с врагами?

— Напротив, — широко улыбнулся Фулгрим. — Воитель лично шлет тебе свою похвалу и предоставил мне честь отметить быстроту твоих завоеваний.

Он сдержал усмешку, чувствуя, как гордость переполняет сердце каждого воина, присутствующего в Анвиларии. Конечно, Воитель ничего такого не говорил, но лесть никогда не помешает, если хочешь завоевать чье-то сердце и мысли.

— Вы слышали, братья? — воскликнул Феррус Манус. — Воитель удостоил нас своей похвалой! Слава Десятому Легиону!

— Слава Десятому Легиону! — громогласно откликнулись Железные Руки, и Фулгрим, видя такую примитивную радость, едва не рассмеялся.

Он мог бы показать этим глупым солдатам, что такое настоящее удовольствие, но всему свое время.

Феррус хлопнул серебряной ладонью по плечу Фулгрима:

— Ну же, братец! Кроме удовольствия

передать одобрение Воителя, что еще привело тебя к нам?

Фулгрим улыбнулся и опустил руку на рукоять Разящего Огня. Он счел неуместным идти на встречу с братом без меча, выкованного им два столетия назад в кузнице горы Народной, но остро ощущал отсутствие серебряного оружия. Феррус, заметив его жест, протянул руку и достал из-за спины Сокрушитель — огромный боевой молот, созданный Фулгримом.

Оба примарха одновременно улыбнулись, и всем стало ясно, что их братские узы нерушимы.

— Ты прав, Феррус, я хочу поговорить еще кое о чем, но это касается лишь нас двоих, — сказал Фулгрим. — Речь пойдет о будущем Великого Крестового Похода.

Феррус мгновенно стал серьезным.

— Тогда поговорим в Железной Кузнице, — предложил он.

Марий неподвижно замер на посту в капитанской рубке «Гордости Императора». Вид «Железной длани»,

представшей в обзорном иллюминаторе сплошной стеной из стали и бронзы, наполнял его тело непередаваемо чувственными ощущениями. На взгляд Мария, корабль был ужасно уродливым, его корпус, не перекрашенный после битвы у звезды Кароллис, все еще испещряли шрамы и вмятины. Что это за Легион, если его воины путешествуют на судне, неспособном соответствовать их мастерству и славе? Разве у его лидера совсем нет гордости и он не счел нужным украсить свою флотилию, чтобы она соответствовала совершенству представляемого Легиона?

Марий чувствовал, как в его душе разгорается гнев, и постарался держать свои эмоции под контролем, обнаружив, что уже смял латунные поручни по бокам командного пульта. Гнев стимулировал недавно вживленные в мозг центры наслаждения, и он мог сохранять спокойствие лишь благодаря мощным усилиям воли.

У него имелся точный приказ примарха, приказ, который, в зависимости

от обстоятельств, сулил жизнь или смерть всем, кто находился на борту «Железной длани». И смерть грозила ему, если он не выполнит этот приказ. Фулгрим намеренно выбрал его для этой роли, поскольку был уверен, что среди Детей Императора нет более ответственного воина, чем Марий. Выполнению этого приказа не помешают ни сомнения, ни конфликт с совестью.

После того как Вайросеан отдался во власть фабия, Марию казалось, будто его кожа — это тюрьма для целого сонма ощущений, бурливших в мышцах и костях его тела. Каждое переживание наполняло его радостью, каждая боль дарила спазмы наслаждения. Юлий подсказал ему прочитать труды Корнелия Блейка, и Марий передал эти знания воинам своей роты. Все его офицеры и многие из рядовых Астартес побывали на «Андронии» ради химического или хирургического усовершенствования. Спрос на мастерство апотекария Фабия оказался так велик, что для удовлетворения всех запросов Легиона пришлось установить совершенно

новый комплект автохирурга.

После неожиданной атаки на орбитальную станцию DC-191 Железные Руки встретили их с распростертыми объятиями, и дружеские узы, завязавшиеся в сражениях против Диаспорекса, были обновлены. Сторожевые суда Железных Рук расступились, и «Гордость Императора» в сопровождении своего эскорта беспрепятственно встала среди кораблей Пятьдесят второй экспедиции.

Произнеся всего одно слово, Марий мог нанести Железным Рукам непоправимые повреждения. От этой мысли на лбу выступила испарина, и каждое нервное окончание от возбуждения, казалось, стремилось пробить кожу и вырваться на поверхность.

Если миссия Фулгрима завершится успешно, необходимость в таких решительных мерах отпадет.

Неожиданно для самого себя Марий вдруг понял, что желает провала переговоров своего примарха.

В Железной Кузнице феррус Манус

хранил самые дорогие реликвии и собственноручные творения. Гладкие стены из блестящего полированного базальта были увешаны всевозможным оружием, доспехами и механизмами, созданными серебряными руками примарха. В центре зала возвышалась огромная наковальня, и Феррус Манус давным-давно объявил, что это священное обиталище доступно только для его братьев-примархов, и никого другого. Фулгрим только однажды заходил внутрь.

Когда-то Вулкан, примарх XVIII Легиона, чтобы описать величие сооружения, воспользовался языком Древней Терры и назвал наковальню святилищем. В знак признания мастерства Ферруса Вулкан подарил ему знамя с огненным драконом, и теперь оно висело рядом с ружьем удивительно искусной работы; заряжающийся сверху магазин и перфорированный кожух оружия образовывали оскаленную морду дракона. Фулгрим никогда не видел такой искусной чеканки, красовавшейся на бронзовых и серебряных накладках ложа, и сейчас он

остановился перед ружьем. Линии и изгибы были столь прекрасны, что язык не поворачивался назвать его просто оружием, это было настоящее произведение искусства.

— Я сделал его для Вулкана две сотни лет назад, — сказал Феррус. — Еще до того, как он повел свой Легион к созвездию Мордант.

— А почему же оно все еще здесь?

— Ты же знаешь Вулкана, он любит работать с металлом и не признает того, что создано без помощи молота и жара горна. — Феррус поднял вверх свои серебряные руки. — Я думаю, ему не по нраву то, что я могу обрабатывать металл без огня и молота. Сто лет назад он вернул мне ружье и сказал, что оно должно оставаться здесь, рядом со своим создателем. Кажется, суеверия еще не совсем забыты, как ни старается брат заверить нас в обратном.

Фулгрим протянул руку, чтобы дотронуться до ружья, но сжал пальцы в кулак, так и не прикоснувшись к теплому металлу. Нельзя тронуть такое

совершенное оружие и не выстрелить из него.

— Я понимаю привлекательность тщательно изготовленного оружия, но тратить такое мастерство на предмет, целью которого является убийство, кажется мне немного... экстравагантным, — сказал Фулгрим.

— Вот как? — усмехнулся Феррус, покачивая молот и указывая на Разящий Огонь на бедре Фулгрима. — А чем же ты тогда занимались на Урале?

Фулгрим вынул меч из ножен и повернул его в руке, отбрасывая лезвием дрожащие красноватые блики на стены Железной Кузницы.

— Это было соревнование, — с улыбкой сказал он. — Тогда я еще не знал тебя и не мог допустить, чтобы ты меня превзошел.

Феррус прошелся по Кузнице, указывая своим молотом на разные замечательные предметы собственного изготовления.

— В оружии, механизмах и приспособлениях нет ничего такого, что делало бы их уродливыми, — сказал Феррус. — Уродство — это мера

несовершенства. Кому, как не тебе, это понимать.

— Тогда ты, должно быть, образец несовершенства, — сказал Фулгрим, маскируя улыбкой язвительное замечание.

— Я достаточно хорош для тебя или Сангвиния, брат мой. И для сражений. А теперь рассказывай, ради чего ты приехал. Ты говорил о будущем Великого Крестового Похода, а сам рассуждаешь об оружии и былых временах. Что происходит?

Фулгрим напряженно помолчал, внезапно осознав, к чему хочет склонить своего брата. Он надеялся подойти к опасной теме издалека, выяснить позицию Ферруса, определить возможность его добровольного согласия, но брат, со своей медузианской откровенностью, спросил напрямик и потребовал открыть карты.

Как неискусно и грубо.

— Когда ты в последний раз видел Императора? — спросил Фулгрим.

— Императора? Какое это имеет значение?

— Прошу, ответь мне. Когда это

было?

— Очень давно, — признал Феррус. — На Орине Септимус. На хрустальном мысе над кислотным океаном.

— А я видел его на коронации Воителя, на Улланоре, — сказал Фулгрим, приближаясь к огромной наковальне и постукивая пальцами по холодному металлу. — Я плакал, когда он объявил, что настало время оставить Великий Крестовый Поход сыновьям, а самому пора возвращаться на Терру ради еще более высоких целей.

— Великий Триумф, — печально кивнул Феррус. — Я тогда возглавлял кампанию в туманности Каэлор и был слишком далеко, чтобы присутствовать лично. Единственное, о чем я сожалею, что не простился с нашим отцом.

— Я был там. — Голос Фулгрима прерывался от нахлынувших эмоций. — Я стоял на помосте рядом с Хорусом и Дорном, когда Император объявил о своем отъезде, и это второй из самых печальных моментов в моей жизни. Мы уполяли его остаться, увидеть результаты его

начинания, но он от нас отвернулся. Он даже не открыл свои высшие цели, сказал только, что, если не вернется на Терру, все наши завоевания могут обратиться в прах.

Феррус Манус сосредоточенно прищурил глаза:

— Ты говоришь так, словно он нас бросил.

— Именно так оно и было, — горько подтвердил Фулгрим. — Так и есть.

— Ты сам говорил, что наш отец возвратился, чтобы сохранить то, ради чего мы сражались и проливали кровь. Неужели ты думаешь, что ему не хотелось бы увидеть окончательную победу Великого Похода?

— Я не знаю, — сердито ответил Фулгрим. — Он мог бы остаться, какое значение имели еще несколько лет? Что могло быть таким важным, чтобы он покинул нас именно тогда?

Феррус сделал шаг ему навстречу, и в зеркальных глазах брата Фулгрим увидел отражение своей боли и гнева, вызванных предательством всего, за что последние

два столетия сражались Дети Императора.

— Я не понимаю, к чему ты клонишь, Фулгрим, — упавшим голосом сказал Феррус, постепенно осознавая важность слов своего брата. — Что ты имел в виду, говоря о втором самом печальном моменте в твоей жизни? Что может быть еще печальнее?

Фулгрим сделал глубокий вдох. Настало время откровенности, пора высказать все, ради чего он приехал.

— Что может быть печальнее? День, когда Хорус сказал, что отец нас предал, что он собирается бросить нас в своем стремлении к божественности, — произнес Фулгрим, наслаждаясь выражением изумления, ужаса и ярости на лице брата.

— Фулгрим! — закричал Феррус. — Во имя Терры, что с тобой случилось? Предательство? Божественность? О чем ты толкуешь?

Фулгрим быстрыми шагами подошел к Феррусу Манусу. Теперь, когда он сделал последний шаг и открыл цель своего приезда, его голос зазвенел страстью:

— Хорусу открылось истинное положение вещей, мой брат. Император уже покинул нас и теперь строит планы своего апофеоза. Он лгал нам, Феррус. Мы были для него лишь инструментами для возвращения Галактики под его власть, для подготовки его обожествления! Он представлялся образцом совершенства, а оказался низким лжецом!

Феррус оттолкнул его и попятился, загорелое морщинистое лицо побледнело от ужаса. Фулгрим понимал, что необходимо продолжать натиск:

— Другие уже осознали эту истину и встают на сторону Воителя. Мы нанесем удар, прежде чем Император узнает, что его замыслы открылись. Хорус возвратит Галактику тем, кто проливал кровь ради ее завоевания.

Слова без остановки лились из его рта, а Фулгриму нестерпимо хотелось смеяться, стремление наконец освободиться было так велико, что он не мог остановиться. Легкие с трудом перекачивали воздух, и стук крови в ушах не отличался от грохота молотов в

далеких кузницах.

Феррус Манус тряхнул головой, и Фулгрим с ужасом увидел, что его изумление превращается в ярость.

— Это и есть новое направление Великого Крестового Похода, о котором ты говорил?

— Да! — крикнул Фулгрим. — Брат мой, настанет великая эпоха совершенства! Все наши завоевания уже отданы в руки несовершенных смертных, которые попусту растрачивают добытую нами славу. То, за что мы платили кровью и слезами, должно снова стать нашим, неужели ты этого не видишь?

— Я вижу только предательство, Фулгрим! — взревел Феррус Манус. — Ты говоришь не о возвращении всех наших завоеваний; ты говоришь о предательстве всего, ради чего мы воевали!

— Брат мой, — взмолился Фулгрим, — прошу тебя! Ты должен меня выслушать! Адептус Механикум уже пообещали свою поддержку Воителю! Нам грозит война, которая окутает пламенем всю Галактику. Когда все закончится, тем,

кто не на нашей стороне, не будет пощады!

Он видел, как лицо Ферруса вновь обретает цвет: яркий агрессивный красный цвет, так хорошо ему знакомый.

— Феррус, ради нашего братства, я умоляю тебя присоединиться!

— Братства?! — закричал Феррус. — Наше братство погибло в тот час, когда ты стал предателем!

Фулгрим попятился, увидев в горящих серебряных глазах грозную решимость.

— Лоргар и Ангрон уже готовы вступить в войну, и Мортарион тоже скоро будет с нами. Ты должен присоединиться, иначе будешь уничтожен!

— Нет, — бросил Феррус, поднимая на плечо свой Сокрушитель. — Это ты будешь уничтожен!

— Феррус, не надо! — умолял Фулгрим. — Подумай хорошенько. Разве я пришел бы к тебе, если бы не верил в правоту нашего дела?

— Я не знаю, что случилось с тобой, Фулгрим, но это предательство, а для предателей уготована только одна

участь.

— И ты... собираешься меня убить?

Феррус замер, и Фулгрим увидел, как плечи брата в отчаянии опустились.

— Я твой брат, и я поклялся никогда тебе не лгать, — настаивал Фулгрим, все еще надеясь удержать брата от поспешных поступков.

— Я знаю, что ты не лжешь, Фулгрим, — печально ответил Феррус. — И потому ты должен умереть.

Фулгрим выхватил меч, а Феррус Манус с непостижимой быстротой размахнулся молотом, целясь ему в голову. Оружие столкнулось с оглушительным грохотом, и эхо многократно усилило его. Лезвие меча вспыхнуло огнем, а из молота вылетели молнии. Два примарха сошлись в поединке, Фулгрим старался достать пылающим лезвием до Ферруса, а командир Железных Рук блокировал клинок рукоятью своего молота.

Железная Кузница заполнилась светом и звоном, оружие гремело. Феррус резко бросил молот вниз и ударил кулаком в лицо Фулгрима. Удар был достаточно

силен, чтобы пробить броню дредноута, но, чтобы поразить плоть примарха, этого было мало. Фулгрим выдержал удар и боднул лбом Ферруса, а затем, развернувшись на месте, взмахнул огненным мечом, целясь в шею противника.

Клинок попал в ворот Ферруса и соскользнул, не оставив на черном металле даже царапины. Феррус уклонился от повторного выпада и крутанул молот одной рукой, обеспечивая пространство для следующего удара. Воины стали осторожно кружить по залу; оба знали, каким опасным может быть его противник, поскольку не одно десятилетие воевали плечом к плечу. Фулгрим заметил на глазах Ферруса слезы. Сожаление и радость, одновременно вызванные этим зрелищем, заставляли его бросить оружие и прижать брата к груди, чтобы тот мог разделить это изумительное ощущение.

— Феррус, это бессмысленно, — сказал Фулгрим. — Уже в этот момент на Истваане-три Воитель готовится

избавиться от слабых душ.

— О чем ты толкуешь, изменник? — сердито спросил Феррус.

Фулгрим рассмеялся:

— Против Исстваана-три будут посланы воины четырех Легионов, но только те отделения, кто не поддерживает Воителя и его грандиозные планы на будущее Галактики. Скоро, а может, уже сейчас эти слабые элементы будут уничтожены в ходе вирусной бомбардировки.

— Пожиратель Жизни? — прошептал Феррус, и Фулгрим с наслаждением увидел в его глазах ужас. — Великий Трон! Как ты можешь участвовать в подобном преступлении, Фулгрим?

В груди Фулгрима заклокотал дикий смех, и он ринулся в атаку, описав огненным мечом стремительную дугу. Молот Ферруса снова блокировал удар, но это оружие не было создано для длительных поединков, и Фулгрим обогнул рукоять своим клинком и нанес укол в лицо брата.

Горящее лезвие рассекло щеку

Ферруса, и плоть обуглилась, сравнявшись цветом с железными доспехами. С губ Ферруса сорвался крик; меч, созданный его руками, нанес ему предательский удар. На мгновение он был ослеплен и, качнувшись, отступил от Фулгрима.

Фулгрим не отставал, не желая давать противнику пространство для размаха. Он снова нанес удар кулаком в лицо и на этот раз услышал, как треснула кость. Феррус развернулся от удара, нижнюю часть лица залила кровь. Все существо Фулгрима при виде боли, причиненной брату, переполнилось восторгом, опасный поединок чрезвычайно обострил его ощущения.

Пока Феррус, ослепленный и оглушенный, не пришел в себя, Фулгрим снова шагнул вперед и размахнулся мечом. Клинок стремительно приближался к шее Ферруса, но, вместо того чтобы поднять молот и блокировать удар, примарх Железных Рук бросил оружие и схватил падающее лезвие серебряными руками.

Прерванный выпад вызвал в руках Фулгрима пронзительную боль. Он

попытался выдернуть лезвие, но Феррус намертво зажал его в кулаках. Клинок даже не шелохнулся, а стальные руки брата покрылись рябью, словно переходя из твердого состояния в жидкое. Металл меча тоже, казалось, плавился, и, когда огонь с лезвия перекинулся на руки Ферруса, Фулгрим на мгновение прищурился.

Пламя меча ожило и влилось в широко открытые серебряные глаза Ферруса.

— Я создал этот меч, — прошипел он, — и я могу его уничтожить.

Едва он произнес эти слова, как Разящий Огонь взорвался расплавленным металлом. Сила взрыва сбила с ног обоих примархов, раскаленные добела капли, разлетаясь, прожгли их доспехи и плоть.

Ошеломленный Фулгрим прокатился по полу и заморгал, избавляясь от искр в глазах. Он все еще сжимал в руке Разящий Огонь, но от меча осталась только дымящаяся рукоять с оплавленным остатком лезвия. Вид уничтоженного меча прорвал красную пелену, окутавшую

сознание, и символизм происшедшего стал ясен.

Брат был для него мертв, он предпочел погибнуть, не пожелав присоединиться к новому галактическому порядку Воителя. Фулгрим надеялся, что до этого не дойдет, но не представлял себе другого выхода из трагической ситуации.

Феррус лежал неподвижно, его руки все еще пылали после разрушения Разящего Огня. Сознание страшного преступления, совершенного в его святилище, причиняло ему сильнейшую боль, заставившую застонать. Фулгрим торопливо поднялся на ноги и, наклонившись, поднял боевой молот своего брата. В это оружие он вложил сердце и душу, он выковал его по своей руке, но так давно... Словно с тех пор прошла целая эпоха.

Рукоять отлично легла в ладонь, и Фулгрим, легко забросив молот на плечо, торжествующе встал над распростертым телом брата. Феррус, приподнявшись на локтях, взглянул на него залитыми кровью глазами:

— Тебе лучше убить меня, иначе я буду добиваться твоей смерти.

Фулгрим кивнул и поднял над головой Сокрушитель, готовясь нанести решающий удар.

Могучее оружие дрогнуло в его руках, но Фулгрим понимал, что тяжесть молота тут ни при чем. Его останавливало осознание того, что он намеревался сделать. Тьма в его глазах встретилась со сверкающим серебром взгляда брата, и перед лицом предстоящего убийства его решимость поколебалась. Он опустил молот.

— Феррус, ты же мой брат, — сказал он. — И я не колеблясь пошел бы с тобой на смерть. Почему ты не хочешь сделать того же для меня?

— Ты мне не брат, — вместе с кровью выплюнул Феррус.

Фулгрим тяжело сглотнул, собираясь с силами. Это необходимо было сделать. Он слышал смутный гул голосов, требующих лишить Ферруса Мануса жизни, но их заглушали воспоминания о великой дружбе, когда-то связавшей его с

братом. Что может сравниться с этими узами?

— Я навсегда останусь твоим братом, — произнес Фулгрим.

Он размахнулся молотом и по широкой дуге обрушил оружие на челюсть Феррруса. Голова брата дернулась назад, и Феррус снова рухнул на пол Железной Кузницы. Удар, которого хватило бы, чтобы снести голову любого смертного и отбросить ее в воздух на сотню метров, только лишил его сознания.

Далекие голоса в голове настойчиво требовали довершить убийство, но Фулгрим, проигнорировав их, отвернулся от брата. Он крепче сжал рукоять молота и направился к двери, ведущей обратно, в Анвиларий.

За его спиной остался Феррус Манус, побежденный, но живой.

Высокая дверь Железной Кузницы распахнулась, и Юлий увидел выходящего Фулгрима с могучим Сокрушителем на плече. Габриэль Сантар тоже заметил это оружие, но не сразу понял, что это

означает, пока Юлий, обернувшись, не крикнул:

— Фениксийцы!

Гвардейцы Феникса тотчас с изумительной синхронностью взмахнули золотыми алебардами и обезглавили стоявших рядом морлоков. Десять голов покатилось по полу, а Юлий с усмешкой наблюдал, как Габриэль Сантар и главный астропат с ужасом озираются по сторонам. Гвардейцы Феникса, словно палачи после казни, размеренными шагами сошлись в центре зала, выставив перед собой окровавленные алебарды.

— Во имя Аверния, что вы делаете? — вскричал Сантар, как только дверь Железной Кузницы с глухим стуком захлопнулась за спиной Фулгрима.

Юлий видел, что Первый капитан Железных Рук жаждет обнажить меч, но не делает этого, понимая, что за первым же его движением последует неминуемая гибель.

— Где Феррус Манус? — тревожно спросил Сантар, но взмахом руки и полной сожаления улыбкой Фулгрим заставил его

замолчать.

— Он жив, Габриэль, — сказал Фулгрим, и Юлий при этих словах с трудом скрыл свое удивление. — Он не прислушался к доводам разума, и теперь пострадаете все вы. Юлий...

Юлий улыбнулся и повернулся к Габриэлю. Из рукавиц его терминаторских доспехов выдвинулись когти, с которых потекли голубые огоньки. Даже если Сантар и сознавал, что последует дальше, было уже поздно. Юлий ударил потрескивающими энергетическими когтями по груди Первого капитана и провел рукой вниз. Лезвия пробили доспехи, рассекли кожу на груди и вышли из живота.

Габриэль Сантар рухнул на пол, корчась в судорогах от электрошока и заливая все вокруг потоками крови, а Юлий с наслаждением вдохнул запах плоти, обожженной электрическими разрядами.

Фулгрим одобрительно кивнул и включил канал связи с «Гордостью Императора».

— Марий, — произнес он, — мы возвращаемся на «Огненную птицу». Неплохо было бы отвлечь корабли Двадцать пятой экспедиции. Можешь открыть огонь.

20
Трудный переход
Истваан III
Совершенная неудача

Темные потоки и водовороты красок, неведомые по ту сторону врат эмпирей, окружали «Гордость Императора» с немногочисленным эскортом, прокладывающую себе путь через варп. На корабле фулгрима появились свежие боевые отметины, но, за исключением нескольких царапин, его корпус оставался безукоризненным, совершенство не пострадало. Пушки боевых кораблей Железных Рук оставили свои метки на девственно-чистой броне, но выстрелы были произведены в спешке и не нанесли существенных повреждений, тогда как суда фулгрима застали Железные Руки врасплох.

Схватка получилась короткой и односторонней, и, хотя сопровождавший «Гордость Императора» эскорт был

небольшим, корабли нанесли значительный урон своим бывшим союзникам и лишили их возможности полноценного ответа.

К большому разочарованию Мария Вайросеана, фулгрим приказал прервать атаку до того, как «Железная Длань» была полностью уничтожена. Корабли Детей Императора, оставив дрейфовать потрепанную флотилию Десятого Легиона, набрали скорость и совершили переход в имматериум, чтобы снова встретиться с силами Воителя.

В начале перехода все шло в обычном порядке, но за неделю пути до Истваана III в варпе разразились бури невиданной силы. Цунами нереальности ударили по кораблям Двадцать восьмой экспедиции и уничтожили один из них, пока немногие из оставшихся в живых навигаторов пытались проложить путь через полосу штормов и вывести флотилию в относительно безопасную зону.

За несколько мгновений до первого штормового удара из капеллы астропатов по «Гордости императора» от борта до борта прокатилась волна пронзительных

воплей, полных ужаса и агонии. Зазвенели сигналы тревоги, и разбуженные мощные псионические силы сорвали с корабля один из ремонтных доков, на корпусе заплясали багровые зигзаги молний, но вскоре нуль-щиты и защитные поля закрыли образовавшуюся пробоину. Сотни псайкеров погибли, а выжившие превратились в совершенных развалин и бессвязно борморчущих идиотов. Перед ликвидацией те, кто восстановил хоть какую-то способность общения, вопили об ужасающих изменениях Галактики, о вырвавшихся смертоносных силах, о монстрах, поглощающих миры, о подкрадывающейся смерти, огнях до небес и миллиардах жизней, прерванных одним ударом.

Только Фулгрим и его ближайшее окружение доверенных воинов понимали, что скрывается за разбушевавшимися силами, и они встретили известия невиданными пирами и кутежами. Дети Императора праздновали грядущие победы Воителя с несдержанностью, уже ставшей в Легионе обычным делом.

Пока продолжались бесконечные пиры,

приготовления к «Маравильи» Бекьи Кински достигли новых высот декаданса, на каждой репетиции выявлялись новые источники наслаждения. Коралин Асеник работала по ночам, тренируя голос, чтобы воспроизвести звуки, записанные в лаэрском храме, и симфония Бекьи достигла небывалых высот страсти и мощи. Вместе с тем она продолжала поиски и изобретала новые диковинные музыкальные инструменты, голосов которых еще никто не знал и не слышал. Их формы и размеры больше напоминали оружие: чудовищно разбухшие трубы были похожи на ракетные установки, а струнные механизмы с длинными грифами — на винтовки.

«Ла Фениче» превратился в магическую обитель музыки и искусств, и все летописцы без устали работали над украшением и театральными декорациями, стараясь создать сцену, достойную постановки «Маравильи».

Фулгрим тоже проводил много времени в «Ла Фениче», высказывал художникам и артистам свои

предложения, и каждое его замечание порождало новые взрывы творческой активности и немедленно претворялось в жизнь.

С Истваана III поступали лишь отрывочные крохи информации, из которых стало ясно, что Воителю с первого раза не удалось избавиться от тех, кто сохранил верность Императору. Он не стал расстраиваться по поводу этой неудачи, а воспользовался возможностью привязать верных воинов узами крови и закончить то, что начиналось как война против Аурейской Технократии.

Астартес из Легионов Пожирателей Миров, Гвардии Смерти и Сынов Хоруса продолжили войну на обожженных руинах вымершего мира и теперь выслеживали и уничтожали тех заблудших глупцов, кто надеялся противостоять воле Воителя.

Фулгрим объявил, что капеллан Чармосиан и лорд-командир Эйдолон своим воинским совершенством наверняка заслужат похвалу Воителя и почести любимому Легиону. По окончании этой операции силы Воителя, освободившись от

вредного балласта, станут острым лезвием, нацеленным в сердце загнивающего Империума.

Но, как оказалось, воссоединение Фулгрима и Хоруса на некоторое время откладывалось.

После гибели большей части астропатов связь с Шестьдесят третьей экспедицией стала, мягко говоря, проблематичной, а из-за расстройства рассудка тех, кто остался в живых, обмен точной информацией между двумя флотилиями и вовсе был невозможен. Навигаторы оказались не в состоянии проложить курс через разбушевавшиеся течения и бури без ущерба для своей психики, а вскоре объявили, что на путь к Истваану III потребуется не менее двух месяцев.

Фулгрим ненавидел подобные проволочки, но даже такому могущественному существу, как примарх, было не под силу успокоить грозный имматериум. Во время вынужденного ожидания он прочел еще несколько работ Корнелия Блейка и наткнулся на отрывок,

ледяной занозой засевший в его сердце.

Он вырвал и сжег страницу из книги, но слова всплывали в памяти и мучили его на всем протяжении тяжелого варп-перехода.

> Феникс есть ангел; биение его крыльев подобно грому.
>
> Этот гром несет в себе ужасное откровение о надвигающемся катаклизме.
>
> Страшной буре, которая разрушит рай.

Скульптура была почти закончена. То, что изначально было белой прямоугольной глыбой, привезенной из каменоломен Анатолийского полуострова, превратилось в огромную величественную статую Императора Человечества. В мастерской Остиана было почти чисто: на пол падали лишь крошечные лепестки мрамора — на последней стадии работы над скульптурой он пользовался самыми точными и тонкими резцами.

Кто-то сказал, что в путешествии самое важное не пункт назначения, а наслаждение самим процессом перемещения. Остиан никогда не понимал этого афоризма и считал, что любой процесс может оправдаться только конечным результатом.

Для постороннего зрителя статуя могла бы показаться уже совершенно готовой, но Остиан давным-давно понял, что только на последней стадии можно вдохнуть жизнь в скульптуру. На этом критическом этапе художник должен отыскать последний штрих, который превратит изделие из камня в произведение искусства.

Было ли это проявлением несовершенства или человеческого восприятия хрупкости жизни, Остиан не знал и не хотел знать. Он не желал разбирать свой талант по косточкам, поскольку опасался, что не сумеет вновь собрать его в единое целое.

Все несколько месяцев путешествия к системе Каллиниды (совершенно бессмысленное, если можно так

выразиться, поскольку Двадцать восьмая экспедиция провела там всего неделю и участвовала лишь в одном сражении) он ограничивал свои передвижения мастерской и столовой на нижней палубе, где питались летописцы. «Ла Фениче» превратился в обитель откровенного разврата, где люди только и знали, что обжираться и напиваться да удовлетворять свои самые низменные желания, нисколько не оглядываясь на правила поведения в цивилизованном обществе.

Он несколько раз за эти месяцы заглядывал в «Ла Фениче» и каждый раз был шокирован происшедшими там переменами. По мере того как примарх обнародовал свои идеи и видение финального обновления, картины и скульптуры становились все более зловещими. Кроме того, там зачастую устраивались дикие, разнузданные оргии наподобие кутежей в древней Романийской Империи, и Остиан, не желая подвергать свои нервы таким испытаниям, предпочитал оставаться в одиночестве.

Однажды, после того как он сидел за выпивкой с Леопольдом Кадмусом, Остиану снова пришлось заглянуть в «Ла Фениче». Леопольд, как, впрочем, и многие другие летописцы, не побывавшие на Лаэране, вероятно, уже покинул Двадцать восьмую экспедицию, зато Остиан увидел, как Фулгрим дает советы Серене д'Анжело по созданию огромной фрески на потолке. Пропорции фигур показались ему ужасными, но еще отвратительнее был сам сюжет: дикое совокупление змей и людей, изображенных в самых извращенных позах.

Серена бросила на него короткий взгляд, и Остиан со стыдом вспомнил резкие слова, сказанные им во время их последней встречи. Их глаза встретились всего на мгновение, но позже, вспоминая отчаянно-страдальческое выражение ее лица, он едва не заплакал.

Фулгрим, словно почувствовав его присутствие, обернулся, и облик примарха ошарашил Остиана — глаза были обведены яркой тушью, а серебристо-белые волосы, заплетенные в тугие косички,

поднимались наверх в замысловатой прическе. Щеки Фулгрита пересекали бледные линии, напоминающие татуировку, а его пурпурное одеяние слабо прикрывало бледное нагое тело, демонстрируя свежие шрамы и множество серебряных колец и полосок, пронзавших кожу.

Темный взгляд примарха остановился на Остиане, и скульптор понял, что замеченные им еще при встрече в студии признаки безумия и одержимости усилились до пугающей степени.

Это воспоминание вызвало озноб, и Остиан вернул свое внимание к трактору. Возможно, летописцы, покинувшие Двадцать восьмую экспедицию ради более тучных пастбищ, были правы, но внутренний голос предостерегал Остиана о более мрачных причинах внезапного исчезновения упрямцев.

Эти подозрения заставили его сделать выбор, и Остиан решил, что, как только статуя будет закончена, он попросит перевести его в другую экспедицию. Атмосфера в Двадцать

восьмой стала для него слишком душной.

— Чем скорее я отсюда уберусь, тем лучше, — прошептал он.

Хоть Остиан Делафур и не мог этого знать, его вывод почти полностью совпадал с мнением Соломона Деметра, глядящего на разбомбленные руины города Хорал и дворца Регента. Насколько мог видеть глаз, повсюду простиралась выжженная земля — вид, совершенно совпадавший с его представлениями о преисподней. Когда-то это был прекрасный мир, и очевидное совершенство его архитектуры составляло поразительный контраст с мятежом, зародившимся в его золоченых дворцах, и предательством, происшедшим на его почерневших руинах.

Мрак темной пеленой окутал Соломона с тех самых пор, как он едва не погиб в сражении на орбитальной станции в системе Каллиниды. Причина, по которой Юлий и Марий оставили Вторую роту без поддержки, явилась во всей своей ужасающей откровенности. После битвы он не видел ни одного из своих братьев, а

уже через несколько часов Вторая рота была отправлена на соединение с тремя другими Легионами для умиротворения мятежного мира Истваан III.

Центр мятежа находился в городе из полированного гранита, с высокими башнями из стекла и стали, известного под названием Хорал. Мятежный правитель Вардус Праал попал под влияние Дев Битвы, злобных псайкеров, предположительно истребленных Легионом Гвардии Ворона еще десять лет назад.

Первые сражения развеяли многие сомнения Соломона; освободившись в кровопролитных боях от накопившегося гнева, он начал верить, что все идет как надо, а его недавнее беспокойство было беспричинно.

Но затем появился Саул Тарвиц с невероятным известием о предательстве и готовящейся бомбардировке.

Многие воины высмеяли Тарвица и не поверили его рассказу, но Соломон сразу все понял и попытался убедить своих собратьев найти способ избежать

опасности. Как только грандиозный масштаб предательства стал очевиден, Сыны Хоруса, Пожиратели Миров и Дети Императора бросились искать убежище, пока смертоносные вирусные бомбы летели до поверхности мира, обреченного стать их могилой.

Соломон с ужасом смотрел, как в небе сверкнули первые вспышки, и вскоре все потонуло в разрывах снарядов, несущих гибельный груз. Вопли умирающего города до сих пор преследовали его, и Соломон не решался представить себе ужас тех, у кого на глазах Пожиратель Жизни превращал тела родных и любимых в гниющие трупы. Соломону было известно, насколько опасен вирус Пожирателя Жизни, и он понимал, что через несколько часов вся планета превратится в склеп.

Затем пришел огненный шторм. По планете, уничтожая все на своем пути, прокатилась неукротимая волна пламени, и с поверхности исчезли все материальные следы бывших обитателей, превращенные в хлопья пепла. Прикрыв глаза, Соломон вспомнил подземный бункер, где они вдвоем

с Гаем Кафеном укрылись от вирусной бомбардировки, перешедшей впоследствии в огненный шторм. Огонь ревел, словно сказочный дракон, пришедший в поисках жертвы, а воспоминания о расплавившихся от жары доспехах и обгоревшей плоти до сих пор были свежи в его памяти.

Они оказались погребенными под грудами обломков, и на призывы о помощи никто не отвечал, так что Соломон начал думать, что они остались единственными, кто выжил после предательства Хоруса. На третий день от тяжелых ранений скончался Гай Кафен, и тогда сквозь горы мусора просочился солнечный свет.

В конце концов Соломона отыскал один из Сынов Хоруса — воин по имени Неро Випус. Деметр едва дышал, но упрямо цеплялся за жизнь, отказываясь умирать без отмщения.

Первый месяц боев, начавшихся после неудавшейся вирусной бомбардировки, прошел для него словно в кошмарном сне, и жизнь Соломона висела на волоске, пока к нему не пришел Саул Тарвиц и не

предложил заставить изменников заплатить за свои преступления.

Огонь честолюбия, наконец-то разгоревшийся в душе молодого воина, встряхнул Соломона, и после этого его выздоровление пошло с удивительной быстротой. Апотекарий по имени Ваддон выкроил время между лечением раненых и помог ему преодолеть кризис. Война становилась все интенсивнее, и вскоре Соломон понял, что обрел достаточно сил, чтобы снова вступить в бой.

Соломон восстал, подобно фениксу, хотя многие считали его безнадежным, и, взяв доспехи погибшего воина, начал сражаться с обновленной яростью и отвагой. Саул Тарвиц сразу же предложил ему командовать объединенными силами, но Соломон отказался. Он понимал, что воины всех Легионов видят в Тарвице командира, и менять руководство было бы бесполезно еще и потому, что героическое сопротивление предательству подходило к концу.

Массированные силы Воителя загнали их обратно в дворцовый комплекс,

и Сыны Хоруса послали в атаку своих лучших воинов. Соломон понимал, что конец близок, и не хотел лишать Саула Тарвица славы последнего противостояния.

К удивлению Соломона, в суровых испытаниях этой отчаянной войны отличился не только Саул Тарвиц. Мастер меча Люций также демонстрировал чудеса храбрости и даже обезглавил капеллана Чармосиана, сразившись с ним на крыше транспортера на виду у всех воинов.

Как ни приятно было видеть успешно сражавшихся воинов, Соломон не мог освободиться от мрачных воспоминаний о гибели Кафена и от ужаса перед внезапной переменой, происшедшей с его бывшими боевыми братьями. Как могло случиться, что воины, стоявшие плечом к плечу в битве за Империум, теперь обратились друг на друга в смертельной кровавой усобице?

Что довело их до такого состояния?

Это было выше его понимания, и возникшую в душе пустоту не могла

заполнить радость от гибели врагов. Предательство убило мечту о мирной Галактике, которую должно было унаследовать человечество, и видение будущего золотого века ускользало навсегда. Соломон скорбел о том будущем, которое выковывалось на мрачной наковальне Истваана III, и лишь молил, чтобы новые поколения смогли их простить за то, что они позволили такому случиться.

Он надеялся, что окружавших его воинов будут вспоминать как героев, но больше всего надеялся на удачный перелет «Эйзенштейна» Натаниэля Гарро, на то, что он донесет известие о предательстве Воителя до Императора. Саул Тарвиц рассказал ему, что его названый брат захватил фрегат и поклялся вернуться с верными Легионами и уничтожить Воителя.

Эта надежда, крошечный мерцающий огонек веры в спасение, придавала воинам сил, и они продолжали защищать руины дворца Регента вопреки всяким представлениям о логике и правилах

войны. За этот героизм Соломон любил каждого из них.

С западных окраин города доносился далекий гул бомбардировки — там окопались Гвардейцы Смерти, гибнущие под непрерывным обстрелом предателей.

Соломон, хромая, обходил восточное крыло дворца. Величественные анфилады давно превратились в последовательность пустых залов с остатками мозаичных полов, а всю мебель уже растащили для сооружения баррикад. Несмотря на месяцы бомбардировок, своды дворца чудесным образом уцелели, а закопченные стены с обуглившимися фресками служили печальным напоминанием о недавно цветущем имперском мире.

Новые звуки поначалу показались ему слабыми, Соломон едва различал их на фоне постоянного треска пламени и непрекращающихся взрывов. Но звон клинков мгновенно прорезал привычный шум войны, и Соломон, опасаясь атаки на восточное крыло дворца, ускорил шаг.

Потом он побежал, насколько позволяли не до конца зажившие раны,

хотя каждый шаг причинял сильную боль. Звуки боя становились сильнее, и он различал отдельные звонкие удары мечей, хотя смутно отметил, что не было слышно ни стрельбы, ни взрывов.

Лязг оружия был уже совсем близко. Соломон выбежал в ярко освещенный зал, и в глаза ударили отблески солнца, игравшие на оружии сражавшихся там воинов. Обороной этого сектора командовал Люций, в распоряжении которого было около тридцати воинов, и Соломон увидел гибкую фигуру мастера меча в самом центре ужасной схватки.

Пол уже был усеян трупами, и множество Детей Императора окружили Люция, сражавшегося за свою жизнь.

— Люций! — крикнул Соломон и, подняв свой клинок, бросился на помощь мастеру меча.

Солнце снова ярко сверкнуло на стали, и еще один воин пал, рассеченный энергетическим мечом Люция от шеи до пояса.

— Они идут на прорыв, Соломон! — весело отозвался Люций и неотразимым

ударом обезглавил еще одного противника.

— Они не прорвутся, пока у меня еще остались силы! — ответил Соломон и замахнулся мечом на ближайшего из атакующих воинов.

Его удар свалил врага на пол, превратив в окровавленную груду искромсанных доспехов.

— Убьем их всех! — подбодрил его Люций.

— И ты осмелился вернуться после такого провала?! — взревел Хорус, так что от его ярости задрожала вся капитанская рубка «Духа мщения».

Его лицо исказилось от гнева, а Фулгрим с улыбкой наблюдал, как Воитель старается сдержать гневный порыв уроженца Хтонии. С тех пор как Фулгрим последний раз посещал корабль Хоруса, «Дух мщения» претерпел сильные изменения. Его открытые и ярко освещенные шумные помещения стали намного мрачнее.

— Ты хоть понимаешь, что я пытаюсь здесь сделать? — кричал Хорус. —

Мои действия в системе Истваан перекинутся на всю Галактику. И если с самого начала ты будет терпеть неудачи, Император нас уничтожит!

Фулгрим позволил себе слабую, безмятежную улыбку; возбуждение после трудного перехода к системе Истваан и масштаб развернувшейся внизу резни чрезвычайно обострили его чувства. Хотя «Гордость Императора» совсем недавно прибыла на место, он позаботился предстать перед Воителем в своем обычном великолепии. Лучшие доспехи были покрыты новым слоем пурпура и позолоты, для усиления красок появились новые украшения самых разных цветов, длинные светлые волосы убраны назад, а бледные щеки отмечены татуировкой по рисункам самой Серены д'Анжело.

— Феррус Манус оказался упрямым тупицей, неспособным прислушаться к доводам логики, — сказал Фулгрим. — Даже упоминание о присоединении теханикумов не...

— Ты клялся, что приведешь его! Железные Руки уже были учтены в моих

расчетах. Я планировал события на Истваане-три в полной уверенности, что с нами будет и Феррус Манус. А теперь выясняется, что у меня появился еще один враг. Из-за этого погибнет множество Астартес, Фулгрим!

— А что я мог сделать, Воитель? — ухмыльнулся Фулгрим, придавая голосу отчетливый тон насмешки. — Его воля оказалась сильнее, чем я предполагал.

— Или ты попросту переоценил свои способности.

— Неужели ты хотел, чтобы я убил своего брата, Воитель? — спросил Фулгрим. Он надеялся, что Хорус не потребует от него убийства, но сознавал, что именно это и хочет от него услышать. — Если такова твоя воля, я готов.

— Возможно, так было бы лучше, — бесстрастно ответил Хорус. — Лучше, чем позволить ему разрушить наши планы. А теперь он может добраться до Императора или любого другого примарха и привести их всех на наши головы раньше, чем мы будем к этому готовы.

— Тогда, если у тебя все, я вернусь к своему Легиону, — сказал Фулгрим и картинно развернулся, рассчитывая еще больше разъярить Воителя.

Реакция Хоруса его не разочаровала, и от его слов сердце Фулгрима забилось быстрее.

— Нет, ты не уйдешь. У меня есть для тебя еще одно задание. Я посылаю тебя на Истваан-пять. После всего, что произошло, ответ Императора последует быстрее, чем я ожидал, и мы должны быть к нему готовы. Возьми с собой подразделение Детей Императора и проследи за подготовкой укреплений к финальной стадии истваанской операции.

Фулгрим, вздрогнув, повернулся к брату, всем своим видом выражая невыносимое отвращение к столь незначительной миссии. Возбуждение от перепалки с Воителем, переполнявшее его душу, мгновенно исчезло, уступив место зияющей пустоте.

— Ты поручаешь мне роль кастеляна? Домоправителя, обязанного приготовить поместье для твоего торжественного

приезда? Почему бы тебе не послать туда Пертурабо? Эти занятия ему больше подходят.

— Пертурабо предназначена другая роль в моих планах, — сказал Хорус. — Он уже сейчас готовится опустошить свой родной мир моим именем. Можешь не опасаться, скоро мы услышим о нашем разгулявшемся брате.

— Так поручи это задание Мортариону! — сердито бросил Фулгрим. — Его чумазые дровосеки будут рады возможности испачкать руки по твоему приказу! Мой Легион был отмечен Императором еще в те времена, когда он заслуживал нашей верности. Я самый прославленный из его героев и правая рука Великого Крестового Похода. Это... это предательство тех самых принципов, ради которых я к тебе присоединился, Хорус!

— Предательство? — с вкрадчивой угрозой переспросил Хорус. — Сильно сказано, Фулгрим. Предательством можно назвать поступок Императора, покинувшего Галактику ради собственного обожествления и отдавшего наши

завоевания в руки писцов и чиновников. И подобное обвинение ты осмеливаешься высказывать мне, прямо в лицо, в капитанской рубке моего собственного корабля?!.

Фулгрим отступил на шаг под натиском ярости Хоруса и с наслаждением ощутил, как волнение противоборства вызвало во всем теле приятное покалывание.

— Может, и так, Хорус. Возможно, кто-то должен сказать тебе несколько прописных истин, особенно теперь, когда рядом нет твоих торнивальцев.

— Вспомни про меч, — сказал Хорус, указывая на пропитанный ядом клинок, отданный им Фулгриму при их последней встрече. — Я подарил тебе этот меч в знак своего доверия, Фулгрим. Лишь нам одним известна его истинная сила. Это оружие чуть не убило меня, и все же я с ним расстался. Неужели ты думаешь, что я отдал бы тебе такое оружие, если бы не доверял?

— Нет, Воитель, — ответил Фулгрим.

— То-то же. Из всех моих кампаний положение на Истваане-пять наиболее критическое, — продолжал Хорус, и Фулгрим понял, что Хорус справился с опасным пламенем своего эго и теперь призвал на помощь незаурядные способности дипломата. — Истваан-пять тревожит меня больше, чем разгоревшаяся война внизу. Я не могу доверить это никому другому. Ты должен отправиться на Истваан-пять, брат мой. Все зависит от твоих успехов.

Фулгрим позволил себе еще одно опасно долгое мгновение наслаждаться возникшей между ними напряженностью, а потом рассмеялся:

— А теперь ты мне льстишь, надеясь, что мое самолюбие заставит выполнить твои приказы.

— Сработало? — поинтересовался Хорус.

— Да, — признал Фулгрим. — Хорошо. Воля Воителя будет выполнена. Я отправляюсь на Истваан-пять.

— Эйдолон останется командиром Детей Императора, пока мы к вам не

присоединится, — добавил Хорус, и Фулгрим кивнул:

— Он с радостью ухватится за шанс проявить свои способности.

— А теперь, Фулгрим, оставь меня, — сказал Хорус. — У тебя много работы.

Фулгрим изящно развернулся и покинул владения Воителя. Воспоминания о едва не наступившей конфронтации и явном гневе брата снова возбудили все его чувства, и дыхание вырывалось из груди короткими резкими толчками.

Ощущение оказалось потрясающим, и Фулгрим предвкушал все новые и новые мгновения наслаждений, когда осуществится план Воителя, касавшийся Истваана V. Его ждали новые ужасы, новые смерти, новые восторги.

Соломон пробил своим ревущим мечом доспехи оказавшегося рядом воина и резко повернул клинок, коверкая слои керамита, кости и плоть. Из ужасной раны брызнула кровь, и предатель рухнул на мозаичный пол. Превозмогая боль, Соломон обернулся, ища очередного

противника, но единственным, кто остался на ногах, был Люций, и лицо мастера меча еще пылало возбуждением схватки. Соломон внимательно осмотрелся, чтобы увериться в отсутствии врагов, и только тогда опустил меч и обратил внимание на боль многочисленных ран.

Зубья меча еще некоторое время медленно вращались, стряхивая капли крови, затем совсем остановились. Соломон тяжело вздохнул, сознавая, насколько близко было их поражение. Мастерство, с которым Люций поражал врагов, граничило с чудом, и Соломон не сомневался, что его репутация самого опасного убийцы была заслуженной.

— Мы справились, — выдохнул он, внезапно сознавая, как дорого далась им эта победа.

Все воины отряда Люция были мертвы, и Соломон, окидывая взглядом поле битвы, с горечью отметил, как мало отличий между предателями и верными воинами.

Если бы не жестокий поворот судьбы,

разве мог бы он повернуть оружие против своих собратьев?

— Точно, справились, капитан Деметр, — с усмешкой отозвался Люций. — Одному мне было бы гораздо тяжелее.

Соломон поморщился от его высокомерного тона, но сдержал гнев. Он покачал головой, сетуя на неблагодарность мастера меча, и слабо кивнул.

— Странно, что они пришли с такими малыми силами, — сказал он, опускаясь на колени рядом с последним из убитых воинов. — На что они надеялись?

— Ни на что, — ответил Люций, вытирая кровь с меча обрывком ткани. — Уже ни на что.

— Что ты имеешь в виду? — потребовал разъяснений Соломон.

Туманные ответы Люция вызвали у него беспокойство, но мастер меча только улыбнулся и ничего не сказал. Соломон отвернулся, снова посмотрел на распростертые тела, вдохнул запах обожженной плоти и костей.

— Не беспокойся, Соломон, — произнес Люций. — Ты скоро все поймешь.

Самодовольный блеск в глазах Люция неожиданно и необъяснимо встревожил Соломона, и в его душе зародилось ужасающее подозрение, от которого сжалось сердце.

Он быстро окинул взглядом зал из конца в конец и торопливо подсчитал неподвижные тела, распростертые на изрытом снарядами полу. Люцию для обороны этого сектора дворца предоставили остатки четырех отделений, что-то около тридцати воинов.

— О нет, — прошептал Соломон, насчитав примерно тридцать трупов.

Он всмотрелся в побитые доспехи и закопченные лица. Эти воины явно пришли не из своих казарм, чтобы атаковать дворец, они давно были здесь. Погибшие воины вовсе не были предателями.

— Это были верные Императору люди! — воскликнул он.

— Боюсь, что так, — бросил Люций. — Я намерен присоединиться к Легиону. Взамен Эйдолон потребовал прохода для своих воинов во дворец. Как хорошо, что

ты подоспел вовремя, капитан Деметр. Я не уверен, что успел бы всех их убить до прихода лорда-командира.

Соломон почувствовал, как тяжесть содеянного обрушила весь его мир. Он рухнул на колени, и по щекам покатились слезы ужаса и ярости.

— Нет! Люций, что ты наделал? — закричал он. — Ты обрек на гибель всех нас!

Люций рассмеялся.

— Вы уже давно были обречены, Соломон, — сказал он. — Я просто немного ускорил приближение конца.

Соломона охватило отвращение к самому себе, и он отбросил меч. Он стал убийцей, таким же как те предатели за стенами дворца. Ненависть к Люцию захлестнула его испепеляющей волной.

— Ты украл мою честь! — зарычал он, поднялся на ноги и повернулся к мастеру меча. — Это все, что у меня оставалось!

Люций стоял прямо перед ним, и на его лице по-прежнему играла самодовольная усмешка.

— Ну и как ты себя после этого чувствуешь?

Солтомон с воплем бросился на Люция и обхватил врага за шею обеими руками. Ненависть и раскаяние наполнили его тело новой силой, достаточной, чтобы лишить жизни похитителя чести.

Внезапная боль пронзила его живот и поднялась к груди, так что Солтомон, вскрикнув, отшатнулся от Люция. Опустив взгляд, он увидел торчащий в доспехах пылающий меч. Запах горящей плоти и расплавленного керамита ударил в ноздри, а мастер меча ловким движением выдернул оружие.

Силы покинули капитана, и боль, от которой он не успел избавиться после огненного шторма, вернулась сторицей. Все тело превратилось в один сплошной очаг мучений, каждое нервное окончание кричало о новых приступах агонии.

Солтомон упал на колени. Кровь, а вместе с ней и жизнь вытекали из него горячими толчками. Он потянулся к рукам Люция и старался сосредоточиться на его лице, сопротивляясь подступающей смерти.

— Вы... не... одержите... победы...

Каждое слово выталкивалось из горла с неимоверными усилиями.

Люций пожал плечами:

— Может, да, а может, нет. Но ты этого уже не увидишь.

Соломон медленно осел на пол, ощутив движение воздуха на лице и удар головы о твердые плитки. Он перекатился на спину и через треснувший купол увидел чистое голубое небо.

Тщетные попытки системы жизнеобеспечения облегчить боль и излечить смертельную рану, нанесенную мечом Люция, вызвали у него улыбку. Он смотрел в бездонное небо, словно его взгляд мог пронзить атмосферу и достичь парящих в космосе кораблей Хоруса.

С недоступной при жизни ясностью Соломон понял, куда приведет предательство Воителя, увидел ужасы неминуемой бесконечной войны. По щекам снова заструились слезы, но он жалел не о собственной гибели, а о миллиардах жизней, принесенных в жертву вечной тьме ради чудовищных амбиций единственного человека.

Люций ушел прочь, даже не потрудившись присутствовать при последних мгновениях его жизни, и Солотон был рад охватившему его спокойствию. Его дыхание становилось все медленнее, веки дрожали, а небо с каждым вдохом становилось все темнее.

Свет умирал вместе с ним, словно этот мир набросил на свой день траурную вуаль и с честью проводил воина в вечную тьму.

Солотон закрыл глаза, и последняя слеза упала на землю.

Часть пятая
Последний Феникс

21
Мщение
Цена уединения
Щедрость
Любовь до смерти

После чудовищного предательства брата Железная Кузница стала постоянным убежищем Ферруса Мануса. Не в силах сдержать ярость, вызванную мятежным предложением, примарх разгромил большую часть любимых творений, и даже базальтовые стены зала покрылись трещинами от его ударов. Габриэль Сантар осторожно перешагивал через валявшиеся на полу обломки доспехов и оружия, многие из которых были деформированы, словно побывали в раскаленном горне. Первый капитан нес электронный планшет со свежими новостями с Терры. Сантар надеялся, что известия выведут примарха из состояния яростной депрессии, окутавшей его, словно

плащом, с тех пор как изменник пытался увлечь Легион Железных Рук на путь предательства.

После неожиданной атаки Детей Императора над восстановлением кораблей неустанно трудились абсолютно все члены экипажа — ремесленники, кузнецы, технодесантники и простые рабочие, так что Пятьдесят вторая экспедиция в невероятно короткий срок была готова пуститься в обратный путь на Терру, чтобы передать предостережение о вероломстве Воителя.

Но это оказалось не просто, поскольку корабельные навигаторы и астропаты были не в силах проложить путь, — бури невероятной силы разразились в имматериуме и препятствовали любым контактам с Террой. Погрузиться в разъяренный варп, когда в нем кипели и бушевали шторма, было бы равносильно самоубийству, но Габриэлю Сантару пришлось приложить невероятные усилия, чтобы удержать Ферруса Мануса и уговорить его дождаться прекращения шторма.

В попытках проникнуть сознанием сквозь бурлящие потоки и вихри варп-штормов погибли сотни астропатов, но, хотя их героические старания были увековечены на Железной Колонне, усилия пропали впустую и Железные Руки оставались без связи.

Несколько недель корабли Пятьдесят второй экспедиции в надежде отыскать проход между вихрями варпа перемещались на обычных плазменных двигателях, но казалось, что имматериум сознательно препятствует их планам. Навигаторы не могли прорваться через варп и выжить.

Феррус Манус в ярости разгромил свою Железную Кузницу. Как это несправедливо — выжить после предательского удара, но не иметь возможности известить Императора из-за капризов космоса и варпа.

Когда астропат Кистор принес известие, что один из выживших хористов его капеллы наконец-то получает послания, новость была встречена с великой радостью. Но после дешифровки

радость улетучилась.

По всему Империуму вспыхивали войны. В сотнях миров подлые предатели восставали против своих законных повелителей. Многие имперские командиры присягнули Хорусу и отвергли власть Императора. Мятежные войска атаковали соседние системы, еще хранящие верность Империуму, и пламя междоусобицы грозило охватить всю Галактику. Хорус широко раскинул свои сети предательства, и спасти мечту Императора о единой Вселенной могли только титанические усилия, сравнимые с теми, что были затрачены на ее завоевание.

Даже механикумы оказались втянутыми в мятеж, и соперничающие группировки начали борьбу за контроль над обширными кузницами Марса. Заводы по изготовлению доспехов Астартес подверглись наиболее сильной атаке, и верные слуги Императора уповали о подкреплении, поскольку их враги применили оружие древнейших технологий, хоть оно и находилось под

запретом уже долгие столетия.

Что еще хуже, с ужасающей быстротой множились донесения о нападении ксеносов на принадлежащие человечеству миры. Южные сектора Галактики подверглись нападению зеленокожих, буйные орды Калардуна опустошали недавно приведенные к Согласию миры Региона Бурь, а кровожадные падальщики с Карнаса V попытались захватить миры Девяти Векторов. Чем больше человечество втягивалось в междоусобные войны, тем активнее пользовались возможностью поживиться добычей бесчисленные племена ксеносов.

Примарх Железных Рук склонился над наковальней в центре Кузницы; мерцающие голубые огоньки пробегали по его серебряным рукам, сжимавшим длинную блестящую полоску металла. Раны примарха быстро затянулись, но та сторона лица, куда пришелся предательский удар украденного братом молота, до сих пор оставалась припухшей. Во всей флотилии было запрещено

произносить имя изменника, и Габриэль Сантар никогда еще не видел своего примарха таким разъяренным.

Сантар знал, что и сам только чудом остался в живых после удара Первого капитана Детей Императора, разорвавшего его легкие и брюшину. Только своевременные действия апотекария Легиона да несокрушимое желание отомстить Юлию Каэсорону позволили ему продержаться достаточно долго, чтобы поврежденные органы успели заменить бионическими имплантатами.

Следом за Габриэлем Сантаром в кремово-черном одеянии и с медным посохом в напряженно сжатой руке мрачно шагал астропат Кистор. В неверном свете Кузницы костлявое лицо псайкера казалось бесстрастным, но даже такой далекий от психических тонкостей человек, как Сантар, без труда угадывал его беспокойство.

Феррус Манус при их приближении поднял голову. Его лицо казалось застывшей маской ледяной ярости. Запрет на вход в Железную Кузницу давно был

забыт, перед опасностью грозящего Империуму кризиса жалкие ограничения и правила казались бессмысленными.

— Ну? — проворчал Феррус. — Почему вы меня отвлекаете?

Сантар позволил себе немного улыбнуться.

— Я принес известия от Рогала Дорна, — сказал он.

— От Дорна? — переспросил Феррус. Огонь на его руках заметно уменьшился, и лицо озарилось неожиданно жестоким интересом. — А я думал, что капелла астропатов до сих пор не может связаться с Террой.

— Еще несколько часов назад так оно и было, — подтвердил Кистор, вставая рядом с Сантаром. — Варп-шторм, уже несколько недель сводивший на нет все наши попытки наладить связь, прекратился, и мои хористы стали получать самые срочные послания от лорда Дорна.

— Это великая новость, Кистор! — воскликнул Феррус. — Прими мои поздравления и передай своим

помощникам! А теперь говори, Габриэль, говори! Что передает Дорн?

— Мой господин, позвольте мне, — вмешался Кистор, прежде чем Сантар ответил. — Внезапное спокойствие в варпе меня тревожит.

— Тревожит тебя, Кистор? — удивился Феррус. — Почему? Уверен, это к лучшему.

— Это только кажется, мой господин. Я думаю, на варп действуют какие-то внешние силы, они облегчают нам задачу, помогают проложить путь и разослать известия по всей Галактике.

— И почему ты считаешь, что это плохо, Кистор? — спросил Сантар. — А может, это сам Император пришел нам на помощь?

— Существует и такая возможность, — признал Кистор, — но лишь как одна из многих. Я нарушил бы свой долг, если бы не предупредил, что какой-то другой агент, возможно один из наших врагов, успокаивает Океан Душ.

— Твои предостережения приняты, астропат, — бросил Феррус. — А теперь

быстро говорите, что передал Дорн, пока я не выбил из вас новости!

Сантар быстро поднял руку с электронным планшетом:

— Избранник Императора извещает о планах по уничтожению Хоруса.

Феррус нетерпеливо выхватил планшет из рук Сантара, а капитан продолжил доклад:

— По всей вероятности, предательство Хоруса заразило те Легионы, которые сражались вместе с ним на Истваане-три. Как уже говорил Кистор, адепты Корпуса Астропатов наконец-то сумели установить контакты со многими вашими братьями-примархами, и те уже мобилизуют свои силы, чтобы выступить против Хоруса.

— Ну наконец-то, — фыркнул Феррус, быстро пробегая взглядом по монитору планшета. Мрачная усмешка медленно появилась на его лице. — Саламандры, Легион Альфа, Железные Воины, Несущие Слово, Гвардия Ворона и Повелители Ночи... Вместе с Железными Руками будет семь полных Легионов. У Хоруса нет

ни одного шанса.

— Ни единого, — согласился Сантар. — Дорн основательно подготовился.

— Верно, — кивнул Феррус. — Истваан-пять...

— Мой господин?

— Похоже, Хорус устроил себе штаб-квартиру на Истваане-пять, и именно туда мы ударим, чтобы избавиться от него раз и навсегда. — Феррус вернул планшет Сантару. — Передай на «Феррум» капитану Балхаану, что я переношу штандарт на его корабль. Прикажи подготовить судно к немедленному переходу в систему Истваан. Переведи туда столько морлоков, сколько смогут принять его казармы. Остальная часть Легиона пусть присоединится к нам, как только сможет.

Феррус вновь отвернулся к пылающему металлу на наковальне, а Сантар, нахмурившись, опустил взгляд на монитор планшета, чтобы удостовериться, что все приказы, поступившие непосредственно от Избранника Императора, поняты

правильно. Он довольно долго сомневался, пока Феррус не обратил внимание на его молчание.

— Мой господин, — наконец произнес Сантар, — нам приказано явиться к месту встречи в полном составе.

Феррус покачал головой:

— Нет, Габриэль. Я не могу отказаться от мщения... ему. Явившись слишком поздно, я позволю другим уничтожить изменников. «Феррум» гораздо меньше пострадал от нападения Детей Императора, и это самый быстроходный крейсер во всей флотилии. Я должен встретиться... с ним... лицом к лицу и уничтожить, чтобы восстановить свою честь и доказать преданность, Габриэль.

— Честь?! Преданность?! — возмутился Сантар. — Никто не может сомневаться в вашей преданности, мой господин. Изменник пришел к вам с фальшивыми посулами, и вы швырнули их ему в лицо. Если хотите, вы для всех нас являетесь примером верного и преданного сына Императора. Как можно даже

думать о таких вещах!

— Другие подумают, — сказал Феррус. Он поднял с наковальни длинную плоскую полосу, и в глубине серебряных рук вспыхнул сердитый огонь. — Фулгрим не стал бы рисковать и переманивать меня на сторону Воителя, если бы не верил, что я на это пойду. Наверное, он разглядел во мне какую-то слабость, и это позволило ему надеяться на успех. Вот что мне предстоит смыть огнем и кровью. Даже если никто не осмелится обвинить меня вслух, помни мои слова, они скоро придут к таким же выводам.

— Они не осмелятся!

— Осмелятся, друг мой, — кивнул Феррус. — Они станут гадать, что заставило Фулгрима решиться на столь опасный шаг. Очень скоро они станут думать, что у него была причина надеяться, что я последую за ним и присоединюсь к мятежу. Нет, мы как можно скорее помчимся к системе Истваан, чтобы смыть пятно бесчестья кровью изменников!

Удержаться и не подходить к статуе требовало немалых усилий, и Остиан предусмотрительно отложил резец на стоящий рядом металлический стул. Та часть мозга, которая делала художника великим мастером, всегда знала, когда работа закончена, когда следует отложить в сторону перо, резец или кисть и отойти назад. Теперь его работа принадлежала векам, и Остиан, глядя в закрытое шлемом лицо Повелителя Человечества, понимал, что скульптура завершена. Величественная фигура из светлого мрамора была безупречной, каждый изгиб доспехов Императора был выверен с точностью. Огромные наплечники в виде орлов обрамляли высокий шлем старинного образца, увенчанный длинным плюмажем из конского хвоста, настолько правдоподобно выполненным, что Остиану временами казалось, будто хвост шевелится от дуновения холодного воздуха, гонявшего по студии пыль и клочки бумаги.

Большой орел на груди был готов вот-вот взлететь, с нагрудника, а стрелы

толний на наголенниках и налокотниках искрились опасной энергией, и длинный струящийся плащ из белого травора ниспадал по спине молочным каскадом. Глядя на скульптуру Императора, Остиан был уверен, что сам владыка Империума мог бы удостоить свое изображение краткой довольной улыбкой.

Золотой венок оттенял бледность травора, и при виде совершенства скульптуры в груди Остиана возникало удивительное ощущение и захватывало дух.

За долгую карьеру Остиана называли по-разному: и педантом, и одержимым, но сам он считал, что звания настоящего художника достоин лишь тот, кто одержим истинностью каждой детали.

С тех пор как он получил глыбу травора, прошло почти два года, и все это время он либо работал над статуей, либо размышлял о своей работе. По всем меркам, он довольно быстро справился с задачей, но сейчас стоящая перед ним скульптура казалась ему чудом. Создание такого шедевра обычно отнимало гораздо

больше времени, но изменившийся климат Двадцать восьмой экспедиции сильно тревожил Остиана, и он уже долгие месяцы не покидал своей студии.

Он понимал, что должен заново знакомиться с достижениями Великого Крестового Похода.

Какие новые культуры были открыты? Какие великие деяния совершены?

Мысль о том, чтобы выйти из мастерской, наполняла его волнением и трепетом. Открыв статую всеобщему обозрению, он снова может окунуться в восхищение своих почитателей, к чему относился довольно спокойно, но иногда, как сейчас, страстно по нему тосковал.

После завершения очередной работы Остиан не испытывал ложной скромности по поводу своего таланта или даже гениальности. Это в долгие недели и месяцы тяжелого труда он мог видеть одни лишь недостатки, проклинать свои неумелые руки и размышлять, как улучшить свое следующее творение.

Если художник почувствует, что

больше не способен двигаться вперед, какой смысл называться художником? Каждое новое творение должно становиться ступенькой к следующей вершине мастерства, чтобы человек, оглянувшись на достижения своей жизни, мог почувствовать удовлетворение от пройденного пути.

Остиан сбросил балахон и, прежде чем положить его на стул, аккуратно стряхнул пыль и свернул. Ему не подобало так откровенно восхищаться своим произведением, но, когда статую откроют для обозрения, она больше не будет принадлежать только ему. Она станет достоянием каждого, кто захочет посмотреть, и миллионы критических глаз будут судить о ее достоинствах и недостатках. В такие моменты он понимал разрушительное зерно сомнения, живущее в сердце Серены д'Анжело и сердцах любых художников, будь они скульпторами, живописцами или композиторами. В каждом творении оставалась частица души его создателя, и потому таким сильным был страх

оказаться отвергнутым или осмеянным.

Остиан вздрогнул от внезапного порыва холодного воздуха и услышал за спиной мелодичный голос:

— Ты очень верно его изобразил.

Остиан подпрыгнул от неожиданности и, обернувшись, увидел стоящего перед ним грозного и прекрасного примарха Детей Императора. Как ни странно, рядом не было ни одного гвардейца Феникса, и Остиан почувствовал, что вспотел, несмотря на прохладу мастерской.

— Мой господин, — произнес он, опускаясь на одно колено, — прошу меня простить, я не слышал, как вы вошли.

Фулгрим кивнул и величаво прошел мимо. На его мощном теле развевалась длинная пурпурная тога с ослепительно блестевшей серебряной вышивкой. Из складок одеяния выглядывала золотая рукоять меча, благородный лоб венчал лавровый венок с шипами. Лицо примарха из-за толстого слоя белил и ярких мазков ароматизированной краски вокруг глаз и губ казалось почти кукольным.

Чего хотел добиться примарх, украшая свое лицо подобным образом, Остиан не мог понять, но достигнутый результат казался ему вульгарным и смешным. Даже Царственные манеры Фулгрима напоминали игру театральных актеров Древней Земли. Примарх жестом разрешил Остиану встать и замер перед статуей. Лицо под толстым слоем белил было непроницаемо.

— Вот таким я его и запомнил, — произнес Фулгрим. В его голосе Остиану послышались нотки печали. — Конечно, это было очень давно. На Улланоре он выглядел почти так же, но совсем не таким, каким я его помнил. Он был тогда холодным, даже надменным.

Остиан поднялся на ноги, но старался не смотреть на примарха, опасаясь выдать свое смятение по поводу его внешности. Недавняя гордость за свое творение испарилась в то самое мгновение, когда на нем остановился взгляд Фулгрима, и Остиан, затаив дыхание, ждал критической оценки примарха.

Примарх обернулся, и от улыбки гротескная маска на его лице покрылась трещинами. Остиан чуть-чуть расслабился, хотя в равнодушных, похожих на темные драгоценные камни неподвижных глазах угадывалось что-то пугающее.

Улыбка быстро сошла с лица примарха.

— Твоя работа над статуей Императора в такое время, как сейчас, — заговорил он, — свидетельствует либо о непроходимой глупости, либо о предосудительном пренебрежении, Остиан.

Слова Фулгрита лишили Остиана остатков самообладания, и он тщетно пытался сформулировать хоть какой-нибудь ответ.

Фулгрим сделал несколько шагов ему навстречу, и в хрупком теле Остиана распространился всепоглощающий ужас перед недовольством примарха, приковавший его к полу. Повелитель Детей Императора обошел вокруг скульптора, его массивная фигура нависала над ним и окончательно лишала

способности думать.

— Мой господин... — прошептал Остиан.

— Ты заговорил? — возмутился Фулгрим, повернувшись к нему лицом и спиной к статуе. — Такой червь недостоин со мной разговаривать. Ты, сказавший, что мои скульптуры слишком совершенны, создаешь статую, совершенную во всех отношениях. Во всех деталях, кроме одной...

Остиан поднял взгляд к темным озерам глаз примарха, и, даже в состоянии ужаса, он заметил и них мучительную боль, душевный конфликт и войну с самим собой. В глубине глаз примарха он увидел стремление причинить ему зло и одновременно желание просить прощения.

— Мой господин, — сквозь быстро текущие по щекам слезы взмолился Остиан, — я не понимаю...

— Нет, — бросил Фулгрим и снова двинулся вперед, вынуждая Остиана отступать к статуе. — Ты не понимаешь? Как и Император, ты был слишком занят собственными эгоистичными желаниями,

чтобы обратить внимание на то, что происходит вокруг. Летописцы исчезли, друзья предали. И как ты поступаешь, когда все вокруг рушится? Ты покидаешь всех, кто был тебе близок, и устремляешься к высшим целям.

Ужас Остиана достиг предела, когда он почувствовал спиной мраморную поверхность статуи, а Фулгрим наклонился, так что раскрашенное лицо оказалось на одном уровне с его головой. И все-таки, даже в тисках ужаса, он ощущал жалость к изменившемуся примарху, слышал непереносимую боль в каждом его слове.

— Если бы ты потрудился замечать происходящие вокруг великие события, ты давно разбил бы вдребезги свою статую и умолял бы меня стать моделью для последней работы. В Галактике строится новый порядок, и Император больше не является ее повелителем.

— Что? — вырвалось у Остиана.

Фулгрим рассмеялся, но в голосе его слышались отчаяние и обреченность.

— Новым владыкой Империума

станет Хорус! — крикнул Фулгрим и широким жестом выхватил из складок одежды меч.

Золотая рукоять ярко блеснула в светлой студии, и при виде бездушного клинка Остиан почувствовал на ногах влажное тепло.

Фулгрим резко выпрямился во весь рост. Остиан облегченно всхлипнул и тотчас встретился взглядом с горящими глазами примарха.

— Да, Остиан, — многозначительно произнес Фулгрим. — Всю последнюю неделю «Гордость Императора» находилась на орбите Истваана-пять, унылого и грязного мира, не представляющего никакого интереса. Но этому миру предстоит войти в историю колыбелью славных легенд.

Фулгрим стал обходить статую, а Остиан, пытаясь отдышаться, прислонился к прохладному мрамору.

— Именно на этой пыльной и неприметельной планете Воитель уничтожит мощь самых верных Императору Легионов, а потом начнет

поход на Терру, — продолжал Фулгрим. — Видишь ли, Остиан, Хорус будет настоящим Повелителем Человечества. Именно он вел нас к победам. Именно он покорил десять тысяч миров, и он поведет нас к десяти тысячам новых завоеваний. Вместе с ним мы сбросим иго фальшивого Императора!

От грандиозных предсказаний Фулгрима у Остиана в голове смешались все мысли. Каждое слово примарха дышало изменой, и Остиан внезапно с ужасом осознал, что ему предстоит дорого заплатить за свое уединение. Он отгородился от внешних событий лишь потому, что они его не интересовали, а теперь отчаянно хотел иметь достаточно времени, чтобы...

— Твоя работа несовершенна, Остиан, — послышался голос Фулгрима из-за статуи.

Остиан еще пытался подобрать подходящий ответ, но тут раздался скрежет металла по камню, и кончик оружия примарха, изготовленного чужаками, пробив мрамор, вонзился ему в

спину между лопаток.

Мерцающее серое лезвие вышло из груди. Остиан хотел закричать от боли, но рот заполнился кровью. Примарх без усилий продвигал клинок все дальше, пока золотой эфес не звякнул о мрамор.

Кровь густым потоком хлынула изо рта, глаза потускнели. Жизнь вытекала из тела Остиана, словно вырванная когтями ненасытного хищника.

Он из последних сил поднял голову и снова увидел стоящего перед ним примарха.

Фулгрим посмотрел на него со смесью жалости и удовлетворения и показал на запятнанную кровью статую, к которой был пришпилен скульптор.

— Вот теперь она совершенна, — промолвил он.

Галерея Героев на «Андронии» сильно изменилась с тех пор, как Люций был здесь в последний раз. Раньше прекрасные статуи стояли по обе стороны от прохода и, глядя сверху вниз, словно оценивали проходящих мимо воинов, теперь те же

самые скульптуры были грубо обработаны молотками и резцами и напоминали странных круглоголовых монстров в украшенных драгоценными камнями доспехах, с витыми костяными рогами. На стенах появились яркие картины, и все вместе создавало впечатление пестрого карнавального парада.

Эйдолон шел впереди, и Люций, шагая следом, почти физически ощущал неприязнь своего командира. Убийство капеллана Чармосиана до сих пор расстраивало Эйдолона, и он назвал Люция дважды предателем, но это было очень давно, еще когда глупцы на Исстваане III сопротивлялись неизбежности.

Люций на блюдечке преподнес лорду-командиру возможность одержать великую победу, но Эйдолон по своей глупости упустил шанс завоевать славу. После того как Люций убил своих воинов, восточное крыло дворца осталось без охраны, и Эйдолону надо было всего лишь зайти с фланга, смять стехотворную оборону защитников и утопить их в реках крови и огня. Но лорд-командир проявил ужасную

недальновидность и оставил свои фланги без защиты, чем и воспользовался Саул Тарвиц, мгновенно организовав контратаку.

Воспоминания о последней стычке с Тарвицем в том самом зале, где он убил Соломона Деметра, до сих пор вызывали у Люция приступы злобы. Как раньше Локен, Тарвиц не пожелал сражаться честно, и Люций ушел живым только благодаря счастливому случаю.

Хотя все это теперь не имело значения. После того как он вернулся в Легион, Воитель отозвал свои силы с поверхности Истваана III и начал такую массированную бомбардировку, что там не осталось ни одного уцелевшего здания. Дворец Регента превратился в груды щебня, и даже могучие стены храмового комплекса сровнялись с землей. На Истваане III не осталось ничего живого, и Люций, предвкушая открывающееся перед ним будущее, трепетал от восхищения.

Он даже остановился, упиваясь сиянием предстоящей славы и новыми

ощущениями, ожидавшими тех, кто перешел на сторону примарха. Статуя, возле которой он остановился, оказалась изображением лорда-командира Телиоза, героя мандривианской кампании, которого, как вспомнил Люций, весьма почитал Саул Тарвиц.

Он хихикнул, представив себе, что сказал бы Тарвиц при виде резных рогов и обнаженных грудей, добавленных к статуе руками изобретательных, но вряд ли очень искусных скульпторов.

— Апотекарий Фабий нас ждет, — с явным нетерпением окликнул его Эйдолон.

Люций с усмешкой развернулся и неторопливо догнал лорда-командира.

— Я знаю, но он может подождать еще немного. Я восхищался происшедшими с кораблем переменами.

— Если бы это зависело от меня, я оставил бы тебя умирать внизу, — хмуро заметил Эйдолон.

— Что ж, значит, я должен быть благодарен судьбе, что это зависело не от тебя, — насмешливо ответил Люций. — Хотя после бегства от Саула я удивлен,

что ты еще остаешься лордом-командиром.

— Тарвиц!.. — зарычал Эйдолон. — Он стал для меня занозой с того самого дня, как был произведен в капитаны.

— Он больше не будет тебе докучать, лорд-командир, — сказал Люций, вспоминая вид Истваана III с орбиты: светящиеся тучи в атмосфере и грибовидные желтые облака атомных и термических взрывов.

— Ты видел, как он умер? — спросил Эйдолон.

Люций покачал головой:

— Нет, но я видел, что осталось от дворца. После такого никто не мог бы выжить. Тарвиц мертв, как мертв Локен и этот нахальный мерзавец Торгаддон.

При упоминании о гибели Торгаддона Эйдолон наконец-то позволил себе улыбнуться и неохотно кивнул:

— Вот это действительно хорошие новости. А как остальные? Соломон Деметр, Древний Филанор?

Люций со смехом вспомнил смерть Соломона Деметра:

— Деметр погиб, в этом я совершенно

уверен.

— Как ты можешь знать наверняка?

— Потому что я сам его убил, — сказал Люций. — Он очень удачно наткнулся на меня в тот момент, когда я убивал воинов, назначенных для обороны развалин восточного крыла дворца. А когда я крикнул, что на меня напали, он мгновенно ко мне присоединился.

Эйдолон все понял и ухмыльнулся:

— Значит, Деметр убивал своих людей?

— Точно, — кивнул Люций. — И с большим усердием.

Эйдолон разразился смехом, и Люций убедился, что гибель Соломона Деметра несколько улучшила отношение к нему лорда-командира.

— А как Древний Филанор? — спросил Эйдолон, продолжая путь по Галерее Героев к входу в главный апотекарион.

— О нем я не могу сказать ничего определенного, — сказал Люций. — После бомбардировки он ушел куда-то вниз, под дворец Регента, и больше я его не видел.

— Старейшина Филанор не из тех,

кто бежит с поля боя, — заметил Эйдолон, огибая угол и шагая по коридору с пергаментами на стенах, ведущему к корабельному апотекариону.

— Верно. — Согласился Люций. — Хотя Тарвиц говорил, что он охраняет какой-то объект.

— Какой еще объект?

— Он не сказал. Ходили слухи, что он обнаружил подземный ангар, но, если бы он там был, почему им не воспользовался Праал, когда пришли наши Легионы?

— Справедливо, — кивнул Эйдолон. — Этот трус скорее согласился бы бежать, чем сражаться. Ну, какой бы ни была находка Филанора, теперь это уже несущественно, поскольку все погребено под тоннами радиоактивного шлака.

Люций кивнул и взмахом руки указал вниз, на лестницу.

— Апотекарий Фабий... Что именно он собирается со мной сделать?

— Неужели я слышу в твоем голосе страх, Люций? — спросил Эйдолон.

— Нет, — покачал головой Люций. — Я просто хочу знать, чего ожидать.

— Совершенства, — пообещал Эйдолон.

В коридорах «Гордости Императора» больше никогда не бывало тихо, наскоро установленные репродукторы постоянно транслировали какофонию из «Ла Фениче». После пробного прослушивания увертюры к «Маравилье» Фулгрим распорядился, чтобы все его корабли были наполнены музыкой, и теперь в каждом помещении день и ночь раздавались странные переливы симфонии Бекьи Кински.

Серена д'Анжело шла по ослепительно-яркому коридору флагманского корабля Фулгрима, шатаясь из стороны в сторону, словно пьяная. Ее одежда вся была в пятнах крови и нечистот, остатки длинных волос слиплись в пряди, большая же часть была вырвана во время приступов бреда.

После завершения портретов Люция и Фулгрима вдохновение покинуло ее, словно огонь, возносивший на недосягаемые высоты и швырявший в пропасть отчаяния, выжег все дотла. Она долгие дни не покидала

своей студии, а все то время, что экспедиция провела в системе Истваан, прошло в сплошном оцепенении и леденящем душу самоанализе.

Сны и кошмары разворачивались в ее голове, словно плохо смонтированные отрывки; ужас и деградация, о которых она даже и не подозревала, страшные сцены мучили ее своей яркостью и достоверностью. Картины убийств, насилия, надругательств и настолько отвратительные действия, что ни один человек не мог участвовать в них, не рискуя своим разумом, лихорадочными галлюцинациями проносились перед мысленным взглядом независимо от ее воли.

От случая к случаю она вспоминала о необходимости есть и не узнавала одичавшую женщину с покрытым шрамами телом, встречавшую ее в зеркале каждое утро после пробуждения в разгромленной мастерской. Несколько недель в ее душе росло подозрение, что видения, преследующие ее по ночам, не были просто фантазиями... Это были воспоминания.

С горькими слезами она вспомнила тот день, когда эти подозрения подтвердились самым ужасным образом, едва она открыла дурно пахнувшую бочку, стоявшую в углу студии.

Вонь гниющей плоти и едкий запах химикатов ударили в лицо, а когда она увидела тягучие, почти полностью разложившиеся останки шести трупов, выпавшая из рук крышка покатилась по полу. Бочка была заполнена разбитыми черепами, распиленными костями и густой жижей разложившейся плоти; от увиденного Серену несколько минут безостановочно рвало.

Она с трудом отползла от бочки и горько зарыдала. Отвращение, вызванное совершенными ею поступками, грозило разрушить ее и без того надломленный разум.

Мысли метались на грани безумия, пока из пучины сознания не всплыло имя, за которое она уцепилась, словно за якорь: Остиан... Остиан... Остиан...

Держась за это имя, как утопающая за соломинку, она поднялась на ноги, кое-

как утыласъ и побрела к студии Остиана, все еще в слезах и в крови. Он пытался ей помочь, но она отвергла предложенную поддержку, зато теперь, проклиная себя за запоздавшее прозрение, поняла, что его намерениями двигала любовь.

Остиан мог ее спасти. Добираясь до его мастерской, она молилась, чтобы Остиан не отвернулся от нее сейчас. Ролета на дверях была приоткрыта, и Серена застучала ладонью по рифленому металлу.

— Остиан! — закричала она. — Это я, Серена... Пожалуйста, разреши мне войти!

Остиан не отвечал, и Серена до крови разбила руки о металл, всхлипывала, выкрикивала его имя и умоляла о прощении. Не дождавшись ответа, она в отчаянии нагнулась и проползла под ролетой.

Знакомый страшный запах заставил ее замереть, пока измученные глаза не рассмотрели зловещую картину.

— О нет! — в ужасе прошептала Серена при виде тела Остиана, наколотого на блестящий меч, торчащий

из великолепной статуи.

Подбежав ближе, она упала перед ним на колени.

— Прости меня! — закричала Серена. — Я не ведала, что творю! Пожалуйста, Остиан, прости меня!

Последние остатки разума Серены не выдержали и сдались перед новым жестоким испытанием. Вскочив на ноги, она положила руки на плечи Остиана.

— Ты любил меня, — прошептала она. — А я этого не замечала.

Серена закрыла глаза и обняла тело Остиана, чувствуя в груди острый кончик меча.

— Но я тоже любила тебя, — произнесла она и со всех сил прижалась к нему.

22
Мир смерти
Ловушка расставлена
«Маравилья»

По представлениям местных создателей мифов, Истваан V был местом ссылки. В легендах говорилось, будто в давно забытые времена сам Отец Истваан вызвал к жизни этот мир своим пением, доступным слуху и толкованию только Дев Битвы. Согласно мифам, Отец Истваан был плодовитым божеством — он распространил свое семя среди звезд, и безымянные матери принесли ему множество детей, которые и составили первые поколения населения этого мира.

Такое аллегорическое представление относилось к дню и ночи, земле, морям и другим бесчисленным составляющим мира, в котором жили истваанцы. Огромные фрески величественных залов храма Искушения рассказывали эти легенды во всех деталях: здесь были

картины любви, предательства, кровавых битв, но все это безвозвратно пропало, и мифы были обречены на забвение после бомбардировки Воителя.

Такой конец вполне согласовывался с легендами истваанцев. В них говорилось, что некоторые из детей Отца Истваана отвергли свет и повели свои армии против своего великодушного повелителя. Разразилась ужасная война. Утраченные дети, как их стали называть впоследствии, в решающем сражении были разгромлены, а их армии истреблены. Вместо того чтобы казнить неблагодарных детей, Отец Истваан сослал их на Истваан V — унылую планету черных пустынь и пепельных барханов.

В этом кошмарном мире тьмы Утраченным детям было велено размышлять об их изгнании из рая, и горечь поражения исказила их красивые черты до того, что ни один человек не мог взглянуть на них без отвращения. Чудовищ оставили жить в исполинских крепостях из черного камня, где они лелеяли мечты о мести своим врагам.

Таковы были легенды, поведанные Девами Битвы, предупреждавшими свой народ не сбиваться с верного пути, чтобы Утраченные Дети не вернулись и не осуществили долгожданную месть.

Были ли эти мифы аллегорическими иносказаниями или повествовали о подлинных исторических фактах, не имело значения, поскольку Утраченные Дети действительно вернулись в облике Легионов Воителя.

На пепельном небе Истваана V клубились грозовые тучи, собираясь над южным сектором укреплений, где должна была состояться первая битва за Империум. На Юлия Каэсорона, несмотря на все легенды, это место не производило особого впечатления. В воздухе еще ощущались запахи выбросов давно исчезнувшей промышленности, а земля под ногами напоминала пыльный черный порох — сыпучий и гранулированный, как песок, но тяжелый и хрустящий, словно стекло.

Впервые ступив на просторы черной пустыни, Юлий почувствовал ветер,

хлеставший по темным дюнам, будивший тоскливое эхо в башнях и бастионах полуразрушенных укреплений на вершине пологого холма над северной оконечностью обширной пустоши. Эта местность, известная под названием Ургалльская впадина, была самой большой пустыней на планете. Ничем не примечательное плато с голыми скалами и чахлым кустарником плавно поднималось к невысоким горам, на которых и была построена крепость. Кто возвел это сооружение, было неизвестно, хотя механикумы утверждали, что оно принадлежит цивилизации, предшествовавшей человечеству, миллионы лет назад.

Стены крепости были сложены из громадных блоков стекловидного камня, настолько хорошо подогнанных, что между ними не было видно никакого связующего раствора. Создатели крепости давным-давно были мертвы, но их архитектурное наследие осталось навеки, хотя за миллионы лет обрушились некоторые участки стены. Крепость могла служить идеальным фундаментом для организации

обороны. Стена тянулась приблизительно на двадцать километров, и в некоторых местах ее высота достигала тридцати метров, но все основание, так же как и проходы под башнями с бойницами, было засыпано сыпучим песком.

Фулгрим разместил свою команду внутри крепости и приступил к работе, твердо намереваясь создать бастион, достойный Воителя.

В сопровождении Юлия и Мария примарх Детей Императора лично обходил крепость, наблюдая за ведущимися работами. Многочисленные отряды теханикумов при помощи землеройных машин уже разгребали песок у основания стен и использовали его для сооружения обширной сети укреплений, окопов, бункеров и редутов, тянувшихся по всему горному склону перед крепостью. Под защитой стен расположился парк противовоздушных орудий, а в углах спрятались орбитальные торпедные установки, поставленные на мобильные платформы. Если Легионы Императора захотят их уничтожить, им придется для

этого высадиться на поверхность планеты.

Примарх Детей Императора был, как обычно, в боевых доспехах, сверкавших пурпуром безупречно отполированного керамита, но Юлий, благодаря недавно усиленному зрению, не мог не заметить некоторые изменения, присутствующие почти в каждой пластине брони. Ремесленники Легиона добавили к его броне несколько новых слоев, и силуэт слегка изменился: имперский орел исчез с нагрудника и был заменен полосами лакированного керамита, украшенными искусной чеканкой.

Каждую пластину окаймляли полоски серебра и золота, а на свободных плоскостях появились сцены, свидетельствующие о новой принадлежности Легиона. И хотя все это создавало впечатление сугубо церемониального комплекта, подобное предположение было далеко от истины.

— Прекрасный вид, не правда ли, друзья? — спросил Фулгрим, наблюдая, как гигантский экскаватор поднимает тонны

песка и обломков и ссыпает их в кузов гигантского транспортника.

— Великолепный, — без всякого энтузиазма ответил Юлий. — Я уверен, Воитель будет доволен.

— Наверняка, — кивнул Фулгрим, не замечая иронии в словах Первого капитана.

— И когда Хорус собирается почтить нас своим присутствием? — спросил Юлий.

Фулгрим, услышав наконец его насмешливый тон, обернулся. Он улыбнулся и провел рукой по распущенным белым волосам, и при виде прекрасного примарха настроение Юлия немного улучшилось. Из уважения к Воителю Фулгрим отказался от пудры и грима на лице и теперь снова стал прежним, великолепным воином, совершенным во всех отношениях.

— Воитель скоро присоединится к нам, Юлий, — сказал Фулгрим. — Но так же скоро прибудут сюда и Легионы Императора! Я знаю, эта работа кажется тебе скучной, но она необходима, если мы собираемся одержать великую победу, на которую рассчитывает Хорус.

Юлий пожал плечами; его обостренные чувства требовали сильной стимуляции.

— Это унизительно. Воитель не мог придумать большего наказания для нас, чем лишить возможности сражаться на Исткваане III и заслать на эту унылую скалу, чтобы мы превратились в грязных землекопов.

— Что ж, у каждого своя роль, — вмешался, как всегда льстивый, Марий.

Однако Юлий ясно видел, что и Марию не слишком нравится это задание и он недоволен, что упустил шанс добиться славы, изгоняя из Легиона недостойных. Битва на Исткваане увенчалась успехом, и Эйдолон уже прислал известия о безупречных действиях Легиона, так же как и о гибели Соломона Деметра.

В отличие от гибели Ликаона в сражении с Диаспорексом, сейчас Юлий не понял, что же он почувствовал в связи со смертью своего бывшего боевого брата. Его ощущения настолько изменились, что лишь самые шокирующие события могли

вызвать в душе всплеск интереса. Он не чувствовал печали, а лишь легкое сожаление, что такой славный воин, как Соломон, проявив несовершенство, заслужил свою участь.

— Ты прав, Марий, — согласился Фулгрим. — Наша работа имеет огромное значение, Юлий, вот почему Воитель выбрал именно нас. Только Дети Императора, со свойственным им совершенством, способны выполнить эту часть плана Воителя так, как предписано.

— Это задание для механикумов и, возможно, для унылых Железных Воинов из Легиона Пертурабо. Для Детей Императора такое задание оскорбительно, — не унимался Юлий. — Мы наказаны за свою неудачу.

Фулгрим, хоть и был разочарован отстранением от боевых действий на Истваане III, последовавшим за неудачной попыткой привлечь на сторону Воителя Ферруса Мануса, с головой окунулся в работу по подготовке к триумфальному прибытию Хоруса.

Легионы Императора собирали силы, и вскоре на этом пустынном плато разразится война, которая определит дальнейшую судьбу Империума.

— Может, и наказаны, — проворчал Фулгрим. — Но воля Воителя должна быть исполнена.

После бойни на Истваане III Легионы Хоруса перебазировались к Истваану V. Флотилия состояла из множества боевых кораблей и транспортов, несущих лучшие силы четырех Легионов, полностью состоящих из людей, верных только Воителю.

Большие транспортные суда лорда-командующего армией Файля несли на себе миллионы вооруженных людей, танки и артиллерийские орудия. Объемистые перевозчики механикумов доставили к Истваану V Легио Мортис — темных жрецов, управлявших «Диес Ире» и его младшими братьями, готовых снова обрушить боевую мощь колоссальных машин на любого противника.

Финальная победа на Истваане III

досталась ценой многих жизней, но в ходе сражений Легионы прошли испытание и выполнили приказ. Борьба оказалась долгой и кровопролитной, однако армия Воителя доказала свою готовность сражаться с бывшими братьями, если приспешники Императора решат напасть на недавних союзников.

В таком случае они найдут здесь свою гибель, пообещал Хорус.

В атмосфере «Ла Фениче» остро чувствовалось возбуждение. Тысячи людей, заполнившие ряды и ложи, поражались экстравагантности представленных образцов скульптуры и живописи. С поверхности Истваана V на борт «Гордости Императора» вернулись почти три сотни Астартес, а между ними, занимая любое свободное место, теснились около шестисот летописцев и члены корабельного экипажа. Театр гудел от взволнованных голосов.

На сегодняшний вечер была назначена долгожданная премьера «Маравильи» Бекьи Кински.

Зал искрился разноцветьем красок, повсюду блистала позолота, пилястры делили стены на огромные панели, украшенные разнообразными картинами и фресками, явно перегруженными мелкими деталями. В своем новом убранстве театр «Ла Фениче» не имел соперников даже среди огромных изысканных залов в ульях Терры, и на его украшение не пожалели ни сил, ни средств.

Передние ряды партера расходились от сцены широкими концентрическими полукружиями, а мозаичный пол в проходах был невидим — люди были готовы стоя выслушать грандиозный спектакль. В полукруглых нишах стен партера стояли бюсты прославленных деятелей культуры Терры, а также другие, более экзотичные, статуи вольнодумцев-гедонистов. Среди этих статуй попадались и неузнаваемые бесполые фигуры с мощной мускулатурой, бычьими головами и усыпанными драгоценными камнями рогами.

Позади партера шесть мощных колонн из белого мрамора поддерживали бельэтаж, бортик которого украшала

изысканная фреска.

С нижнего края балкона свисали бронзовые клетки с певчими птицами, и их разноголосое щебетание вплеталось в звуки настраиваемых музыкальных инструментов и разговоров. Из висящих повсюду курильниц струились клубы сладковатого дыма, а воздух был перенасыщен влагой. Нетерпеливое ожидание стало еще ощутимее, когда в полукруглой оркестровой яме музыканты начали настраивать свои инструменты. Каждый из инструментов представлял собой монструозное сооружение из труб, мехов и потрескивающих электрогенераторов, подключенных к высоким стойкам мощных усилителей, изготовленных специально для этого представления и сконструированных для воссоздания магической музыки лаэрского храма.

Цветные прожекторы и с изощренным умыслом расставленные линзы наполняли «Ла Фениче» яркими радугами, и лучи миллионов разных оттенков достигали каждого уголка зала. Над созданием

занавеса неустанно трудилась целая армия швей, и рамповые софиты освещали ярко-красный бархат и вышитые на нем сцены из различных легенд с обнаженными танцорами, животными и боями.

Над сценой, на огромном фронтоне, было освещено единственное пятно, где висел портрет примарха Детей Императора, последняя работа Серены д'Анжело. При виде полотна люди теряли дар речи и способность логически мыслить.

Еще одну из работ Серены можно было увидеть на сводчатом потолке зала – колоссальная многоцветная фреска изображала змей и мифических существ, резвящихся с нагими людьми и всевозможными животными.

Массивные фигуры Астартес, даже без боевых доспехов, занимали почти все пространство огромного театра. Те, кто оказывался за спинами этих воинов, вынуждены были переминаться с ноги на ногу, чтобы хоть как-то увидеть сцену.

Капитаны Легиона расположились со всеми удобствами в ложах, расположенных

в два яруса над просцениумом, — оттуда было все отлично видно.

Центральная ложа уже была известна как Гнездо Фениксийца. Внутри она была отделана золотом и серебром и задрапирована желтым атласом с кружевом. Над фронтоном ложи мерцал полог из золотистого шелка.

Движение в Гнезде Фениксийца привлекло внимание собравшейся публики, и вскоре все взгляды обратились на стоящего в ложе величественного воина. Фулгрим поднял руку и погрузился в океан обожания, выражаемый воинами Легиона в громогласных аплодисментах, от которых содрогнулись стропила.

Примарх пришел в сопровождении своих старших офицеров, и, как только он сел, свет в зале стал меркнуть. Яркое пятно осталось только на сцене, а когда огромный бархатный занавес раздвинулся, появилась Бекья Кински.

Юлий с едва сдерживаемым волнением смотрел, как композитор с голубыми волосами пересекает сцену и

спускается в оркестровую яму, чтобы занять место за дирижерским пультом. На Бекье Кински было скандально прозрачное пурпурно-золотое платье из невесомой ткани, украшенное сверкающими, словно звезды, драгоценными камнями. Вырез платья опускался ниже талии, открывая соблазнительные полукружия груди и гладкую кожу живота.

— Великолепно! — крикнул Фулгрим и присоединил свои неистовые аплодисменты к приветственным овациям зала, а Юлий с изумлением заметил на глазах примарха слезы.

Юлий кивнул. У него не было никакого понятия о женской привлекательности и тем более сексуального опыта, обычного для смертных мужчин, чтобы он мог сравнивать, но от просвечивающей фигуры и ее откровенной женственности у него захватило дух. Раньше такой всплеск эмоций Юлий ощущал лишь при взгляде на примарха, от некоторых музыкальных произведений или перед боем, но ощущать нечто подобное при виде смертной женщины ему было внове.

Зал окутала абсолютная тишина, в ожидании чуда почти десять тысяч человек одновременно перестали дышать, и напряжение достигло своего апогея. Бекья подняла многожезл дирижера, постучала им по пюпитру с партитурой, и наконец раздались первые такты увертюры к «Маравилье».

Начальные ноты ревом вырвались из новых инструментов и разнеслись по всему залу «Ла Фениче», предвещая удивительную инструментовку, романтическую красоту и развитие темы. По мере того как музыка то возвышалась, то спадала, Юлий отдался во власть новых звуков и ощутил неизведанные до сих пор эмоции. Чувства, рожденные в неведомых глубинах его души, уносили его к пределам восторга, а сокрушительные ударные и неистовые, пронзительные голоса духовых инструментов переполняли зал.

Ему хотелось смеяться, потом плакать, потом в нем поднялась волна гнева, но она быстро отхлынула, и душу охватила непреодолимая меланхолия.

Через мгновение музыка стыла и меланхолию, и бурный восторг заявил о себе с немыслимой силой и откровением, как будто все испытанные до сих пор ощущения были лишь прелюдией к разворачивающемуся грандиозному замыслу.

Бекья Кински священнодействовала за своим дирижерским пультом, жезл рассекал и прокалывал воздух, волосы метались языками голубого пламени. Юлий с трудом оторвал взгляд от этого великолепного зрелища и повернулся к публике, чтобы увидеть общую реакцию на эту потрясающую и захватывающую музыку.

Он увидел лица, застывшие в невероятном восторге перед мощью и величием диссонирующих звуков, проникающих в каждую клетку, пробуждающих новые чувства в душе. Но, как оказалось, не все зрители в зале наслаждались чудом, которое им посчастливилось наблюдать, и Юлий заметил, что во время очередного нарастания звука кое-кто зажимает уши,

как от сильной боли. Он увидел в зале хрупкую фигуру Эвандера Тобиаса и с гневом проследил, как неблагодарный негодяй вместе со своими дружками-писаками пробирается сквозь толпу к выходу.

Внезапно завязалась драка: зрители напали на мятежного архивариуса и его приятелей, быстро опрокинули отщепенцев на пол и начали топтать. Затем нападавшие вновь обратили свое внимание на сцену, и Юлий ощутил небывалый прилив гордости, когда чей-то тяжелый сапог напоследок раздавил череп Тобиаса. Никто не обратил внимания на проявление внезапно вспыхнувшей агрессии, словно это было самым обычным делом, но Юлий видел, что жажда крови распространяется по залу, подобно вирусу или ударной волне после детонации.

Музыка ураганом кружилась по залу, нарастала, звала за собой, пока не достигла апогея в неистовом крещендо, и тогда занавес поднялся, вызвав новый вихрь эмоций.

Громкость музыки продолжала

возрастать, увертюра вела непередаваемо прекрасную мелодию, а открывшаяся на сцене картина была словно удар в солнечное сплетение и вызвала у Юлия какие-то животные ощущения. Он вскочил на ноги.

Интерьер лаэрского храма был воспроизведен до мельчайших деталей, скульпторы и художники, посещавшие величественное и загадочное сооружение, сумели в точности передать его меняющиеся краски и пропорции.

В театре вспыхнули яркие огни, и Юлий на мгновение потерял ориентацию, а оркестр продолжал играть, переходя к более мрачному отрывку с угрожающими обертонами, вызывая болезненное ощущение надвигающейся трагедии. Волны звуков, сплетаясь в мелодию, реяли над залом и погружали слушателей в океаны ощущений, знакомые Юлию по его первому посещению храма вместе с Фулгримом.

Могущественная мелодия захлестнула публику, и эффект проявился мгновенно: по залу прокатился трепет

наслаждения. Ослепительные огни метались в воздухе, а когда музыка достигла новых высот, на сцене появилось еще одно яркое пятно. Появилась хрупкая фигура Коралин Асеник, примадонны «Маравильи».

Юлию еще не приходилось слышать пения Коралин, и виртуозность ее мощного исполнения застигла его врасплох. Ее голос звучал в безупречной дисгармонии с музыкой Бекьи Кински и поднимался до такой высоты, какая казалась не под силу ни одному человеку. И все же Коралин брала эти высокие ноты, а энергетика ее сопрано выходила за пределы пяти чувств и, как казалось Юлию, стимулировала абсолютно все чувства.

Симфония увлекла Юлия в какой-то наркотический транс, и он, безудержно смеясь, перегнулся через барьер ложи и от непереносимого обострения чувств прижал руки к голове. На сцене к Коралин Асеник присоединился хор, но Юлий едва ли обратил внимание на его появление. Объединенные голоса хористов помогли сопрано взметнуться до невероятной

октавы, и звук достиг спинного мозга, оживил сенсорные центры, о существовании которых Астартес и не подозревал.

Юлий с трудом заставил себя отвернуться от сцены, настолько он был испуган и очарован тем, что видел и слышал. Какое существо в состоянии слушать музыку столь непреодолимой мощи и сохранить при этом рассудок? Человеческое ухо недостойно воспринимать этот родовой крик прекрасного и ужасного бога, заявлявшего о своем существовании.

Эйдолон и Марий, так же как и он сам, были захвачены спектаклем и в исступленном восторге буквально приросли к стульям. Рты обоих воинов были открыты, словно они собирались присоединить свои голоса к пению Коралин Асеник, но в глазах метался панический страх. Рты растягивались в безмолвных криках все шире, как у змей, собирающихся проглотить добычу; глотки явно испускали ужасные, но неслышные крики. Юлий перевел взгляд на Фулгрима.

Примарх обеими руками сжимал барьер Гнезда Фениксийца и сильно наклонился вперед, словно преодолевал сопротивление мощной бури. Распущенные волосы упали на лицо, а темные глаза сквозь пряди горели фиолетовым пламенем.

— Что происходит? — крикнул Юлий, и его голос, взлетев, стал частью музыки.

Фулгрим обратил на него взгляд темных глаз, и в их глубине под действием неведомой силы закружились галактики и звезды.

— Это прекрасно, — ответил Фулгрим. Его голос едва ли был громче шепота, но Юлию показался оглушительным, и он упал на колени у края ложи. — Хорус рассказывал об истинной мощи, но я даже не представлял...

Юлий в изумлении осмотрелся и понял, что он может видеть, как сопрано врывается в зал и скользит между слушателями, словно живое существо. Крики и визг публики прорывались через пелену музыки, оплетавшей его мозг, и он

видел, какие ужасы творятся в зале: люди бросались друг на друга, пуская в ход кулаки и зубы. Некоторые из зрителей кидались в объятия соседей, отдавшись похоти, и вскоре весь зал был похож на раненого зверя, содрогавшегося в агонии смерти и страсти.

Порывам чувств поддались не только простые смертные. Астартес тоже были захвачены неудержимой силой «Маравильи». От чрезмерного перенапряжения чувств воины давали выход эмоциям единственно доступным им способом. От сцены вглубь зала распространялась волна насилия, кровь уже лилась рекой, а над «Ла Фениче» продолжала греметь музыка.

Юлий услышал резкий треск, словно рвался на клочки полотняный парус. Обернувшись, он увидел, что холст огромного портрета Фулгрима скручивается и натягивается, как будто нарисованное существо стремится вырваться за пределы рамы. В глазах портрета полыхали огни, и долгий пронзительный вопль, пролетевший по

невероятно длинному туннелю, вонзился в мозг Юлия, наполняя его чудовищной жаждой жестоких наслаждений.

Яркие огни заполнили зал; они всплывали из оркестра, тягучее пламя поднималось от странных инструментов, обретало физическую форму и превращалось в жидких змей, переливавшихся мириадами цветов. Следом за ними распространялись безумие и дикая горячность, а те, кого касались эти змеи, бросались в водоворот самых низких наслаждений, диктуемых возбужденной психикой.

Оркестранты играли так, словно руки им не принадлежали, их лица превратились в искаженные ужасом маски, а пальцы продолжали неистовую пляску над клапанами. Музыка держала их мертвой хваткой и не позволяла своим создателям проявить хоть малейшую слабость.

В голосе Коралин Асеник Юлий услышал отзвуки агонии. Он осмелился поднять взгляд к сцене, где примадонна исполняла разнузданный дикий танец, а

хористы сопровождали его пронзительными воплями. Конечности певицы метались и извивались в совершенно несвойственной человеку манере, и Юлий отчетливо различил треск костей, вплетавшийся в бесчисленное множество мелодий, заполнявших театр. Он видел, что женщина уже мертва, в глазах нет никаких признаков жизни, все кости превратились в песок, но голос все так же рвался из ее груди.

Все живое в «Ла Фениче» уже было заражено вихрем огней и звуков, и безумие достигло апогея. Юлий видел, как Астартес убивали смертных ударами кулаков, как пили их кровь и пожирали плоть, а потом сдирали кожу с переломанных костей и набрасывали себе на плечи, словно шаль.

На скользком от крови полу продолжались буйные оргии смертных, ставших сосудами для темной энергии, вливавшейся в мир, и любое непотребство принималось с радостью.

В центре этого безумия Бекья

Кински с приклеенной к лицу бессмысленной улыбкой управляла хаосом. По ее горящим глазам, в восторженном обожании обращенным к фулгриту, Юлий понял, что это было величайшее из ее произведений.

А потом без всякого предупреждения крещендо прорезал пронзительный визг, и на глазах у Юлия исковерканное тело Коралин Асеник взлетело в воздух, широко раскинув руки. Неведомая сила подхватила разбитую плоть и кости певицы и превратила ее в какое-то новое и устрашающее существо. Изувеченные конечности выпрямились и вновь стали гибкими и изящными, а кожа приобрела бледно-лиловый оттенок. Вместо бывшего на Коралин мерцающего платья из голубого шелка появились полоски блестящей черной кожи, очертившие округлости мягкого тела, сформированного из ее трупа.

Жуткий чавкающий звук вылетел из горла примадонны, и та сила, что удерживала ее над сценой, исчезла. Существо, в которое превратилась

Коралин Асеник, с мягкой грацией приземлилось в центре сцены.

Юлий еще никогда не видел такого прекрасного и одновременно отталкивающего создания, вид полуобнаженной женщины будил и отвращение, и непреодолимую тягу, от которой сводило внутренности. Волосы тонкими иглами встали вокруг овального лица с зелеными глазами-блюдцами, клыкастым ртом с чувственными губами. Гибкое тело имело совершенные формы, но только одну грудь, а кожа почти скрывалась под татуировками и пирсингом. Обе руки превратились в длинные лапы с клешнями, как у краба, блестели красным хитином и влажной плотью. Несмотря на угрожающе острые клешни, существо казалось настолько соблазнительным, что Юлий ощутил возбуждение, какого не испытывал с тех пор, как стал Астартес.

Возникшее создание двигалось с плавной кошачьей грацией, каждый жест был полон сексуальности и сулил запретные наслаждения, неведомые

простым смертным. Юлию до боли захотелось их испытать. Дьяволица обратила на хористов всезнающие глаза и, запрокинув голову, исполнила соблазнительную песнь, от которой захватывало дух, так что Юлий едва удержался, чтобы не выпрыгнуть из ложи и не броситься к певице.

Песнь искушения не успела затихнуть, как ее подхватил обезумевший оркестр и стал играть все громче и громче. Юлий увидел, что хористы начали извиваться, как перед этим извивалась Коралин Асеник, раздался хруст костей, и пятеро из них трансформировались в такие же соблазнительно-отталкивающие создания. Остальные певцы замертво попадали на сцену опустошенными оболочками, их лишенные жизни тела послужили топливом для превращения их товарищей. Новые монстры с пронзительным визгом, размахивая клешнями, спрыгнули со сцены.

Движения всех шестерых дышали грацией и силой, и каждый ловкий взмах их смертельно острых когтей вскрывал

артерии и отсекал конечности.

Первой погибла Бекья Кинский: чудовищный коготь вонзился ей в спину и вышел из груди, сопровождаемый фонтаном крови. Даже умирая, Бекья не переставала улыбаться, наслаждаясь своим триумфом. Остальные оркестранты были разорваны в клочья прошедшими сквозь их ряды чудовищами с такой скоростью и ловкостью, какой Юлий мог только подивиться.

Скоро все оркестранты погибли от прикосновений лап прекрасных монстров, изгнавших жизнь из дрожащей плоти, и музыка «Маравильи» стихла. Отсутствие музыки внезапной болью отозвалось в костях, и Юлий закричал, ощутив бездонную пустоту. В зале «Ла Фениче», несмотря на умолкнувшие инструменты, стоял оглушительный шум. Убийства и совокупления продолжались с прежним размахом, но по мере затихания музыки крики восторга стали превращаться в жалобные вопли, зато безумие возобновилось с новой силой.

Юлий услышал горестный крик

Мария и, обернувшись, увидел, что его боевой брат выпрыгнул из Гнезда Фениксийца. Фулгрим следил за ним, трепеща от нахлынувших эмоций и наслаждения, а Юлий неуверенно поднялся на ноги. Он увидел, как Марий приземлился в кровавый хаос оркестровой ямы и подобрал один из странных инструментов Бекьи Кински.

Марий поднял длинное, напоминавшее трубу устройство и повесил его на сгиб руки, словно болтер. Пробежав пальцами по всей длине рукоятки, он добился чудовищной вибрации, похожей на рев цепного меча. Пока Юлий следил за тщетными попытками Мария воскресить музыку, еще несколько Детей Императора бросились в яму, и каждый хватал одно из оркестровых приспособлений и пытался оживить магию симфонии.

У Юлия перехватило дыхание, и он крепче сжал ладонями перила, боясь, что ноги вот-вот откажутся его держать.

— Я... Что?.. — только и смог он произнести, когда Фулгрим поднялся и встал рядом.

— Великолепно, не правда ли? — спросил Фулгрим. Его кожа светилась обновленной энергией, а глаза сияли. — Госпожа Кински была подобна огненной комете. Никто не мог пройти мимо, чтобы не оглянуться на нее, и вот теперь ее не стало. Вряд ли мы еще увидим нечто подобное, и никто из нас не сможет ее забыть.

Юлий попытался ответить, но за его спиной взорвался воем зал, и он обернулся. Сцена окуталась дымом и пылью разбитого мрамора. Марий стоял посреди оркестровой ямы, электрические разряды плясали на его теле, а он перебирал руками рычаги вопящего инструмента. Ошеломляющий взрыв акустической энергии своей мощью сорвал со стены один из балконов. Обломки мрамора и куски штукатурки полетели в воздух, но звук инструмента вызвал восторженные вопли у стоящих рядом с Юлием Астартес.

Через несколько мгновений все они освоили свои инструменты, и завывающие, пронзительные звуки нового крещендо начали разрушать театр. Привлеченные

их игрой дьяволицы собрались вокруг Мария, и их неестественные вопли добавились к безумной музыке.

Марий повернул свой инструмент на толпу и выдал рокочущую басовую ноту, закончившуюся оглушительным взрывом. Грохочущие такты и восторженное завывание обрушились на смертных, и жертвы музыки беспомощно задергались, когда их кости и черепа начали раскалываться в щепки.

— Мои Дети Императора! — воскликнул Фулгрим. — Какую чудесную музыку они играют.

По всему залу «Ла Фениче» слышались влажные всхлипы разрывающейся плоти и треск костей, а со сцены неслась музыка Апокалипсиса в исполнении Мария и его друзей Астартес.

23
Битва на Истваане V

В присутствии трех величественных фигур капитан Балхаан неподвижно замер на мостике «Феррума» за своим пультом и даже старался сдерживать дыхание. Железный Отец Дидерик застыл у тактического экрана и с таким же благоговением взирал на троих примархов, обсуждавших план уничтожения вражеских сил на Истваане V.

В исторических трудах много говорилось о харизме древних легендарных героев: могучем Гекторе, отважном Александре и гордом Торквиле. Легенды утверждали, что непоколебимое могущество героев лишало людей дара речи, а потом свидетели описывали их при помощи красочных гипербол, создававших раздутую репутацию. Большую часть таких историй Балхаан считал пафосными выдумками, но только до того момента, пока не увидел одновременно троих истинных примархов. Такое

грандиозное собрание не поддавалось никакому описанию. У него не хватило бы слов передать благоговейный восторг, наполнивший душу при виде трех великолепных воинов, пришедших в рубку его корабля.

Феррус Манус, одетый в мерцающие дымчатые доспехи, был на голову выше своих братьев и в ожидании известий об остальных кораблях своего Легиона метался по рубке, словно снежный лев с Медузы, запертый в клетку. На ходу он ударял кулаком одной серебряной руки по ладони другой, и в каждом его движении Балхаан ощущал жажду сразиться с мятежниками.

Следующим, если считать по росту, был высокий и худощавый, но мускулистый примарх Гвардии Ворона. Его доспехи тоже были черного цвета, но казалось, они не отражают, а поглощают любой луч света, посмевший коснуться брони. Только наплечники окаймляла отделка из слоновой кости, а по обе стороны от бледного орлиного лица колыхался плюмаж из темных перьев. Глаза Коракса опасно

блестели черными угольками, и поверх латных рукавиц были пристегнуты длинные, серебристо блестящие когти. Примарх Гвардии Ворона до сих пор не произнес ни слова, но Балхаан слышал о нем как о молчаливом воине, державшем свое мнение при себе до наиболее подходящего момента.

Третьим из примархов был Вулкан, командир Легиона Саламандр. Его с Фулгримом связывали узы дружбы, поскольку оба они увлекались не только военным делом, но и ремеслами. Кожа на лице Вулкана потемнела, словно обуглилась, а в его темных глазах плескалась мудрость, ставившая в тупик величайших ученых Империума. Его доспехи имели оттенок морской волны, но каждую пластину украшали языки пламени, составленные из бесчисленных кусочков кварца. Один наплечник его доспехов был украшен черепом огромного дракона, по слухам сотни лет назад убитого Вулканом на пари с Императором, а с другого ниспадала накидка из твердой, как железо, чешуи,

снятой с туши другого могучего дракона на Ноктюрне.

На плече Вулкана висело удивительной работы ружье с заряжающимся сверху магазином и перфорированным кожухом в виде оскаленной морды дракона. Балхаан слышал об этом оружии, сотни лет назад созданном Феррусом Манусом для своего брата. Балхаан даже видел, как примарх во второй раз преподнес ружье Вулкану, и его переполнила гордость, когда смуглолицый воин с благодарностью принял легендарное оружие и поклялся воспользоваться им в грядущей битве.

Для Балхаана честь находиться рядом со столь могущественными воинами была ни с чем не сравнимой. Он твердо решил запомнить каждую деталь этой встречи, а потом записать в меру своих способностей, чтобы будущие капитаны «Феррума» знали о выпавшей их кораблю чести.

Балхаан выжал из своего экипажа все соки, чтобы как можно скорее добраться до системы Истваан, но, появившись на

месте, они обнаружили флотилии Гвардии Ворона и Саламандр. Скрытая разведка обнаружила позиции противника, и примархи уже наметили зоны приземления и основные направления ударов, однако без остальных Легионов, спешивших подавить мятеж Хоруса, дальнейшие действия были невозможны.

Быть так близко от логова врага и не иметь возможности выполнить волю Императора — всех заставило испытать горькое разочарование, но даже разъяренный Феррус Манус сознавал, что им не под силу одолеть армии Воителя без поддержки.

На «Ферруме» находилось десять тысяч морлоков, самых опасных и опытных воинов Легиона, и Балхаан знал, что против ярости терминаторов не устоит ни один враг. Железным Рукам вместе с ветеранами предстояло начать атаку, и, по мнению Балхаана, было справедливо предоставить эту честь лучшим воинам Легиона. Морлоки во главе с Габриэлем Сантаром рвались сразиться с Детьми Императора, чтобы отомстить за

предательское убийство своих товарищей в Анвиларии «Железной длани».

Остальные силы Пятьдесят второй экспедиции должны были следовать за «Феррумом», но никто не знал, когда они появятся в системе Истваан, а каждая секунда задержки давала мятежникам возможность укрепить свои позиции.

Легионы Коракса и Вулкана уже заняли позиции для начала атаки на Истваан V, но астропат Кистор до сих пор не получил никаких известий от братьев Ферруса Мануса — примархов Несущих Слово, Повелителей Ночи, Железных Воинов и Легиона Альфа.

— Все части заняли исходные позиции? — спросил Феррус Манус, не сводя взгляда с обзорного экрана.

— Да, мой господин, — кивнув, ответил Балхаан.

— От остальных Легионов еще нет известий?

— Нет, мой господин, — произнес Балхаан, проверяя связь с капеллой выживших астропатов Легиона.

Этот обмен репликами без

изменений повторялся каждые несколько минут, и нетерпение Ферруса Мануса только возрастало. Воины рвались в бой с теми, кто запятнал честь своих братьев предательством, и ожидание было для них подобно пытке.

Люк капитанской рубки открылся, пропуская двоих морлоков в терминаторских доспехах, сопровождавших тощего человека с изможденным лицом — астропата Кистора. Едва он ступил в рубку, как Феррус уже оказался с ним рядом и железной хваткой вцепился в костлявые плечи.

— Какие известия от Легионов? — потребовал он, почти вплотную приблизив свои сверкающие серебряные глаза к лицу Кистора.

— Мой господин, я лично получил весть от ваших братьев-примархов, — произнес Кистор, извиваясь в руках своего повелителя.

— И?.. Они на подходе? Мы можем начинать атаку?

— Феррус, — негромко, но веско

произнес Коракс, — ты сейчас сломаешь его пополам, и он уже ничего не скажет. Отпусти его.

Феррус судорожно выдохнул и отступил от астропата. Вперед вышел Вулкан:

— Расскажи, что ты услышал.

— Легион Несущих Слово, Легион Альфа, Железные Воины и Повелители Ночи в нескольких часах пути от нас, господин Вулкан, — спокойно сказал Кистор. — Они выйдут из варпа неподалеку от пятой планеты.

— Есть! — закричал Феррус, вскинул сжатый кулак и повернулся к своим братьям-примархам. — Братья, нам выпала честь пролить первую кровь в этой битве. Начинает масштабное планетарное наступление.

Энтузиазм Ферруса заразил всех, и Балхаан, сознавая, что они вот-вот обрушат на мятежников гнев Императора, ощутил, что кровь быстрее побежала по жилам. Его примарх перестал метаться по рубке и начал отдавать команды.

— Морлоки составят наш авангард, —

сказал Феррус. — Коракс, твой Легион будет прикрывать правый фланг Ургалльской долины, а потом сдвинется к центру. Вулкан, тебе остается левый фланг.

Примархи кивками одобрили его слова, и Балхаан заметил, что даже обычно сдержанный Коракс не скрывает радости в предвкушении боя.

— Остальные Легионы выбросят планетарные десанты сразу после выхода из варпа. Они обеспечат безопасность с тыла и присоединятся к нашему наступлению, — продолжал Феррус, сверкая глазами. Он пожал руки братьям и повернулся к экипажу «Феррума». — Мятежники не ждали нашего прибытия, и на нашей стороне фактор внезапности. Пусть проклянет нас Император, если мы не воспользуемся этим шансом!

Армия Воителя в полной мере воспользовалась вынужденным ожиданием Ферруса Мануса и его союзников. За восемь дней, проведенных на Истваане V, Пожиратели Миров, Гвардия Смерти,

Сыны Хоруса и Дети Императора расположили свои отряды вдоль всех защитных сооружений Ургалльской долины и были готовы встретить нападающих. За первой линией, в крепости, располагались отделения поддержки, а армейская артиллерия была готова обрушить огненный шторм на головы атакующих.

Перед самой стеной стоял титан «Диес Ире», готовый сокрушить любых врагов Воителя, и принцепс Турнет лично поклялся искупить вину за предательство членов его команды, случившееся во время сражения на Истваане III.

Почти тридцать тысяч Астартес закрепились на северном крае Ургалльской долины, с оружием наготове, с твердой решимостью сделать то, что было необходимо.

Небо оставалось закрыто пеленой сплошных свинцовых туч, и тишину нарушали только тихое завывание ветра да изредка — скрежет металла. Над черной пустыней царило торжественное напряжение исторического момента,

словно вся планета сознавала, что это последние мгновения тишины перед кровавым побоищем.

Первым аккордом послужило неяркое оранжевое свечение туч, постепенно залившее всю Ургалльскую долину огненным сиянием. Затем долетел звук: низкий рев, постепенно превращающийся в пронзительный свист.

Завыли сирены, и тучи рассекло отдельными огненными штрихами, упавшими на землю потоками пламени. Громогласные разрывы сотрясли скалистый край Ургалльской долины, и вся линия обороны Воителя подверглась массированной бомбардировке.

Несколько долгих минут армия Императора с орбиты обстреливала Ургалл, на Истваан V обрушился огненный шквал невообразимой мощности, словно предвещавший конец света. Наконец смертоносные снаряды иссякли, затихло эхо ужасного грохота, и рассеялся едкий дым взрывов. Но Дети Императора не зря, с присущим им совершенством, работали над сооружением оборонительных

комплексов — силы Воителя оказались надежно защищены.

Хорус из своего наблюдательного пункта в крепости чужаков с улыбкой смотрел, как небо снова потемнело и к поверхности планеты полетели тысячи и тысячи десантных капсул.

Он обернулся к внушительному Ангрону и великолепному Фулгриму:

— Помните мои слова, братья, приспешники Императора найдут здесь свою погибель!

Вход в плотные слои атмосферы превращал десантную капсулу в раскаленную печь. Только керамитовая броня позволяла Астартес спускаться на поверхность планеты подобным образом, и Сантар знал, что молниеносная высадка должна застигнуть врасплох врагов, едва оправившихся от мощного обстрела с орбиты.

Напротив Сантара сидел Феррус Манус, к его поясу был пристегнут незнакомый меч, а в серебряных глазах отражалось пламя, охватившее десантную

капсулу при входе в атмосферу. Здесь же поместилось еще трое морлоков. Этим выдающимся воинам Легиона предстояло стать наконечником копья, нацеленного в сердце противника.

Небеса над Ургалльской долиной потемнели — стаи десантных кораблей опускались на поверхность. Объединенные силы трех Легионов мчались в небе, пылая жаждой мести. Дрожь металла ощущалась Сантаром как дрожь нетерпения, страстного желания уничтожить мятежников.

— Десять секунд до удара! — предупредил по воксу пилот-автомат.

Сантар напряг мышцы и плотнее прижался к переборке десантной капсулы, сервоузлы терминаторской брони загудели, готовясь погасить колоссальную силу столкновения с поверхностью. По бронированному корпусу капсулы загрохотали удары, свидетельствующие об артиллерийском обстреле. Казалось невероятным, что после орбитальной бомбардировки противники не только выжили, но и способны сопротивляться.

Сильный толчок оповестил о включении реверсивных двигателей торможения, потом чудовищный удар заставил до предела натянуться ремни, но Сантар был ветераном подобных десантов и хорошо знал, что делать после яростной встряски. Едва капсула коснулась поверхности, разрывные болты освободили крышку люка, и обгоревшая панель откинулась наружу. Крепления ремней расстегнулись автоматически, и Сантар устремился наружу, в мир Истваан V.

Первое, что он увидел, — столбы пламени от тысяч десантных капсул, закрывшие серое небо огненными разводами и дымом. Летящие со стороны крепости снаряды артиллерии взрывали землю и расшвыривали воинов ударной волной. Весь горный склон ярко светился вспышками непрерывной канонады, но тысячи Астартес уже вступили в бой, и огни заметались в обоих направлениях.

— Вперед! — крикнул Феррус Манус, устремляясь к скальному хребту.

Сантар и морлоки шагнули вслед за ним в сумасшедшую муть сражения,

отметив, что Железные Руки приземлились в самом центре оборонительных укреплений врага. Темная пустыня окончательно почернела после бомбардировки, а искореженные остатки разгромленных бункеров, редутов и окопов сильно замедляли продвижение.

Около сорока тысяч верных Императору Астартес вступили в битву под высокими стенами древней крепости, мощь и стремительность их атаки застигла мятежников врасплох. Грохот сражения — стрельба, взрывы снарядов и пронзительные крики ненависти — оглушал даже через мощные фильтры доспехов.

Пламя сражения осветило небо, над долиной метались трассирующие следы снарядов и лазерные лучи. Внезапно земля под ногами задрожала от тяжеловесных шагов — это «Диес Ире» двинулся вперед сквозь завесу артиллерийского и стрелкового огня. Его мощные орудия изрыгнули пламя и оставили зияющие прорехи в рядах верных Императору воинов. В пустыне сверкнули

миниатюрные солнца плазменных зарядов титана, их разрывы образовывали кратеры в сотни метров, сметали десятки Астартес и превращали песок в блестящее черное стекло.

Феррус Манус, словно истинный бог войны, разил мятежников ударами сверкающих кулаков и разносил в клочья выстрелами из великолепного пистолета. Меч по-прежнему висел у него на боку, и Сантар гадал, зачем и почему примарх взял это оружие.

Впереди из полуразрушенных окопов выскочили около сотни мятежников из Гвардии Смерти и Сынов Хоруса, и Сантар выпустил из латных рукавиц искрящиеся энергией лезвия. В необузданной сумятице сражения он даже обрадовался возможности принять участие в рукопашной схватке. Мятежники не отступали и отстреливались до последнего, пока Железные Руки не обрушились на них всей мощью. Сантар обезглавил своего первого противника и бросился на следующего с такой скоростью, что ему мог бы

позавидовать воин в доспехах «Марк IV». Болтерные снаряды и ревущие лезвия цепных мечей грохотали по броне, но терминаторские доспехи без ущерба держали все удары.

Феррус Манус разил мятежников целыми дюжинами, и перед лицом могущественного воплощения бога войны их дух стал слабеть.

Все укрепления заполнились тысячами сражающихся воинов, и над схваткой стоял неутихающий грохот. Приказы, вопли отчаяния и победные крики заполнили вокс-каналы, но Сантар был слишком увлечен охватившей его жаждой крови, чтобы обращать на них внимание.

Даже среди хаоса битвы он все же заметил, что сражение в Ургалльской долине идет успешно. В первые же мгновения наступления были истреблены сотни, а может, и тысячи мятежников. Отделения Саламандр поддерживали атаку своими огнеметами, выжигая защитников из окопов и блиндажей стремительными струями горящего прометия. Дымный сумрак над полем

битвы осветился резкими яркими лучами, и Сантар узнал почерк оружия, подаренного его примархом Вулкану.

Могучий Вулкан уверенно шагал вперед сквозь ад болтерного огня, уничтожая противников взмахами меча или выстрелами из ружья, выкованного для него братом-примархом. Прямо у ног Вулкана взметнулся столб взрыва, окутав его убийственным пламенем. Шкура дракона взлетела в воздух над оплавленными доспехами, но Вулкан вышел из огня как ни в чем не бывало и продолжил разить противников, не отвешивая попусту ни одного удара.

Феррус Манус все дальше углублялся в ряды мятежников. Никакой опыт не мог подготовить их к сражению с примархом. Морлоки следовали за своим командиром и повелителем и каждым взмахом меча, каждым выстрелом прорубали в рядах предателей кровавую тропу.

К грохоту боя прибавился огонь противовоздушных батарей из древней крепости, встретивших тяжелые

транспортные корабли верных Императору сил. Горящие суда при попытке приземлиться разрывались на части под ударами трассирующих снарядов и обращались в гигантские костры при попадании реактивных торпед. Но сотни транспортов опускались на поверхность Истваана V и доставляли тяжелое оборудование, артиллерию, танки и средства передвижения. Появлявшиеся из огромных люков боевые машины «Лэнд Рейдер» и «Хищник» поднимали густые клубы пыли, закрывавшие зону приземления. Целые отделения бронированных машин, перемалывая своими гусеницами скальный грунт, устремлялись к хребту, чтобы принять участие в наступлении.

«Смерчи» и армейские артиллерийские орудия выстроились в боевые порядки и открыли прицельный огонь по огневым позициям противника. Их голос добавился к оглушительной какофонии сражения. На столбах пламени опустились и более тяжелые перевозчики, выкатив из своих трюмов сверхтяжелые

танки армии, чьи массивные орудия посылали огромные снаряды в блестящие стены крепости.

Тотальное наступление на позиции мятежников быстро превратилось в самое масштабное сражение всего Великого Крестового Похода. По всем свидетельствам, на пыльной равнине Истваана V сошлись в бою более шестидесяти тысяч Астартес, и стороннему наблюдателю было бы ясно, что эта битва должна была войти в анналы имперской истории как самое грандиозное из всех известных сражений.

Под натиском верноподданных сил линия обороны мятежников стала прогибаться, образуя широкую дугу, в самом центре которой бился Феррус Манус. «Хищники» Гвардии Ворона примарха Коракса с оглушительными воплями прорубались через правый фланг вражеской обороны, его бесстрашные штурмовики с воздуха обрушивались на врага, используя все возможности джамперов, и каждый свистящий взмах их когтей уничтожал противника. С левого

фланга мятежников жгли Саламандры Вулкана, и каждый их шаг был отмечен фонтанами смертоносного пламени.

Но при общем успехе усилия атакующих не оставались без ответа. Могучий примарх Пожирателей Миров противостоял сотням верноподданных Астартес, пытавшихся выйти из зоны обстрела его отделений поддержки. Ангрон испускал рев, достойный первобытного бога войны, а его парные мечи обращали в кровавое месиво каждого, кто осмеливался подойти на расстояние удара. От рук Красного Ангела верные Императору воины гибли так же быстро, как гибли мятежники под натиском Коракса, Ферруса Мануса и Вулкана.

В противовес сокрушительной ярости Ангрона, примарх Гвардии Смерти Мортарион убивал с мрачной эффективностью, и каждый взмах его страшной боевой косы уносил жизни десятков верных Астартес. Его Гвардейцы Смерти сражались с угрюмым стоицизмом. Рядом с мятежными примархами не мог остаться в живых ни

один верноподданный воин, и атакующий вал разбивался о них, словно прибой о прибрежные скалы.

Сыны Хоруса тоже сражались в рядах мятежников, являя ненависть, идущую от самого сердца. Вел лучших воинов Воителя Первый капитан Абаддон, и мало кто мог противостоять его неукротимой ярости. Он убивал с неослабевающей жестокостью, а рядом, привычным взглядом оценивая битву, меланхолично и небрежно сражался Хорус Аксиманд.

В центре линии мятежников с необычным для них бешенством бились Дети Императора — эти воины убивали своих бывших братьев, испуская дикие ликующие крики. Легион Фулгрита отражал одну атаку за другой, демонстрируя сверхъестественную жестокость и сбивающую с толку извращенность, но самого примарха Детей Императора не было видно. Дети Императора сражались без шлемов, странно кривляясь в разгаре опасных схваток, их глотки испускали ужасные вопли, а поверх причудливо раскрашенных

доспехов «Марк IV» они набросили снятые человечьи кожи. Дети Императора взяли в бой неизвестное доселе оружие, поражающее раскатистыми залпами дисгармоничных звуков, от которых в рядах Железных Рук образовывались кровавые пробоины. Пристегнутые к доспехам трубы и громкоговорители усиливали пронзительные вибрации убийственной музыки, и от сокрушительных звуковых волн лопались даже доспехи и корпуса бронированных машин.

После того как в тылу верных Императору воинов приземлилось огромное множество тяжелой техники, разрывы снарядов все больше расстраивали ряды мятежников, и даже Ангрон и Мортарион вынуждены были отступить, чтобы выйти из-под артиллерийского обстрела. Феррус Манус по-прежнему рвался вперед, его Железные Руки, стремясь отомстить мятежникам, не ослабляли своих усилий и все глубже продвигались в самое сердце вражеской обороны.

Каждую минуту погибали сотни

воинов, и нельзя было смотреть на это побоище без содрогания. Реки крови текли по Ургалльской долине, пробивая в темном песке глубокие борозды. Никогда еще на столь ограниченном пространстве, на рубеже длиной не более двадцати километров, не сосредоточивалось столько военных сил, что хватило бы на завоевание целой планетарной системы.

Эскадроны бронетехники пытались пробиться на передовую, но в плотном строю воинов не оставалось ни единой щели, и их командиры тщетно старались внести свою лепту в уничтожение мятежников. Наводчики «Лэнд Рейдеров» объединяли лазерные лучи в сверхмощные пучки и направляли их на стены крепости и колоссальную фигуру «Диес Ире».

Защитные поля титана отвечали терцанием, и чудовищная машина, определив источник опасности, перенесла огонь с пехоты на боевую технику. Огнедышащие шары плазмы прошили ряды танков, и десятки машин взорвались от соприкосновения боезаряда с белым пламенем.

Битва продолжалась с неслыханным размахом, и ни одной стороне не удавалось закрепить преимущество. Мятежники хорошо подготовились и были надежно защищены, а верные Императору войска, благодаря численному преимуществу, уже пробили дорогу в центр обороны.

Астартес, когда-то торжественно поклявшиеся в верности друг другу, теперь убивали бывших братьев, не испытывая ничего, кроме лютой ненависти, и кровопролитие поражало своей жестокостью. Ни один Легион не мог добиться решающего успеха, любые тактические положения при таком раскладе становились бессмысленными, и обе армии терзали друг друга в кровавой сваре, грозящей уничтожить всех участников до последнего.

Юлий шел по полю сражения танцующей походкой, вид и звуки битвы вызывали в его теле спазмы физического наслаждения, бой доставлял жестокую радость. Его доспехи во многих местах были помяты и пробиты, но полученные

раны доставляли ему только новую порцию восторга. Готовясь к битве, он перекрасил броню, покрыв доспехи самыми яркими красками, которых требовало недавно обновленное зрение.

Свое оружие он тоже изменил, и полные ужаса и отвращения возгласы врагов, сопровождавшие каждый его удар, еще больше обостряли чувства.

— Взгляните на меня и осознайте серость вашей жизни! — кричал он, разгоряченный резней.

Он давно сбросил свой шлем, чтобы полнее воспринимать хаос побоища, рев пламени, визг цепных мечей, перемалывающих плоть, взрывы и яркие траектории летящих снарядов.

В этой самой прекрасной из битв он жалел лишь о том, что рядом нет Фулгрима, но у Воителя в отношении примарха Детей Императора имелись свои планы. По восторженному лицу Юлия мелькнула тень озабоченности, и он с разворота нанес превосходный удар, обезглавивший воина Железных Рук в темных доспехах. Хорус и его планы! Есть

ли в них место для наслаждения плодами победы? Силы и страсти, пробужденные «Маравильей», должны использоваться. Отрицать их — значит отрицать собственную натуру.

Юлий подхватил шлем с головой только что убитого им воина, вытряхнул останки и на мгновение замер, наслаждаясь запахом крови и плоти, обожженной лезвием энергетического меча.

— Когда-то мы были братьями, — с насмешливой торжественностью произнес он. — А теперь ты мертв!

Наклонившись, он поцеловал холодеющие губы мертвого воина, а потом со смехом подбросил голову вверх, где ее разнесли в клочья болтерные снаряды неутихающей перестрелки. Сзади донеслись раскаты буйного хохота и низкий рокот взрыва, и Юлий бросился на землю, пропуская над головой убийственную звуковую волну. Музыка загремела с сокрушительной силой, раздирая плоть, но Юлий только рассмеялся от удовольствия.

Он вскочил на ноги как раз вовремя, чтобы заметить группу тяжело ступавших терминаторов в блестящих доспехах, и хищно усмехнулся, увидев во главе отряда Габриэля Сантара со значком Первого капитана, светившим, словно маяк в ночи.

Акустический удар вырвал порядочный кусок почвы, и, словно извергающийся вулкан, в воздух взметнулся фонтан черного песка. Юлий, оглянувшись, увидел задрапированную в человечью кожу фигуру Мария и взревел от радости, видя друга живым и сражающимся.

Марий Вайросеан усилил свои доспехи зазубренными шипами, на которые для красоты повесил кожу погибших в «Ла Фениче». Воздействие «Маравильи» отразилось на нем не меньше, чем на Юлии. Его чудовищно увеличившиеся челюсти теперь были постоянно открыты и голосовые связки испускали протяжные вопли. Там, где раньше были уши, образовались похожие на жаберные щели, а ороговевшие веки не позволяли закрыть глаза.

Марий больше не расставался с музыкальным инструментом из оркестра Бекьи Кински, только добавил к нему дополнительные клапаны и рукоятки и теперь использовал в качестве акустического оружия. Он и его друзья извергли последовательность диссонирующих рулад, и десяток наступавших морлоков тотчас забились в конвульсиях, а Юлий, одобрительно крикнув, бросился навстречу Габриэлю Сантару, нацелив свой меч ему в шею.

Шок от увиденного чуть не стоил Габриэлю Сантару жизни. То, во что превратились вставшие перед ним Дети Императора, он не мог представить себе даже в ночных кошмарах. Те воины, с которыми ему уже довелось сразиться, были, безусловно, бесчестными мятежниками, но они хоть внешне остались похожими на Астартес. Эти же казались пугающими карикатурами на благородный идеал: ненормальные издерганные монстры, выставляющие свое уродство напоказ.

Гротескный монстр в силовых доспехах, покрытых окровавленными лоскутами кожи, с воплями потрясал в воздухе каким-то странным оружием и посылал убийственную звуковую волну, от которой воины превращались в разрозненные части доспехов, заполненные разжиженной плотью.

Сантар успел поднять энергетический кулак, чтобы отразить удар меча, нацеленный в его голову, и в этот момент узнал в искаженных чертах лицо Юлия Каэсорона. Воин превратился в безумного дервиша, он хохотал, прыгал и крутился вокруг Сантара, словно в пьяной пляске, и неистово размахивал оружием. Каэсорон нападал с энергетическим мечом, способным пробить любые доспехи, и Сантару пришлось поворачиваться со всей ловкостью, на которую он был способен, чтобы не пропустить ни одного удара. Но, как бы он ни старался, состязаться со змеиным проворством противника было ему не под силу.

Он поймал летящее лезвие пальцами энергетической перчатки, что вызвало

оглушительный взрыв. Повернув запястье, Габриэль услышал, как лязгнул металл, и у Юлия над эфесом остался обломок всего в локоть длиной.

Руку обожгло жаром оплавленной перчатки, и Сантар застонал от боли. Он увидел, что Юлий лежит на спине, его нагрудник после взрыва вздулся пузырями, а лицо исчезло совсем, остались лишь обожженные мышцы и белеющие обломки костей.

Несмотря на боль в изувеченной руке, Сантар под шлемом усмехнулся и шагнул вперед, чтобы нанести последний удар ненавистному противнику. Он уже поднял ногу, зная, что терминаторский сапог способен легко сокрушить броню Астартес.

И в этот момент он понял, что Юлий кричит не от боли, а в пароксизме наслаждения.

Отвращение заставило его помедлить долю секунды, но Юлию только это и было надо. Подняв обломок узкого меча, еще искрящийся энергией, он вонзил его Сантару в пах.

Непереносимая боль огнем

распространилась по всему телу. Юлий Каэсорон еще надавил на рукоять, и на темный песок упали капли расплавленной брони вперемешку с кровью Сантара. Лезвие пробило тазовую кость и уперлось в нагрудник, а Юлий вскочил на ноги и провернул обломок в ране.

Все тело Сантара содрогнулось в агонии, и никакие средства, впрыскиваемые системой доспехов, не могли даже уменьшить боль в распоротом теле. Габриэль попытался двинуться, но не смог, а Юлий, стоя рядом, смотрел ему прямо в лицо. Отсветы взрывов хорошо его освещали: кожу, полностью сорванную с лицевых мышц, влажно поблескивающие обломки костей.

Даже в грохоте битвы слова Юлия, произнесенные безгубым ртом, с ужасающей ясностью отпечатались в мыслях умирающего Сантара.

— Благодарю, — пробулькал он. — Это было восхитительно.

Поле боя на Истваане V стало местом резни невиданного размаха.

Мятежники, отравленные ненавистью, вовлекли своих бывших братьев в конфликт, равного которому еще не было. Богоподобные примархи сражались на поверхности планеты, и следом за ними шагала смерть. Кровь героев и предателей смешалась и текла рекой, а в довершение ко всему темные адепты механикум сеяли хаос среди лоялистов при помощи древних технологий, украденных у Аурейской Технократии.

Каждая секунда в Ургалльской долине уносила сотни жизней, тень неизбежной смерти трачной пеленой нависла над каждым участником битвы. Ряды мятежников еще сдерживали натиск, но под яростным напором лоялистов линия обороны все больше прогибалась. Но что-то удерживало ее от прорыва.

А потом появились они.

С небес огненными кометами посыпались бесчисленные десантные корабли, штурмкатера и транспортные суда. Прорвав завесу облачности, они приземлялись в зоне высадки лоялистов, на северном крае Ургалльской долины. Сотни

«Громовых ястребов» и штурмкатеров, сверкая блестящими корпусами, с ревом устремились к поверхности. На Истваан спускались еще четыре Легиона, известные по всей Галактике своей отвагой и славными победами: Легион Альфа, Несущие Слово, Повелители Ночи и Железные Воины.

24
Братья с окровавленными руками

Феррус Манус крушил все вокруг своими серебряными кулаками, что одинаково легко пробивали и доспехи, и черепа. Ружье давно было разряжено, и запасные обоймы опустели, но примарху не требовалось оружия, чтобы представлять смертельную опасность для любого противника. Ни одно лезвие не могло его ранить, ни один снаряд не оставлял следов на доспехах, но каждое его экономно-плавное движение, каждый шаг заканчивались смертью очередного мятежника, а вслед за Феррусом шел боевой клин морлоков, настойчиво углубляясь в оборону противника.

Меч висел на бедре, тяжелый, как сама справедливость, но Феррус Манус не обнажал его. Это не оружие боя, а орудие казни. И предназначено только для предателя-брата.

В поисках Фулгрима Феррус неудержимо рвался вперед, оставляя за собой кровавую просеку в рядах мятежников. Пока судьба сражения не определена, он не вправе забывать о своем долге командующего, но Феррус страстно надеялся отыскать предателя, чтобы поставить точку в долгой истории их дружбы и короткой — вражды.

Со всех сторон его окружал огонь и дым. Бесконечные залпы орудий наполняли воздух пулями, снарядами и лазерными импульсами. Вопли оглушали, и запах крови терзал ноздри, сражению было не видно конца, и эта гибельная трясина засасывала тысячи и тысячи Астартес. Неугасающая ярость не могла заслонить от Ферруса ужасной трагедии, разыгрывающейся на Истваане V. Ничто уже не будет прежним после этой битвы, даже когда они одержат победу.

Это предательство навсегда запятнает честь Астартес независимо от исхода сражения.

С этого дня люди будут их бояться, и они будут правы.

Он услышал сзади торжествующие крики, но их смысл не сразу пробился в его разум через пелену гнева. Сокрушив могучим кулаком череп еще одного воина из Сынов Хоруса, Феррус обернулся, чтобы увидеть неисчислимую армаду, спускавшуюся с орбиты на поверхность.

— Братья мои! — ликующе крикнул Феррус Манус, узнавая знакомые эмблемы лояльных Легионов.

«Громовые ястребы» Легиона Альфа еще с ревом кружили над полем боя, а угольно-черные корабли Повелителей Ночи уже приземлялись, чтобы занять фланговые позиции вокруг армии Хоруса. Штурмкатера Несущих Слово опускались на огненных хвостах реверсивного хода, и золотые крылышки на лобовых плоскостях сверкали, отражая пламя битвы. Тяжелые транспорты Железных Воинов садились на дно Ургалльской долины и выпускали тысячи Астартес, которые тотчас принимались укреплять зону приземления бронированными баррикадами и заграждениями из колючей проволоки.

Десятки тысяч новых Астартес

наводнили Ургалльскую долину, и силы лоялистов удвоились в один момент. Мощные отряды братских Легионов заполнили темную пустыню, их воины были готовы влить свежие силы в ход битвы, и Феррус в праведном ликовании вскинул вверх руку.

Вокс-приемник сразу же настойчиво запищал, но даже навскидку было понятно, что при виде такой боевой мощи ряды мятежников дрогнули. Опытный глаз Ферруса тотчас заметил, что изменники лишились присутствия духа и целые когорты в смятении оставляли позиции и отступали. Даже «Диес Ире» отступал, могучий титан струсил перед натиском превосходящих сил!

Феррус различил вдалеке фигуру Мортариона и понял, что тот уводит своих воинов под стены полуразрушенной крепости; и даже Ангрон утратил решимость, его окровавленные Пожиратели Миров, похожие на дикарей первобытного племени охотников за головами, подались назад. Но Дети Императора...

Клубы дыма перед ним разошлись, и Феррус нашел того, кого искал с момента, как его нога ступила на поверхность проклятой планеты.

Впереди, блистая золотом и пурпуром, показался Фулгрим.

Его брат-предатель собрал вокруг своих самых отъявленных головорезов и взмахами сверкающего серебряного клинка указывал им на черные стены. Над плечом у него виднелась эбонитовая рукоять, украшенная серебром и золотом. Феррус мрачно усмехнулся: его брат тоже понял, что сама судьба распорядилась устроить их поединок на разбитом плато Иствааны V.

Отступники в безумно ярких доспехах окружили примарха Детей Императора, а по правую руку от него занял место настоящий монстр с кровавой обожженной заплатой вместо лица. Только сейчас, в самом конце, Фулгрим решил себя показать.

Едва увидев Фулгрима, Феррус тотчас понял, что брат тоже знает о его присутствии. Он ощутил удушающую

волну ненависти и предательства.

Мятежники все быстрее отступали перед лоялистами, оставляя за собой тысячи трупов друзей и врагов. Феррус не мог не поразиться масштабам резни, и, хотя его сердце ликовало в предвкушении схватки и победы, он содрогнулся, осознав невероятно высокую цену, заплаченную лоялистами за победу.

Он видел, как тает перед ним вражеский строй, как измотаны яростной битвой верноподданные воины, пытающиеся догнать бегущих мятежников. Прежде чем открыть канал связи с Кораксом и Вулканом, он собрал вокруг себя морлоков.

— Враг побит! — прокричал он. — Видите, как бегут от нас мятежники! Надо нажать сильнее, чтобы никто не ушел от нашей мести!

В ответ послышался громкий треск помех, в котором едва можно было расслышать голос Коракса, почти потерявшийся на фоне непрерывных взрывов и грохота спускающихся кораблей.

— Остановись, Феррус! Победа уже

почти наша, но дай возможность нашим союзникам разделить ее с нами. Мой Легион почти обескровлен, так же как и Легион Вулкана. Я не думаю, что твои воины зашли так далеко и не заплатили за это большими потерями.

— Мы обескровлены, но непоколебимы, — отрезал Феррус.

В этот момент он увидел, как фантастически разодетый Фулгрим взобрался на зазубренный обломок черной скалы и раскинул руки, откровенно бросая вызов. Даже за несколько сотен метров можно было рассмотреть издевательскую усмешку, исказившую его лицо.

— Так же, как и мы все, — подключился Вулкан. — Нам необходима передышка, чтобы восстановить дыхание и перевязать раны и чтобы снова броситься в эту ужасную бойню. Надо закрепить успех и позволить нашим братьям продолжить бой, пока наши воины проводят перегруппировку.

— Нет! — вскричал Феррус. — Мятежники побиты, и для их полного уничтожения требуется один последний

рывок!

— Феррус, — предостерег его Коракс, — не делай глупостей! Мы уже почти победили!

Феррус выключил вокс-связь и повернулся лицом к оставшимся в живых торлокам его личной охраны. У него осталось всего полсотни терминаторов, но их рукавицы с выпущенными когтями потрескивали голубыми искрами энергии, а молчаливое нетерпение свидетельствовало, что они выполнят любой его приказ — отступят или снова кинутся в адскую битву.

— Пусть наши братья зализывают свои раны! — воскликнул Феррус. — Железные Руки никому не уступят права разобраться с Детьми Императора!

Фулгрим с улыбкой наблюдал, как Феррус Манус возобновляет атаку и поднимается по склону Ургалльской долины. Его фигура представляла собой живое олицетворение мщения, серебряные руки и глаза ярко сверкали, отражая вспышки пламени. На краткий миг

Фулгрим решил, что Феррус остановится, как сделали Саламандры и Гвардия Ворона, но после его откровенного вызова с вершины скалы его брата уже ничто не могло остановить.

Вокруг Фулгрима, направив золотые алебарды на врага, последние гвардейцы Феникса поджидали немногочисленную группу Железных Рук. Марий со своим акустическим оружием подвывал в предвкушении схватки, а Юлий, почти неузнаваемый без кожи на лице, облизывал обожженным языком безгубую трещину рта.

Феррус Манус и его морлоки в опаленных и покрытых кровью врагов доспехах неутомимо пробирались через завалы разбитых блиндажей и окопов. Насмешливая улыбка Фулгрима померкла. Он осознал силу ненависти своего брата и снова задался вопросом, как они дошли до такого состояния. Но пути назад уже не было.

Только смерть может положить конец их вражде.

Отступление армий Воителя

казалось беспорядочным и поспешным в соответствии с приказами Хоруса. Воины целыми группами убегали с передовых линий, и казалось, их дух безвозвратно сломлен, но их бегство прекращалось в укрытиях за разрушенными блиндажами или в оплавленные воронках от снарядов.

Громоздкие фигуры терминаторов Железных Рук неустанно пробивались через бывшую линию обороны, когти на латных рукавицах испускали голубые молнии, красные щели визоров горели ненавистью, Гвардия Феникса напряженно ожидала их приближения, изменики прекрасно знали преимущества терминаторской брони.

Марий издал восторженный вопль, и его оружие усилило звуки до смертельно опасных частот, ударивших по земле звуковой волной и взорвавшихся в первых рядах морлоков.

От оглушительного визга, словно предвещавшего конец света, доспехи гигантских воинов разлетелись на куски, а их мускулы превратились в масло. Дети Императора встретили удар радостными

криками, их измененные слуховые каналы и новые мозговые центры преобразовывали дисгармоничные звуки в волшебную музыку.

— Когда они подойдут, — приказал Фулгрим, — оставьте Ферруса Мануса мне!

Гвардия Феникса ответила громогласным боевым кличем и бросилась навстречу морлокам. Энергетические разряды сорвались с алебард и когтей воинов, и в сиянии ослепительных разрядов началась схватка не ни жизнь, а на смерть. Серьезная потасовка разразилась возле примарха Детей Императора, но он остался недвижим, ожидая гиганта в темных доспехах, беспрепятственно шагавшего в свете молний мимо сражавшихся братьев.

Фулгрим кивнул, приветствуя Ферруса, уже протянувшего руку к мечу, и усмехнулся, узнав Разящий Огонь.

— Ты воссоздал мой меч, — заметил Фулгрим, и его голос свободно рассек неистовый звон битвы.

Хотя гвардейцы Феникса бились с морлоками, но ни один из воинов с той или

другой стороны не осмеливался приблизиться к примархам, словно сознавая, что вмешательство в судьбоносный поединок было бы непростительной ошибкой.

— Только для того, чтобы увидеть тебя павшим от оружия, изготовленного моими собственными руками, — хмуро бросил Феррус.

Фулгрим в ответ убрал в ножны серебряный меч и протянул руку, чтобы отстегнуть висящий за спиной огромный боевой молот.

— Что ж, тогда я последую твоему примеру.

Тяжелое оружие, детище его мастерства и технологических мощностей горы Народной, было ему как раз по руке, и Фулгрим спрыгнул с утеса, чтобы встать лицом к лицу со своим бывшим братом.

— Оружие, созданное нами много лет назад, отлично подходит для этой схватки, — сказал Фулгрим.

— Я долго ждал этого дня, Фулгрим, — ответил Феррус. — С того самого

момента, когда ты пришел ко мне, тая в душе предательство. Долгие месяцы я мечтал об этой встрече. Надеюсь, ты понимаешь, что только один из нас уйдет отсюда живым.

— Понимаю, — согласился Фулгрим.

— Ты предал Императора и меня, — продолжил Феррус, и Фулгрим с удивлением услышал в голосе брата искреннее волнение.

— Я пришел к тебе во имя нашей дружбы, а не вопреки ей, — ответил Фулгрим. — Вселенная меняется, старые порядки рушатся, и близится новый рассвет. Я предложил тебе шанс стать частью новой реальности, но ты отверг эту возможность.

— Ты хотел и меня превратить в предателя! — огрызнулся Феррус. — Хорус безумен. Посмотри на эту резню! Разве это может быть правильно? За такой бунт тебя вздернут на Виселице Изменников, а я — верный слуга Императора, орудие его воли и мщения.

— Император — конченый правитель, — парировал Фулгрим. — Даже

сейчас, когда его царство объято пламенем, он отсиживается в подземельях Терры. Разве такой правитель достоин управлять Галактикой?

— Не рассчитывай, что переманишь меня на свою сторону, Фулгрим. Тебе это не удалось в прошлый раз, и второго шанса у тебя не будет.

Фулгрим покачал головой:

— Я не предлагаю тебе второго шанса, Феррус. Для тебя и твоих воинов уже слишком поздно.

Феррус расхохотался, хотя и не без горечи:

— Фулгрим, ты сошел с ума? Все кончено. Ты и Воитель потерпели поражение. Ваши армии окружены, и скоро силы прибывших Легионов окончательно разметут остатки вашего заговора.

Фулгрим уже не мог сдерживаться и тряхнул белой гривой, заранее наслаждаясь эффектом своих следующих слов:

— Как ты наивен, брат мой. Неужели ты допустил, что Хорус настолько глуп и даст запереть себя на этой планете? Взгляни на север, и ты поймешь, что это

вы обречены.

Гвардия Ворона и Саламандры в полном порядке отступили к зоне приземления, где высаживалось подкрепление, готовое вступить в бой. Десантные корабли Железных Воинов и воздвигнутые или бронированные бастионы, соединенные с горными склонами, образовали на северном конце Ургалльской долины прочные, непроходимые укрепления.

В этом месте собрались силы, превосходившие армию, начавшую наступление на Истваане V, — свежие, прекрасно вооруженные и готовые к сражениям.

Коракс и Вулкан отвели своих воинов назад, чтобы собрать раненых и погибших, перегруппироваться и дать возможность союзникам обрести свою долю славы в уничтожении Хоруса. Сражение уже было выиграно, но цена победы оказалась непомерно высокой, предательство Воителя стоило жизни тысячам Астартес из трех Легионов. Разбитые

войска Хоруса отступили, но за этим кровопролитным сражением не последует ни празднеств, ни торжественных пиров. Его никогда не будут вспоминать в ряду славных побед, лишь печальные свитки со списками погибших будут прикреплены к знаменам, которые больше никогда не увидят света.

Вместе с Астартес отступали закопченные танки, растратившие боезапас и пробитые во многих местах вражескими снарядами.

На каналах вокс-связи раздавались пока безответные просьбы о медицинской помощи и боеприпасах, но плотная линия Астартес на вершинах северного хребта оставалась недвижимой, пока изможденные воины Гвардии Ворона и Легиона Саламандр не подошли к своим союзникам на сотню метров.

Из черной крепости, где Хорус устроил себе логово, в небо взмыла одинокая ракета и залила поле сражения дьявольским красноватым светом, словно возвещая о конце мира.

И предательский огонь вырвался из

тысяч орудий.

Фулгрим с усмешкой смотрел на оцепеневшего Ферруса, когда войска его «союзников» открыли огонь по Гвардии Ворона и Саламандрам. Сотни Астартес погибли в первую же секунду, потом еще и еще, пока болтерная стрельба и ракетные залпы выкашивали в рядах обманутых лоялистов кровавые просеки. Взметнувшиеся в гуще отступающих взрывы испепеляли воинов и разрывали в клочья танки. Войска четырех прибывших Легионов безжалостно уничтожали лоялистов.

Онемев от ужаса, Феррус Манус видел, как огненная буря поглотила Коракса, а на том месте, где Вулкан, поняв, что происходит, едва не задохнулся от ярости, взметнулось гигантское грибовидное облако.

Как только начался обстрел остававшихся в долине лоялистов, отступавшие воины Воителя развернулись и принялись истреблять противников, задержавшихся поблизости. На роту

ветеранов Железных Рук обрушились сотни Пожирателей Миров, Сынов Хоруса и Гвардейцев Смерти, и, хотя воины X Легиона продолжали самоотверженно сражаться, превосходящие силы врагов рано или поздно изрубят их на куски.

Феррус Манус повернулся к брату, и Фулгрим увидел на его лице отчаяние. Серебряные глаза казались безжизненными и потухшими. В одно мгновение лишиться почти завоеванной победы было нелегко, и возникшие при этом чувства, вероятно, были исключительными по силе. Фулгрим почти пожалел, что не может поменяться с братом местами, чтобы насладиться этим взрывом эмоций.

— Феррус, тебя ждет только неизбежное поражение и гибель, — сказал Фулгрим. — Хорус приговорил тебя к смерти, но ради нашей с тобой дружбы я согласен умолять его о пощаде. Но только в том случае, если ты бросишь оружие. Ты должен сдаться, Феррус. Иного выхода нет.

Феррус бросил последний взгляд на зрелище вероломной резни в долине, затем обернулся к Фулгриму. В сердце Ферруса

вскипело бешенство, достойное первобытной ярости его родного мира.

— Может, и нет, предатель, меня страшит только бесчестье, — отрезал Феррус. — Преданные Императору воины не сдадутся тебе ни сейчас, ни в будущем. Тебе придется убить нас всех, до последнего солдата!

— Быть по сему.

Взмахнув огромным молотом, он бросился на Ферруса Мануса. Оружие примархов, выкованное в братстве, но сошедшееся в смертельном бою, выбросило колоссальный фонтан энергии, осветивший поле боя на сотни метров вокруг.

Примархи обменивались ударами с такой силой, что ее хватило бы сокрушить целую армию или раздробить горы. Они сражались, словно могущественные божества, решившие закончить свой спор в царстве смертных. Феррус Манус проводил молниеносные выпады Разящим Огнем, но каждый удар блокировался эбонитовой рукоятью молота, который раньше сопровождал его в бесчисленных кампаниях.

Фулгрим описывал Сокрушителем широкие дуги, и тяжелый клюв мог бы легко пробить даже броню титана. Оба воина сражались с той ненавистью, на которую способны только разделенные братья.

Сражаться с таким могущественным противником было огромной честью, и Фулгрим наслаждался каждым звоном меча и молота, каждой царапиной, рассекавшей его тело, каждым стоном боли, слетавшим с губ брата при столкновении с Сокрушителем. Они кружили среди звона мечей, криков отчаяния и оглушительного торжествующего рева дерущихся Астартес. Впрочем, морлоки Ферруса, за исключением последних отчаянных героев, были уже убиты.

Феррус срезал наплечник с доспехов Фулгрима и попытался с разворота нанести смертельный удар по корпусу. Фулгрим разгадал его намерение отвел пылающий кончик клинка рукоятью молота и тотчас ответил могучим ударом, метя в голову Ферруса.

Примарх Железных Рук качнулся от удара, упал на одно колено и, не обращая внимания на хлынувшую из ужасной раны кровь, провел еще один выпад. Огненное лезвие вонзилось в живот Фулгрима, раскололо доспехи и вспороло плоть. От неописуемой боли Фулгрим опрокинулся назад и выронил молот, пытаясь обеими руками остановить хлеставшую струю крови.

Оба примарха, стоя на коленях, смотрели друг на друга сквозь пелену боли и крови, и Фулгрима снова охватила печаль. Боль от раны и вид брата с разбитым черепом прорвали окошко в его разум. Это ощущение можно было сравнить лишь с порывом свежего горного ветра, прогнавшего удушливый туман, окутавший его так давно, что он уже привык к нему.

— Мой брат, — прошептал Фулгрим. — Мой друг.

— Ты уже давно лишился права называть меня другом, — бросил Феррус и, поднявшись на ноги, шагнул вперед с поднятым мечом, намереваясь нанести

смертельный удар.

Фулгрим вскрикнул и бессознательно потянулся за мечом, а пылающий клинок уже описал дугу и устремился к его шее. Серебристая сталь лаэрского меча сверкнула в воздухе и преградила путь Разящему Огню. Но примарх Железных Рук продолжал давить, и раскаленный металл оказался в нескольких сантиметрах от лица Фулгрима.

— Нет! — вскричал Фулгрим. — Это неправильно!

Аметистовый наконечник рукояти лаэрского меча вспыхнул злобным огнем и сиреневым сиянием осветил лицо Ферруса Мануса. С острия лезвия соскользнули молнии, закружились струи сладковатого дыма, заглушившие звуки и затуманившие зрение. Фулгрим ощутил в себе присутствие чудовищной силы; ее потоки, ее необъяснимое содействие превосходили все вообразимые пределы.

Дьявольская сила укрепила руки Фулгрима, и он оттолкнул меч брата, почувствовав, как тот удивился неожиданному сопротивлению. С яростным

воплем раненого зверя он вскочил на ноги и бросился на Ферруса Мануса, замахнувшись серебряным мечом. Клинок глубоко проник в нагрудник брата, и примарх Железных Рук снова с криком упал на колени. Светящееся лезвие, источая смертоносную энергию, проникло сквозь броню в его грудь, горячая кровь хлынула из раны, и Разящий Огонь выпал из руки задохнувшегося от боли Ферруса.

Прикончи его! Убей!

Вопль раздался в его голове, но Фулгриму показалось, что он разнесся по всему космосу, по всем временам и лишь эхо отдалось в его черепе. Он качнулся от настойчивости этой силы и едва не упал, как будто ноги и руки отказывались ему повиноваться.

Позабыв про былое изящество и ловкость, он неуверенно поднял серебряный меч над головой Ферруса Мануса для решающего удара. Неведомые энергетические потоки засверкали по всей длине клинка, перекинулись на его руки, распространились по всему телу.

Пурпурный огонь охватил Фулгрима

целиком. Потрескивающие зигзаги молний касались его тела с нежностью возлюбленной, отыскивали открытые раны и покрывали их язычками пламени, словно стараясь проникнуть в самую плоть.

Фулгрим стоял над Феррусом Манусом, его грудь судорожно вздымалась, и все тело сотрясалось от настойчивости силы, пытавшейся им овладеть.

Он должен умереть! Иначе он убьет тебя!

Фулгрим опустил взгляд на своего поверженного противника и в зеркалах глаз Ферруса увидел свое отражение.

В мгновение, растянувшееся на целую вечность, он понял, кем стал и в какое предательство позволил себя вовлечь. В это мгновение вечности он понял, что совершил непоправимую ошибку, взяв меч из храма лаэров, и попытался выбросить проклятое оружие, заманившее его на этот путь.

Рука все так же крепко сжимала меч, и, даже осознав свое падение, Фулгрим понимал, что зашел слишком далеко, чтобы останавливаться. Кроме этого,

пришла уверенность, что его старания направлены к ложной цели.

Словно в замедленной съемке, Фулгрим увидел, как Феррус Манус тянется к упавшему мечу, как смыкаются его пальцы вокруг перевитой проволокой рукояти, как оружие реагирует на прикосновение своего создателя вспышками энергии.

Убей, пока он не убил тебя! БЫСТРЕЕ!

Меч словно жил своей отдельной жизнью, но в таких предосторожностях не было необходимости: Фулгрим взмахнул оружием по собственной воле.

Серебряное лезвие устремилось к шее Ферруса Мануса, а Фулгрим ощутил первобытный восторг той сущности, которая, как он теперь знал, все время жила в его душе. В отчаянии он попытался отвести удар, но мускулы снова ему не подчинились.

Созданная в варпе сталь встретила железную плоть примарха, рассекла мышцы и кости Ферруса, испустив пронзительный вопль, откликнувшийся

эхом в далеких царствах, неведомых ни одному смертному.

Из тела сына Императора вместе с кровью вырвался мощный луч энергии, и Фулгрим, ослепленный сиянием, отшатнулся и выронил серебряный меч. Он услышал завывания, словно налетел целый сонм призраков, звуки хлестали его, чьи-то ледяные руки касались его, и в голове одновременно зазвучали тысячи голосов.

Призрачные вихри подняли Фулгрима и завертели, они скручивали и дергали его, словно старую куклу, грозя разорвать на части. Фулгрим не возражал против такого возмездия, но в следующее мгновение почувствовал, что его кто-то защищает — та самая сущность, что направляла его руку с мечом, что сопутствовала ему со времен битвы за Лаэран, хотя он об этом даже не догадывался.

Вихри выпустили Фулгрима, бросив его на землю, и унеслись, пронзительно завывая от разочарования. Он тяжело упал, перевернулся на бок и стал судорожно вдыхать холодный воздух, слушая

вернувшиеся звуки сражения. Вокруг опять раздавались крики отчаяния, взрывы и ритмичный рявк болтеров, неутомимо посылавших снаряд за снарядом. Эти звуки означали смерть.

Это был голос резни.

Боль потери и боль от ран завладели его телом, и Фулгрим с трудом поднялся на ноги. Повсюду была кровь, лежали окровавленные тела убитых, и несколько воинов в бронированных доспехах в изумлении смотрели на лежащее на черной земле обезглавленное тело.

Фулгрим, судорожно вздохнув, простер руки к небу, оплакивая брата, жестоко убитого его рукой.

— Что я наделал?! — воскликнул он. — Великий Трон, спаси меня! Что я наделал?!

То, что необходимо было сделать.

Голос раздался у самого его уха свистящим шепотом, и на шее почувствовалось горячее дыхание. Фулгрим обернулся, но никого не обнаружил — ни таинственного советчика, ни загадочной сущности.

— Он мертв, — прошептал Фулгрим, еще не до конца веря в чудовищность утраты и совершенного преступления. — Я его убил.

Да, убил. Своими собственными руками ты уничтожил брата. Он единственный, кто всегда был о тебе хорошего мнения и честно сражался плечом к плечу с тобой много лет.

— Он... был моим братом.

Был. И все, что он делал, делалось тебе во благо.

Невидимое существо, что витало где-то рядом и говорило с ним, призрачными пальцами коснулось его глаз, и Фулгрим понял, что уносится в царство воспоминаний. Он снова увидел битву с Диаспорексом и «Железную длань», пришедшую на помощь его «Огненной птице». Он вновь ощутил злость, которую лелеял месяцами. И только сейчас он понял самоотверженность поступка Ферруса Мануса, в конечном итоге приведшего его к гибели. Там, где раньше он видел только стремление самоутвердиться, теперь обнаружился

героизм, проявленный братом.

Все критические замечания брата, эти досадные стрелы, ранящие его самолюбие, были, как он теперь понял, направлены на его высокомерие и призывали к скромности. То, что он считал хвастовством и поспешными действиями, на самом деле было проявлением храбрости, которую он недооценивала.

Отказ Ферруса вступить в ряды предателей тоже свидетельствовал об истинной дружбе, брат тогда пытался его спасти, но Фулгрим понял это только сейчас.

— Нет, нет, нет, — рыдал Фулгрим, наконец в полной мере ощутив тяжесть своего поступка, поразившую его, подобно молнии.

Он огляделся по сторонам и сквозь слезы увидел ужасные изменения, происшедшие с его любимым Легионом, осознал извращения, маскирующие стремление к наслаждениям.

— Все, что я сделал, обратилось в пепел, — прошептал он, поднимая золотой

меч по имени Разящий Огонь, еще теплый от рук Ферруса, брата, который хотел исправить причиненное Фулгримом зло.

Фулгрим перевернул меч и приставил острие к груди. Лезвие потемнело по краям и обожгло его кожу.

Положить конец всему было бы сейчас легче всего; одно движение клинка, направленного в жизненно важные центры, стоит боль и чувство вины. Фулгрим крепче сжал меч, и из рассеченных ладоней закапала кровь.

Нет, благородное самоубийство не для таких, как ты, Фулгрим.

— Тогда что?! — взревел Фулгрим, отбрасывая выкованный братом меч.

Забвение. Сладкая пустота в вечном мире. Я могу дать тебе то, к чему ты так стремишься... Освобождение от боли и чувства вины.

Фулгрим вскочил на ноги и выпрямился под быстро несущимися тучами Истваана V. Его когда-то красивое лицо было залито слезами, а остатки великолепных доспехов запятнаны кровью брата. Он поднял руки и

посмотрел на окровавленные ладони.

— Забвение, — хрипло произнес он. — Да, я жажду блаженного небытия.

Тогда откройся мне, и я положу конец всему.

Фулгрим в последний раз осмотрелся вокруг. Уродливые воины, связавшие свою судьбу с Воителем: Марий, Юлий и тысячи других, — все они теперь прокляты, хотя сами этого не знают.

Со всех сторон доносились звуки будущего — войны и смерти. Мысль о том, что он принял участие в уничтожении мечты Императора, вызывала в его душе неописуемый стыд и горечь.

Покончить со всем этим будет высочайшим блаженством.

— Забвение... — прошептал он, закрывая глаза. — Сделай это. Покончи со мной.

Все барьеры в его мозгу рухнули, и Фулгрим ощутил ликование существа, более древнего, чем само время. Оно мгновенно заполнило бездну и его душе. Едва это существо предъявило свои права на его тело, как Фулгрим понял, что

совершил величайшую ошибку в своей жизни.

Он закричал и попытался избавиться от захватчика, но было уже слишком поздно.

Его сознание погрузилось во мрак, а неиспользуемые до сих пор участки мозга остались немыми свидетелями хаоса, создаваемого новым хозяином тела.

Всего мгновение назад он был примархом Фулгримом, сыном Императора, а теперь превратился в порождение Хаоса.

25
Бойня
Демон
Последний феникс

Другие войска перед такими превосходящими силами противника могли бы сдаться и покорно принять свою судьбу, но Саламандры и Гвардия Ворона были Астартес. И они сражались как никогда. Зная, что их участь предрешена, они заставляли мятежников заплатить кровью за каждого убитого товарища.

Первые ряды лоялистов, зажатых между двумя армиями, подверглись тотальному уничтожению. Железные Воины вели беспрестанный огонь, и вновь вступившие в бой мятежники зажали Саламандр и Гвардию Ворона в убийственные тиски, рвали на отдельные группы и поливали огнем.

Вслед за своими примархами на черный песок Ургалльской долины вышли воины Легиона Альфа и Несущие Слово. Их

цепные мечи и болтеры еще сверкали, не запятнанные кровью, но и эти воины уже освободились от остатков верности Императору и обратили оружие против братьев.

Каждый залп из могучих орудий «Диес Ире» убивал десятки лоялистов, и титан, словно чудовищный демон из древних легенд, беспрепятственно шагал по полю неистовой бойни. Раскаленные шары белого огня взрывались в рядах лоялистов, пламя разносилось по пустыне, испепеляя людей и превращая песок в стекло. Танки мятежников, ревя двигателями, спускались с Ургалльского хребта, забрасывали островки сопротивления крупнокалиберными снарядами и давили раненых своими гусеницами. Железные Руки были рассеяны по долине, им ничего не было известно о судьбе их примарха, а место, где его видели в последний раз, наводнили кошмарные Дети Императора.

Ангрон рубил лоялистов в кровавую кашу, каждый взмах его мечей нес смерть. Красный Ангел сражался с исступленной яростью варвара, его разум был закрыт

для любых мыслей, кроме мыслей о движении мечей. Рядом с ним его воины рубили и кололи врагов, словно мясники, и их доспехи были густо покрыты кровью павших.

Если раньше сражение производило немыслимый шум, то теперь он стал поистине нестерпимым, даже вопли отчаяния и ярости были в нем неразличимы. Все отдельные звуки заглушали постоянный рев орудий и беспрерывные взрывы, слившиеся в непрекращающийся гул. То, что начиналось как сражение, превратилось в истребление, каждую группу лоялистов со всех сторон обстреливали шквальным огнем, а затем немногих оставшихся в живых добивали цепными мечами.

Мортарион уничтожал лоялистов широкими взмахами своей боевой косы, его пробитый пулями плащ развевался под порывами горячего ветра, а следующие за ним Гвардейцы Смерти сокрушали противника очередями болтерного огня и неутомимо продвигались вперед, не нарушая строй, не сбиваясь с шага.

Во главе Детей Императора встали лорд-командир Эйдолон и мастер меча Люций. Они вели свои отряды в самую гущу боя, убивая врагов мастерскими ударами мечей и непереносимыми звуковыми частотами. Мастер меча шел по полю битвы, словно танцуя, и его терранский клинок повсюду оставлял кровавые следы, а сам Люций смеялся и подпевал слышной ему одному мелодии.

Марий Вайросеан и его жуткий оркестр перепахивали окровавленный песок смертельными акустическими волнами, разрывая и доспехи, и плоть пронзительным воем и визгом. В противоположность им, Юлий Каэсорон почти не принимал участия в битве, он слишком увлекся расчленением и осквернением трупов, оставленных его братьями. С его доспехов гроздьями свисали кровавые трофеи, и каждое надругательство над телом врага приносило ему все большее наслаждение.

Апотекарий Фабий, словно стервятник, кружил по полю битвы, останавливаясь над телами павших

Астартес, чтобы забрать геноседя. Его охраняла группа воинов, а отвратительные пигмеи помогали собирать страшную жатву и передавали кровоточащие органы целой процессии носильщиков.

Фулгрима нигде не было видно, могущественный примарх исчез, уничтожив последних морлоков Легиона Железных Рук, но и в его отсутствие воины продолжали сражаться с безумным ликованием.

После того как в победе уже не оставалось никаких сомнений, Воитель тоже вышел на поле битвы в сопровождении Фалька Кибре, отряда Юстаэринских терминаторов и оставшихся в живых морнивальцев. Свет пожаров отбрасывал на великолепные черные доспехи Воителя и его янтарный нагрудник кровавые отблески.

Поле битвы на Истваане V покраснело от крови. Уже никто не противостоял мятежу Хоруса, отдельные израненные смельчаки сражались уже только за свою честь.

Кое-где яростное сопротивление лоялистов имело успех, и отдельные группы героев, неся на себе раненых, пробивали путь к нескольким уцелевшим десантным кораблям.

Отряд Гвардейцев Ворона сумел прорваться сквозь ряды Детей Императора, поскольку те, слишком поглощенные чувственной стороной происходящего и сосредоточенные на своих ощущениях от ран и смерти, не смогли ответить им должным образом. Капитан в черных доспехах возглавил прорыв и прорубил дорогу к уцелевшему «Громовому ястребу», а его воины вынесли на себе жестоко изрубленное тело своего примарха.

Нигде не было видно Вулкана, а его Астартес были окружены плотным кольцом Повелителей Ночи и воинов Легиона Альфа. Шквал болтерного огня изрешетил храбрых уроженцев Ноктюрна, и почти все они погибли на месте. Лишь кое-кому из Саламандр удалось уцелеть в этой бойне. Последовав примеру Гвардии Ворона, они пробились к своим кораблям и получили надежду на спасение.

Несколько оставшихся в живых воинов Железных Рук объединились с Саламандрами, и отважным храбрецам удалось избежать уничтожения в ужасной резне, но в общем масштабе битвы это были лишь редкие исключения.

Через несколько часов сражение затихло, и на черном песке Истваана V остались лежать мертвые тела воинов трех Легионов.

Вечно серое небо Истваана V озарилось оранжевыми отблесками тысяч погребальных костров. Огонь окрашивал взрытый и оплавленный песок в теплые тона, а над ним к самому небу поднимались черные столбы дыма. Люций следил за падающими, словно снег, хлопьями пепла и ловил их, высунув язык, чтобы ощутить дымный, маслянистый вкус мертвых.

Рядом с ним потухшими остекленевшими глазами за кремацией погибших наблюдал лорд-командир Эйдолон, и его туго натянутая на череп кожа поблескивала в свете костров.

— Нам надо скорее двигаться дальше, — произнес Эйдолон. — Не стоит тратить время на бессмысленные ритуалы.

В душе Люций с ним соглашался, но в присутствии верных Хорусу тысяч Астартес, заполнивших Ургалльскую долину, он предпочитал держать свое мнение при себе. Все участники битвы собрались вокруг громадного помоста, воздвигнутого темными механикумами в рекордно короткие сроки. Едва солнце стало склоняться к горизонту, черные панели помоста вспыхнули алым пламенем.

Сооружение представляло собой несколько цилиндров последовательно уменьшающегося диаметра, поставленных друг над другом. В основании находилась платформа приблизительно в тысячу метров диаметром, которая была занята Сынами Хоруса. После недавней великой победы уже никто не сомневался в превосходстве элитной гвардии Хоруса над прочими Легионами. Каждый из Сынов Хоруса теперь носил блестящий

отличительный знак, и огни костров ярко играли на их броне.

Над нижней, блистающей платформой была воздвигнута вторая, где расположились старшие офицеры Легиона. Люций различал массивный силуэт Абаддона, а рядом с ним — Хоруса Аксиманда. Остальных он не знал, но все его внимание было сосредоточено на следующей ступени.

Над старшими офицерами Сынов Хоруса стояли примархи.

Даже на таком расстоянии захватывало дух при виде грандиозного собрания выдающихся личностей. На предпоследнем выступе парадного помоста собрались семь полубогов, еще в покрытых кровью врагов доспехах и накидках, развевающихся под порывами пронизывающего ветра.

После кромешных дней на Истваане III Люций знал Ангрона и Мортариона и за время этой кампании мог еще раз убедиться в их могуществе. Его собственный примарх долгие десятилетия был для Люция примером для подражания,

но сейчас Фулгрим стоял в стороне от своих братьев, словно пренебрегал их дружбой.

А остальные... Остальных Люций до сих пор не знал, но их присутствие вызывало молчаливое благоговейное восхищение у всех собравшихся. И Высокий Лоргар, примарх Несущих Слово, лишь недавно прибывший на Истваан V, стоял, гордо выпрямившись, и ярко-алый плащ окутывал его гранитно-серые доспехи, словно погребальный саван. Блистательный Альфарий в пурпурно-зеленых доспехах держался напряженно, словно пытался превзойти всех присутствующих своим великолепием. Угрюмый Пертурабо тоже оставался в стороне от своих братьев, и огонь отбрасывал багряные блики на его блестящие доспехи и огромный боевой молот. Украшенные молниями доспехи Ночного Охотника казались чернее, чем самая беззвездная ночь, а его шлем в виде черепа был единственным светлым пятном среди теней, окутавших примарха Повелителей Ночи.

И наконец, на самом верхнем цилиндре, примерно сотней метров выше примархов, стоял Воитель, в приветственном салюте поднявший вверх руки в когтистых перчатках. С его плеч ниспадала шкура какого-то громадного зверя, и свет костров ярко блестел на янтарном Оке, украсившем нагрудник.

Невидимый источник света заливал Воителя снизу красноватым сиянием, придавая сходство с величественной статуей легендарного героя, смотрящего с высокого постамента на бескрайнее море своих последователей.

Как только солнце окончательно скрылось за горизонтом, над Ургалльской долиной взревел двигатель десантного судна, и бронированный корабль, пролетая над могучим воином, качнул крыльями в салюте. Тотчас воины разразились приветственными криками, словно по команде вырывавшимися из десятков тысяч глоток.

Люций и сам был захвачен общим энтузиазмом и присоединил свой голос к общему хору. Громогласные крики вызвали

в его измененных нервных центрах мощную волну наслаждения. Высокие пронзительные вопли Детей Императора странно выделялись в общем гуле обожания и преклонения, а их экстатический визг и вовсе казался неестественным для голосовых связок смертных.

Десантный корабль едва успел пролететь над головами, как тысячи воинов начали бить кулаками по нагрудникам, салютуя Воителю. По какому-то незаметному сигналу на северном склоне Ургалльской долины вспыхнул огонь, и ослепительный лазерный луч вывел на облаках контур пылающего глаза.

Появление на земле Истваана V Ока Хоруса было встречено новой бурей восторженных криков, и воины едва не охрипли, выражая свой восторг. В честь Воителя прогремели залпы из сверхтяжелых танковых орудий, и даже колоссальный титан «Диес Ире» склонил свою бронированную голову в знак уважения.

Пепел сгоревших тел, словно конфетти, продолжал падать на огромную

армию. Люций ощутил в душе неизмеримый восторг успеха и самому себе поклялся не знать отдыха на службе силам, воплощенным в Воителе. Даже смерть не властна над его мощью. Затем мощные громкоговорители словно взорвались звуком, донося до каждого Астартес гулкий голос Хоруса, и Люций в волнении крепче сжал рукоять меча.

— Мои храбрые воины! — начал Хорус. — Мы многого достигли, но еще больше предстоит сделать. Благодаря отваге, мудрости и силе мы разбили тех, кто стоял на пути к моей великой мечте, но сегодняшняя победа будет обесценена, если мы не двинемся дальше. — Хорус потряс над головой когтистым кулаком и продолжал: — Дорога на Терру открыта. Пришло время объявить войну Императору в его самом неприступном логове! Приготовления для решающего вторжения на Терру и атаки Императорского дворца не займут много времени. Не допускайте ошибок, и мы победим, братья мои! Это будет нелегко, поскольку Император и его приспешники из всех сил будут

препятствовать, способствуя его возвышению к божественности. Нет сомнений, что будет пролито немало крови, как их, так и нашей, но наградой нам станет вся Галактика.

Хорус помедлил, давая возможность слушателям осознать важность его слов, а потом закричал во весь голос, так что его вопрос разнесся по полям Истваана V:

— Братья, вы со мной?!

Люций закричал вместе со всеми, и оглушительные крики «Аве, Хорус! Аве, Хорус!» взметнулись к освещенным кострами небесам, а потом долго отзывались эхом в темных развалинах.

В стенах полуразрушенной крепости Истваана V блики погребальных костров еще играли на гладких базальтовых стенах. Армия Воителя покидала пятую планету, и пыль, выбитая из стен и потолка ветром от корабельных двигателей, густо висела в воздухе. Хорус, довольный тем, что все идет по плану, проводил взглядом очередную эскадрилью штурмкатеров, поднявшую тучи песка и

осветившую площадку голубыми огнями дюз.

Его братья-примархи выводили свои армии на завоевание имперского космоса, и Хорус был уверен, что каждый из них понимает необходимость беспрекословного подчинения его приказам. Благодаря посту Воителя он командовал всеми вооруженными силами Империума от самых больших ударных флотилий до последнего рядового армии, и зрелище собравшейся по его воле грандиозной военной мощи внушало непоколебимую уверенность.

Со времен Улланора еще не было столь многочисленного собрания героев, и Хорус потрачнел, снова вспоминая удивительный мир зеленокожих и последнюю встречу с отцом. Время не стояло на месте, и ему открылись многие тайны, но сожаление о том, что события происходят слишком быстро, чтобы он мог их контролировать, будило беспокойство в самых отдаленных уголках его мозга.

Он отвернулся от окна и налил бокал вина из стоящего на столике медного

кувшина. Осушив кубок одним глотком, Хорус налил себе еще вина, и тут от входной двери донесся частый стук.

Хорус поднял голову и, увидев на пороге Фулгрима с позолоченным ларцом в руках, потрачнел еще больше.

Когда-то они были близкими друзьями, но, с тех пор как Хорус переманил его на свою сторону, в Фулгриме произошли перемены. Его брат всегда стремился к совершенству, но сейчас он просто наслаждался процессом, вместо того чтобы идти точно к намеченной цели.

Брат пришел в доспехах, но броня сияла такой чистотой и нетронутостью, словно Фулгрим никогда и не приближался к полю боя. С плеч струился длинный плащ из сверкающей золотой чешуи, а в сочленениях пластин сверкала серебряная кольчужная рубашка. То, что раньше смотрелось как полностью закрытый боевой комплект, сегодня выглядело костюмом театрального актера.

— Воитель, — произнес Фулгрим.

Хорус отметил, что голос его брата

чуть-чуть изменился, в нем прозвучало нечто столь малозаметное, что могло быть отмечено только его безукоризненным слухом. Он поднес к губам бокал, отпил глоток и жестом пригласил Фулгрима войти в свои личные покои.

— Ты просил у меня личную аудиенцию, Фулгрим, — сказал Хорус. — О чем ты хочешь мне поведать втайне от остальных наших братьев?

Фулгрим, прежде чем открыть шкатулку, с улыбкой поклонился:

— Мой уважаемый господин и повелитель, я принес тебе трофей.

Фулгрим запустил руку в шкатулку и достал оттуда обещанный трофей с поля битвы. Едва не вздрогнув от ужаса, Хорус узнал отрубленную голову Ферруса Мануса.

Плоть помертвела и стала серой, глаза бывшего брата были вырваны, и на лице остались лишь окровавленные глазницы, челюсть отвисла, а из разбитого черепа торчал осколок кости.

Феррус стал врагом, но вид его осквернённых останков был отвратителен

Хорусу. Однако он постарался скрыть свои чувства.

Ловким движением запястья Фулгрим бросил покрытый запекшейся кровью подарок к ногам Воителя. Голова Ферруса Мануса прокатилась по полу и остановилась, уставившись на Хоруса обвиняющим взглядом опустевших глазниц.

Хорус, отведя взгляд от мертвой головы, обратил внимание на Фулгрима. И вновь, как и в тот раз, когда брат пришел к нему с известием о своей неудачной попытке привлечь к мятежу примарха Железных Рук, его беззаботность вызвала в душе взрыв ярости.

Но, как ему это ни претило, Хорус понимал, что должен ответить благодарностью.

— Отличная работа, Фулгрим. Ты победил одного из наших злейших врагов, как и обещал. Но я не понимаю, почему для своего подарка ты предпочел личную встречу. Неужели ты не хочешь, чтобы братья поздравили тебя с таким успехом?

Фулгрим рассмеялся, но тембр его

голоса вызвал волну ледяного холода, пробежавшую по спине Хоруса. Он вспомнил, где и когда слышал отголоски этой древней злобы... В голосе Зар'Келла — существа, призванного Эребом в капище «Духа мщения».

— Фулгрим! — воскликнул Хорус. — Объяснись.

Примарх Детей Императора покачал головой и погрозил Хорусу пальцем:

— При всем уважении к могущественному Хорусу, должен заметить, что ты обращаешься уже не к Фулгриму.

Хорус заглянул в темные глаза брата и увидел в них то, что скрывалось за надменностью и высокомерием. Душу брата заполнила тьма, та самая древняя тьма, что с пронзительным воплем вырвала себя из мрака, порожденного умирающей расой.

Это существо было старым, как небеса, и свежим, словно рассвет. Оно было бессмертным и обладало бесконечным запасом злобы.

— Ты не Фулгрим, — выдохнул Хорус,

внезапно насторожившись.

— Нет, — согласилось существо с лицом его брата.

— Тогда кто ты? — потребовал ответа Хорус. — Шпион? Убийца? Если ты пришел меня убить, предупреждаю, что я не такой слабак, как Фулгрим. Я сумею тебя сломать прежде, чем ты посмеешь поднять на меня руку!

Фулгрим пожал плечами и бросил на пол шкатулку. Она с грохотом упала рядом с головой Ферруса Мануса. Хорус предупреждающе выпустил из рукавиц энергетические когти.

— Возможно, ты сможешь меня победить, — сказал Фулгрим, пересек комнату и налил себе вина. — Но у меня нет охоты испытывать наши силы в бесполезной и неплодотворной схватке. Напротив, я пришел сюда, чтобы предложить тебе свои услуги.

Хорус бросил взгляд на пояс Фулгрима и немного расслабился, увидев, что существо, маскирующееся под его брата, пришло к нему без оружия. Какую бы цель оно ни преследовало, драка в его

намерения не входила.

— Ты еще не ответил на мой вопрос, — сказал Хорус. — Кто ты или что ты?

Фулгрим усмехнулся и медленным движением языка облизнул губы.

— Кто я? Я считал, что для того, кто уже имел дело с созданиями нашего племени, это очевидно.

И снова Хорус ощутил холод, совсем как тогда, когда Повелитель Теней присутствовал в каменной пещере ложи, в недрах его флагманского корабля.

— Значит, ты порождение варпа?

— Точно. Я тот, кого на твоем невыразительном наречии называют демоном. Слово слишком бедное по значению, но этого будет достаточно. Я смиренный слуга Принца Тьмы, эмиссар, пришедший помочь тебе в твоей маленькой войне.

Хорус чувствовал, как возрастает его гнев с каждым покровительственно-пренебрежительным словом, срывающимся с губ существа. На кону стоит судьба Галактики, а нахал, посмевший узурпировать тело его родственника,

имеет дерзость называть этот конфликт «маленьким»!

Существо, недавно бывшее фулгримом, отвернулось от Хоруса и прошлось по комнате из конца в конец, осматриваясь, словно никогда не видело подобного помещения.

— Я присвоил себе эту смертную оболочку и должен признаться, она мне понравилась. После перехода в плоть я испытываю совершенно уникальные ощущения, хотя, надо сказать, оболочка требует некоторой доработки. Но этим я займусь позже.

У Хоруса при мысли о подобном осквернении тела по коже побежали мурашки.

— А что с фулгримом? Где он?

— Не беспокойся, — рассмеялся демон варпа. — У нас с фулгримом были долгие... и непростые отношения, и я, конечно, не желаю ему зла. В течение некоторого времени я проникал в его сознание, негромко давал советы в часы ночной бессонницы, вводил его в заблуждение, успокаивал и направлял.

Хорус увидел, что демон провел руками по выложенным из песчаника стенам и прикрыл глаза, смакуя ощущение шероховатой поверхности камня.

— Направлял его? — переспросил Хорус.

— О да! — воскликнул выходец из варпа. — Я заставил его поверить, что не стоит сомневаться в твоих намерениях. Он, конечно, сопротивлялся, но я умею быть убедительным.

— Ты заставил Фулгрима присоединиться ко мне?

— Конечно! Неужели ты считаешь себя настолько хорошим оратором? — насмешливо спросил демон. — Тебе стоило бы меня поблагодарить за то, что я затуманил его проницательность и присоединил его силы к твоим. Если бы не я, он давно рванул бы к Императору, вопя о готовящемся предательстве.

— Ты считаешь, что я тебе что-то должен, и дело только в этом? — спросил Хорус.

— Ни в коем случае. В конце концов, Фулгрим был слишком слаб, чтобы

осуществить свои собственные устремления, — пояснил демон. — Он испытывал желание нанести своему брату смертельный удар, но без моей помощи слабость не позволила бы ему это сделать. Я просто дал ему сил осуществить то, что он задумал.

— Но где он сейчас?

— Я уже говорил тебе, Хорус, — заметил демон. — После содеянного им Фулгрим сильно страдал и не смог вынести душевных мук. Он умолял меня помочь ему покончить с жизнью, но я не стал его уничтожать, это было бы слишком прозаично. Вместо этого я обеспечил ему вечный покой, хотя, как мне кажется, не совсем такой, каким он его себе представлял.

— Так Фулгрим мертв? — спросил Хорус. — Отвечай, будь ты проклят!

— О нет. — Демон усмехнулся и постучал себя по виску длинным пальцем с заостренным когтем. — Он здесь, внутри меня, и в полной мере сознает все происходящее. Однако, я думаю, ему не слишком нравится быть запертым в

таком далеком и темном уголке его души.

— Ты уже завладел его плотью, — сердито бросил Хорус и с угрожающим видом шагнул к демону. — Если он тебе больше не нужен, дай ему умереть.

Но демон с довольной ухмылкой покачал головой:

— Нет, Хорус, я этого не сделаю. Его стенания доставляют мне немалое удовольствие. Я не хочу, чтобы он рассеялся, поскольку наши споры меня слишком забавляют, и не думаю, что это занятие когда-нибудь мне наскучит.

Хорус ощутил лишь отвращение к судьбе, постигшей его брата, но пока решил не показывать свои чувства. В конце концов, разве демон уже не заявил ему о своей поддержке? Это существо определенно обладает огромной силой, а если оповестить Детей Императора о том, что их примарх все равно что мертв, вряд ли стоит потом рассчитывать на их верность.

— Ладно, можешь пока попользоваться фулгримом, — сказал Хорус. — Только держи свою личность в секрете от

остальных, или, клянусь, я найду способ тебя уничтожить.

— Как пожелаешь, могущественный Воитель, — согласился демон и отвесил преувеличенно почтительный поклон. — Все равно у меня нет никакого желания объявлять о своей личности всем остальным. Пусть это останется нашим с тобой секретом.

Хорус кивнул, но в душе поклялся себе освободить брата, как только представится возможность, поскольку никто не заслуживал такой ужасной судьбы.

Но какая сила может заставить демона отступить?

На орбите Истваана V было полно кораблей, словно в загруженном доке какого-нибудь планетарного порта. Корабли восьми Легионов завершали построение перед отбытием в зону варп-прыжка. Над темной пятой планетой собралось более трех тысяч кораблей, под завязку набитых присягнувшими Воителю войсками.

С поверхности планеты с удивительной скоростью поднимались последние танки и чудовищные боевые машины; самая большая за всю историю Великого Крестового Похода армада готовилась разжечь огонь войны в самом сердце Империума.

После того как с Регула пришло сообщение о переходе власти над планетой в руки последователей Хоруса, для флотилий Ангрона, Фулгрима, Мортариона, Лоргара и личного Легиона Хоруса местом встречи был выбран Марс. Миры-кузницы Гамма и Оккуллум освободились от контроля имперских сил, и теперь заводы Марса могут снабжать армии Воителя.

Энергичные воины Легиона Альфа были избраны Хорусом для очень важной миссии, от выполнения которой мог зависеть исход всего предприятия. Было известно, что Космические Волки Лемана Русса, закончив сражение с Тысячей Сынов Магнуса, должны были оставаться в системе Просперо. Неподалеку от них, в системе Хондакс, базировались Белые

Шрамы Джагатая Хана, и, получив известие о восстании Хоруса, они наверняка попытаются связаться с Космическими Волками. Хорус не мог допустить возникновения столь значительной угрозы, а потому воинам Альфария предстояло разыскать и уничтожить эти Легионы, до того как они объединят свои силы.

Флотилия Ночного Охотника уже отправилась к планете Цагуалса на Восточном Рубеже, скрытой в тени огромного астероидного пояса. Оттуда вселяющие ужас войска Повелителей Ночи должны начать кампанию геноцида против имперских владений — Геролдара и Трамаса. Если они не смогут овладеть данными системами, фланги Воителя при нападении на Терру останутся слишком уязвимыми. Особую важность представляла система Трамас, поскольку там располагалось несколько мировкузниц, еще хранивших верность Императору.

Корабли Железных Воинов готовились к походу в систему Фалл, где,

как стало известно, после неудачной попытки пробиться к Истваану V перегруппировывалась большая флотилия Имперских Кулаков. Хотя воины Рогала Дорна не принимали участия в побоище, Воитель не мог допустить, чтобы столь значительная армия оставалась без дела. Соперничество между мрачным Пертурабо и гордым Дорном было известно всем, так что Железным Воинам будет только в радость завязать бой с братьями.

Теперь, когда фланги были прикрыты, а все силы, которые способны защищать сердце Империума, вовлечены в военные действия, ворота на Терру оказались широко распахнуты.

Одна за другой флотилии мятежной армии Воителя отправлялись в долгий путь к планете, откуда все они начинали Великий Крестовый Поход, и каждый корабль, прежде чем окончательно исчезнуть в темноте, прорезал небо серебристым штрихом.

Вскоре на орбите Истваана V остались только Сыны Хоруса.

Через прозрачный колпак, окружавший

его трон на стратегической палубе «Духа мщения», Воитель с непроницаемым видом наблюдал за вращением темной пятой планеты по эллиптической орбите.

Заслышав за спиной шаги, он обернулся и увидел ковылявшего к нему Малогарста с электронным планшетом в руке.

— Что ты мне принес, Мал? — спросил Хорус.

— Донесение, мой господин, — ответил советник.

— От кого?

Малогарст улыбнулся:

— От Магнуса Рыжего.

«Ла Фениче» превратился в руины. Демон, завладевший телом Фулгрима, пробирался сквозь завалы, оставшиеся после исполнения величайшего и последнего произведения Бекьи Кински, и улыбался, вспоминая сопровождавшие концерт проявления жестокости и похоти. Зал был освещен несколькими сохранившимися, но сильно потускневшими огнями рампы. В воздухе стоял запах крови и похоти, пол

стал липким от загустевших жидкостей и белел обломками костей.

Власть Принца Тьмы наполнила этот огромный театр и вошла в каждое живое существо, разрушив все сдерживающие барьеры между желанием и деянием.

Да, это было грандиозное представление, и слуги его повелителя отлично попировали на проявленных здесь эмоциях, прежде чем избавиться от заимствованной плоти и вернуться в варп.

Вокруг в изобилии были представлены свидетельства проявленной силы его господина: осквернённые останки, яркий шедевр из крови и выделений, намалеванный на стене, скульптура из плоти, сооруженная из кусков расчлененных тел.

На первый взгляд демон все еще сохранял формы украденного тела, но уже проявились некоторые признаки нового облика, который будет ему более приятен. Вокруг него появилась вибрирующая аура силы, а кожа стала поблескивать, передавая внутреннее сияние.

Демон промурлыкал первые такты увертюры «Маравильи» и вытащил из ножен меч. Золотая рукоять сверкнула в гаснущих огнях рампы. Он забрал Анафем из студии Остиана Делафура, хотя и сильно удивился, обнаружив на его лезвии еще одно тело. В сморщенном трупе с трудом можно было узнать Серену д'Анжело, но демон, прежде чем отправиться в «Ла Фениче», почтил ее смерть, совершенно изуродовав останки.

Он поднес меч к лицу и с усмешкой взглянул на измученную душу Фулгрима, отраженную в мерцающей глубине лезвия. Он услышал ее безмерную скорбь, и каждый вопль отчаяния звучал для него самой приятной музыкой.

Такие моменты доставляли ему немалое удовольствие, и демон ненадолго остановился, чтобы насладиться плодами своего влияния на Фулгрима. Третий Легион — легион глупцов — не имел ни малейшего представления о том, что их возлюбленный предводитель безуспешно пытается освободиться от сковавших его уз.

Только мастер меча Люций, кажется, заметил что-то неладное, но и он ничего не сказал. Демон ощутил в воине растущее влияние варпа и подарил ему серебряный меч, в который лаэры умудрились заключить частицу его сущности. Хотя теперь оружие не содержало его духа, в лезвии остались силы, которые помогут мастеру меча в грядущие годы резни.

Мысль о предстоящих бойнях вызвала у демона улыбку, он заранее предвкушал свои будущие действия в украденном теле. Ощущения, которые в варпе можно было только представлять, в царстве смертных станут для него реальностью, и на пути к Терре его ожидают целые океаны крови, похоти, ярости, страха, восторга и отчаяния. В распоряжении Воителя имеются миллиарды душ, и, командуя Легионом, он сможет достичь небывалых высот ощущений.

Демон прошел к сцене и поднял взгляд на большое полотно, висевшее над руинами просцениума. Даже в умирающем свете рампы картина производила

ошеломляющее впечатление.

Блестящая золотая рама держала холст в объятиях, и демон не мог сдержать улыбки перед удивительным совершенством. Если раньше смертные, осмелившиеся бросить взгляд на портрет, видели только отвратительную, агрессивную мазню, то теперь он поразил бы любого своей красотой.

Фулгрим в великолепных пурпурно-золотых доспехах был запечатлен на фоне ворот Гелиополиса, и над ним трепетали пылающие крылья огромного феникса. Огонь легендарной птицы сиял на его броне, и каждая пластина, казалось, пылает его раскаленным жаром, и волосы ниспадают на плечи золотым водопадом.

Примарх Детей Императора был изображен с любовью и тщанием, предельным вниманием к каждой детали, малейшему нюансу. Кисть мастера смогла передать и величие, и неземную красоту, и жизненную силу Фулгрима. Демон знал, что более верного и искреннего изображения воина нет и никогда не будет, и единственный взгляд, брошенный на

этот шедевр живописи, убеждал в том, что в Галактике еще есть чудеса.

Фулгрим с портрета смотрел на руины театра и на чудовище, завладевшее его телом. Демон усмехнулся, увидев в его глазах ужас, который невозможно было приписать мастерству художника. Всепоглощающая агония горела в этом взгляде, а когда демон убрал меч в ножны и поклонился, портрет, казалось, следил за каждым его движением.

Огни рампы задрожали и погасли, демон отвернулся от портрета и направился к выходу, оставляя последнего феникса в вечной тьме.